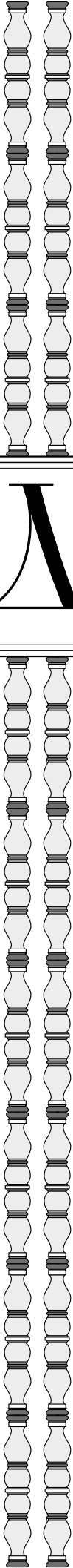

Министерство культуры Ростовской области
Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области
«Донская государственная публичная библиотека»

Д

ОНСКОЙ ременник

В

Год 2021-й

Краеведческий альманах

Выпуск двадцать девятый

Ростов-на-Дону
2020

К ЧИТАТЕЛЮ

Двадцать девятый выпуск «Донского временника» представляет собой сборник краеведческих статей, не публиковавшихся ранее, и отражает новые исследования учёных и краеведов о донском крае, его истории и культуре.

Читателю откроются неизвестные факты биографий выдающегося ботаника Александра Флёрова и его семьи (рубрика «Заботники Отечества»), российского государственного деятеля Б. Б. Кампенгаузена и представителей трёх поколений Севастьяновых из Новочеркасска (рубрика «Человек в истории»), протоиерея Илии Попова, последнего священнослужителя из донской казачьей церковно-священнической династии, а также незаслуженно забытого ростовского зодчего Владимира Якунина.

С информацией о краеведческих мероприятиях всероссийского и областного масштаба знакомит рубрика «Вестник Ростовского регионального отделения Союза краеведов России».

Событиями в культурной жизни области в 2020 году стали Крюковские чтения в Донской публичной библиотеке, посвящённые 150-летию Фёдора Дмитриевича Крюкова, и Шестые Коршиковские чтения под названием: «Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти Юга России», состоявшиеся на двух площадках — в Ростове и Таганроге.

В рубрике «Окно в природу» рассказывается об уникальном явлении — урагане, пронёсшемся над Ростовской областью 24 сентября 2014 года.

Библиографические ссылки в примечаниях к статьям альманаха выполнены в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008, сокращения — с ГОСТом — Р 7.0.12— 2011. Дополнительно принятые сокращения приведены в Списке сокращений.

Сборник снабжён вспомогательным Единым указателем, отражающим сведения об авторах и персонах, географических объектах и предметах.

РЕДАКЦИЯ

Составитель, редактор Л. А. Штавадакер

Ответственный за выпуск Е. М. Колесникова

Сборник подготовлен при участии Ю. А. Безугловой, Н. Н. Зайцевой и В. Ю. Храмова

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. В. Венков

Л. Ф. Волошинова

Е. Д. Ломановская

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАБОТНИКИ ОТЕЧЕСТВА

ПАШИНЬЯН К. Г. Корни и крона. Флёровы 5

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

ВЫСОЦКАЯ Е. П. Четыре жизни баронессы Кампенгаузен 14

ХАЛДАЕВ Е. В. Три поколения Севастьяновых. Неизбежность выбора 34

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

МИНИНКОВ Н. А. «...По войсковому праву казнить...» 56

КАЗАРОВА Н. А. Воспоминания о Ростове профессора Ладыженского 62

ЛАДЫЖЕНСКИЙ А. М. Ростов в годы НЭПа. Публикация Н. А. Казаровой 62

ПОСЕЛЕНИЯ

СКОРИК А. П. Немецкие колонии Тарасовского района в начале коллективизации 68

ОКНО В ПРИРОДУ

ПЕЛИПЕЦ А. В. Ураган в бабье лето 73

СВЕТИЛЬНИКИ ВЕРЫ

СУХАРЕВ А. Г. Бессмертие пастыря (И. В. Попов) 76

СКОРИКОВ Д. Д. «По данному мною обету...» (Ф. Ф. Барабанщиков) 81

МИР ИСКУССТВА

ВОЛОШИНОВА Л. Ф. Зодчий ростовской эпохи «строительной горячки» (В. И. Якунин) 84

СУРКОВА Л. А. Это было недавно — это было давно 87

ВЕСТНИК РОСТОВСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА КРАЕВЕДОВ РОССИИ

КОЗЛОВ В. Ф., СМИРНОВА А. Г. Союзу краеведов России — 30 лет 94

ВОРОНИН К. В., КРИНКО Е. Ф. Шестые Коршиковские чтения. Ростов-на-Дону — Таганрог, 17–18 сентября 2020 г. 103

КРЮКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Ростов-на-Дону, 13 марта 2020 г.

ШТАВДАКЕР Л. А. Крюковские чтения на Дону 106

МАЛЮКОВА Л. Н. Писатель забытый и возвращённый 107

ВЕНКОВ А. В. Фёдор Крюков в 1917–1919 годах 112

ФИЛИМОНОВ С. Воспоминания о Ф. Д. Крюкове 115

ДОДА Л. Н. «Архив — это моё вечное поселение на земле» 119

ЧИБИСОВА С. П. «Меня не высылают, а благородно командируют в полк...» (Л. И. Степанов) 125

Письмо Л. И. Степанова Ф. Д. Крюкову. Публикация С. П. Чибисовой 126

МУРАШКИН И. А. Фонд писателя Фёдора Крюкова 128

ШЕСТЫЕ КОРШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти Юга России.

Ростов-на-Дону — Таганрог, 17–18 сентября 2020 г.

МИНОРАНСКИЙ В. А. Город, переживший войну 131

АФАНАСЕНКО В. И. Герои с Ульяновской улицы 138

ГРИНЕНКО В. С. Это был долгий и страшный сон. Предисловие и публикация Е. В. Милосавлевич 141

ВАЛУЙСКОВА О. В., ГОРШЕНИНА В. В. «Необходимо вывезти весь архив...» 143

МАРТЫНЕНКО В. Ю. Уголь — фронту! (г. Шахты в 1941–1943 гг.) 147

МОСКОВКИНА Е. М., РЕУЦКОВА Е. П. Живая память поколений 153

ПАПАРИМОВА М. К. Годы 1930–1940-е. Публикация Е. П. Реуцковой 156

ОРЛОВ М. Т. Из воспоминаний. — В малокомплектной школе. Публикация Е. М. Московкиной 157

ШАПОРЕНКО А. В. Мёртвый гитлеровец, советский полярник и Золотая звезда (И. И. Гетман) 162

ШМЫГАЛЬ И. А. Лагерь смерти в Ростове 165

АГЕЕВА В. А., ГОЛОБОРОДЬКО А. Ю. Диалог памяти — путь к миру (г. Таганрог — г. Люгеншайг) 169

ПРОЩАНИЕ

МАТВЕЕВ Г. А. Памяти друга (М. Г. Багдыков) 175

КАЗАРОВ С. С. Ксения Михайловна Антич 180

ЕДИНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 182

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 186

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 187

Мой соплеменник, современник,
Читатель потаённых книг
Сидит безвыходно, как пленник,
И пишет новый временник.

<...>

О чём подумает потомок,
Вникая в этот временник?

Леонид Григорьян

ЗАБОТНИКИ ОТЕЧЕСТВА

К. Г. ПАШИНЬЯН

КОРНИ И КРОНА. ФЛЁРОВЫ

В годы учёбы на биофаке Ростовского государственного университета (1968 – 1973) одним из моих преподавателей был Владимир Александрович Флёров, сын и ученик выдающегося ботаника Александра Фёдоровича Флёрова, который учился в московском университете у К. А. Тимирязева, И. П. Павлова, И. М. Сеченова.

Казалось, что время сжимается. Абстрактно-далёкая эпоха великих учёных становится ближе, если цепочка лет сплетена из конкретных человеческих судеб.

Ещё школьником в небольшом курортном городе Кисловодске от тётушки Нины Павловны Захарьянц, работавшей в Научной библиотеке РГУ, я получал посылками интересующие меня книги. Среди них были издания, выписанные по межбиблиотечному абонементу, а также купленные у букинистов (этих людей тётушка знала, пожалуй, лучше всех в Ростове и с некоторыми успела познакомить меня, уже студента).

Одним из ранних (я тогда учился в младших классах) был альбом, вручную склеенный, с изображениями птиц, доставшийся ей из семьи Флёровых. Я вновь и вновь рассматривал его, запоминая названия: завирушка лесная, можжевеличный дрозд, клёст-еловик, малиновка...

Тётушка была знакома с Александром Фёдоровичем Флёровым и его сыном Владимиром Александровичем, с Николаем Николаевичем Архангельским, Дмитрием Дмитриевичем Мордухай-Болтовским, Михаилом Григорьевичем Хаплановым... Маститые учёные и молодые в её рассказах словно оказывались рядом, звали в манящий мир студенчества.

С горечью вспоминаю, как мы, студенты, бывали несправедливы к нашему педагогу Владимиру Александровичу Флёрову, требовавшему знать назубок латинские названия по курсу систематики растений.

Спустя годы, в 1987-м, студёной зимой сплошного развала и перестройки, я приехал к нему в Новочеркасск на улицу Бакунина в большую и холодную профессорскую квартиру.

Владимир Александрович ходил по комнатам, кутаясь в плед. В дверь стучала сердоболь-

ная соседка с кефиром и буханкой хлеба. Я уговаривал Владимира Александровича фотографироваться.

Суровый и сосредоточенный, он сел за письменный стол.

Стараясь максимально плотно закомпоновать кадр, я уходил от лишних деталей, беря лишь лицо и руки.

Сегодня, пересматривая старые негативы, вспоминаю известное наставление французского фотографа Анри Картье-Брессона: «Поищите соседний кадр!». То, что в момент съёмки казалось лишним, приобрело совсем другое звучание.

На соседних кадрах запечатлелись фрагменты интерьера некогда комфортабельной и даже роскошной профессорской квартиры.

На снимке рядом с письменным столом – простая железная кровать, покрытая суконным одеялом. Всё, чем прежде была наполнена квартира, аккуратно сложено в коробки и ящики для безвозмездной передачи в музей. От старинных флаконов из-под французских духов до венчальных нарядов отца и матери. От проездных билетов на конку и первые трамваи до книжных раритетов в дорогих переплётах. Отдельно – профессиональные предметы отца: микроскопы и бинокли, химическая посуда, чашки Петри, покрывные стёкла.

Ещё – старинный рояль, фотоаппараты и золотые карманные часы.

В доме Флёровых царил дух бережного отношения к обыденным, казалось бы, вещам: выдавшему виды походному снаряжению, предметам обихода, – ко всему, что составляет понятие «семейный архив» – письмам, платёжным документам, ценным бумагам, фотографиям. За долгие годы сложилось поистине уникальное домашнее собрание, рисующее жизнь и быт русского интеллигента, учёного, путешественника.

Предложения о продаже (в те же музеи) хотя бы части будущих экспонатов отвергались категорически: как можно, родительское!

Карп Григорьевич Пашиньян, фотохудожник, краевед, фотограф-консультант Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова, преподаватель Ростовского художественного училища имени М. А. Грекова, Заслуженный работник культуры РФ

ФОТОГРАФИЯ ПРИРОДЫ
И ФОТОГРАФИЯ В ПРИРОДЕ

Через много лет, разглядывая фотографию Владимира Александровича Флёрова, снятую мной зимой 1987 года, обратил внимание: среди бумаг на его столе, возле окна, запечатлелся контактный отпечаток с негатива, который он дал мне во время предыдущей встречи с просьбой сделать несколько копий. На снимке — его отец в коляске, запряжённой тройкой лошадей, перед выездом в очередную экспедицию в окрестностях Мценска (12 июня 1905 года).

Работать с негативами семейной коллекции Флёровых было необыкновенно интересно. С юности до преклонных лет Александр Фёдорович не расставался с камерой и набором фотопластин любимого формата 13 x 18 сантиметров.

В 1896 году он стал делегатом Первого съезда русских деятелей по фотографическому делу.

Съезд стал поистине вехой в истории отечественной светописы, собрав в Москве немало настоящих подвижников. Из наших земляков делегатами были ростовский мастер Валериан Фомич Петрыковский и Константин Константинович Шаде из Новочеркасска.

Примечательны имена делегатов съезда: Е. Ф. Буринский, криминалист, создатель первого в России специального учреждения — Петербургской судебно-фотографической лаборатории, автор трудов по криминалистике и судебной экспертизе; В. И. Срезневский, автор первого русского справочника по фотографии, вышедшего в 1883 году, создатель нескольких типов камер, а также новых фотографических методов и процессов; И. А. Каблуков, видный учёный в области физической химии; Н. А. Петров, выдающийся фотохудожник, ма-

стер психологического портрета, автор теоретических работ по искусству светописы; А. М. Лавров, редактор журнала «Фотограф-любитель», составитель «Исторического перечня открытий в фотографии» (СПб., 1903); И. И. Карпов, известный конструктор фотоаппаратов.

Получив по почте заказанные в Ленинке (ныне Российская государственная библиотека) фотокопии материалов съезда, я сделал отпечатки и привёз их Владимиру Александровичу. В алфавитном указателе делегатов съезда рядом со строчкой «Фишеръ Карль Андреевич. Кузнецкий мостъ» (известный московский фотограф) значилось: «Флёровъ Александръ Фёдоровичъ. Б. Молчановка, соб. домъ». На титульном листе Дневника съезда [1] было указано, что он прошёл в марте 1896 года под почётным предводительством Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича и имел одной из задач использование фотографии в «применении к наукам, искусствам и техники». Именно этим и занимался отец Владимира Александровича — учёный и фотограф Александр Фёдорович Флёров. Занятия светописью начались у него ещё в гимназии и особенно укрепились в годы близкого общения с К. А. Тимирязевым.

Увлёкшись, Владимир Александрович достал с полки первый том избранных сочинений К. А. Тимирязева и стал читать знакомые строки:

«Ровно триста лет тому назад, в исходе великого XVI века, великого по той роли, которую он сыграл в развитии искусств и наук и ещё более в освобождении человеческого духа от тяготивших над ним вековых оков, под ясным небом Италии, на берегу чарующего Неаполитанского залива, сделано было открытие, плодами которого вполне воспользовались только мы, люди конца девятнадцатого. Сделал его оригинальный человек, наполовину талантливый учёный, наполовину мистик, фантаст Джан Батиста Порта <...>.

Открытие это заключалось в том, что если в тёмной комнате (или в ящике) сделать отверстие, а ещё лучше если прикрыть это отверстие стеклянной чечевицей, то на противоположной стене мы увидим изображение находящихся перед ним домов, деревьев, сагов, статуй, а главное, в наивном восторге восклицает Порта, движущиеся изображения прохожих, до того ясные, что мы можем узнать между ними своих знакомых. Этот прибор, камера-обскура, навеки обессмертил имя Джан Батиста Порта <...>.

Порта не только изобрёл камеру-обскуру, он дал обстоятельное изложение теории стереоскопического видения; более того, он намекал, что устроил трубу, в которую издали можно читать книгу или узнавать знакомых, но торопился добавить: «об этом лучше умалчивать или говорить в таких тёмных выражениях, чтобы вас понимали только люди умные» <...>.

Но, конечно, и сам Порта, несмотря на свою восторженную веру в «натуральную магию», то есть, попросту, в физику и в ту мощь, которую она сообщает человеку над природой, — сам Порта, конечно, не поверил бы, если бы ему сказали, что видимое им изображение можно будет сохранить, что придёт время, когда тысячи туристов, с его камерами через плечо, будут стекаться издали в его родной город и будут закреплять на стекле его очаровательные картины: эти стройные линии, этот вечно курящийся Везувий, а может быть, унесут с собой и клочок этого синего неба, этого лазурного залива, — так как фотографии в естественных красках, несомненно, уже совершившийся факт» [2].

Лекция «Фотография природы и фотография в природе» была прочитана Климентом Аркадьевичем Тимирязевым 19 марта 1895 года в Обществе распространения технических знаний.

Начав в 1892 году научную деятельность, А. Ф. Флёров взял за правило фиксировать на фотопластинках не только ландшафты и типы растительности, памятники природы, эпизоды многочисленных экспедиций, но и результаты лабораторных опытов. Собственными снимками он иллюстрировал научные статьи и книги. Только список диапозитивов, изготовленных им для демонстрации на лекциях, содержит более ста наименований. Это виды озёр и болот, лесные массивы и примеры хозяйственного освоения природных богатств [3].

Будучи приват-доцентом Московского университета, а потом, обучая студентов в Донском политехническом институте и Ростовском государственном университете, профессор Флёров стремился к предельной доходчивости, ясности и точности, чему в немалой степени способствовала им же самим созданная (редкая в то время) база наглядных пособий из диапозитивов и больших фотографий.

Любил Александр Фёдорович фотографировать для семейного альбома. Многие десятки негативов и фотографий — сценки домашней жизни, виды памятных мест, портреты жены и детей, родных, знакомых, коллег-учёных,

А. Ф. Флёров (в центре), слева А. И. Бар, специалист по луговодству, справа Н. И. Андреев, ассистент кафедры ботаники. Новочеркасск, 1916. Фото из семейного архива В. А. Флёрова

групповые фото студентов. Наряду с научными фотографиями эти снимки не только хорошо дополняют личный архив учёного. Они интересны сами по себе, рассказывают о времени и о людях: манере одеваться и позировать перед фотокамерой, особенностях быта, домашней и лабораторной обстановке. Во время путешествий и экспедиций на протяжении более чем полувека Александр Фёдорович снимал виды и типы России. Рассматривая их, невольно понимаешь: значительно быстрее, чем мы порой предполагаем, меняются не только виды городов и сёл, но и, казалось бы, вечные пейзажи земли. Через годы в «нейтральных» снимках отчётливо ощущается время, приметы минувшего — будь то Плещеево озеро или река Дон, Заклязьменский бор или дюны Кавказа.

Из фотографий Александра Фёдоровича Флёрова в разные годы составлялись прекрасные альбомы: «Владимирская губерния» (1897—1904 гг.), «Низовья Дона» (1916 г.), «Пески — дюны Черноморского побережья Кавказа» (1925—1926 гг.). Внушительные размеры стеклянных фотопластин и высокое качество съёмки позволяли получать отпечатки отличного качества.

На одном из снимков — город Александров (Великая Слобода Александрова, упоминающаяся с 1339 года). На негативе в правом верхнем углу по эмульсионному слою процарапано: «г. Александровъ».

Скорее всего, сюжет снят на рубеже XIX и XX веков, когда готовился авторский альбом Флёрова по Владимирской губернии.

Снимок замечательный. Расположив фотоаппарат (несомненно, на штативе), Александр Фёдорович взял в кадр реку Серую с жилыми

и хозяйственными постройками на обоих берегах, деревянные ангары для лодок на воде, буйство крон многочисленных деревьев (не хочется сказать — деревьев).

В центре композиции — Александровский кремль с Троицким собором 1513 года.

По воле Ивана Грозного Александра Слобода семнадцать лет (с 1564 по 1581) являлась некоронованной столицей Руси. Здесь была его легендарная библиотека и первая провинциальная печатня (см. фото на цветной вклейке).

Другой негатив, напрямую касающийся наших донских мест, обозначен как «Лоцмейстерский постъ». Сюжет уникальный — остров Перебойный с первой в России гражданской радиостанцией, установленной под руководством Александра Степановича Попова для своевременного оповещения отходивших из Ростова судов об уровне воды в донских гирлах [4].

На негативе не обозначена дата съёмки, известно лишь время суток — 15 часов 20 минут (в кадре оказались часы на деревянной колонне возле Лоцмейстерского поста). Впрочем, дату можно предположить. Скорее всего, снято около 1913 года (время приглашения на должность профессора в Донской политехнический институт). Такую подсказку даёт примерный возраст дочери Надежды (родилась в 1903 году), запечатлённой рядом с Александром Фёдоровичем (см. фото на цветной вклейке).

Посещение острова Перебойный было связано с научными интересами Флёрова, изучавшего плавни гирл Дона.

Впрочем, памятные места Отечества встречаются на многих фотографиях семьи Флёровых: Куликово Поле, Смоленск, Суздаль, Дербент...

«...ЧТО СКАЖЕТ НА ЭТО ДОКТОР ФЛЁРОВ»

«К родословной Флёровых. Запись рассказа Александра Фёдоровича Флёрова, немного дополненная» — так озаглавлены два машинописных листа, напечатанные Владимиром Александровичем на старенькой машинке «Москва» [5].

Публикую фрагменты в его авторском изложении:

«Род Флёровых происходит из Тверской губернии. Жил там крестьянин, ни имя, ни фамилия которого не сохранились. Кем-то был он при церкви и, как будто, в волостном правлении в селе Котковом Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. При поступлении в семинарию его сына Григория архиерей повелел ему именоваться впрямь Флёровым, ввиду неблагозвучия якобы

его фамилии, так и оставшейся неизвестной нам. Впоследствии Григорий стал протоиереем вышневолоцкого собора».

У отца Григория, — указано в «Родословной», — было четыре сына и дочь. Один из них, Фёдор Григорьевич, родившийся в 1838 году, окончил медицинский факультет Московского университета.

«Отбыв военную службу на Кавказе и проработав некоторое время земским врачом в Тверской губернии, он вернулся в Москву, где стал ассистентом университетской клиники, а в дальнейшем занялся частной практикой. Он был домашним врачом Марии Николаевны Ермоловой, Климента Аркадьевича Тимирязева, Льва Николаевича Толстого. По укреплению материального положения он приобрёл дом в Москве на Большой Молчановке и подмосковное имение Колпаково. Женился он на Надежде Александровне Васятиной. У них было семеро детей, но взрослого возраста достигли четыре сына — Константин и Владимир, ставшие врачами, Александр, избравший ботанику, и Борис, получивший юридическое образование. Фёдор Григорьевич скончался в 1910 году».

Удивительно: Григорий, что из крестьян, поступая в семинарию, только «получает» фамилию, а сын Фёдор уже врачом пользуется семьи первых лиц России в своих областях деятельности — писателя Толстого, актрисы Ермоловой, учёного Тимирязева!

Объяснение этой природной мощи, ярко проявившейся в следующих поколениях, мы находим и во второй, женской ветви семьи.

Вновь обратимся к «Родословной»:

«Происхождение рода Васятиных кроется в глубокой древности. По семейным преданиям предок их — Васса-Хан или Васса-Тан вышел из Орды при Василии II. При Василии III один из Васятиных был при княжеском дворе. Один из них получил воеводство в Обоянском уезде Курской губернии. Один был казнён Иваном Грозным. Один из Васятиных был и при Алексее Михайловиче. При Петре они отошли от придворной жизни и удалились в свои поместья. Позднее один из них принял участие в войнах против Наполеона».

Род Васятиных по мужской линии закончился генерал-майором Александром Васятиным. Он был женат на католичке, принявшей православие, происходившей, по неподтверждённым сведениям, из австрийских немцев, и звавшейся Екатериной. Их дочь Надежда Александровна родилась в 1837 году, скончалась в 1923 году в возрасте 86 лет».

Остаётся добавить, что машинописную запись родословной Владимир Александрович Флёров обозначил двумя годами: 1929-м и 1985-м, соединив текст отца и материалы своих собственных разысканий.

Ключевыми фигурами выступают его дед врач Фёдор Григорьевич Флёров (1838 – 1910) и бабушка Надежда Александровна, урождённая Васятина (1837 – 1923). Из их детей особенно выделяются Константин и Александр.

Константин Фёдорович Флёров (1865 – 1928) был выдающимся врачом-инфекционистом. В Московском университете читал приват-доцентский курс на базе Сокольнической (ныне 7-й туберкулёзной) больницы по заразным болезням ещё до момента образования кафедры инфекционных болезней.

В 1918 году был избран профессором 1-го Государственного Московского университета. Являлся секретарём Совета общества российских терапевтов, членом московского терапевтического общества, общества детских врачей. Автор нескольких монографий о пользе кумыса, по лечению оспы, сыпного и возвратного тифа [6].

Александр Фёдоровичу Флёрову (1872 – 1960), выдающемуся учёному-ботанику, отцу моего педагога Владимира Александровича, посвящена отдельная глава.

Здесь же хочется оправдать название этой главы: обратиться к письмам Льва Николаевича Толстого и воспоминаниям его жены Софьи Андреевны; в этих письмах упоминается семейный доктор Фёдор Григорьевич Флёров.

О врачах чаще пишут в связи с болезнями – своими, своих родных и близких.

Л. Н. Толстой в письмах из Ясной Поляны в московский дом в Долгохамовниковском переулке справляется о здоровье жены:

«1891 г. Мая 10. Я. П. [Ясная Поляна]

...Все у нас благополучны и здоровы, исключая меня, хотя нынче и кашель, и насморк, и головная боль – лучше. Что в тебе нашёл Флёров?» [7, с. 452]

«1893 г. Октября 24. Я. П.

О нас писать нечего, милая Соня. Все здоровы, всё по-старому. А вот ваши дела меня постоянно занимают, и из них твоё здоровье занимает не последнее место. Ты и поехала нездоровая, и писала, что не здорова и Флёров нашёл, что ты не хороша. Напиши о себе да получше...» [7, с. 582]

С. А. Толстая. 1895 год.

«Во время моей болезни созвали консилиум из трёх докторов: Рота по нервным болезням, Сни-

герёва по женским и Флёрова по внутренним. Не вникая, конечно, в моё душевное состояние, каждый предлагал свои средства: Рот – бром, наш домашний доктор Флёров – пить Виши, Снигерёв предполагал начало критического периода, ещё не наступившего, хотя мне шёл 51-й год» [8, с. 391 – 392].

В следующий раз в 1899 году, упоминая доктора Флёрова и словно реабилитируя его за «невникание в душевное состояние», Софья Андреевна записала:

«Лечили меня тогда доктор Усов, милый товарищ сына Ильи по Поливановской гимназии, ещё старый наш доктор Флёров, и приглашали на консилиум профессора Остроумова. Помню, что он, увидев, как я задыхаюсь, поспешно отворил окно, и мне был очень приятен этот весенний, свежий воздух. Флёров приписывал многое расстроенным нервам и говорил полушутя: “Сделайте из неё царицу, исполняйте все её желания и просьбы, не расстраивайте её” [8, с. 541 – 542].

Кажется, что упоминая «старого семейного доктора Флёрова», Софья Андреевна выказывает особое расположение к нему. Нельзя не вспомнить, что её отец Андрей Евстафьевич Берс (1808 – 1868) был гоф-медиком, исполнял обязанности придворного врача и проживал в квартире на территории Кремля. Уважение к труду медика было заложено в ней с детства.

Помимо Софьи Андреевны, упоминания о докторе Флёрове касаются нездоровья третьего сына Толстых Льва Львовича. Его депрессию писатель П. В. Басинский назвал «затяжной и медицински необъяснимой» [9]. Однако именно к медикам и целительному климату зарубежных курортов обращались родители, стараясь помочь сыну.

С. А. Толстая, запись от 1893 года:

«...Отъезд Лёвы за границу с молодым доктором Горбачёвым, выписанным для этой цели в Москву нашим старым доктором Флёровым. Лёва не поправлялся, и решено было отправить его в тёплый климат...» [8, с. 333].

Запись от 1894 года:

«Сына Льва доктора послали за границу, и он уехал в Санны с рекомендованным нам доктором Флёровым молодым врачом Горбачёвым» [8, с. 338].

Беспокоясь о здоровье сына, Лев Николаевич писал Софье Андреевне:

«1894 г. Сентябрь 7. Я. П.

...Очень бы желал, чтобы Лёва попробовал применить мой совет о гимнастике. Самые лёгкие движения, но всё-таки движения с некото-

рым усилием. Что скажет на это доктор Флёров?» [8, с. 221].

Приверженный здоровому образу жизни, Толстой рекомендовал сыну гимнастическое упражнение, но оставлял последнее слово за доктором Флёровым.

НАЗНАЧЕНИЕ В ДОНСКОЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ

В 1913 году Александр Фёдорович Флёров с семьёй приехал на постоянное жительство в Новочеркасск. Это стало счастливым и знаковым событием для нашей науки и культуры. Знак, по В. И. Далю, — признак, примета, предзнаменование.

А. Ф. Флёров в лаборатории Донской опытной станции. 1933 г. Фото В. А. Флёрова

Через два года, в 1915-м, в Ростов в составе Варшавского университета прибыли выдающиеся учёные: вирусолог Д. И. Ивановский, физик А. Р. Колли, математик Д. Д. Мордухай-Болтовской, историк Н. Н. Любович, врачи Н. А. Богораз, К. Х. Орлов, Н. И. Напалков...

В 1934 году Флёров принял приглашение на должность профессора физиологии растений и микробиологии Ростовского государственного университета и оставался в числе педагогов до конца жизни.

Александра Фёдоровича не стало в 1960-м. За три года до этого в университете торжественно отметили его 85-летие и 65-летие научной деятельности.

В годы моего студенчества были ещё свежи воспоминания об этом удивительном человеке. Нас учили его ученики и коллеги.

Через много лет, беседуя с сыном Александра Фёдоровича Владимиром Александровичем, читая документы из его семейного архива, пересматривая многочисленные отпечатки и стеклянные негативы огромной фотоколлекции, я возвращался в годы учёбы, и будто сам профессор Флёров читал нам, студентам, лекции и рассказывал о своей жизни:

«Мне посчастливилось попасть в Московский университет в эпоху его блестящей научной работы, и я горжусь тем, что моими учителями были такие выдающиеся русские учёные, как мой ближайший учитель К. А. Тимирязев, И. Н. Горожанкин, Н. Д. Зелинский, В. В. Марковников, В. И. Вернадский, И. П. Павлов, И. М. Сеченов, А. Д. Столетов, П. Н. Лебедев, Д. Н. Анучин, А. М. Кулагин, М. А. Мензбир, Д. Н. Зернов, Н. А. Умнов... Они и заложили во мне любовь к науке, к природе, к нашему русскому народу и России» [10].

Александр Фёдорович Флёров родился 12 июня 1872 года в имении старинной дворянской семьи Салтыковых в Тверской губернии, где его отец служил земским врачом.

Замечательно само место рождения — имение Михаила Евграфовича Салтыкова (псевдоним Щедрин) — русского писателя и журналиста, редактора журнала «Отечественные записки».

«Ещё в гимназии я увлёкся естественно-историческими науками и уже гимназистом посещал лекции К. А. Тимирязева и других профессоров в Политехническом музее. К. А. Тимирязева и его семью лечил мой отец, и это дало мне возможности получать от него книги по естественной истории и ботанике. Уже студентом я принял участие в 1892 году в экспедиции через Главный Кавказский хребет и на кавказские ледники (Цейский, Зикарский), организованной при содействии профессора Д. Н. Анучина студенческим кружком географов. В дальнейшем я был оставлен К. А. Тимирязевым при кафедре физиологии растений, а по окончании двух лет по рекомендации Климента Аркадьевича я поехал в Варшаву к профессору В. И. Палладину ассистентом» [10].

...Прошли годы. Имя Александра Фёдоровича Флёрова заняло своё место в истории биологии рядом с именами его учителей, выдающихся русских учёных [11].

С 1902 года по 1906-й Флёров работал в качестве приват-доцента Московского университета, читая курсы на двух факультетах: общей микробиологии на медицинском и географии растений на физико-математическом (есте-

ственно-историческом отделении, которое сам и окончил).

10 мая 1902 года Флёров защитил диссертацию «Флора Владимирской губернии» на соискание магистра ботаники в Императорском Юрьевском университете (бывшем Дерптском, ныне Тартуском) [12]. Защита в старейшем университете России была триумфальной — за выдающиеся достоинства диссертационной работы соискателю было решено присвоить степень доктора ботаники и наградить премией А. Г. Фишера фон Вальдгейма (постоянная ботаническая премия Московского общества испытателей природы. — К. П.). За ней последовали золотая медаль имени Турнеффа и Линнея от Международной ассоциации ботанической географии за изучение русских болот и озёр и премия имени А. Я. Герда, педагога, основоположника методики преподавания естествознания, за учебник ботаники, написанный совместно с В. Ф. Капелькиным [13].

С 1905 года Александр Фёдорович работал в Петербургском ботаническом саду в Отделе гербария, под его руководством состоялись крупные экспедиции по изучению растительности Туркестана, Сибири, Зауралья, Забайкальской и Амурской областей.

Среди наград Флёрова — знак «Императорский СПб Ботанический сад» (серебро, эмаль), выпущенный в 1913 году к 200-летию со дня его открытия. Мне довелось фотографировать этот исключительный раритет (ныне экспонат Ростовского областного музея краеведения) для альбома «Серебряная подкова Дона». Знак выдерживает значительные фотоувеличения, настолько тщательна и художественна работа ювелиров. Размеры знака 6,2×4,5 см, тираж очень небольшой. «При этом, — вспоминал Владимир Александрович Флёров, — среди награждённых были не только учёные, но и самые рядовые сотрудники, верой и правдой служившие старейшему ботаническому саду России, носившему имя Петра I».

Значительная часть жизни и научной деятельности Александра Фёдоровича связана с изучением болот и озёр [14]. Он работал на болотных станциях Австрии, Швеции, Финляндии, Швейцарии, Италии. С 1911 года был директором Минской болотной станции — первой в России, ставшей впоследствии Белорусским институтом болотного хозяйства.

С тщательностью истинного учёного и верного любящего сына Владимир Александрович определил по годам этапы научной деятельности отца, его активной полевой работы, в которой

*Знак «Императорский СПб Ботанический сад» принадлежал А. Ф. Флёрову.
Экспонат Ростовского областного музея краеведения.
Фото К. Г. Пашиньяна*

и сам принимал участие. Два из десяти экспедиционных трудов вышли в соавторстве отца и сына [15]. Примечательно, что один из них — «Растительность полуострова Абрау и побережья Анапа-Новороссийск» — относится к исследованиям Юга России, активно продолженным Флёровым в новочеркасский период. Его научные интересы сосредоточились на изучении растительности Дона и Кубани, Терско-дагестанских и Прикаспийских песков, Колхидской низменности и Черноморского побережья Кавказа.

Комплексному ботанико-географическому почвенному и гидробиологическому исследованию древней Колхиды Флёров посвятил девять лет научной работы — с 1928-го по 1937 год. Он определил, что Колхидская низменность представляет собой самостоятельную географическую область и составил список растений, включающий 514 названий видов.

Общий список печатных работ Александра Фёдоровича — свыше трёхсот. И при этом — активная педагогическая работа, участие в работах научных обществ, союзов и конференций, на которых он выступал с докладами по самым широким вопросам ботаники.

...На одном из замечательных стеклянных негативов коллекции Флёровых запечатлён момент семейной прогулки в лес по грибы. В центре композиции глава семьи Александр Фёдорович. Слева жена Елизавета Вениаминовна со старшей дочерью Надеждой. Впереди — младшая дочь Вера. Снимали на неизменную форматную камеру 12×18 см сыновья Владимир и Борис (см. на цветной вклейке).

Из моего дневника. Февраль 1987 года.
Владимир Александрович Флёров о семье и семейных фотографиях:

«Памятен снимок с отцом, которого мы очень ждём из Сибири после перенесённого там в тайге манчжурского тифа. В кадре мы, старшие дети, Надя и Володя, 1908 год.

Сохранилось множество фотографий мамы с нами, детьми и другими родственниками.

В. А. Флёров с мамой Елизаветой Вениаминовной. Новочеркасск, 1961 г. Фото из семейного архива В. А. Флёрова

Мама Елизавета Вениаминовна (1878–1969), в девичестве Успенская, получила общее образование в Мариинском институте, увлекалась историей, поступила на Высшие женские курсы, но вынуждена была оставить учёбу по семейным обстоятельствам. Одна из её четырёх сестёр Надежда училась в Московской консерватории вместе с Антониной Васильевной Неждановой. Ещё у мамы было пять братьев, двое из которых погибли во время Первой мировой войны.

Выйдя замуж за Александра Фёдоровича, мама посвятила жизнь семье, нам, четверым детям.

Дочь Надежда Александровна (1903–1942), желая стать художником, поступила в Донской педагогический институт, где специальные предметы преподавали Анна Ивановна Менделеева и Иван Иванович Крылов. Завершила образование в Высших художественных мастерских, работала как художник для изданий Ботанического института. Погибла вместе с семьёй.

Сын Борис Александрович (1908–1980) после окончания Московского автомеханического института с 1933 года был ведущим конструктором завода КИМ (Коммунистический интернационал молодёжи). Первую военную зиму он провёл в Ульяновске, став одним из основателей

автомобильного завода в Миассе, где и работал многие годы.

Младшая дочь Вера Александровна (1913–1936), ставшая геологом-разведчиком, работала в Кабардино-Балкарии. Погибла во время стихийного бедствия».

О себе Владимир Александрович сказал коротко: «Сын Владимир избрал ботанику».

Владимир Александрович Флёров был с ранних лет ближайшим помощником отца в экспедициях и лабораторной работе. Защитил кандидатскую диссертацию, известна его монография «Дикорастущие лекарственные растения» [16]. Ещё он был хранителем семейного архива, исследователем научного наследия отца.

О своей младшей сестре Вере, родившейся в Новочеркасске в год переезда семьи на Дон и погибшей в геологической экспедиции в возрасте двадцати трёх лет, говорил с нескрываемым волнением.

Имя Веры Александровны, девочки-подростка с публикуемой семейной фотографии, стоит рядом с именем её знаменитого отца в энциклопедических справочниках.

«В 1931 поступила на горно-геологический факультет НПИ. На полевую практику в составе небольших поисковых партий выезжала в Приэльбрусье в 1932 и 1934. В последнюю из них, ещё будучи студенткой, обнаружила в кварцевых обломках вкрапление молибдена. Это послужило стимулом к глубокой разведке месторождения полезных ископаемых вблизи горного хребта Тырнауз. <...> Вершина горы, где был найден молибден, носит название “Пик Веры”...» [17].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дневник состоящего под почётным председательством Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Александровича Первого съезда русских деятелей по фотографическому делу. 1896. 28 марта. № 1.

2. Тимирязев К. А. Избранные соч. в 4-х т. Т. 1 : Солнце, жизнь и хлорофил. М. : Гос. изд-во с.-х. лит., 1948. С. 226 – 228.

3. Флёров А. Ф. Список диапозитивов. Копия. // Лич. арх. авт.

4. Захарьянц Г. П., Иноземцев Г. А., Семернин П. В. Ростов-на-Дону. 1749–1949. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1949. С. 93.

5. Флёров В. А. К родословной Флёровых : Запись рассказа А. Ф. Флёрова, немного дополненная // Лич. арх. авт. (машинопись).

6. Флёров Константин Фёдорович // Сеченовский университет : [сайт]. URL <https://www.sechenov.ru/univers/structure/institute/institut-klinicheskoy-meditsiny/kafedry-klinicheskoy-mediciny-im-Sklificovskoro/kafedra-infektsionnykh-bolezney/history/flerov/> (дата обращения: 9.08.2020).

7. Толстой Л. Н. Полное собр. соч. /под общ. ред. В. Г. Черткова Т. 84 : Письма. М. : Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1919. (Сер. Третья : Письма).

8. Толстая С. А. Моя жизнь Т. 2. 2-е изд. / Гос. музей Л. Н. Толстого. М. : Кучково поле, 2014.

9. Басинский П. В. Лев Толстой: бегство из рая. М. : АСТ; Астрель, 2010. С. 417.

10. Флёров А. Ф. [Из речи на торжественном заседании в Ростовском университете 15.06.1957 г. Машинопись] //Лич. арх. авт.

11. История биологии с начала XX века до наших дней / под ред. Л. Я. Бляхера. М. : Наука, 1975. С. 224.

12. Флёров А. Ф. Флора Владимирской губернии / [I, II. Описание растительности Владимирской губернии. Список растений]. — М. : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерёв и К°, 1902. [454] с. разд. паг., 28 л. ил., карт.; 25. (Тр. О-ва естествоиспытателей при Юрьев. ун-те; Т. 10).

13. Капелькин В. Ф., Флёров А. Ф. Учебник ботаники : для сред. учеб. заведений : в 3-х т. М. : М. и С. Сабашниковы, 1905—1906.

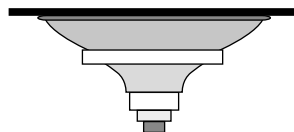
14. Федченко Б. А., Флёров А. Ф. Водяные растения средней России : Ил. определитель водяных растений, дикорастущих в сред. России М., 1897. 64 с.; 32 ил.; Их же. 2-е изд. М., 1900. 48 с., 32 л. ил.; Их же. Водная флора Ев-

ропейской России : Ил. определитель водяных растений, дикорастущих в Европ. России. 3-е изд., испр. и доп. М. : М. и С. Сабашниковы, 1913. 65 с., 49 ил.; Кузнецов Н. И. Об озёрах Покровского уезда Владимирской губернии [и их растительности : геогр.-ботан. очерк : (Предвар. отчёт. экспедиции А. Ф. Флёрова, снаряжённой И. Р. Г. О. для исслед. озёр Сред. России)]. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. 28 с., 1 л. карт.; Флёров А. Ф. Типы растительности дельты и низовьев реки Кубани и реки Анапки. Ростов н/Д. : Гос. тип. им. Калинина, 1930. 53 с., 10 вкл. л. ил. (Тр. Сев.-Кавк. ассоц. науч.-исслед. ин-тов. Ин-т прикл. науки при Дон. политехн. ин-те. Исслед. каф. биологии; № 83. Вып. № 5. Вып. 3).

15. Флёров А. Ф., Флёров В. А. Растительность Северо-Черноморского побережья Кавказа / Сев.-Кавк. ассоц. науч.-исслед. ин-тов. [Труды]. Ч. 1 : Растительность полуострова Абрау и побережья Анапа-Новороссийск. 1926. 94 с., 6 л. ил. (Исслед. каф. ботаники / Ин-т прикладных наук при Дон. политехн. ин-те; № 8. В. 2. Вып. 1); Их же. Растительность Северо-Черноморского побережья Кавказа / Сев.-Кавк. ассоц. науч.-исслед. ин-тов. [Труды]. Ч. 2 : Анапский район. Новочеркасск, 1926. 46 с., 8 л. ил. (Исслед. каф. ботаники / Ин-т прикладных наук при Дон. политехн. ин-те; № 8. В. 2. Вып. 1).

16. Флёров В. А. Дикорастущие лекарственные растения / Рост. гос. ун-т. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1970. 79 с. : ил.

17. Новочеркасск: энцикл. : Новочеркасск : НОВОПРИНТ, 2005. С. 645.

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

Е. П. ВЫСОЦКАЯ

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ БАРОНЕССЫ КАМПЕНГАУЗЕН

Барон Балтазар Балтазарович Кампенгаузен (1772–1823) заработал безупречную репутацию многолетней службой в высших органах государственной власти Российской империи [1, 2]. В пору его градоначальства Таганрог превратился в крупный торговый центр Юга России. Жена барона красавица Прасковья Петровна (1780–1869), напротив, оставила о себе не лучшую память. Попробуем больше узнать о баронессе П. П. Кампенгаузен через призму характеров и поступков близких к ней людей: отца, брата, мужа, возлюбленного и духовного наставника.

В БАХМУТСКОЙ СТЕПИ

Баронесса П. П. Кампенгаузен. Худож. Б. Ш. Митуар. 1820-е годы. ГМИИ имени А. С. Пушкина

Будущая баронесса Кампенгаузен появилась на свет в семье военных переселенцев из Австро-Венгрии по фамилии Перич. Детство и юные годы Прасковьи прошли в далёкой от столицы южной провинции. Жёсткий и решительный характер она унаследовала от предков — сербских гранычар, охранявших на протяжении столетий рубежи империи Габсбургов от турок и сумевших в непростых условиях сохранить национальную идентичность и верность православию.

Идея пригласить на жительство в приграничные области России единоверцев из Австро-Венгрии с опытом воинской службы принадлежала царю Петру. Замысел великого предшественника поддержала императрица Анна Иоанновна.

Одним из первых поступил на русскую службу в 1738 году Дмитрий Перич, сын гранычарского капитана Перы Йовановича по прозвищу Сегединец. Герой сербского народа Сегединец был зверски казнён за участие в антиавстрийском восстании [3]. Окончательно вопрос о приглашении южных славян для защиты рубежей отечества от крымских татар и кочевников решился при Елизавете Петровне. Полковник Иван Хорват вывел в 1751 году из Австро-Венгрии в Россию более двухсот человек, тем самым заложив в северо-западной части Запорожья Новую Сербию.

На следующий год в Вену с просьбой выдать паспорта для выезда на жительство в Россию прибыли ещё две группы австро-венгерских славян под руководством полковников Живана (Ивана) Шевича и Райко Прерадовича (позже прибавившего себе к фамилии дворянскую частичку «де»). Национальный состав желающих отправиться в Россию был разнообразен, костяк составляли сербы. Для организации новых поселений и контроля выделяемых государством средств на содержание конных гусарских полков была учреждена Славяносербская комиссия во главе с инженер-полковником И. А. Бибиковым. Вновь прибывшим в счёт будущего жалования выделялись деньги из расчёта 10 рублей на семью для найма подвод и на начальное благоустройство. Указом Правительствующего Сената решено было «Шевича и Прерадовича с выходящими к ним определённых наций народами селить от конца линии и поселения Ландмилиции с Донецкой стороны, то есть от Бахмута [Имеется ввиду речка Бахмутовка. — Е. В.] до Лугани <...> чрез вершину речки Сейджеровки и к вершинам рек Миус и Белой <...>, не впуская их по сю сторону Донца, где донских

Елена Петровна Высоцкая, кандидат химических наук, свободный исследователь, г. Москва

казаков дачи от Бахмута простираются» [4]. Таким образом на карте России появилась Славяносербия [Ныне – Донбасс. – *Е. В.*].

8 июня 1755 года генерал-майор Шевич извещил рапортом полковника Бибикова о прибытии в Российскую империю «из Венгерского королевства славяносербского народа Луки Перича с двоюродным братом своим Савой Перичем и всей их фамилией» [5]. «По престарелым их летам» Лука и Сава были определены на поселение, а молодые Перичи – Пётр сын Луки и Пётр и Павел сыновья Савы – зачислены гусарами в конный полк Ивана Георгиевича Шевича. (В сербской орфографии имя Савва пишется с одним «с», Пётр – Петар). С большой долей вероятности можно говорить о родстве Луки и Савы с Дмитрием Перичем, служившим в чине майора в том же полку. Кроме Дмитрия у капитана Перы Сегединца были ещё дети. Как правило, ехавшие на службу в Россию сербы состояли между собой в родстве или были связаны узами Крестной Славы (почитанием одного святого).

17 июня Перичи собственноручно подписали присягу на верность государыне-императрице Елизавете Петровне: «Аз нижеименованный бывшей сербской нации поданный обещаюся и кленюся всемогущему богу, <...> что я хочу верным, добрым и послушным рабом, и вечно поданным с моею фамилией быть и никуда без высочайшего Ея Императорского Величества соизволения и указу за границу не отъезжать, и в чужестранную службу не вступать; також с неприятелями Ея Императорского Величества вредительской откровенности не иметь, ниже какую заповедную корреспонденцию внутрь и вне Российского государства содержать и никаким образом противу должности верного поданого Ея Императорского величества не поступать, и все к Ея Императорского Величества самодержавству, силе и власти, принадлежащая права и прерогативы узаконенныя <...> оберегать и в том во всём живота своего в потребном случае не щадить»¹ [6].

Обычно офицеры при зачислении в полк получали тот же чин, в котором они состояли на службе в Австро-Венгрии. За плечами молодых Перичей не было ратного опыта, и они были записаны рядовыми гусарами. С декабря 1755 года братья Перичи были поставлены на денежное довольствие. Их вознаграждение за треть года составляло чуть меньше 3 рублей [7]. На эти деньги они покупали оружие, амундацию и обмундирование.

Прибывшим колонистам предстояло осваиваться подобно выброшенному на берег после кораблекрушения Робинзону Крузо.

Местность, определённая под проживание людям Шевича, была безлюдная, лишь изредка попадались хутора. Земельные наделы выделялись согласно воинскому чину. Рядовым полагалось по 20–30 четвертей земли (четверть – единица площади в старинной русской системе меры, равная 0,5 десятины).

Роты селили в шанцах, расстояние между которыми составляло порядка восьми вёрст. Поселения планировались по чёткому плану. Через несколько лет ротный шанец должен был представлять укреплённое по периметру рвом и частокотлом поселение с правильной планировкой улиц и обязательной церковью.

Предположительно 7-я рота, в которой служили Перичи, размещалась в шанце Нижнее.

На родине за бытовую сторону жизни сербских офицеров отвечали члены их команды – «задруги». Многим колонистам не удалось привезти помощников и слуг. Не знакомым со строительным делом переселенцам приходилось рассчитывать на собственные силы. Первыми их жилищами стали шалаши из веток, оплетённых травой, и землянки. Редким счастливым выпала удача поселиться рядом с лесом, но не всякий лес в Славяносербии дозволялось рубить. Дом на вывоз у местного населения стоил не меньше 50 рублей.

Питание колонистов в первый год освоения целины было скудным.

В зиму 1753–54 годов от лютых морозов пало много скота. Огородов не было ни у кого, ели дикий чеснок, лук «и другую траву, способную к варенью пособлять себя» [8].

Пили воду, потом научились делать квас из сухарей, а из диких яблок и тёрна – кислый напиток. «Естли у каво простая горелка случитца, ета уж трактамент [пиршество. – *Е. В.*] велик почитался» [8].

Согласно ведомости, в 1756 году Петру сыну Савы было 20 лет [7]. В этом же году полки Шевича и Депрерадовича за недостатком численного состава были слиты в единый Бахмутский гусарский полк. Братья Пётр и Павел продолжили службу в 12-й роте [9]. Полк просуществовал до 1776 года, после чего состоящие в нём гусары поступили во вновь создаваемые лёгкоконные полки, один из которых назывался Сербским.

Во все времена производство и торговля горячительными напитками приносили доход. В середине XVIII века в Бахмуте и его окрест-

¹ Здесь и далее сохранена орфография оригинала, за исключением «ятей». – *Е. В.*

ностях узаконенная продажа «хлебного вина» в казённых кабаках и шинках не велась. Проявив заботу о подчинённых, генерал-майоры Депрерадович и Шевич обратились к Бибикову с просьбой ходатайствовать перед правительством «о позволении в отведённых под поселение им дачах курить вино и оное, также и прочия питья беспошлинно» [10]. В ответ осенью 1756 года Сенат принял указ, позволяющий поселенцам в Славяносербии держать винокурни и торговать оптом вином, а в кабаках продавать крепкие напитки «со сбором с вина по гривне с ведра» [10]. Полученные от продаж в шинках деньги разрешено было собирать в полковую кассу для «расхода на разные экономические потребности» [10]. Наиболее предприимчивые колонисты не упустили возможности и в короткий срок организовали производства хмельных напитков. В Славяносербии появились 16 винокурных заводов. Проявивший коммерческую жилку капрал Пётр Савич Перич, наряду А. К. Юзбашем, братьями Шаховыми и Н. В. Сабо, сделался одним из самых крупных производителей «хлебного вина» [11].

Повседневная жизнь переселенцев сочетала в себе воинскую службу (дозоры, секреты) и занятия сельским хозяйством.

Жили гусары собственным хозяйством; в 1759 году Пётр Перич имел лошадь, пять голов крупного рогатого скота, двадцать овец [12]. Первые годы братья-погодки делили один дом. В 1761 году младший Павел женился. Пётр дольше ходил в холостяках, лишь в 1768 году у него родился сын Дмитрий [13].

Когда заработанных на винокурении денег стало достаточно, Пётр Савич Перич сделался владельцем деревни Горки (Горское) в северо-западной части Бахмутского уезда у речки Нижней Беленькой (приток Северского Донца) [14]. По данным IV Ревизии 1781 года, внесённой в Атлас Екатеринославского наместничества 1787 года, в Горках проживали 96 крепостных крестьян [15]. Сельцо с принадлежащими ему землями занимало 1660 десятин. К 1795 году число душ в Горках удвоилось [16]. В 1811 году в Горках имелось 35 дворов. Крестьяне выращивали хлеб, занимались рыбной ловлей [17] Пётр Савич с семьёй и жители деревни Горки посещали церковь Успения Божьей Матери в селе Ивановке [16].

В скромных Горках у Петра Савича родилась дочь Прасковья.

Следующей покупкой предприимчивого подпоручика Перича стало селение Андрианополь (Андриянополь, Андрианонополь). Его хозяином он стал не ранее конца 1780-х годов. В 1787 году владельцем Андрианополя Донецкого уезда¹ значился надворный советник Кокин [18].

Согласно снятому в 1805 году геометрическому специальному плану села Андрианополя, «которое во владении состоит подпоручика Петра Савина сына Перича», в селе было удобной земли 4000 десятин, неудобной земли 148 десятин 2091 сажень [19]. По Ревизии 1811 года в Андрианополе насчитывалось 67 дворов и 337 крепостных. Поблизости от оврага Мечётного располагался винокурный завод и водяная мельница. В речке Парневатой водились щука, плотва, пескари. Крестьяне возделывали землю под зерновые и разводили скот. Женщины слыли рукодельницами [20]. Деревянный господский дом окружал плодовый сад. Стараниями Петра Перича в 1803 году в Андрианополе был сооружен каменный однопрестольный храм во имя Святителя Николая. Спустя два года 33 десятины земли «из дачи села Андриянополя» были отмежёваны для «довольствия» священнослужителей [21]. Документ подписали «Пётр Савич сын Перич» и священник Свято-Никольского храма Кирилл Демидович [21]. (В некоторых документах владелец Горского и Андрианополя Пётр Савич Перич назывался Петром Савельичем [22]).

Богатое село Андрианополь дало название всей волости. Владения Петра Перича граничили с селением Ящиково секунд-майора М. И. Штерича.

В 40 верстах от Андрианополя пролегал почтово-ямщицкий тракт, соединявший Кавказ с Европейской частью России. Дорога шла через Бахмут на Харьков и далее на Москву. Близость тракта от отцовского имения сыграла важную роль в жизни Прасковьи Петровны. Гордая провинциальная красавица, отвергавшая небогатых женихов, так бы и осталась в девках, если бы не случай. Вероятнее всего, знакомство Прасковьи с будущим супругом состоялось в 1802 году, когда действительный камергер Б. Кампенгаузен ехал на юг по почтовой дороге с важной миссией и утомлённый долгим путешествием был радушно принят в гостеприимном Андрианополе. Устоять перед чарами Прасковьи Петровны сдержанный на чувства балтийский немец не смог. В предполагаемый

¹ Административное деление Бахмутской провинции претерпевало изменения. После упразднения Славяносербии в 1784 году был образован Донецкий уезд, просуществовавший 13 лет. Затем его территории были переданы Бахмутскому уезду, а в 1802 году Андрианополь отошёл к Славяносербскому уезду

год знакомства Балтазару Кампенгаузену было тридцать лет, Прасковье Перич — двадцать два года.

Несмотря на то, что у Петра Савича Перича, помимо Прасковьи, были сын и две дочери, и Горки, и Андрианополю достались в приданое ей одной.

П. С. Перич по чину своему получил дворянское достоинство. Военские заслуги поручика были невелики: в отставку он вышел следующим чином, но разрешения носить мундир не получил. В 1793 году не лишённый тщеславия Пётр Савич обратился к императору с просьбой дозволить носить военный мундир. Павел I настойчивому просителю дал такой ответ: «Отставному поручику Перичу, просившему о позволении носить ему мундир, отказывается, потому что при отставке его государь император не рассудил за благо носить ему оной; ныне же новых причин к сему дозволению не существует» [23].

О старшем брате Прасковьи Дмитрие Петровиче известно, что он службу начал кадетом в 1785 году, из кадетов произведён в прапорщики Смоленского драгунского полка [13, л. 25 об]. В 1790 году полк был направлен в Белоруссию на соединение с уже стоявшими там русскими войсками и принял участие в войне с польскими конфедератами, повлекшей Второй раздел Польши. Дмитрий Перич находился в действительных сражениях 30 мая при Столбцах и 31 мая под Миром. По окончании войны полк расквартировали под Краковом. Через два года смоленцев снова повели на подавление строптивых поляков. Перич участвовал 26 мая 1794 года в сражении у села Щекоцины. 29 сентября драгуны противостояли корпусу Т. Костюшки у местечка Мацеёвицы. Находясь адъютантом при командире полка полковнике В. Н. Чичерине, Д. Перич «в жесточайшую пушечную и ружейную канонаду посылаем был с донесениями к начальству и приказами в эскадроны отдалённые» [13, л. 26]. 15 октября пешим строем полк сражался у деревни Кобылки. Особенно Дмитрий Перич отличился при штурме расположенного на правом берегу Вислы предместья Варшавы Праги. Несмотря на ранения картечью в обе ноги и руку, он водрузил полковое знамя на батарее противника, чем поднял боевой дух однополчан [13, л. 26].

Стремительная боевая операция под общим командованием А. В. Суворова привела к большим жертвам среди местного населения и сломала сопротивление польских повстанцев. Варшава капитулировала.

Выйдя в отставку штабс-капитаном, Дмитрий Петрович поступил на гражданскую службу. В 1805 году он состоял заседателем в уездном суде Бахмута [24], в 1806-м титулярный советник Перич был выбран исправником в бахмутский земский суд [25].

Женился Дмитрий Петрович на соседке Катерине Максимовне Штерич. О знатности рода Штеричей, происходивших из Иллирийской Сербии, свидетельствовал пожалованный в древности фамильный герб — на красном поле, поделённом золотым стропилом, сияли три дворянские короны [26]. Дед Катерины Иван Христофорович Штерич поступил в 1750 году на российскую службу и имел чин генерал-майора. От рано скончавшегося отца Максима Ивановича Штерича фамильная вотчина Ящиково перешла к малолетним наследникам: Хрисанфу, Платону, Катерине, Олимпиаде, Капитолине и Глафире. Дмитрий Перич получил за женой 1/6 часть Ящиково и 149 крестьян.

Женино приданное больших доходов не давало. В то время как сестра Прасковья вела роскошную жизнь в столице, Дмитрий и Катерина искали способ заработать деньги. В 1824 году «штабс-ротмистрша Катерина Перичева» взяла под залог у купца Трояновского деньги на содержание почтовых станций Успенской и Старославянской и семи троек между ними [27]. Залогом послужили крепостные Ящиково «с пропорцией земли». С 1830 по 1833 годы Д. Перич содержал станции Александропольская и Старославянская и одну тройку при Славносербском земском суде [28].

Несмотря на то, что Прасковья Петровна лишила родного брата наследства, после преждевременной кончины Дмитрия Петровича она оказывала его семье всяческую поддержку.

Показательно её участие в судьбе родного племянника Григория Перича [29]. Только связями при императорском дворе тётушки Прасковьи Кампенгаузен можно объяснить то, что недоросль из глубокой провинции был определён для обучения в Царскосельский лицей за государственный счёт — привилегия, доступная лишь столичным аристократам. После упразднения лицея в 1829 году отрок Григорий оказался в числе 29 воспитанников, переведённых для продолжения образования в Благородный пансион при Императорском университете. В 1831 году пансион был преобразован в Первую Санкт-Петербургскую гимназию. Название «Первая» подчёркивало её элитарность. Помимо основных предметов, юным аристократам преподавали фехтование, танцы, рисование

и гимнастику. В гимназии одновременно обучались 150 человек. В зависимости от успехов выпускники получали гражданский чин: с XIV по X — согласно табелю о рангах. Образование стоило недешево — 1500 рублей в год. Занятия и проживание гимназистов оплачивали родители. Для Григория Перича и здесь было сделано исключение: племянник баронессы Кампенаузен учился за счёт государственной казны. Достижениями в науках юноша похвастаться не мог, и занятиям предпочитал театр. В начале 1834 года директор гимназии П. И. Бенард обратился к Екатерине Максимовне Перич с просьбой забрать из «3-го, нижнего класса» 16-летнего Григория и тем самым «открыть дорогу следующему ребёнку», ожидавшему вакансии. На тот момент в очереди на поступление стояло 18 детей «из известнейших в столице фамилий» [29, л. 16 об.], причём некоторые семьи оплатили учёбу отпрысков заранее.

Вдова Перич решила, что сыну гражданская служба не подходит, и выбрала для него Школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров (будущее Николаевское кавалерийское училище). Из Школы юнкеров выпускались корнеты в гвардейскую и армейскую кавалерию. Образовательный курс был двухгодичным, большое внимание уделялось точным наукам.

Доверенным лицом Екатерины Максимовны в столице выступал полковник Финляндского полка И. И. Романович. В попытке определить Григория Перича в Школу юнкеров были задействованы попечитель Санкт-Петербургского учебного округа князь М. А. Дондуков-Корсаков, ректор Петербургского университета И. Э. Фишер, командир Отдельного гвардейского корпуса генерал-фельдцейхмейстер Великий князь Михаил Павлович, командир Школы юнкеров генерал-майор К. А. Шлиппенбах и вице-адмирал П. Ф. Качалов. О Качалове речь пойдёт позже.

Наконец, «Государь Император по ходатайству Его Императорского Высочества командира корпуса, основанному на просьбе поручицы Перич, Высочайше повелеть соизволил: сына ея воспитанника 1-й Санкт-Петербургской гимназии, Григория Перича, по достижению им законных лет определить в Школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, с платой за него оной Школы, согласно положению по 1000 рублей в год из Государственного казначейства» [29, л. 2].

Для зачисления в Школу юнкеров Григорию Перичу следовало лично быть представленным командиру Отдельного гвардейского корпу-

са и пройти вступительное испытание по ряду предметов, но экзамен по математике юноша не выдержал. Вместе с отказом он получил совет заниматься математикой и попробовать свои силы на следующий год.

Испытывать судьбу второй раз Григорий Перич не стал. В мае 1836 года по просьбе матери помещицы Перич было подписано Высочайшее повеление (!) определить Григория в Чугуевский полк «на праве студентам дарованном, во внимание, что он воспитывался в бывшем пансионе Царскосельского лицея и Санкт-Петербургской гимназии» [30, л. 1 — 1 об.]. Зачисленный унтер-офицером, он как дворянин спустя месяц был произведён в юнкера. Через год, опять же по просьбе матери, Григория Перича перевели в Астраханский кирасирский полк «для совместного служения с родственниками» [30, л. 1 об.]. В июне 1837 года, снова после письма Екатерины Максимовны, «было сделано отношение с командиром 1-го Резервного кавалерийского корпуса [генералом графом А. П. Никитиным. — *Е. В.*] о производстве юнкера Г. Перича в офицеры [30, л. 1 об.]. Однако Григорий Перич не выдержал экзамена на знание фронтовой службы и производства в офицеры не удостоился. И опять была подключена в столице «тяжёлая артиллерия». Перед военным министром о переводе Перича в корнеты ходатайствовал генерал от кавалерии граф де Витт И. О. [30, л. 3—4]. Благодаря вмешательству министра светлейшего князя А. И. Чернышёва Григорий наконец получил свой первый офицерский чин. В 1839 году корнет Перич был уволен от службы в связи с семейными обстоятельствами, через два года он вернулся в армию, в Казанский драгунский полк, прапорщиком, дослужился до штабс-капитана и вышел в отставку по состоянию здоровья в 1847 году [31, л. 3—4].

Женился Григорий Дмитриевич Перич на дочери генерал-майора Ромашова Елизавете Николаевны и имел трёх дочерей: Софью, Наталию и Ольгу — и двух сыновей: Михаила (родился в 1845 году [31, л. 5].) и Петра (родился в 1848 году) [31, л. 6]. После ранней смерти племянника Григория престарелая баронесса продолжала держать под контролем его семью. К моменту Крестьянской реформы Ящиково «состояло в опекуновском заведовании по несовершеннолетним наследницам Софии, Наталии и Ольги Перич» [32]. Несмотря на то, что опекунами девиц являлись вдова штабс-капитана и назначенный дворянской опекой коллежский асессор Н. П. Сабо, приговор Ящиковского сельского общества в мае 1863 года на сходе 82-х

домохозяев единогласно постановил: «Просить её превосходительство тайную советницу баронессу Прасковью Петровну Кампенгаузен, распорядительницу имением наследников Перичевых, из деревни Яшиково земли, коих мы наделы получили, разрешить нам переход на оброк обозначенный в уставной грамоте» [32, л. 10].

Не обошла Прасковья Петровна своими заботами и родную сестру Юлию. Можно с уверенностью говорить о том, что благодаря баронессе Кампенгаузен супругом провинциальной девицы Перич стал будущий адмирал Пётр Фёдорович Качалов (1780—1860) [33, л. 4 об].

Происходивший из мелкопоместных дворян Тихвинского уезда Новгородской губернии (за отцом его состояло всего 11 крепостных), Качалов начал морскую службу в 1795 году гардемаринном и оставался в строю без малого 60 лет. Он плавал в Балтийском, Беринговом и Средиземном морях, сражался с турками под руководством вице-адмирала Д. Н. Сенявина в Дарданельском и Афонском сражениях, в военную кампанию 1813—1815 годов в составе гвардейского экипажа участвовал в заграничном походе, в чине капитана 1-го ранга был назначен в Морской кадетский корпус, в 1829 году произведён в контр-адмиралы и возглавил учебную эскадру в Балтийском море. Службу адмирал П. Ф. Качалов закончил членом Адмиралтейств-совета. Пётр Качалов был доблестным и храбрым морским офицером, но сверхуспешную военную карьеру супруга Юлии Петровны нельзя объяснить только его личными качествами. В отличие от своих сослуживцев Пётр Фёдорович был обличён доверием членов императорской семьи. Первое поручение, связанное с венценосной особой, мичман Качалов выполнил, находясь в средиземноморском походе в 1799 году. Он получил приказ сопровождать из Анконы в Триест неаполитанскую королеву Марию Каролину Австрийскую. В 1803 году Пётр Качалов в составе партии под командованием капитан-лейтенанта Баскакова перешёл из Севастополя в Кронштадт, а в следующие два года плавал из Кронштадта в Любек и Росток. По окончании этой кампании он «имел счастье получить от государя-императора тройное жалование, а от вдовствующей императрицы золотую табакерку» [33, л. 5]. Какого рода поручения исполнял Качалов в этих плаваньях, неизвестно.

В 1812 и 1818—1823 годах капитан-лейтенант Качалов командовал придворными яхтами и плавал под императорским штандартом между Петербургом и Кронштадтом. В 1816 году на фрегате «Меркурий» с частью гвардейского экипажа Качалов по высочайшему повелению отправился в Голландию, чтобы доставить приданое великой княгини Анны Павловны. 21-летней русской принцессе предстояло вступить в брак с наследным принцем Оранским, будущим нидерландским королём Виллемом II. Приданое Анны Павловны было огромным. Полная его опись занимала 46 страниц. Император Александр I в качестве свадебного подарка презентовал любимой сестре серебряный столовый сервиз, для изготовления которого были переплавлены святыя врата церкви Михаила Архангела Михайловского замка.

На обратном пути Качалов побывал в английском Портсмуте, где в присутствии великого князя Николая Павловича (будущего императора Николая I) показывал английскому принцу-регенту морскую и сухопутную экзерциции (строевые упражнения). В 1824 году на корабле «Эмгейт» Пётр Фёдорович доставил великокняжескую чету Николая Павловича и Александру Фёдоровну в Росток и обратно в Петербург.

На детей Юлии Петровны и Петра Фёдоровича Качаловых также простёрлись заботы неутомимой баронессы Кампенгаузен. Сын Николай (родился в 1825 году) был удостоен большой чести стать в семилетнем возрасте пажом императорского двора [34]. Через восемь лет он поступил в Пажеский корпус, окончив который, пошёл служить по военной линии. Принадлежавшие ей сёла и деревни в Санкт-Петербургской губернии Прасковья Петровна завещала своей тёзке, дочери сестры Юлии Прасковье Петровне Качаловой (Кочаловой) [35].

Вторая сестра Прасковьи Петровны (имя неизвестно) в замужестве носила фамилию Капустянской. Предположительно её мужем был офицер, владелец соседних деревень Бахмутского уезда Капустяновки и Тополиного. По рассказу очевидца, баронесса П. П. Кампенгаузен прибыла в Таганрог проститься с усопшим императором Александром I вместе с двумя племянницами Капустянскими [36]. Даже в трагический момент Прасковья Петровна не упустила случая представить юных родственниц двору.

БЫТЬ ЗАМУЖЕМ ЗА ТАЙНЫМ СОВЕТНИКОМ

Барон Б. Б. Кампенгаузен. Неизвестный художник. Первая пол. XIX в. Таганрогский гос. историко-краеведческий музей

Супруг Прасковьи Петровны был во всех отношениях человеком неординарным и заслуживает подробного рассказа.

Балтазар Балтазарович Кампенгаузен происходил из семьи остзейских (прибалтийских) немцев. Его дед, титулованный бароном шведским королём, поступил на русскую службу при Петре I, участвовал в важнейших битвах Северной войны, дослужился до генерал-аншефа и по отставке стал владельцем больших поместий в Лифляндии. Отец, почётный опекун и тайный советник, состоял сначала вице-губернатором, а затем губернатором Лифляндии. Родился Балтазар Кампенгаузен на мызе Ленценгоф в Рижской губернии. После окончания школы в Риге юноша продолжил образование в университетах Германии — Лейпциге, Виттенберге и Гёттингене. За научную работу на немецком языке «Наброски к физическим картам народностей, религии и культуры Российской империи» способный молодой человек был избран в члены Гёттингенского королевского общества наук. Там же, в Гёттингене, он вступил в масонскую ложу. (Его отец состоял в Петербургской ложе «Конкордия».) В 1815 году Балтазар Балтазарович был посвящён в высшие степени «чёрных братьев», самую таинственную из германских лож [37].

Вернувшись в Россию в 1792 году, Б. Б. Кампенгаузен поступил на дипломатическую службу. В награду за то, что привёз в Петербург

одобренный сеймом договор о Втором разделе Польши, он получил чин коллежского асессора. Затем последовал опыт судебной работы в Риге, завершившийся написанием книги «Основание российского государственного права». Исполнительного чиновника заметили при дворе.

В 1797 году императрица Мария Фёдоровна поручила Балтазару Балтазаровичу Рижское коммерческое училище. Под руководством Кампенгаузена училище было переведено в столицу и реорганизовано. Одновременно Кампенгаузен обратил свой пылкий ум на медицину: составил проект учреждения в Петербурге медико-хирургического института. В статусе члена Медицинской коллегии новоявленный камергер двора его императорского величества был направлен Александром I в 1802 году на юг России для принятия мер против распространяющейся из Персии и Турции чумы. Помимо этого Б. Кампенгаузену надлежало составить мнение о состоянии торговли на Азовском и Чёрном морях. Чиновник справился с поручениями на отлично. Он обустроил карантин в Одессе, Дубоссарах и по Днепру, обнаружил и устранил недостатки в работе морских таможен. В последующие за его визитом пять месяцев таможи на Азовском море принесли государству доход в несколько раз больше, чем за весь предыдущий год. Заслуженной наградой Кампенгаузену стала должность начальника Медицинской экспедиции департамента Министерства внутренних дел.

В 1805 году Кампенгаузен как способного администратора Александр I направил градоначальником в Таганрог. На новом месте барон проявил себя с наилучшей стороны, умело сочетая государственные интересы с заботой о вверенном ему городе. Понимая, что главной статьёй дохода города-порта является морская торговля и напрямую связанные с ней таможенные отчисления, он употребил много сил для развития морского судоходства и поощрения деятельности купечества. Таганрогский порт был расширен и обустроен, число таможенных служащих значительно выросло [38, с. 130]. По примеру Одессы решено было организовать в городе «складку» ввозимых товаров [38, с. 155] и проводить их карантинное очищение [38, с. 179]. Для того чтобы карантинные мероприятия носили обязательный характер, было создано Карантинное судищище и издан Уголовный карантинный кодекс [38, с. 179].

Кампенгаузен ввёл должность Главного попечителя Купеческого азовского судоходства [39, с. 220] и на протяжении нескольких лет сам ис-

полнял её. Уже в 1805 году в Таганрог было ввезено товаров на сумму 2 526 000 рублей, и город занял 3-е место среди портовых городов России [38, с. 41].

Таганрогское градоначальство включало Ростов, Нахичевань и Мариуполь. При Кампенгаузене за счёт государственных средств была перестроена Мариупольская торговая пристань, учреждено портовое правление, создан карантин [39, с. 227–229]. Барон справедливо полагал, что рыбный промысел жителей Таганрога и Мариуполя должен являться одним из важнейших попечений правительства, и ратовал за разрешение членам греческого общества устраивать новые рыбные заводы.

В своих намерениях изменить облик вверенных ему городов Балтазар Балтазарович делал ставку на греческое население как наиболее активное и предприимчивое. Александр I продолжал политику своей царственной бабушки Екатерины II на сближение русского и греческого народов и потому мнение градоначальника всячески поддерживал. По именному указу императора в российские порты стали свободно допускаться «суда с греческих и азиатских берегов, приходящие на том основании, что хотя сии народы и подданные Турции, но более под её игом находятся, нежели принадлежат ей, и к России привержены» [39, с. 1194].

Как человек, разбиравшийся в слагаемых государственных доходов, Кампенгаузен настаивал на развитии производства фруктовых и виноградных водок из местного сырья взамен привозного при условии правильного сбора налогов с производителей. С его подачи был опубликован именным императорским указом о производстве водки в Таганроге и окрестностях [38, с. 154], и указ об «утверждении навсегда права делать водки на заводах, устраиваемых в Новороссийском крае и Земле Войска Донского» [39, с. 1374].

В эти годы Таганрог по своему статусу приближался к губернскому городу. Император возложил на прокурора Таганрогского коммерческого суда обязанности губернского прокурора [39, с. 1370]. По предложению Кампенгаузена решено было открыть в городе Банковскую (Промышленную) контору для свободной мены ассигнаций [38, с. 40]. Население города росло за счёт увеличения количества чиновников и числа торгующих россиян и греков. Возникла необходимость открыть в городе среднее учебное заведение. Средства на коммерческую гимназию Кампенгаузен выхлопотал из государственного бюджета [38, с. 708].

Утверждённый бароном Строительный комитет разработал перспективный план застройки города. На благоустройство города Кампенгаузен выхлопотал из казны 50 000 рублей и добился отчисления 10 процентов от таможенных сборов. Начались работы по мощению и освещению центральной части Таганрога, был открыт городской парк. Пять лет градоначальства Б. Б. Кампенгаузена считаются по праву золотым временем Таганрога.

Вернувшись в 1809 году в Петербург, Кампенгаузен получил должность государственного казначея. В столице Балтазар Балтазарович вошёл в круг близких к М. М. Сперанскому людей. Единомышленников объединяли либерально-реформаторские взгляды и просветительские идеи. В 1810-м Б. Б. Кампенгаузен был произведён в тайные советники: не каждый министр в начале своего пребывания в должности получал столь высокий чин. А в 1811 году по предложению Сперанского Кампенгаузен назначили государственным контролёром. Барон лично участвовал в разработке порядка и устава нового учреждения — Государственного управления ревизии государственных счетов (с правами министерства) — и руководил им вплоть до своей смерти.

С 28 января 1811 года Балтазар Кампенгаузен — сенатор и член Государственного совета. В июне 1823 года Кампенгаузен согласился временно принять на себя обязанности министра внутренних дел. «Я сам совершенно уверен, что всякий другой более меня способен управлять министерством внутренних дел, но если тому не верят и Его Величество примет отказ мой за знак моего неусердия, то я, так как и всегда готов исполнить волю его», — откровенно делился он с А. А. Аракчеевым [40, с. 368].

В качестве министра внутренних дел барону удалось проработать меньше трёх месяцев. Несчастный случай прервал его жизнь. Министрский портфель перешёл к В. С. Ланскому, а вот на посту руководителя Управления ревизий заменить Кампенгаузена оказалось некем: следующие четыре года его возглавлял коллегиальный орган.

Друзья и соратники высоко ценили Б. Б. Кампенгаузена за высокий интеллект, энциклопедическую образованность, организаторские качества. Недруги критиковали барона за эмоциональную чуждость. «С умом сухим, холодным, но весьма обширным, с характером твёрдым, соединял он старинную, прежнюю пространную, добросовестную немецкую учёность, неутомимость в трудах и познаниях, нуж-

ное для государственного человека», — писал о нём Ф. Ф. Вигель и восклицал: «Ему бы быть министром финансов!» [41].

Кампенгаузун служил трём императорам: Екатерине II, Павлу I и Александру I. Все трое ценили его и отмечали заслуги высокого чиновника наградами. Усердную службу коллежского асессора на дипломатическом поприще Екатерина II в 1793 году оценила орденом Св. Владимира 4-й степени. Принявший на себя после захвата Наполеоном Мальты сан Великого магистра ордена Св. Иоанна Иерусалимского, император Павел I возвёл в 1800 году Б. Б. Кампенгаузена в рыцари Мальтийского креста и повелел «пользоваться всеми почестями и преимуществами, сопряжёнными с сим званием согласно с речённым Регламентом и Конституции Ордена» [42, л. 3—3 об.]. В 1808 году Кампенгаузен в должности таганрогского градоначальника удостоился ордена Св. Анны 1-й степени с алмазными украшениями [42, л. 11]. Через два года Александр I «за ревностные труды» барона «как вообще по вверенной ему части, так и особенно по устройству карантинных» пожаловал его в кавалеры ордена Св. Владимира 2-й степени большого креста [42, л. 18]. Своё благожелательное отношение к государственному казначею император в дальнейшем подтвердил награждением барона орденами Св. Александра Невского — в 1818-м и Св. Владимира 1-й степени — в 1821 году.

В должности государственного контролёра Кампенгаузен проявил завидное трудолюбие и неподкупную честность. Он собственноручно проверил расходы министерств и казённых палат за 10 лет, с 1811 по 1821 года, выявив, между прочим, злоупотребления в военном министерстве при снабжении армии в 1812 году. Для проведения в жизнь вопросов государственной важности и преодоления сопротивления бюрократической машины Балтазар Балтазарович часто опирался на авторитет могущественного А. А. Аракчеева. При всей неоднозначности фигуры графа Аракчеева он, подобно Кампенгаузуну, искренне радел об отечестве.

Несмотря на высокую оценку его трудов барон постоянно тяготился возложенными на него обязанностями. Возможно, причиной тому было отсутствие единомышленников и помощников. Попытки Кампенгаузена набрать квалифицированных сотрудников, как правило, оканчивались неудачей. «Прогонишь человека за неисправность, который дело знает и более или менее мог ещё исправиться, берёшь на его место другого, который ещё год должен учиться, а потом хуже прежнего» [40, с. 321], —

делился он с Аракчеевым. «Народ теперь у нас так балован» — сокрушался Кампенгаузен — что иногда едва-ли успеешь кому выговаривать за неисправность, как уже себе нашёл лучшее место у другого» [40, с. 321].

В первой четверти XIX века чиновника Главного управления ревизии государственных счетов имели крайне скудные оклады. К 1818 году из управления уволились 447 человек. В конце концов Кампенгаузен обратился к руководству других ведомств с просьбой не брать на работу подчинённых ему служащих без предварительного согласования с ним самим.

Для систематизирования контроля по образцу Франции Б. Б. Кампенгаузен поставил задачу «составить общие виды всех наших денежных оборотов или лучше сказать финансов, так, чтобы посредством разных табелей можно было одним взглядом обозреть как доходы наши вообще и по каждому предмету в особенности возрастают или умаляются, так по всему государству, так и по каждой губернии порознь» [40, с. 352].

Из-за огромного объёма работы при небольшом штате контролёров-ревизоров проверка деятельности государственных структур затянулась на многие годы. Неудивительно, что главный контролёр сетовал на то, что «должность его изнуряет и убивает» [40, с. 321]. «Безпрестанная и безконечная мои хлопоты не дают мне ни одного свободного и светлаго часа. Целый год мучился я как каторжный хоть несколько поправить то, что по возвращении моём нашёл запущенным», — жаловался в письме другу Аракчееву он в августе 1821-го — «Нет каторги тяжелее нашего контроля» [40, с. 321].

В возрасте пятидесяти трёх лет он мечтал удалиться на покой, уверяя, что в противном случае не проживёт иначе и двух лет. Балтазар Балтазарович признавался Аракчееву: «Я человек увечный, более страдаю ежедневно, нежели тот, который обе ноги потерял при взятии батарей» — и далее — «Я увечен от долговременных моих болезней и ежедневных досад. Если бы кто мог видеть в душе моей, сколько я ежедневно страдаю и никогда ни одного весёлого часа не имею, всякий имел бы ко мне сострадание. Оно до того доходит, что если бы я не имел веры, то давно уже решил бы бросить себя в Неву. Хорошо тем служить, которые служат только для себя и коих не трогает худо-ли, хорошо-ли идут дела. Но я никогда так не мыслил, а к несчастью моему, с того времени, как нервы мои болезнями совершенно расстроились — я сделался так раздражителен, что всякое дело меня мучает» [40, с. 322].

Помимо финансовой проверки государственных ведомств Кампенгаузен участвовал в расследовании резонансных дел о злоупотреблениях и казнокрадстве. В марте 1816 года он писал Аракчееву: «Мне, граф Алексей Андреевич, все эти дни такая грусть, что я жизни своей не рад. Поместили меня, не знаю почему, в список сенаторов по вечерним собраниям, в коих рассматриваются дела о недоимках по винным откупам. Я за великое для себя благодеяние почитаю, когда мне позволяют молчать в делах щекотливых, но когда должно говорить, то не могу говорить другого, как то, что я думаю и чувствую. По должности своей я должен уже сражаться со всеми, но это всё частные случаи, а в этом деле должно иметь генеральную баталию со всеми вельможами. Я знаю, что я в этом деле дорого заплачу за своё прямотушие. Я знаю, что никогда не простят мне мнения, поданного по оному в Сенат. Я знаю, что выдают меня за человека вздорного, без всяких чувств и недоброжелательного, между тем, я никому зла не желаю, но на то только не соглашаюсь, чтоб помочь богатым и сильным на счёт бедных и безгласных, худым плательщикам на счёт хороших и исправных плательщиков. Но логика эта не по вкусу всем; я криков меньше боюсь, нежели интриг, а политику вовсе не знаю» [40, с. 172]. Независимая позиция Кампенгаузена множила ряды недоброжелателей и врагов.

В 1817 году Высочайшим указом в Одессе было установлен порто-франко — зона беспошлинной торговли. Стимулируя быстрое развитие города, порто-франко одновременно таило в себе негативные черты: нечестные российские производители товара, продаваемого внутри страны, увивали от уплаты пошлин, процветали перекупщики, государство лишалось поступлений в бюджет. Подобное развитие событий барон предвидел: «Дурно делали, что не рассмотря три года назад это, так учредили, как он [порто-франко. — Е. В.] есть. Я тогда предвидел всё то, что нынче случилось и, кажется, был тогда в отсутствии, Государю предсказал в письме» [40, с. 325]. Для Кампенгаузена превыше всего были интересы государства: «Думаю, что нечего делать — надобно его несколько ограничить, чтоб не разорить Россию» [40, с. 325].

Барон Кампенгаузен владел приносящими доход деревнями в Днепровском уезде Таврической губернии, Лапрандиевой пустошью в Ростовском уезде Екатеринославской губернии [43], усадьбой и деревнями в Гдовском уезде (позднее эти земли стали относиться к Лугскому уезду Санкт-Петербургской губернии) и частью

*Свято-Никольский храм в селе Агрианополь.
Фото А. Кононова. 2016 г. (сайт: Соборы.ру)*

отцовского имения в Лифляндии. В 1822 году по указу Правительствующего Сената Кампенгаузену были отведены государственные земли в Аткарском уезде Саратовской губернии [44]. Прасковья Петровна, как мы помним, была хозяйкой богатого Андрианополя.

Несмотря на обширные земельные владения, в письмах к Аракчееву Кампенгаузен сетовал на нехватку средств из-за неурожая и низких цен на сельские продукты.

До 1818 года Кампенгаузены жили в столице в собственном доме. Однако непомерные расходы вынудили барона дом заложить. В письме из Павловска от 5 сентября 1815 года вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, всегда выражавшая к Балтазару Балтазаровичу благосклонность, заверила его в том, что он получит из казны полную стоимость своего каменного особняка [42, л. 21]. Взятые под залог деньги скоро закончились, и дом перешёл в казну. Барон вынужден был взять дом внаём. Оплата вместе с отоплением и освещением особняка в центре столицы обходилось Балтазару Балтазаровичу ежегодно в 15–17 тысяч рублей [45]. По закону 1802 года министрам в год выделяли из казны на содержание жилья по 5 тысяч рублей. Весной 1822 года Б. Б. Кампенгаузен писал: «С полученных мною, за проданный мною в 1818 году дом, осталось у меня 15 000 руб. в коммерческом банке, кои могут оттуда быть взяты в исходе нынешнего месяца» [40, с. 347]. Оказавшись почти без средств, Кампенгаузен обратился с просьбой к Аракчееву ходатайствовать перед императором о материальной помощи. Высочайшие покровители не остались равнодушными. Барон продолжил жить в наёмном доме, но адрес сменил: Аракчеев посоветовал снять дом поближе к нему, на Литейном [45].

Думается, источником постоянных трат была баронесса. Несмотря на долгую жизнь в России, барон по складу характера оставался сдержанным и расчётливым немцем. Единственной страстью Балтазара Балтазаровича были книги.

Часть своего книжного собрания, включающего, помимо книг, карты и рукописи по статистике, Кампенгаузен передал в 1805 году для общественного пользования в Министерство внутренних дел. В ответ на щедрый дар Балтазар Балтазарович получил благодарственное письмо от императора [42, л. 9—9 об].

Находясь спустя 16 лет в Париже, барон занялся «выбором и покупкой книг», так как «в последние 20 лет службы своей не имел к тому случая и почти все книги, какие были прежде того, раздарил разным институтам» [40, с. 246—247].

С графом Аракчеевым барона Кампенгаузена связывали не только служебные, но и дружеские отношения. В имении Аракчеева Грузино его всегда ждал уютный домик и конь для верховых прогулок. Из отдалённых поездок Балтазар Балтазарович привозил для графа подарки: янтари из Ливавы, эстампы из Европы. Однажды Аракчеев попросил прислать портрет барона, а когда получил его, повесил в доме на видное место.

У двух пожилых мужчин, страдающих набором хронических болезней и душевной меланхолией, было много общего. Богатырским сложением и здоровьем Кампенгаузен похвастаться не мог. Современники описывали его как человека «тощего, точно хрустального» [41, с. 263], с «пасмурным» характером. В письмах Аракчееву барон не скрывал подробностей своего плохого самочувствия и мрачного состояния духа. В декабре 1819 года он писал: «Моё собственное здоровье нынешнею зимою несколько лучше прежнего <...> Одно только меня беспокоит, что зрение слабее стало после Карлсбадских вод и поныне не поправляется. Проездом через Вену нужно будет мне посоветоваться с первейшим глазным врачом Бером» [40, с. 248].

7 июля 1821 года он откровенно сообщал графу о своих болезнях: «При большой раздражительности нервов, каждое лекарство делает неожиданное впечатление, да не только в хронических, но и в простудных болезнях, часто, гораздо лучше меньше их употреблять. Когда недавно сделалась мне лихорадка и кровавой понос, то хотя сначала нужно было лекарства употребить, но в продолжении времени чувствовал, что они меня более и более ослабевают. Наконец обманул своего доктора, уверив его,

что я продолжаю их принимать; но между тем бросил их и силами поправился» [40, с. 305].

Как человек, долгие годы страдающий нервными болезнями, Кампенгаузен поставил Аракчееву диагноз: «У вас меланхолия и скука» [40, с. 305] и подробно описал известные по собственному опыту проявления депрессии.

11 ноября 1821 года барон рассказывал в письме Аракчееву: «С того времени, как я имел честь видеть ваше сиятельство у себя, я крепко заболел. Немилосердный кашель день и ночь меня мучит, а особливо ночью, и что я только по сие время не принимал, то всё не помогло, я теперь уже и доктора своего поменял» [40, с. 329].

В письме от 16 февраля 1822 года Балтазар Балтазарович жаловался Алексею Андреевичу: «Нынешняя зима чрезмерно пагубна для всех тех, кто страдают геморонезами, нервами или печонкой. У меня самого правый бок четвёртый уже день болит, и я чувствую при том такую скуку, что желал бы бежать к концу света, и всякое дело, всякое занятие чрезмерно тягостно» [40, с. 337]. И, как больной со стажем, пояснял: «Все эти досады дают вам почувствовать болезнь больше, нежели она действительно есть. Я ежедневно сие на себе испытываю. Три дня сряду я чувствую неопределяемую грусть, так что даже не могу думать и о тех вещах, кои в другое время меня утешают, а теперь более на меня ещё приводят печали» [40, с. 337].

За три месяца до кончины Кампенгаузен рассказывал Аракчееву про своё угнетённое состояние: «Я с того времени, как тяжкия болезни совершенно и навсегда разстроили здоровье и силы мои, сделался человеком совсем дряхлым и почти уже ни для чего более способным. Испытывая ежедневно на себе сколь мало человек, подверженный безпрестанным нервическим припадкам, для службы годен, я по сие время при великом для себя отягощении продолжаю оную из одной благодарности к Государю Императору, за великие Его Величества ко мне милости, так как Его Величество поныне ещё себя не удостоверил, что я действительно уже не го-жусь» [40, с. 367—368].

Петербургский климат Балтазар Балтазарович считал плохим и не подходящим для себя даже летом. В июле 1822 года он писал: «Кажется при хорошей погоде и у меня голова и душа свободнее, нежели при пасмурной. Я в этих двух месяцах более устал делать, нежели в 6 месяцев зимних» [40, с. 351]. «При непостоянстве здешняго климата, со слабым здоровьем и летом здесь не поправишься», — был уверен барон [40, с. 369]. Жизнь в Париже зимой тяготила

барона «сыростью, каминами, поздними обедами и жирными приправами» [40, с. 248].

У Аракчеева барон всегда находил сочувствие и мудрый совет: «Больному человеку, конечно, всё неприятное чувствительнее <...> Постарайтесь успокоить себя молитвою и напоминанием, что вся жизнь наша есть цепь страданий» [40, с. 346].

Со стороны союз Балтазара Балтазаровича с Прасковьей Петровной казался несчастлив. Красавица-жена изменяла барону не так. Много времени супруги жили порознь. В то время, как барон, не щадя сил, трудился на благо империи и страдал от болезней, баронесса нескучно проводила время в имении под Петербургом и лишь изредка навещалась в столицу. Их брак был похож на «гостевой». «Жена моя приехала на сих днях, недели две у нас гостить» [40, с. 299], — писал Кампенгаузен Аракчееву в начале мая 1821 года.

Рождение внебрачной дочери Прасковьи Петровны не нарушило сложившихся отношений. Супруги по-прежнему внешне уважали друг друга и совершали совместные выезды в свет и путешествия за границу, предпочитая отдых на водах. Барон не переставал заботиться о неверной жене. Во время поездки в Париж осенью 1819 года Прасковья Петровна занемогла. Балтазар Балтазарович с большим сочувствием отнёсся к болезни супруги: «Жена, которая несколько лет мучится подагрой в ногах и руках, провожая меня получила было некоторое облегчение в Карлсбаде и Теплице: но здесь, от внезапного обращения сей болезни во внутренность, столь сильно занемогла, что мне необходимо было пробыть ещё здесь некоторое время или оставить её в означенном положении, в чужой земле без всякого надзора. Теперь только она получила некоторое облегчение и начинает выезжать, а потому и надеюсь я, что возможно будет пуститься нам в обратный путь [40, с. 246].

Полноценно отдохнуть тайному советнику удавалось редко. Дозволение на отдых он испрашивал лично у императора. Заседания государственных комитетов, на которых он обязан был присутствовать, часто проводились в летние месяцы. «Государь Император изволил мне обещать каждое лето позволять мне несколько месяцев употребить на собственную свою починку. Три года сряду не пользовался я сим дозволением, так как каждое лето случались новые комитеты, в которых и меня поместили» [40, с. 368].

Чувство долга не оставляло Кампенгаузена никогда. Будучи человеком невероятно ответ-

ственным, он просил высочайшего разрешения выезжать на летнюю пору в Финляндию и Лифляндию вместе с секретарём, чтобы на отдыхе продолжать работать [40, с. 369]. И даже свободное время во Франции он использовал для пользы дела: «Его Величество довольно знает меня, чтоб не сомневаться, что конечно ни театры, ни Палероаль не могли удержать меня в сем месте. Все любопытныя и полезныя заведения я успел в подробности здесь рассмотреть в первом месяце по приезде, а остальное время, на которое я можно сказать был арестован, чтоб не проводить в праздности и без пользы занимался я <...> рассмотрением здешняго счётнаго порядка» [40, с. 246], иначе говоря, государственной бухгалтерией.

Свет видел в Кампенгаузене комичную фигуру и рассказывал о нём анекдот. Одно время существовало правило, проезжая через заставу на пути из Петербурга в Царское Село, сообщать дежурному офицеру свою фамилию. Молодые люди, желающие пошутить, договорились называться смешными фамилиями. На этот именно маскарад обратило внимание начальство. Приказано было задержать первого, кто подаст повод к подозрению в подобной шутке. Через два дня после такого распоряжения проезжает через заставу государственный контролёр Балтазар Балтазарович Кампенгаузен и речисто, во всеуслышание, провозглашает имя и звание своё. «Не кстати вздумали вы шутить, — говорит ему караульный, — знаем вашу братию; извольте-ка здесь посидеть, и мы отправим вас к г-ну коменданту» [46]. Несмотря на все заверения барона в том, что это его подлинное имя, офицер был неумолим и посадил тайного советника на гауптвахту до разъяснения ситуации. Насколько правдива эта история неизвестно, но исторический анекдот пережил самого барона.

Жизнь Балтазара Балтазаровича оборвалась по несчастливому стечению обстоятельств. Кампенгаузен был выброшен из экипажа понёсшимися лошадьми, сильно ушибся и через две недели скончался. По городу поползли слухи о преднамеренном умысле. На самом деле причиной смерти Кампенгаузена стала не травма, вызванная падением из экипажа, а врачебная ошибка.

«Бедного Кампенгаузена вывалили из ландо, и не знаю, переломил ли или вывихнул он себе руку, только придётся ему полежать несколько недель при величайших мучениях», — сообщал близко знавший барона Константин Булгаков 21 августа 1823 года в письме брату Александру [47, с. 316].

Барон со свойственной ему ответственностью немедленно послал курьера к императору известить о том, что не сможет временно управлять министерством. По заключению медиков при падении из экипажа Кампенгаузен получил *fissuram colli brachii* и перелом локтевого отростка, который совершенно отвалился с большим по окружности кровоизлиянием [48]. Образовалась опухоль, по виду напоминающая нарыв. Лечили его немецкие медицинские светила Буш, Гейрот, Энегольм, Арендт и русский доктор Илья Васильевич Буяльский. Дело шло на поправку, больной сменил постельный режим на активный и только жаловался на боль в суставе. Лечащие врачи провели консилиум: немцы настаивали на вскрытии нарыва, Буяльский решительно возражал, уверяя, что в локте не нарыв, а кровь, и что вскрытие приведёт к гибели сустава и ампутации руки. Немецкие коллеги к голосу молодого врача не прислушались. Уплотнение было вскрыто, сустав обнажился, гноя вокруг него не оказалось ни капли. К вечеру после операции рука пациента распухла, на другой день у него началась горячка. «Он сделал завещание, призвал священника и после уже не был почти в памяти» [47, с. 338]. Умирая, Балтазар Балтазарович бредил. В бреду он сражался с нарушителями закона, «и хотя тут не до смеха было, нельзя было удержаться, как он делал пиф-паф — и эти мошенники-контрабандисты повержены», — делился впечатлениями К. Я. Булгаков [47, с. 339]. 11 сентября 1823 года в пять часов по полудни Б. Б. Кампенгаузен «умер от усилившегося Антонова огня [гангрены. — *Е. В.*]» [Там же]. Буш признал свою ошибку: «Это мы все, кроме Буяльского, уложили Кампенгаузена в гроб» [48].

Похороны барона Кампенгаузена состоялись через восемь дней после кончины. На прощании с высоким чиновником в лютеранской церкви Святой Екатерины присутствовало много народа — члены Совета, сенаторы и другие официальные лица. К. Я. Булгаков вспоминал: «Пастор Рейнбот говорил надгробную речь сперва по-немецки, потом по-русски и очень хорошо. Отпевали (или лучше сказать церемония была, ибо у них после проповеди благославят гроб, да и кончено) в той же церкви, где отпевали Керестурия. [Титулярный советник Н. Ф. Керестури скончался в 1822 году и был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище в Петербурге. — *Е. В.*] Я ездил с Тургеневым, который нашёл, что всё хорошо, только не было завтрака» [47, с. 341].

Где упокоился Б. Б. Кампенгаузен, неизвестно. Среди захороненных на Смоленском люте-

ранском кладбище в Петербурге его имени нет. Учитывая, что Буяльский бальзамировал тело покойного [48, с. 603], можно предположить, что последним пристанищем барона стало родовое кладбище в Лифляндии.

Свою библиотеку барон завещал лучшему другу графу Аракчееву. Именья перешли к вдове. Прасковья Петровна сделалась владелицей села Быстреево и деревень Высоково [49, с. 188], Дворище [49, с. 203], Заречье [49, с. 241], Симанский лог [49, с. 378], Запесенье [50], Подчасовенье [51], Жуковская пустошь [52] в Санкт-Петербургской губернии, деревень Стокопани и Водяное в Таврической губернии [53], деревни Безобразовки в Саратовской губернии. Одним из первых шагов вдовы стала продажа в феврале 1824 года 293-х десятин доставшейся от мужа земли в Саратовской губернии графу Д. Н. Шереметеву [54].

При жизни барона Кампенгаузена Прасковья Петровна почти не бывала в Андрианополе. После долгого отсутствия она, наконец, вернулась на родину. В сентябре 1825 года баронесса писала Аракчееву, который всегда относился к ней галантно и уважительно: «Пробыв около трёх недель в Москве для некоторых собственных дел, я наконец доехала до деревни моей, где после десятилетнего совершенного во всех частях неустроенства, не нашла почти места для первоначального помещения и ежечасно хлопоту только о том, чтоб от дождя и морозов укрыть себя кое как на зимнее время» [40, с. 456]. Будучи женщиной энергичной, она быстро привела в порядок дорогой сердцу Андрианополь.

Осенью 1825 года по дороге в Таганрог вдову Кампенгаузен удостоил своей аудиенцией император Александр I. Об этом счастливом событии Прасковья Петровна рассказывала так: «В проезд Государя Императора от Бахмута к Таганрогу, третья станция называемая Андрианопольскою находится в моём имении, но как по случаю отдалённости станционного дом в поворот от большой дороги на 2 версты, почтовый стан расположен был на самой дороге в пустом степном месте, то потому приготовлены мною были на том месте ставки и завтрак на случай, бы Государю угодно было дозволить мне встретить Его Величество. По предварительном с моей стороны спросе Государь Император Всемилостивейше повелел известить меня, что Его Величеству угодно удостоить видеть меня, и на другой день, то есть 13-го сентября, осчастливлена я была посещением Августейшего Монарха с изъявлением особенного Высочайшего благоволения» [40, с. 456 — 457].

Через два с половиной месяца после памятной встречи баронесса спешно выехала из Андрианополя в Таганрог, чтобы выразить скорбь в связи со скоропостижной смертью Александра I.

ПОРОЧНАЯ СВЯЗЬ

Брак с бароном Кампенгаузенем проложил Прасковьи Перич путь из провинциального захолустья до императорского дворца. Холодный расчёт сделал из уездной барышни даму высшего света. Настоящую любовь баронесса Кампенгаузен встретила будучи замужней женщиной. Со всей силой нерастраченных чувств она кинулась в омут страстей, не заботясь о мнении света и не щадя репутацию мужа. Избранником прекрасной баронессы стал чиновник из Министерства внутренних дел Катенин.

Зажиточный дворянский род Катениных владел в Чухломском и Кологривском уездах Костромской губернии большими сёлами — Клусеево, Бореево, Занино и Шаёво. Дед, Ф. И. Катенин, слыл жестоким барином. На эшафоте в Занино частенько пороли и пытали крепостных и дворовых людей. Генерал-лейтенант Александр Фёдорович Катенин имел трёх сыновей, из которых известными сделались Пётр и Павел.

Долгое время баронессе Кампенгаузен приписывали связь с Павлом Александровичем Катениным [55, л. 230]. И. Б. Муравьёва убедительно доказала, что Прасковья Петровна Кампенгаузен состояла в отношениях с Петром Александровичем Катениным [56], который был её моложе на семь лет.

Оба брата Катенина получили хорошее домашнее образование. При разделе наследства им досталось «по 300 родовых душ с отличнейшими сёлами, усадьбами, с большими барскими хоромами» [57, с. 26]: Петру — Бореево, Павлу — Клусеево. В отсутствие господ имениями занимались управляющие. Младший Павел Александрович (1792—1853) прославился как переводчик, литератор, режиссёр. Начав службу по гражданской части, он продолжил её на военном поприще: участвовал в Отечественной войне 1812 года и последовавших заграничных походах. В 1816 году Павел Александрович вступил в Союз спасения, в 1820-м из-за политических высказываний в чине полковника был отстранён от военной службы, в 1822 году после публичного демарша в адрес столичного губернатора Милорадовича сослан на три года в своё костромское имение. Павел Катенин был

Павел Катенин. Неизвестный художник. Первая пол. XIX в. Опубликовано: Меч и лира : Лит. наследие декабристов : Антология. М., 1976. С. 80—81.

необыкновенно начитан, обладал прекрасной памятью, редкими ораторскими способностями, «живым, смелым, острым, саркастическим умом и неистощимым, жгучим остроумием» [57, с. 27].

По воспоминаниям Н. П. Макарова, его крёстный отец Пётр Александрович Катенин «был тоже замечателен, но не умом, не талантами, в которых он и до колена не доходил до своего брата, а своею эксцентричностью» [57, с. 28], да к тому же страдал запоями.

Семнадцатилетним юношей он был зачислен в министерство и дослужился до статского советника. После графа В. П. Кочубея его начальником непродолжительное время был Б. Б. Кампенгаузен. По отставке Пётр Катенин поселился в деревне.

Большинство его соседей по уезду владели лишь основами грамоты и четырьмя правилами арифметики. Начитанностью провинциальное дворянство похвалиться не могло: газеты, если и выписывали, то ради публикуемых в них высочайших указов. Главным развлечением являлась псовая охота. С приходом осени начинались отъезжие поля. Владелец сотни крестьянских душ держал от 50 до 100 борзых и гончих со стремянными и доезжачим. Ценившиеся за свои родословные четвероногие аристократы жили с хозяевами в усадьбах и питались с барского стола. Охота в полях сопровождалась торжественными ритуалами и продолжалась иногда больше недели. Нередко на охоту выезжали дамы в колясках. Бывало, травля русака заканчивалась страшной ссорой. «Хорошо, если дело ограничивалось одними ударами столбового арапника по мелкопоместной спине» [57, с. 11].

Незавидная роль малодушных (владевших малым количеством душ) дворян в отъездных полях породила поговорку «охота пуще неволи». Отношения выяснялись с помощью охотничьих ножей, но потом всё быстро предавалось забвению и заканчивалось братскими объятиями.

Состоятельные помещики разнообразили свой деревенский досуг хлебосольством и тяжбами с соседями. Гостили по многу дней, судились по пустыкам. Летом играли в горелки с дворовыми девками и слушали деревенское хоровое пение. «Почти у каждого зажиточного помещика был свой шут, дурачок или просто прихлебатель-балагур. И все эти жалкие унижения и растреления не только дворянского, но и всякого человеческого достоинства, должны были волею-неволею забавлять, смешить своих патронов и гостей их» [57, с. 15].

Образ жизни Петра Катенина если и отличался от соседей-помещиков, то в худшую сторону. О самодурствах Петра Александровича ходили рассказы. В отличие от брата Павла, ненавидящего всяческие причты, Пётр компании светски образованных людей предпочитал общество деревенских дьячков, псаломщиков, пономарей. В момент запоев Пётр Александрович любил собирать вокруг себя причётников и глумиться над ними. Однажды, напоив до бесчувствия сельского дьячка, он велел дворовым посадить собутыльника в мешок и доставить к жене со словами: «Пётр Александрович приказали вам кланяться и прислали мешок с новой рожью». Через некоторое время завязанный мешок начал в углу избы шевелиться, а потом чихнул. Жена выпивохи с воплями «С нами крестная сила! Рожь чихает!» выскочила на улицу. На её крики собрались мужики. Самые храбрые с молитвами и крестными знаменьями вошли в избу и, развязав мешок, с изумлением увидели всклокоченную бороду церковного служителя.

«В другой раз Пётр Александрович одного из причётников, полуупоённого, заставил влезть в печь и пропеть оттуда ектению» [57, с. 30]. Однажды смеха ради он усадил пьяных до бесчувствия причётников вокруг стола и припечатал их бороды к столу сургучом. Когда наученная прислуга вбежала в комнату с криками «Пожар!», гости очнулись и в панике дёрнули бороды.

Надо заметить, что, постарев, блестящий интеллектуал и гений красноречия Павел Александрович Катенин тоже, как и брат, «сделался пьяницей и впал в сальности, в грязь и в такие цинические эксцентричности, что его все стали обегать, как зачумлённого или одержимого

опасною манией» [57, с. 28]. Одна из его запомнившихся выходов называлась «Въезд в Иерусалим». Барин собирал своих крепостных крестьян и дворовых людей обоёго пола с детьми, расставлял в два ряда по дороге от усадьбы до деревни с ветвями вербы в руках, а сам, усевшись на клячу, проезжал сквозь строй махавших ветвями поданных. Похоже, склонность к эксцентричному поведению была семейной чертой.

В отношениях с родными Пётр Катенин вёл себя крайне непорядочно. Мать он обвинял в том, что она дала вольную семнадцати девушкам из Шаёва, тем самым лишив его части наследства, младшего брат, напротив, сам лишил имущества. Павел Александрович Катенин в письме к Бахтину в феврале 1842 года сетовал: «Пока я служил на Кавказе, брат мой Пётр Александрович, имевший от меня доверенность, продал одну из моих деревень в 50 душ и выручку промотал; возвратясь восвояси, нашёл я своё имение совершенно разорённое и кругом в долгу» [58, л. 7]

Свои отношения с возлюбленным Прасковья Петровна никогда не скрывала. Балтазар Кампенгаузен с супружеской неверностью смирился. Привыкшее к адюльтерам общество баронессе отторгать не стало.

По смерти Б. Б. Кампенгаузена Катенин переселился в имении баронессы на правах невенчанного мужа. Прасковья Петровна поступок возлюбленного не осуждала.

Жестокие нравы того времени были скорее нормой, чем исключением. В имении Аракчеева Грузино, где любили гостить барон и баронесса Кампенгаузен, полноправной хозяйкой чувствовала себя сожительница графа Настасья Минкина. Сама из крепостных, она так прославилась изощрёнными издевательствами и пытками над крепостными и дворовыми людьми, что заслужила приглашение на бал сатаны в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Прасковья Кампенгаузен к людям, находившимся в услужении и тем более в собственности, сочувствия не испытывала, наоборот, порой сама проявляла злобу и агрессию.

Осенью 1831 года Прасковья Кампенгаузен и Пётр Катенин оказались виновными в гибели крестьянского мальчика [59]. Крепостной некоего поручика Лаврова был насмерть задавлен упавшим обозом на 20-й версте от Гатчины Большой Лугской дороги. Баронесса и статский советник возвращались из столицы в имение в коляске, запряжённой четырьмя почтовыми лошадьми. Ямщик, вёзший господ, утверждал, что они «беспрестанно понуждали его ехать

шибко, несмотря на темноту ночи» [59, л. 4]. «Настигнув шедший по дороге обоз», Кампенгаузен с Катениным «желали объехать оный» [59, л. 2]. Пётр Александрович приказал сидевшему на козлах рядом с ямщиком дворовому человеку отогнать обозных лошадей на обочину [59, л. 3]. Лакей выхватил у кучера кнут и ударил по лошадям. Одна из лошадей испугалась, бросилась в сторону и опрокинула обоз с поклажей в придорожную канаву. Выпавший из него 13-летний Тимофей Патракеев погиб. Два уцелевших из обоза человека схватили почтовых лошадей за дышло и стали просить дворовых баронессы о помощи. Однако Катенин не только не разрешил лакеям поднять обоз, но, применив силу, оттолкнул потерпевших. В это время из коляски баронесса Кампенгаузен в запале «бранила и кричала ему [Катенину. — Е. В.]: «Ступай и дави их!» [59, л. 3 об.]».

На следствии Кампенгаузен и Катенин свою вину отвергали, говоря, что ехали тихо и не заметили задавленного возом мальчика. Суд постановил, что смерть мальчика Патракеева последовала исключительно от неосмотрительного распоряжения господ. В вину им поставили отсутствие человеколюбия: своевременная помощь могла бы спасти подростку жизнь. Баронесса и статский советник были преданы церковному покаянию. Им также следовало уплатить «в удовлетворение поручика Лаврова положенное по закону денежное взыскание за задавленного мальчика» [59, л. 2]. Под предлогом болезни виновники несчастного случая с августа 1832 года по февраль 1834 года от наложенной эпитимии уклонялись [58, л. 19]. Наказание понёс хлестнувший лошадей кнутом дворовый баронессы Михаил Федотов: он получил 15 ударов батогами. Решение надворного суда по делу о гибели Тимофея Патрикеева министр юстиции доложил государственному секретарю, а тот, в свою очередь, императору.

В южном поместье баронессы тоже царил жестокость. Дело управляющего Андрианополем коллежского регистратора Турчанинова о жестоком обращении с крепостными рассматривал Славяносербский земский суд [60]. Два крестьянина Копатченко и Лейба после телесных наказаний выжили, а Демьян Пасешниченко, зверски избитый 29 мая 1826 года, спустя пять дней от побоев умер. «22 человека, видевших сие произшествие, под присягой утвердили, что Турчанинов на гумне сперва сам кулаками по спине и бокам, а потом вместе с атаманом Величенком били Пасешниченка палками столь жестоко, что у него изо рта и носа пошла кровь,

от чего он упал на землю, ударился грудью об оную» [60, л. 10 об.]. В своё оправдание Турчанинов утверждал, что покойный имел пагубную привычку пить и был наказан «ударами тонким прутиком по задней части тела» за уклонение от работ [60, л. 6 об.]. Следствие велось более двух лет. Славяносербский земский суд приговорил жестокого управляющего к выплате 150 рублей крестьянской вдове и «для очищения совести» к церковному покаянию, «сколько времени духовное правительство назначит» [60, л. 6 об.]. Екатеринославская палата уголовного суда за то, что во время судебного расследования Турчанинов проявил себя человеком «строптивым и ожесточённого характера», постановила «впредь его к управлению именными не допускать и надписать на его паспорте» [60, л. 12 об.]».

Пылкая страсть Прасковьи Петровны и Петра Александровича увенчалась рождением ребёнка. Незаконнорождённую дочь баронесса назвала Прасковьей [55, С. 230].

В Андрианополе проживала привезённая Прасковьей Петровной гувернантка-француженка. Не поладив с барыней, девушка попросила её отпустить. Баронесса отдавать паспорт гувернантке категорически отказалась, мотивируя тем, что договор был служить ей три года. Воспользовавшись совместной поездкой в Таганрог, француженка обратилась за защитой к графу Воронцову. Посланному графом к баронессе адъютанту, а затем полицмейстеру Прасковья Петровна грубо отказала. Кавалерственная дама была решительно не согласна возвращать паспорт иностранке. Тогда Воронцов объявил баронессе домашний арест, «посадив к ней в залу полицейского офицера и поставив у ворот двух будочников» будочников» [36, с. 285]. П. П. Кампенгаузен вынужденно согласилась отпустить француженку, но пообещала жаловаться на графа.

Тот факт, что гувернантка состояла в услужении у Прасковьи Петровны в 1825 году, а также возраст баронессы (в год смерти супруга — 1823-й — ей было 43 года) и набор хронических болезней, которыми она страдала, дают основания полагать, что ребёнок от связи с Катениным появился на свет ещё при жизни барона Кампенгаузена.

Живя вместе с баронессой в её имении Быстреево, Пётр Катенин распоряжался как хозяин и поплатился жизнью за свою крайнюю жестокость. «Кончина брата, застреленного в деревне баронессы Кампенгаузен беглыми ея крестьянами, вероятно недовольными управ-

лением, прибавила мне 120 душ, так что всего нынче у меня 340, но там ещё больше всяких недостатков и долгов, etc... », — сообщил Павел Александрович приятелю [58, л. 7]. Из записи, сделанной на полях семейной катенинской псалтыри, известно, что расправа произошла около сельца Заречье 1 декабря 1841 года, и убитый был похоронен недалеко от места гибели на Быстреевском погосте. К сожалению, сама псалтырь в 1970-х годах из Костромского областного архива пропала. Остались записи, скопированные с неё костромскими краеведами. О захоронении Петра Александровича Катенина на погосте рядом с именем баронессы Кампенгаузен сообщает также «Русский провинциальный некрополь» [61].

УКРОЩЕНИЕ СТРАСТЕЙ

На 19-й версте дороги, ведущей из Петербурга в Стрельню, располагалась Свято-Троицкая приморская пустынь. Проезжавшие по Петергофскому тракту издали замечали золотые купола и кирпичные стены обители.

*Свт. Игнатий Брянчанинов.
Неизвестный художник. Между 1834 и 1851 гг.
Государственный Русский музей*

Расцвет монастыря основанного при Анне Иоанновне, пришёлся на годы наместничества архимандрита Игнатия.

Святитель Игнатий принял обитель 27-летним игуменом и пробыл в ней долгие 24 года. Главной заботой молодого наместника стало духовное возрождение монастыря. Он прививал братии дух истинного монашества, вникал в келейную жизнь каждого послушника, назидал

братьев в духовно-нравственной жизни. При нём в обители установился строгий уклад. Руководителем монастырского хора стал известный духовный композитор протоиерей П. И. Турчанинов. За годы наместничества отца Игнатия храмы были отремонтированы, хозяйство обустроено наилучшим образом. Монастырь приобрёл статус первоклассного и стал известен не только в России, но и за её пределами.

Император Николай I обычно проводил лето в Петергофе и вместе с императрицей посещал Свято-Троицкую пустынь. Приблизённая ко двору знать поначалу заезжала в монастырь, чтобы сделать приятное государю и государыне или просто из любопытства. Очень скоро пустынь стала почитаемой. Многие из богатых петербургских жителей стали погребать в обители усопших родственников и делать дорогие пожертвования деньгами или ценностями. На средства прихожан воздвигли поминальные церкви и часовни. Не осталась в стороне и Прасковья Петровна Кампенгаузен. Её стараниями прах убитого возлюбленного Петра Катенина был перенесён с Быстреевского погоста в Голицынскую церковь во имя архистратига Михаила Свято-Троицкой пустыни [62].

Рост популярности обители с приходом отца Игнатия вызван был силой и притягательностью его личности.

Один из самых значительных и ярких богословов и мыслителей XIX века, в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов происходил из богатого аристократического рода. Он получил прекрасное домашнее образование, а затем в чине поручика окончил столичное Военно-инженерное училище, но к службе тяготения не имел. Чувствуя духовное призвание, Дмитрий Александрович написал прошение об отставке. Против его увольнения из армии возражали не только родители: его уговаривал остаться великий князь Михаил Павлович. Неожиданная тяжёлая болезнь позволила Д. Брянчанинову покинуть армию. В возрасте двадцати лет он поступил послушником в Александро-Свирский монастырь, в июне 1831 года принял монашеский постриг и в конце года стал настоятелем Лопотова монастыря на Вологодчине. В мае 1833-го отца Игнатия возвели в сан игумена, в ноябре император поручил ему управление находящейся в запустении Троице-Сергиевой пустыни. В 1857 году в Казанском соборе в Петербурге архимандрит Игнатий был хиротонисан во епископа Кавказского и Черноморского.

Его называли «духовным аристократом». В России XIX века между церковью и интеллигенцией образовался разрыв. Высшие круги общества в большинстве своём являлись сторонниками западных культурных ценностей, в то время как духовенство отстаивало допетровские, сакральные устои жизни. Европейски образованное общество взирало на служителей церкви свысока. Начало формироваться мирское богословие. Святитель Игнатий был один из немногих, кто в силу своего происхождения и образа мыслей сумел наладить диалог между интеллигенцией и церковью. Узы личной дружбы связывали его с композитором М. Глинкой и художником К. Брюлловым. В одном из писем он признавался, что в своих богословских трудах ориентируется в чистоте и ясности языка на Пушкина. «Святитель Игнатий был, пожалуй, единственным в то время мыслителем, который к своим богословским рассуждениям активно подключал язык положительной науки» [63].

Неудивительно, что среди его духовных детей были представители столичной аристократии. В круге лиц, нуждавшихся в пастырском слове святителя Игнатия, нашлось место для Прасковьи Кампенгаузен. Установившиеся между ними отношения позволили баронессе пригласить епископа по дороге к Кавказской кафедре остановиться у неё в имении и вместе встретить праздник Рождества Христова.

Ночевавший в Андрианополе 1 января 1826 года Шенинг вспоминал, что «и дом и церковь очень хороши» [36, с. 288]. По местному преданию, в андрианопольской церкви в 1841 году стоял гроб с телом М. Ю. Лермонтова [64]. Лермонтовы приходились роднёй Катениным, и вполне вероятно, что траурная процессия по дороге с Кавказа могла сделать остановку на ночь в имении баронессы. Стараниями баронессы в 1850 году был обновлён храм во имя Николая Чудотворца. (Храм сохранился до наших дней и относится к Алчевскому благочинию.)

Будучи человеком крайне щедрым на милостыню к нуждающимся, святитель Игнатий за годы службы в Свято-Троицкой пустыни не только не скопил средств, но без посторонней помощи не мог отправиться в дальний путь. Духовно близкий человек снабдил епископа 1000 рублями для поездки из Петербурга в Ставрополь. 25 ноября 1857 года он выехал из Петербурга. Дорога лежала через Москву, Тулу, Орёл и Харьков. 21 декабря по пути из Харькова святитель вместе со спутниками решил заехать в Святогорский монастырь. Погода стояла сухая, ехали в колёсных экипажах. Неожиданно

началась снежная метель, ямщики сбились с дороги, и только чудо уберегло путников: лошади остановились как вкопанные на краю обрыва. Лишь глубокой ночью епископ добрался до монастыря. Оттуда его путь лежал на Бахмут.

Баронесса выслала за епископом шестерик отличных лошадей. Но опять вмешалась непогода, и святитель Игнатий чуть не замёрз в степи.

«Первые двадцать вёрст лошади мчались быстро по летней дороге, покрытой ледяной корой. С начала других 20 верст дорога уже была покрыта снегом. Лошади пошли шагом. Чем дальше, тем снег становился глубже, шестерик остановился. Послали за другими лошадьми. Приведён был ещё шестерик, дормез, запряжённый в двенадцать лошадей, тронулся, но снег становился глубже и глубже — лошади шли с трудом, часто останавливались».

Настала ночь. Кучера сбились в степи с дороги и по необходимости вынуждены были остановиться. К счастью, ночь была не холодная. Отпрягли несколько лошадей, и верховые поехали отыскивать селения и помощь. На звук праздничных колоколов верховые приехали в село. Священник и дьякон, готовившиеся служить литургию, собрали достаточное число народу, лошадей и быков и отправились выручать путника, прошедшего ночь в степи. Епископ пересел из дормеза в сани и приехал в усадьбу в седьмом часу утра. Экипаж привезли на быках. Оказалось, что сбились с дороги в семи верстах от усадьбы по причине бесследно снегом заметённой степи» [65].

Проведя несколько дней в Андрианополе, епископ Игнатий отправился в Ставрополь и прибыл к новому месту назначения 4 января 1858 года.

Епархией святитель Игнатий управлял четыре года, пока тяжёлая болезнь не вынудила его уйти на покой. Оставшиеся годы он провёл в Николо-Бабайском монастыре Костромской епархии: вёл молитвенную жизнь, работал над богословскими трудами, состоял в переписке с духовными детьми. В 1988 году епископ Игнатий (Брянчанинов) был канонизирован. День памяти святителя Игнатия отмечают 13 мая по новому стилю.

Баронесса Прасковья Кампенгаузен прожила долгую жизнь и скончалась в возрасте 89 лет.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Прасковья Петровна Кампенгаузен успела застать крестьянскую реформу. Из подписанных ей выкупных документах 1864 года следует,

что село Стокопани и деревня Водяная Мелитопольского уезда Таврической губернии с принадлежащими к ним 272 ревизскими душами достались ей по духовному завещанию покойного мужа [66, л. 2 об].

Село Андрианополь и хутор Марьинский в Славяносербском уезде согласно купчей крепости, заключённой в Харьковской палате гражданского суда 3 апреля 1862 года [67], баронесса продала соседу по уезду штабс-капитану Тимофею Ивановичу Долинскому. Схожесть фамилий Долинский и Долинино-Иванский ввела в заблуждение исследователей. К. А. Губастов, ссылаясь на В. В. Руммеля, считал, что дочь баронессы Прасковья Михайловна была замужем за орловским помещиком Далининым-Иванским (Долининым-Иванским) [55, л. 230]. Родословие Долининых-Иванских хорошо изучено; среди женщин, присоединившихся к роду путём вступления в брак, нет ни одной с именем Прасковья.

В Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве хранится портрет Прасковьи Петровны Кампенгаузен работы французского художника Бенуа-Шарля Митуара. Первоначально портрет был передан в дар Румянцевскому музею в 1898 году А. А. Блоковым. Даритель не пояснил историю происхождения у него этой работы, уточнив лишь, что написана она была в 1813 году в Париже. Исходя из особенностей костюма баронессы, искусствоведы датируют картину 1820-ми годами [68]. В этот период Митуар работал в Петербурге и был популярен в светских кругах.

На портрете изображена одетая в элегантное тёмно-синее бархатное платье черноокая красавица. Наряд Прасковьи Кампенгаузен дополняет украшенная страусиными перьями и тонким кружевом модная соломенная шляпка на шёлковых лентах. За обворожительным взглядом томных глаз и мягким движением изящной руки сложно распознать властную и своевольную женщину.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русский биографический словарь. [Т. 3] : Ибак — Ключарев. М., 1994. С. 443—445.
2. Новая российская энциклопедия. Т. 7. Ч. 2. М. : Энциклопедия, 2010. С. 150.
3. *Винавер В.* Пера Сегединац. Београд : Пролетар, 1955.
4. Полное собрание законов Российской империи : [собр. 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Т. 13 : 1749—1753. СПб., 1830. С. 840.

5. ЦДІАК України. Ф. 1413. Оп. 1. Д. 4. Л. 376.
6. Там же. Д. 3. Л. 249.
7. Там же. Ф. 1343. Оп. 1. Д. 6. Л. 71 об.
8. *Пишчевич С. С.* Известие о походе Симоны Степановича Пишчевича. 1731 — 1785 / Под ред. Н. Попова. М. : О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1884. С. 189.
9. ЦДІАК України. Ф. 1413. Оп. 1. Д. 2. Л. 17 об.
10. Полное собрание законов... Т. 14. С. 625.
11. *Погов В. И.* Донбасс, век XVIII. Луганск : Светлица, 1988. С. 131.
12. ЦДІАК України. Ф. 1413. Оп. 1. Д. 15. Л. 387.
13. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2419.
14. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 119. Ч. 1. Д. Г 6.
15. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18725. Л. 46.
16. *Феогосий* (Макаревский А. Г.). Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии: церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. Вып. 1. Екатеринослав, 1880. С. 830.
17. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 391 (1). № 12.1.
18. Джерела з історії Південної України. Т. 10. Описи Степової України останньої чверті XVIII — початку XIX століття / Упорядник А. Бойко. Запоріжжя : РА «Тандем-У», 2009. С. 216.
19. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 119. Ч. 1. Д. Литера «А»-8.
20. Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 392. № 106 (1).
21. Там же. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 419. Л. 11, 15.
22. Там же. Ф. 1354. Оп. 119. Ч. 1. Д. Литера «Г» — 6.
23. Петербургская старина. Новости, объявления и распоряжения правительства. 1798 год // Рус. старина. 1875. Т. 12. С. 663.
24. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова [1805 — 1829] 1805. Ч. 2. СПб. : Имп. Академия наук, 1805. С. 146.
25. Месяцеслов с росписью чиновных особ... 1806. Ч. 2. СПб., 1806. С. 208.
26. *Бобринский А.* Дворянские роды, внесённые в общий гербовник Всероссийской империи. Ч. 1. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. С. 161.
27. Сенатские объявления о запрещении на имения. СПб., 1824. № 493, 494, 495. Вып. 1 — 17 от 21 дек. С. 91.
28. Сенатские объявления о запрещении на имения. 1830. № 14848. Вып. 1 от 11 окт. С. 2726.
29. ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп. 1. Д. 341.
30. РГВИА. Ф. 395. Оп. 29. Год 1838. I-е отд. 2-й стол. Д. 105.
31. РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 1755.

32. РГИА. Ф. 577. Оп. 11. Д. 849.
33. РГАВМФ. Ф. 33. Оп. 4. Д. 220.
34. РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 864.
35. РГИА. Ф. 577. Оп. 35. Д. 143.
36. Воспоминания Николая Игнатьевича Шенига // Рус. архив. Кн 3. Вып. 9–12. 1880.
37. Серков А. И. Русское масонство 1731–2000 : энцикл. слов. М. : РОССПЭН, 2001. С. 373.
38. Полное собрание законов Российской империи. Т. 29.
39. Полное собрание законов Российской империи. Т. 30.
40. Дубровин Н. Ф. Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I : (с 1807–1829 г.). Спб. : Тип. Имп. Акад. Наук, 1883.
41. Вигель Ф. Ф. Записки. М. : Захаров, 2000.
42. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1, ч. 1. Д. 362.
43. РГАДА. Ф. 1302. Оп. 5, ч. 1. Д. 373.
44. РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 211.
45. Письма графа А. А. Аракчеева барону Б. Б. Кампенгаузену // Рус. старина. 1896. Т. 86, вып. 5. С. 339.
46. Вяземский П. А. Старая записная книжка. М. : Захаров, 2003, С.449.
47. Булгаков А., Булгаков К. Братья Булгаковы : Переписка. Т. 2. : Письма 1821–1826. М. : Захаров, 2010.
48. Чистович А. Я. Илья Васильевич Буяльский, заслуженный профессор С.-Петербургской мед. хирург. академии // Рус. старина. 1876. Т. 15, вып. 1–4. С. 302.
49. Статистическо-географический словарь Струго-Красненского района Псковской области / авт.-сост. А. Н. Ефимов, А. И. Фёдоров. Струги Красные, 2015.
50. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 354. Ч. 2. Д. Литера «З» – 73.
51. Там же. Ч. 2. Д. Литера «П» – 394.
52. Там же. Ч. 2. Д. Литера «Ж» – 37.
53. Сенатские объявления о запрещениях на имения. 1839. № 17682. Вып. 41. от 10 окт. С. 4099.
54. РГИА. Ф. 1088. Оп. 11. Д. 87. Л. 1.
55. Губастов К. А. Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происходивших от внебрачных союзов. Испр. и доп. А. А. Сиверсом. Машинописный текст. Отпечатано в 2-х экз. СПб., 1895–1915.
56. Муравьёва И. Б. Кто был отцом Прасковьи Михайловны – дочери баронессы Прасковьи Кампенгаузен // Изв. Рус. генеал. о-ва. Вып. 17. СПб., 2005. С. 56–58.
57. Макаров Н. П. Мои семидесятилетние воспоминания и с тем вместе моя полная предсмертная исповедь. Ч. 1. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1881–1882.
58. ГАКО. Ф. Р-1022. Оп. 4. Д. 20.
59. РГИА. Ф. 1151. Оп. 2. (1831 г.). Д. 154.
60. Там же. Оп. 1. (1828 г.). Д. 121.
61. Шереметевский В. В. Русский провинциальный некрополь / Изд. Вел. князь Николай Михайлович. Т. 1. М. : Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерёв и К°, 1914. С. 388.
62. Саитов В. И. Петербургский некрополь / Изд. Вел. князь Николай Михайлович. Т. 2. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. С. 346.
63. Игнатий Брянчанинов: святой аристократ // Фома . журн. URL: <https://foma.ru/ignatij-bryanchaninov-svyatoy-aristokrat.html> (дата обращения 03.06.2020)
64. Луганские журналисты и блогеры посетили храмы Алчевска. Ч. 2. URL: (дата обращения 03.06.2020)
65. Жизнеописание святителя Игнатия Брянчанинова. М. : Изд-во. им. свт. Игнатия Ставроп.; Рос. нац. б-ка, 2002. С. 212.
66. РГИА. Ф. 577. Оп. 39. Д. 30.
67. Там же. Оп. 11. Д. 806. Л. 6, 16–16 об.
68. Эра Румянцевского музея. Картинная галерея : Из истории формирования собр. ГМИИ им. А. С. Пушкина Гос. музей изобраз. искусств им. А. С. Пушкина, Российская гос. б-ка; [под общ. ред. К. Г. Богемской]. М. : Красная площадь, 2010. С. 220–221.

Е. В. ХАЛДАЕВ

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ СЕВАСТЬЯНОВЫХ. НЕИЗБЕЖНОСТЬ ВЫБОРА

Тридцать два года в глубине нижнего ящика моего письменного стола лежат маленький блокнот и аудиокассета «Depon». На обложке блокнота и на бумажной полоске кассеты одна и та же надпись: «Севастьяновы». Третий предмет — номер главной газеты СССР «Правда» от осени 1988 года, с которого и началась эта история, затерялся куда-то вместе со страной. Но я хорошо помню текст статьи, посвящённой Вячеславу Петровичу Севастьянову, на 90-м году жизни обитающему во французском пансионе, сыну редактора некогда главной газеты нашего края — «Донских областных ведомостей».

В этой истории будет необъяснимо много совпадений, но первое — две непримиримые газеты: «буржуйская» и большевистская — каким-то непостижимым образом спустя 70 лет пересеклись в комнате старинного французского особняка, послужив поводом для рассказа о трёх поколениях казачьей семьи.

В долгой беседе с журналистом Вячеслав Петрович подробно рассказывает трагическую историю жизни, проведённой в эмиграции. Он одинок, сильно болен, ухаживать за ним некому. В Новочеркасске живёт его младший брат Иван с семьёй, они переписывались, и на вопрос журналиста, не пытался ли его собеседник вернуться назад, в Россию, Севастьянов горько сетует: дескать, рад бы, пытался неоднократно, лет двадцать назад просил брата помочь, принять, но не дождался приглашения.

Прочитав эти строки, я сразу же потянулся к городскому телефонному справочнику, лежащему, по традиции тех лет, под аппаратом. Нахожу Севастьянова И. П., проживающего на проспекте Платовском, вот и номер 2-57-93. Откладываю звонок на следующий день, вечером готовлюсь к разговору, набрасываю список вопросов — вдруг всё общение ограничится телефонной беседой, ещё раз перечитываю статью в «Правде», нахожу несколько важных, пропущенных при первом чтении деталей.

На следующий день с волнением набираю номер. Трубку поднимает сам Иван Петрович и после моего представления: «Корреспондент газеты Новочеркасского политехнического института «Кадры индустрии» отвечает: «Знаю

такую газету, некогда работал в НПИ». Голос собеседника приветливый, бодрый. Воодушевлённый ответом задаю главный вопрос: «Слышал ли Иван Петрович о статье в «Правде», в которой упоминается его брат?». Оказывается, читал и готов ответить на все мои вопросы, но не по телефону, а при личной беседе. Следует приглашение в гости по известному мне адресу в один из ближайших дней.

Так началось моё знакомство с семьёй Севастьяновых. Осенью 1988 года оно ограничилось лишь Иваном Петровичем, его женой и дочерью. Но сейчас, в июне 2020-го, когда пишется эта статья, круг общения постоянно расширяется, происходит знакомство с новыми людьми, имеющими непосредственное отношение к истории этого казачьего рода.

— Пожалуй, я расскажу, хотя бы вкратце о нашей семье. — Иван Петрович выжидающе смотрит на меня. — Начинать сразу с наших отношений с Вячеславом, не зная предыстории, будет неправильно...

Соглашаюсь, и начинается долгое, увлекательнейшее повествование, длящееся несколько часов.

— Мой дедушка приехал в Новочеркасск в середине XIX века из станицы Есауловской. Спустя немногим более десяти лет он был рукоположен в священники Успенской единоверческой церкви, некогда расположенной на Архангельской площади, и прослужил в ней до самой смерти. У супругов Севастьяновых было два сына и две дочери. Когда сыновья подросли, дедушка купил подворье с тремя домами на улице Комитетской № 107.

Иван Петрович говорит о подсобном хозяйстве во дворе, но я, извинившись, перебиваю его: «Один из домов выходит на улицу, а два расположены во дворе? И если считать от угла улицы Орджоникидзе, в прошлом Барочной, то это четвёртый дом? Кирпичный, одноэтажный, парадное на улицу с кованым навесом?».

Иван Петрович озадаченно смотрит на меня: «Да, тот самый дом. Я понимаю, что вы хорошо знаете город, в котором живёте, но старая нумерация улиц, откуда вам известна?»

— Дело в том, — заявляю не без гордости, — что по старой нумерации в угловом доме № 109-а,

Евгений Васильевич Халдаев, журналист, краевед, г. Новочеркасск

некогда принадлежавшем генерал-майору Муженкову Андрею Алексеевичу — помните такого? (Иван Петрович изумлённо кивает) — в связи с моим рождением в 1959 году отцу тогда же дали квартиру, в которой я и прожил двадцать четыре года, а родители живут и поныне. А на счёт старой нумерации... Первое, что я сделал несколько лет назад, попав в библиотеку Музея истории донского казачества, — посмотрел в дореволюционном справочнике, кому принадлежал дом, в котором вырос.

Дом по ул. Комитетской №107 (ныне №135).
Фото из личного архива Е. В. Халдаева

— Евгений Васильевич, так мы ребята с Комитетской, — смеётся Севастьянов, правда, с небольшим...

— ...временным интервалом, — подсказываю я. И добавляю с огорчением: собственно, я-то Ждановский (в советское время улица носила имя партийного деятеля А. А. Жданова).

— Да, кстати, это переименование меня всегда удивляло, — хитро улыбаясь, говорит Иван Петрович. — Комитетская, ведь совершенно советское название для улицы! Но прожил я здесь немногим больше десяти лет, — улыбка на его лице постепенно стирается по мере рассказа о последовавших трагических событиях в семье.

— Избегаю проходить мимо нашего родового гнезда. Слишком тяжелы воспоминания...

О дедушке он больше не упоминает, поэтому для последовательного изложения семейной саги начну с главы об основателе рода Севастьяновых в Новочеркасске — иерее Иоанне, подготовленной на основе изучения дореволюционных источников и дополненной беседами с людьми, имеющими отношение к этой истории.

I. ОТЕЦ

Покидая старую веру

Иду вперёд силой веры своей в лучшее,
а путь расчищаю сомнением.

Михаил Пришвин

С переселением жителей из Черкаска в новую столицу Дона в Новочеркасске, кроме православных церквей, появились и старообрядческие моленные дома. Первым перевезённым из Черкаска был молитвенный дом Ивана Ивановича Сербинова.

«В начале же 60-х годов (XIX века. — Е. Х.) Новочеркасск стал посещать старообрядческий архиерей австрийского поставления Иов — урядник Кавказской станицы Кубанской области Иван Андреевич Грянин. Он особенно упрочил в Новочеркасске австрийское жесвященство и сплотил вокруг себя новочеркасских старообрядцев, принявших это жесвященство, которые уважали его за аскетическую жизнь.

<...> В 1866 году к Новочеркасской Сербиновской моленной Иовом был рукоположен во жесвященники казак Есауловской станицы Иоанн Севастьянов, который прослужил в этой моленной пять лет... Осенью 1871 года... была построена и освящена Иоанном Севастьяновым новая моленная, в которой он прослужил семь лет»[1].

В 1867 году архиепископом Донским и Новочеркасским был назначен Высокопреосвященный Платон — «хороший знаток раскола» <...> он вскоре... стал заботиться об устроении единоверия в самом Новочеркасске. Зимой 1869—70 года им был вызван из Москвы известный в то время противораскольнический миссионер, иеромонах Пафнутий. [Его] приезд... сильно всколыхнул здешних старообрядцев. Когда епархиальное начальство пригласило их на публичное собеседование с иеромонахом Пафнутием о причинах разделения старообрядцев с православною церковью, то они положительно растерялись, тем более, что они получили сведения, что беседы о. Пафнутия со старообрядцами в верховых донских станицах значительно поколебали надежду лучших людей из старообрядцев на получение спасения в старообрядчестве. Собравшись для решения столь важного вопроса... они решили единогласно: «ни под коим видом никто не должен ходить на эти беседы». Это решение было принято несмотря на то, что их лжепоп Иоанн Севастьянов решительно высказывал мнение, что нужно обя-

зательно ходить на такие беседы и обличать еретиков в их заблуждениях... На это Севастьянову собрание ответило так: "мы вас просим, батюшка, ради Бога не ходить на эти беседы, а если вы пойдёте, да вас там возьмут и посадят в тюрьму, тогда на нас не пеняйте: мы отказываемся от вас и от вашей семьи. Тогда сами, как знаете, оправдывайтесь!" По причине этих угроз Севастьянов согласился с ними и не пошёл на беседы, но некоторым из своих прихожан всё-таки посоветовал пойти послушать эти беседы.

<...> В 1873 году архиепископом Платоном был вызван из Москвы в Новочеркасск противораскольнический миссионер игумен Никольского единоверческого монастыря Павел Прусский. Новочеркасские старообрядцы и от бесед с о. Павлом отказались... Севастьянов согласился принять его у себя в доме. Расстался с ним о. Павел мирно, посоветовав ему читать книги и особенно полемические, чтобы непосредственно убедиться, как неправы те, которые не читая книг, написанных православными, думают, что в них всё содержание душепагубное и еретическое» [2, с. 552 – 554].

Спустя два года о. Павел снова побывал в донской столице и встреча с представителями городского старообрядчества всё же состоялась. При этом гостей на беседу было допущено всего четыре человека, а делегация во главе с Иоанном Севастьяновым насчитывала до тридцати человек. Встреча длилась семь часов и была прервана по требованию хозяев.

«В 1878 году в апреле месяце Севастьянов заявил своим прихожанам, что он не признаёт своего так называемого австрийского лжесвященства истинным, не признаёт истинными и общества беглопоповцев и беспоповцев, что он считает единою, святою, соборною и апостольскою церковью только церковь греко-российскую, и предложил им рассмотреть, насколько верны доводы, на которых он основывает своё мнение. Такое заявление Севастьянова всех новочеркасских старообрядцев поразило как громом. Главные представители его прихода в тот же день собрались в одном частном доме, куда пригласили Севастьянова, и со слезами умоляли его выбросить из головы такие, по их мнению, еретические убеждения и просили его ехать в Москву к владыке Антонию, который разъяснит ему всё и убедит его, что старообрядческая церковь есть истинная, а никонианская — еретическая. Севастьянов охотно согласился» [2, с. 555 – 556].

«Севастьянов человек способный, начитанный, трезвый и скромный. Старообрядцы ува-

жали его и ценили, как лучшего из своих попов. Дорожа им, они смотрели сквозь пальцы и на то, что он воспитывал детей своих в гимназии, и на то, что не чуждался православного духовенства. Пользуясь уважением [своей паствы], он получал от них и хорошее материальное обеспечение. <...> Сколько известно нам... о. Иоанн долго искал истины и долго боролся сам с собою, прежде нежели решился вступить в православную церковь. Сомнения в правоте старообрядчества начались у него с размышления и чтения книг о своём звании, о своей пастьерской деятельности. От мысли о законности своего служения он естественно перешёл к вопросу о законности старообрядческой иерархии, от которой он получил священство. Решение этого вопроса должно было осветить ему многое, успокоить его, или же взволновать ещё более. Если архиереи наши, — рассуждал о. Иоанн, законны, т. е. получили благодать хиротонии по преимуществу от апостолов, то и рукоположенные ими священники — действительные священники; если же нет, то, что такое наше старообрядство? и что такое я? какую роль играю у новочеркасских старообрядцев? Чтение книг, беседа с людьми, знающими церковную историю и церковные каноны, размышление — всё наводило его на сомнение в законности старообрядского священства» [3, с. 142 – 143].

Отец Иоанн дважды побывал в Москве у епископа Антония — высшего духовного лица в старообрядчестве, беседовал с его лучшим знатоком веры, но сомнений своих не развеял. Следует отметить, что на последней беседе по настоятельной просьбе Севастьянова присутствовал упомянутый выше миссионер Павел Прусский. В ходе диалога представителем епископа Антония «были высказаны все возможные оправдания раскола, и все они самым основательным образом были опровергнуты о. Павлом» [2, с. 556].

Так же и члены духовного совета, состоящего при Антонию, не дали устных ответов на вопросы новочеркасского священника, «а потребовали только, чтобы он дал подписку в безмолвном и беспрекословном послушании совету» [3, с. 147]. Убедившись окончательно, что московские представители старообрядства не могут доказать законность своей иерархии... о. Иоанн решился оставить их и по возвращении из Москвы присоединился к православной церкви.

<...> Многие [из его паствы] искренне горюют... о своей потере и никак не могут объяснить себе, что побудило о. Иоанна оставить их. «Хоть бы ты сделал преступление какое, — говорил

ему один из прежних прихожан, — тогда нам было бы легче расстаться с тобою; а то так, без всякой причины взял, да и ушёл» [3, с. 143].

Подводя итог рассказу о поиске Иоанном Севастьяновым истинной веры, автор значительной части процитированного выше текста Преосвященнейший Нестор, епископ Аксайский, с удовлетворением замечает: «Теперь он благодушен, спокоен и рад, что Господь помог ему безопасно выйти из густой мглы недоумений и сомнений на свет Божий» [3, с. 147]. Но спокойствие отца Иоанна не могло длиться долго. Он принял новый вызов, в конечном счёте, вписавший его имя в историю новочеркасского единоверчества.

И воздвигли храм сей

*Но Всевышний не в рукотворных храмах живёт,
как говорит пророк:
«Небо — престол Мой,
и земля — подножие ног Моих.
Какой дом созиждете Мне, — говорит Господь,
или какое место для покоя Моего?
Не Моя ли рука сотворила всё это?»*

Деяния 7:47-50

Служение Иоанна Севастьянова в православии началось с 1879 года. 2 февраля он был рукоположен в дьякона [4], а через день — в единоверческого священника. К этому времени относится и создание первой единоверческой общины в Новочеркасске.

Следует отметить, что единоверием называется вид воссоединения русских старообрядцев-раскольников с православной церковью, по которому за старообрядцами сохраняется право совершать богослужения и таинства по старопечатным книгам и по своим обрядам под условием подчинения в иерархическом отношении православной церкви и принятия ими священнослужителей от православных архиереев.

Фактически, единоверие — «ступень к православию».

В середине XIX века проблема старообрядчества в Новочеркасске обозначилась достаточно остро и затронула различные слои общества. Достаточно сказать, что значительная часть членов Общества донских торговых казаков, являющихся попечителями и благотворителями, относилась к исповедующим старообрядчество. Представители известных в городе фамилий Байдалаковых, Шапошниковых, Сербиновых, братьев Рудухиных поддерживали различные

направления в старой вере и строили на принадлежащих им участках собственные моленные дома.

Но у новочеркасских единоверцев своего храма не было. Новообразованной общине было предложено временно воспользоваться пустующей с 1872 года старой Михаило-Архангельской церковью. История её восходит к концу XVIII века, когда в прежней столице Дона — Черкасске был построен храм во имя Архистратига Михаила. В связи с последовавшим переселением в Новочеркасск значительной части прихода в декабре 1812 года было разрешено перенести и церковь в новую столицу и установить на площади, позже получившей название Архангельская [5]. Спустя девять месяцев новый деревянный храм был освящён. Шестьдесят лет здесь проходили службы, сформировался немногочисленный приход. Причём его десятую часть традиционно составляли раскольники. Но уже к середине XIX века здание значительно обветшало. Стараниями благотворителей неподалёку, на углу Платовского проспекта, в 1873 году был освящён величественный каменный Михаило-Архангельский храм.

Старую церковь закрыли на семь лет и лишь 11 февраля 1879 года в ней состоялось первое богослужение единоверцев. А уже через четыре дня «Высокопреосвященный Александр, Архиепископ Донской и Новочеркасский... изволил дать Донской консистории предложение следующего содержания: «Казак торгового общества в г. Новочеркасске Семён Николаевич Кошкин, принимая участие в открытии единоверческого прихода при старой Архангельской церкви и сочувствуя нуждам единоверцев в приспособлении этой церкви к совершению в ней богослужений, представил мне на днях триста рублей на этот предмет, которые переданы мною новорукоположенному к этой церкви священнику Иоанну Савостьянову для употребления их по назначению» [6].

Читая документы Донской консистории, я обратил внимание, что фамилия отца Иоанна имеет два написания — Севастьянов и Савостьянов. Чем было вызвано различие? Возможно, приехавший в Новочеркасск из станицы Есауловской раскольник звался Иваном Ивановичем Савостьяновым, но после принятия православия стал Иоанном Севастьяновым. Впрочем, в более поздних текстах также встречается Савостьянов [7, с. 156]. В поисках сведущего человека, совершенно случайно (как повелось в этой истории) узнал о священнике... Иоанне Севастьянове. Но только нашем современнике,

настоятеле ростовского старообрядческого Покровского кафедрального собора иерее Иоанне Михайловиче Севастьянове, любезно согласившемся ответить на мои вопросы. Конечно же, не мог не спросить его, не родственник ли он нашему герою?

— Дело в том, что в старообрядческом хуторе Подстепный станицы Есауловской, откуда родом персонаж вашей статьи и мои предки, подавляющее большинство жителей Севастьяновы или Савастьяновы. Поэтому установить степень родства затруднительно. Что касается написания фамилии... Мой дед Стефан Фёдорович Севастьянов тоже почему-то изменил свою фамилию. В хуторе он именовался Савастьянов, а на службе в Петербурге уже Севастьянов. Я не знаю, с чем это связано.

Добавлю, что в том же доме № 107 по Комитетской улице с 1908 по 1915 год в другом справочнике указана повивальная бабка Савастьянова Варвара Ильинична [8]. Вероятно, это супруга о. Иоанна, не изменившая старую «хуторскую» фамилию. Оба его сына — Пётр и Иван были уже Севастьяновыми. О дочерях Марии и Александре сведений найти не удалось.

Основной проблемой молодой единоверческой общины была не столько её малочисленность (в 1885 году прихожан обою пола было всего 210 душ, а городских раскольников — 1121), сколь ужасающее состояние самого храма. Войсковой наказной атаман Н. И. Святополк-Мирский с тревогой отмечал, что церковь «в крайне ветхом состоянии, так что дальнейшее существование её — не говоря уже о несоответствии благолепию храма Божия, — угрожает опасностью для молящихся; прихожане же её, по своей малочисленности, не имеют возможности ни перестроить, ни исправить на собственные средства» [9, с. 580]. Атаман подчёркивал, что «"существование единоверческого прихода благотворно влияет на ослабление раскола и примирение его с православной церковью"» и поэтому «"единственная в Новочеркасске единоверческая церковь заслуживает справедливого покровительства и поддержки со стороны войска"» [9, с. 580].

Для определения суммы этой поддержки в марте 1885 года специальная «комиссия архитекторов в присутствии единоверческого священника о. Иоанна Севастьянова пришла к печальному выводу, что "вся осмотренная обветшалая постройка представляет вид не храма, а скорее развалины, угрожающей при первой сильной буре обрушением", что "поддержать здание в настоящем положении не представля-

ется решительно никакой возможности, так как все соединения настолько ослабли... что в состоянии удержать стены и предотвратить обрушение храма лишь в течение самого неотдалённого периода времени"» [9, с. 580 — 581].

Несомненно, войскового атамана заботило негативное впечатление, производимое разрушающимся строением на горожан и в первую очередь на старообрядцев. Не чувствовалась пока в донской столице отеческая забота о развиваемом в государственном масштабе движении единоверчества. И на исправление этой досадной оплошности были брошены значительные силы: областным правлением отпущалось «безвозмездно из войсковых сумм 5000 рублей, а остальную половину прихожане обязались уже пополнить из своих средств» [9, с. 581].

Задача перед прихожанами была поставлена невероятно сложная. По оценке комиссии «перестройка новой церкви потребует расхода до 12000 руб. или по меньшей мере до 10000 руб., коль скоро постройка будет вестись самим приходом и при том со всею бережливостью» [9, с. 581]. Замечательное дополнение о бережливости, мне кажется, вполне применимо и сегодня. Помогли и прежние прихожане старой церкви, открывшие в 1886 году при своём новом великолепном Михаило-Архангельском храме «попечительство для сбора подаяний и более правильного и успешного хода дела предполагаемой постройки церкви. Председателем... избран был о. Иоанн Севастьянов. <...> Таким образом, дело о постройке церкви сосредоточилось в попечительстве. Ему же были отпущены и ассигнованные областным правлением 5000 рублей» [9, с. 582].

Замечу, что первый шаг в поддержке нового прихода сделал Высокопреосвященный Александр, ещё 4 января 1879 года предложивший Донской консистории «отпустить на починку и приспособление церкви необходимую сумму <...> и назначить из свечного капитала Донской епархии членам единоверческой церкви жалованья в год по 600 рублей, священнику 400, а псаломщику 200 рублей, вплоть до полного образования прихода, когда представится возможность священно- и церковнослужителям этой церкви содержаться на счёт своих прихожан» [10].

События развивались удивительно быстро. В апреле того же года был «представлен план с фасадом и разрезом предполагаемой к постройке единоверческой церкви во имя Успения Божьей Матери. План... составлен област-

ным инженер-архитектором К. Ф. Кюнцелем. <...> Храм этот довольно поместительный: он в длину будет иметь 33 аршина (23,43 метра. — Е. Х.), а в ширину, если считать и два боковых выступа, 21 аршин (14,91 метра. — Е. Х.); внешний вид его довольно изящный, и что замечательно — все наружные украшения в чисто-русском вкусе» [9, с. 582 — 583].

17 июня 1886 года состоялась торжественная закладка храма. Особое значение событию придавало прибытие в город Высокопреосвященного Платона, в то время одного из двух старейших иерархов русской церкви, члена Святейшего Синода, митрополита Киевского и Галицкого, а в прошлом донского архиепископа. «До поступления его в Донскую епархию в ней была только одна единоверческая церковь в Верхне-Каргальской станице, основанная в 1841 году архиепископом Афанасием» [9, с. 586]. Именно при архиепископе Платоне в среде старообрядцев началось «движение, направленное к примирению с православной церковью на правилах единоверия...» [9, с. 586]. Оно не закончилось с отъездом его зачинателя, но продолжилось и набрало силу: к лету 1886 года в Донской епархии было открыто двенадцать единоверческих приходов.

«Нужно было видеть искренний восторг почтенных стариков-единоверцев и их священника, отца Иоанна Севастьянова, удостоившихся высокой чести — совершения закладки их скромного сооружения рукою одного из высших иерархов русской церкви» [11].

«Закладка происходила при участии почти всего градского духовенства, в присутствии войсковых властей... и при громадном стечении народа. В 11 часов утра, когда начался благовест к ожидаемому богослужению, уже трудно было пройти не только к самому месту закладки, но и вообще по всему обширному пространству внутри ограды; так много собралось народа со всего города! <...> Владыка положил в основание создаваемого храма четвероугольный камень с иссечённым на нём крестом и возлил на камень им же освящённый елей...» [9, с. 579 — 580], также была положена металлическая доска с резной надписью, повествующей о происшедшем событии.

Во время последовавшей трапезы и застольной беседы за накрытыми для почётных гостей столами «Высокопреосвященный Платон пригласил ... всех пожертвовать, кто что может, на построение новосоздаваемого храма весьма небогатого денежными средствами (сам он пожертвовал 300 рублей). Это приглашение, сде-

ланное так кстати, притом с тёплым чувством участия, немедленно воздействовало: единоверцы — попечители храма и их священник едва успевали принимать деньги, посыпавшиеся на их тарелки» [9, с. 585].

Первоначальные оптимистические прогнозы — закончить строительство к осени того же года без внутренней отделки, не оправдались. Возведение Успенской церкви продолжалось три года. Попечительство в середине 1888 года испытало определённые финансовые затруднения. Хотя экономили буквально на всём, например, использовался большей частью старый лес из разобранных Михайловской церкви. Выделенных войском пяти тысяч и «почти столько же пожертвованных прихожанами и посторонними лицами» не хватило, за попечительством были долги в две тысячи рублей подрядчику, купцам и мастерам. Заказанный иконостас, стоимостью 4800 рублей также нечем было оплатить. По городу ползли слухи, якобы распространяемые старообрядцами, «что постройка новой церкви не будет окончена» [12].

Успенская единоверческая церковь в Новочеркасске. Фото начала XX в. из личного архива В. С. Байгушевой

Но все трудности были преодолены и 10 сентября 1889 года новая единоверческая церковь Успения Божьей Матери была торжественно освящена. Особое впечатление производила внутренняя отделка храма в старинном русском стиле. Как отмечал очевидец: «Погода стояла прекрасная и народу стеклось значительно <...>. Стоящий народ под звон колоколов не смолкаемо кричал "ура!"» [13].

Путь длиной в десять лет был пройден отцом Иоанном Севастьяновым большей частью в трудах и заботах о возведении храма рукотворного. Теперь же ему предстояло продолжать помогать пастве в создании духовных храмов в самих себе, в собственных душах.

Последние двадцать три года

Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях.

1 Корф. 1:10

Но не только в стенах нового храма происходили службы. Особой торжественностью 15 мая 1891 года было отмечено празднование Преполовления [14].

Подготовка к празднику началась заранее и «братьями Пудавовыми, владельцами лесной биржи [на берегу реки Аксай. — Е. Х.] по просьбе единоверческого священника о. Иоанна Савостьянова... была устроена плавучая каплица, с которой будет совершаться единоверцами в положенные дни в году освящение воды. Каплица имеет вид шестиугольной пирамиды, помещённой в центре квадратной деревянной площадки, которая обнесена частоколом. Ширина площадки — аршин 9 (6,4 метра. — Е. Х.), длина — аршин 13 (9,2 метра. — Е. Х.). В общем каплица обошлась братьям Пудавовым, как говорят, рублей до 500» [15].

Южная часть Новочеркаска, омываемая рекой Аксай. В правом углу снимка место, где находилась лесная биржа братьев Пудавовых (не сохранилась). Фото с сайта "Новочеркасск.net"

В день праздника «Из новочеркасской единоверческой церкви был совершён священником о. Иоанном крестный ход на р. Аксай для водоосвящения при многочисленном стечении народа, с хором любителей церковного пения, который состоит из местных приказчиков» [16]. В память о событии местному фотографу Кики-

ани был заказан фотоснимок. Как отмечалось в газетной заметке, «Священника за массою народа на нём не видно; но зато в общем снимок прекрасен. Он напоминает древний христианский обычай, давно у нас в Новочеркасске как бы забытый» [17]. Каплица была обита внутри атласной материей и украшена флагами. При погружении святого креста в воду «по стародревнему обычаю, был выпущен голубь, украшенный лентами, и сделан залп из ружей. Всё это представляло редкое зрелище» [17]. Впоследствии «благодаря братьям Петру и Михаилу Григор. Пудавовым, снимок сделан в большом количестве экземпляров на их средства с благотворительной целью. Он будет передан в собственность Успенской церкви и будет продаваться по самой умеренной цене, а вырученные деньги поступят в пользу скудных средств единоверческой церкви» [17].

Действительно, приход Успенского храма оставался одним из беднейших в городе. В новый XX век единоверцы входили с удручающими цифрами: «жалованья, земли и подцерковного дома нет; денежного дохода в 1900 году получено причтом за требоисправления 893 руб. 58 коп. и кроме того получено причтом из войсковых сумм денежного пособия 200 руб.» [18]. Весьма незначительно, по сравнению с 1885 годом, увеличилось число православных прихожан до 181 человека, а количество раскольников, фактически, осталось прежним — 1064 человека.

При этом согласно данным первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 года в Новочеркасске числилось жителей по вероисповеданию обоёго пола: 50078 православных и единоверцев, 892 старообрядца и уклоняющихся от православия [19]. Замечу, что только с 1894 года разрешено было включать единоверцев в одну общую графу с православными [20, № 243].

Настоятель о. Иоанн не замыкался рамками своего прихода и вёл активную миссионерскую деятельность. Иван Петрович обмолвился, что дедушка ездил проповедовать в Польшу, но я не нашёл упоминания об этой поездке. Зато подробно описан визит о. Иоанна на страстной неделе 1903 года в «гнездо и центр раскола — хутор Свинарёв», в ходе которого состоялось «замечательное присоединение к православной церкви на правилах единоверия 18 человек раскольников поморского толка во главе своих самых видных и передовых наставников и начётчиков Ивана Афанасьева Лебедева и Андрея Фёдоровова Котова <...> А совершение богослу-

жения по старопечатным книгам, за которым присутствовало до 100 человек старообрядцев, особенно повлияло на них и ещё более усилило в них... сомнение. Раньше они были убеждены, что православная церковь проклинает старые патриаршие книги и обряды, теперь же воочию убедились,... что она благословляет употреблять их при богослужении. "Удивительное дело, — говорили после старообрядцы, — всё чисто по старым книгам совершает единоверческий священник... и благословляет крестом, т. е. двухперстно. Служба была даже хорошая и не уходил бы"» [21].

В 1908 году о. Иоанн едва не лишился своего поста. «Со стороны епархиального миссионера неоднократно поступали на имя преосвященного доклады, в которых священник единоверческой церкви Севастьянов выставлялся человеком неспособным для пастырского служения в г. Новочеркасске. Следствием этих докладов явилась резолюция Его Преосвященства: «"Священнику... Севастьянову предложить подать за штат; если не пожелает, то комитет укажет мне малый единоверческий приход, куда можно было поместить его..." Прихожане однако просили оставить священника, пользующегося их общим уважением, что им и удалось в конце концов» [22].

За давностью лет невозможно установить, была ли объективной оценка недостаточного профессионального уровня Севастьянова для столичного храма или дело в обычных служебных интригах. Но справедливости ради замечу, что Иван Петрович в разговоре отметил: «Дедушка по духовной части нигде не учился».

В этом же газетном сообщении обращалось внимание на парадоксальную ситуацию, сложившуюся в Донской области. «В настоящее время насчитывается до 30 единоверческих церквей, а благочинного единоверца, который один только и может совершать ревизии единоверческих церквей и вообще следить за поведением единоверческого причта нет ни одного» [22]. Именно этим упущением воспользовались попечители Успенского храма в 1909 году, отказав в проведении ревизии епархиальному миссионеру Кутепову, очевидно, не оставляющему попыток сместить о. Иоанна.

Кстати, в том же 1909 году в старообрядческом журнале «Церковь» вспомнили И. Севастьянова. Рассказывая об истории новочеркасского старообрядческого прихода, автор замечает: «при храме в 70-х годах (XIX века. — Е. Х.) был поставлен первый местный священник о. Иоанн Савостьянов, который прослужил

7 или 8 лет и под давлением господствующего духовенства и начальства, за совершение таинств, с одной стороны, а с другой, — поверив лживой проповеди П. Прусского, совратился в единоверие» [23].

Спустя три года место священника при одноклирной Новочеркасской единоверческой церкви всё же оказалось вакантным. Для желающих его занять сообщалось: «жалованья от казны 392 руб. в год; земли и дома нет; денежного дохода получено причтом в 1911 г. 671 руб. 23 коп.; совершено... крещений 33, браков 16 и погребений 12; прихожан мужского пола 177 душ» [24].

Иван Иванович Севастьянов, прошедший долгий, наполненный заблуждениями, искушениями, поисками истины и прилежным трудом земной путь, скончался осенней ночью 1912 года в возрасте 76 лет. Существует две даты его смерти. Одна — 22 сентября, выбита на могильном памятнике, другая — 27 сентября фигурирует в епархиальных источниках. Если верна первая, что наиболее вероятно, тогда удивительным образом прослеживается трагическая связь между первым и третьим Иваном в роду Севастьяновых. Внук отца Иоанна — Иван Петрович умер, фактически, в то же число (по новому стилю), что и дед, но спустя 77 лет. Он рассказал мне семейное предание, гласящее, что род Севастьяновых не прервётся, пока есть в нём хоть один Иван. К сожалению, я не знаю, существует ли этот род сейчас.

Иерей Иоанн Севастьянов упокоился с правой стороны алтаря храма, возведённого во многом его трудами. На могиле был установлен скромный памятник в виде каменного куба с изображением раскрытого Евангелия и креста. На страницах книги, некогда вызолоченными буквами, высечен стих 25, главы 5 Евангелия от Иоанна. На лицевой стороне начертано: «Здесь покоится прах незабвенного труженика и молитвенника священно-иерея Иоанна Севастьянова Ск[ончался]. 22 сент. 1912 г. от Р[ождества]. Х[ристов]». Нанесён текст и на боковых гранях памятника.

Следующим настоятелем Успенского храма был назначен священник о. Авидий Иньков. Его внучка, ныне здравствующая Вера Северьянова Байгушева, по моей просьбе указала место расположения могилы о. Иоанна и отметила, что его захоронение было единственным возле церкви на Архангельской площади.

Накануне престольного праздника храма — Успения Пресвятой Богородицы 27 августа 1937 года протоиерей Авидий Иньков был арестован прямо в церкви, на глазах прихожан.

Спустя чуть больше месяца расстрелян. Храм власти закрыли и, вероятно, весной или в начале лета 1942 года он был разобран на строящиеся по всему городу баррикады — немецкие войска наступали на город.

Около тридцати лет о церкви напоминала лишь частично сохранившаяся каменная ограда с фрагментами металлической декоративной решётки, позже не стало и этих последних свидетельств. Я помню, как в детстве, проходя мимо пустынной, поросшей сорной травой площади, получившей в советские годы имя С. М. Кирова, с удивлением заметил небольшой деревянный домик в окружении старых раскидистых абрикос, неизвестно как оказавшийся здесь. Мама объяснила, что это сторожка при церкви, но храм был уничтожен. Она не сказала кем, но я как советский школьник сразу представил, что это дело рук гитлеровцев в войну.

*Успенская памятная часовня на Архангельской площади.
Фото Е. В. Халдаева.*

К счастью, ныне живут в донской столице люди, сохраняющие память о её прошлом. 6 мая 2015 года по благословению митрополита Ростовского и Новочеркасского Меркурия протоиереем Олегом Добринским, благочинным приходов Новочеркасского округа, был совершён чин освящения Успенской памятной часовни, воздвигнутой на месте, где некогда находилась Успенская единоверческая церковь. Символично, что торжество совпало с 130-летней годовщиной принятия решения о строительстве самого храма в далёком 1885 году. Также молитвенное здание построено в память погибших при исполнении служебного долга воинов правопорядка.

В июне 2020 года при подготовке статьи узнал, что могильный памятник о. Иоанна находится на территории Новочеркасского суворовского военного училища МВД РФ. С любезного разрешения начальника училища полковника А. В. Харченко осматриваю мраморный куб, сильно пострадавший за прошедшие годы. Все угловые грани сбиты вместе с фрагментами текста. Знакомый почерк вандалов 30-х годов прошлого века, вдоволь покуражившихся над десятками подобных памятников на старом городском кладбище.

Весьма интересна загадка появления камня на нынешнем месте. Фактически он находится на бывшей территории Покровской староверческой церкви, некогда построенной на Почтовой (ныне Пушкинской) улице. Расстояние от этого места до Архангельской площади — километр.

Кто и когда перевёз памятник? И главный вопрос — переместили только камень или останки иерея Севастьянова тоже были перезахоронены? Очевидно, что это случилось после 1938 года, поскольку 90-летняя Вера Северьяновна Байгушева помнит памятник возле церкви, а затем, после ареста бабушки в 1937 году, семья спустя год уехала из города. Возможно, нашлись добрые люди, знавшие биографию о. Иоанна, и когда Успенский храм был разобран, памятник перевезли к небольшому кладбищу, существовавшему возле Покровской староверческой церкви, тоже к тому времени уничтоженной. Возможно, он спрятан на частном земельном участке. Такие случаи в Новочеркасске известны.

Скорее всего, истину установить уже не удастся, но в беседе возле памятника с чле-

*Могильный памятник иерея
Иоанна Севастьянова. Фото Е. В. Халдаева.*

ном правления городской организации Союза журналистов России Ж. П. Гридасовой, полковником А. В. Харченко и духовником училища протоиереем Александром Луконенко автор этих строк высказал общее мнение: могильному памятнику Иоанна Севастьянова следовало бы занять соответствующее его заслугам место.

Именно поэтому я предложил благочинному приходов Новочеркасского округа протоиерею Олегу Добринскому поддержать давнюю традицию захоронения лиц духовного звания у стен Дмитриевской кладбищенской церкви и установить памятник иерея Иоанна Севастьянова в этом памятном месте. Однако о. Олег выразил твёрдое убеждение: необходимо вернуть памятник на прежнее место и разместить рядом с Успенской памятной часовней на Архангельской площади. Надеюсь, к предстоящему в 2021 году 185-летию настоятеля Успенского единоверческого храма о. Иоанна Севастьянова память о нём будет увековечена.

II. СЫН

*У меня могилы не будет,
Может быть, братская.
И пройдут по телу люди,
И проскочат кони тряско.
<...>
Уйду, как многие.*

Николай Терзи [25.]

В сущности, именно надворный советник Пётр Иванович Севастьянов, управляющий областной типографией и редактор газеты «Донские областные ведомости», должен был стать основным героем моего повествования. Но так случилось, что фактического материала о его жизни подобралось не слишком много. Из беседы с его сыном Иваном Петровичем удалось узнать следующее.

— Папа учился в Атаманском техническом училище, по окончании поступил на службу в Областное правление. Начинать с самой низкой должности и благодаря ответственности, прилежанию дослужился до высокого поста.

Пётр Иванович прошёл этот путь за двадцать долгих лет. Проследить ступеньки его карьеры поможет чтение сборников приказов по Войску Донскому. Начало карьеры — не имеющий чина, принят исправляющим должность помощника бухгалтера в счётном отделении канцелярии присутствия областного Правления Войска Донского. С 24 августа 1895 года произведён за

*Здание Областного правления Войска Донского на углу Платовского проспекта и Атаманской улицы.
Фото с сайта «Новочеркасск.net»*

выслугу лет в коллежские регистраторы в той же должности [20, № 125].

Спустя год числится владельцем одного из купленных отцом домов по улице Комитетской № 107 [7, с. 341]. Примерно в это время женился, в семье было одиннадцать детей. Иван Петрович перечисляет братьев: Николай, Леонид, Вячеслав, Арсений, Павел. Пятёро сестёр... Он делает долгую паузу, затем словно собравшись с силами, вздохнув, продолжает: «Уж если рассказывать, то всё, без утайки...

Дом П. И. Севастьянова на семейном участке по ул. Комитетской. Фото Е. В. Халдаева

Беда пришла в нашу семью в 1906 году. От неудачного аборта умерла мама.

В соседнем доме жила акушерка... — Иван Петрович называет достаточно известную в городе фамилию. — Она делала... голос дрожит, на глазах появляются слёзы, — с неё начались все наши несчастья...».

Долгая пауза. Супруга Екатерина Константиновна накрывает своей ладонью его дрожащую руку, поглаживает, успокаивая. Вдруг Иван Петрович обращается ко мне с неожиданным вопросом: «Евгений Васильевич, ваши родители жили рядом с этими людьми, Вы знаете или слышали эту фамилию?»

— Знаю фамилию и даже помню, видимо, дочь этой женщины — одинокую старушку,

с нищенской пенсией, она голодала, и моя мама иногда передавала ей еду, я относил...

Иван Петрович с отчаяньем в голосе перебивает меня: «Но Вы им не родственник?!».

— Нет, вовсе нет, просто соседи... — поняв причину этой эмоциональной вспышки, успокаиваю его. «Ну и слава Богу, что не родственники, а иначе, уж извините, беседу пришлось бы прекратить. — Иван Петрович сокрушённо качает головой: «Слишком много дурного случилось из-за этой женщины».

Позже, выйдя из гостеприимной квартиры Севастьяновых и возвращаясь домой, я мысленно прокручиваю в памяти фрагмент разговора и пытаюсь понять: как же всё переплелось в этой истории, насколько туго... И через несколько дней прихожу к родителям на ту самую улицу Комитетскую и рассказываю услышанное от Севастьянова. Мама разводит руками — конечно, невелик Новочеркасск, но так близко — в этих трёх домах...

Захожу в соседский двор, смотрю на окружающую дом летнюю веранду, увитую диким виноградом, вот два окна комнаты той самой старушки. Она угасала мучительно долго, слабея с каждым днём, пока однажды не смогла поднести ко рту даже ложку с супом. Одиночество и абсолютная безысходность в ожидании финала. Как там у классика: «Кто больше страдает — ждущий или тот, кто не ждёт никого?» (*Пабло Неруда*).

Одна из теней, уходящая в старый Новочеркасск — стёртое из реальности место, существующее лишь в памяти некогда живших в нём, и фрагментарно в нашем мире: остатками кованых оград, изгибами оконных переплётов, виньетками затейливой лепнины, выцветшими фотографиями.

Но каким же контрастом с увиденным мною в юности по соседству увяданием «человека из прошлого» стало знакомство с бодрым, энергичным 85-летним Иваном Петровичем, помнящим имена-отчества сослуживцев отца, сигналы, подаваемые трубачом в кадетском корпусе семьдесят лет назад и массу всего ещё, о чём будет рассказано в главе, посвящённой ему. Как любяще смотрят на него жена и дочь, как искренне улыбаются или хмурятся, слушая его воспоминания!

— После смерти мамы отец, как ни горевал, — продолжает рассказ Иван Петрович, — но со временем понял, что одному с таким количеством детей... Словом, он женился второй раз. И мачеха оказалась для нас, детей, сущим проклятьем. Это был человек не достойный даже воспоминания.

Но она столько смогла разрушить в семье! Две сестры из-за неё отравились. Не выдержали... И умерли... Меня и двоих братьев спасло поступление в пансион при кадетском корпусе. Туда ведь совсем детьми поступали, уходили из семьи, можно сказать, на всю жизнь. Так и случилось... Но об этом в другой раз поговорим, продолжим о папе.

Мачеха настояла на продаже домов на Комитетской (очевидно, после смерти бабушки в 1912 году), и мы переехали в Сенной переулок № 5. Дом не сохранился, разобрали, а кирпич использовали при строительстве ограды НПИ. За год до начала Великой войны отец получил новое назначение и работы у него значительно прибавилось, всё больше времени проводил на службе.

Снова листаю сборник приказов по Войску Донскому. «7 августа 1913 года назначается младший чиновник для поручений при Областном правлении надворный советник Севастьянов (Пётр) — управляющим областной типографией» [26].

Должность подразумевала и редактирование официальной части газеты «Донские областные ведомости». В приказе об этом не сказано, но в подшивке издания нахожу № 163 — первый, подписанный Петром Ивановичем, датированный 27 июля. Как журналисту мне понятно, что приступил он к работе днём раньше — 26 июля. От этой даты и отсчитывается его редакторский стаж.

Здание верхних гостиных рядов, в котором находилась Областная типография (не сохранилось). Фото с сайта «Новочеркасск.net»

Официальные сообщения занимают в номере меньше колонки: административное распоряжение, объявление и сообщение о продаже имения. Всё остальное место в газете занимает неофициальная часть, редактируемая С. А. Холмским. Спустя менее года, с 24 мая 1914 года (№ 115) П. И. Севастьянов будет редактировать обе части «Ведомостей».

Газета ежедневная, выходит шесть раз в неделю, кроме понедельника и дней послепразд-

ничных. Формат — чуть больше современно-го А 2.

Приход Севастьянова на пост редактора совпал с изменениями в газете. До 1911 года неофициальная часть издания выходила вместе с официальной. Определённое место уделялось мемуарам, историческим статьям, краеведческим находкам, поэзии и прозе. В 1911 — 1913 годах обе части выходили отдельными изданиями, причём неофициальная часть была приложением к официальной. Затем ещё до назначения Петра Ивановича снова произошло объединение.

— Отца в типографии очень любили, — продолжает Иван Петрович. — Да вот сын одного из наборщиков ещё жив, поговорите с ним. Всем запомнилось, как к отцу обратился наборщик с просьбой помочь в покупке дома, так отец выписал чек и отдал, безвозмездно, такой был отзывчивый человек.

Любимым увлечением у него была охота. Помнится, приезжал как-то в Новочеркасск Великий Князь. Ну и наказной атаман послал отца с его помощником Павлом Петровичем Филипповым настрелять дичи к столу. Иван Петрович хитро улыбается: «И что же вы думаете? Два воза дичи привезли! Отец старался и нас приобщить к охоте. У всех взрослых сыновей было по ружью».

Зная, что случится в тот или иной день сотню лет назад, иногда перелистываю старые газеты и пытаюсь найти в пожелтевших строчках приметы грядущих катастроф, потрясений, трагедий. Чувствовал ли Севастьянов, что случится завтра — 20 июля 1914 года, подписывая очередной, воскресный 163-й номер газеты? Пока на первой странице лишь тревожное предчувствие в передовице, написанной, вероятно, Петром Ивановичем: «Австро-Венгрия считает себя с настоящего момента на положении войны с Сербией». Рубрика «война», пока ещё, всего один, последний мирный день относится лишь к сообщениям из Белграда.

В понедельник газета не выходит, и новочеркасские обыватели в массе своей ещё пребывают в спокойном неведении. Но надворный советник Севастьянов, подготавливая номер вторника, уже перечитывает текст Высочайшего манифеста: «...Германия, вопреки нашим надеждам на вековое доброе соседство... объявила России войну». И первая телеграмма Российского телеграфного агентства под рубрикой «Война» уже из Санкт-Петербурга: «Германский посол передал министру иностранных дел от имени своего правительства объявление войны России».

Пётр Иванович не дожидаясь до другого летнего дня, 23 июня 1914-го, а иначе, несомненно, как профессионал поразился бы сходству текста на газетных полосах двух газет «Правды» и «Донских областных ведомостей» с интервалом всего в двадцать семь лет. И в словах народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова прочитал знакомое: «Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключён договор о ненападении». И сходные объяснения германского посла причины войны. В 1914 году — объявленная Россией мобилизация, в 1941-м — в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

Фронтовые сводки занимают всё больше места на страницах «Донских областных ведомостей», потеснив статьи неофициальной части. Удлиняются публикуемые списки раненых, убитых, пропавших без вести и попавших в плен донских воинов.

Думается, не без гордости Пётр Иванович подписывал в печать очередной, 210-й номер газеты «Донские областные ведомости», значительную часть первой страницы которого занимал Приказ Войску Донскому.

«г. Новочеркасск, 6 сентября 1914 года. № 351. Поименованные в прилагаемом при сём списке кадеты и малолетние зачисляются мною в Донской Императора Александра III кадетский корпус на вакансии, указанные в списке. Войсковой Наказный Атаман Войска Донского генерал от кавалерии Покотило» [27.]

В списке среди принимаемых на казённый счёт в III категории 3 разряда под номером 33 его сын Арсений Петрович Севастьянов. Уже третий и последний из его мальчиков, поступивший в кадетский корпус. Он и похоронит отца в безымянной могиле на Кубани всего шесть лет спустя.

В наступившем 1915 году работы Севастьянову ещё прибавляется. Кроме редактирования двух частей «Ведомостей», он назначается исполняющим должность редактора иллюстрированного приложения к газете. Минимум текста, сотни фотографий с фронта, портреты героев войны с краткими биографиями, описаниями подвигов. Жаль, что не удалось найти сведений о творческом коллективе журналистов, выпускавших эти издания. Ежедневно выпускался значительный по объёму номер «Ведомостей», а это огромная работа, требующая чётко организованного процесса. Судя по тому, что на Петра Ивановича накладывали дополнительные поручения, справлялся он со своим хозяйством

весьма умело, хотя и не был профессиональным журналистом.

Охотничья команда 19-го Донского казачьего полка съ своимъ начальникомъ, хорунжимъ М. П. Филимоновымъ.
Всѣ вънѣшніе члены этой команды за свѣтъ особеннаго подвига награждены Георгиевскими крестами и, крокъ того, имѣютъ нѣк-оты провинціи въ урядовѣ.

Фрагмент обложки первого номера иллюстрированного приложения к «Донским областным ведомостям». 1915 г.

Но вот наступает 1917 год, несущий перемены не только судьбе Севастьянова, но и всей России. Для кого-то всё рухнет, кому-то видится дивный новый мир. Последний номер «Донских областных ведомостей» выходит на Пасху 2 апреля 1917 года. Слова «Христос воскрес!» и пасхальные стихи, в традиционный текст которых вплетены новые лозунги о грядущей правде и свободе от старых оков, перемещены на вторую страницу газеты. На первой — редакторская колонка, вероятно, за авторством Севастьянова с совсем не праздничными мыслями под характерным названием «Иудин грех». «Отовсюду несутся одни и те же сведения, принимающие всё более и более тревожный характер: растёт дезертирство, бегут домой солдаты, бегут с фронта и из запасных частей, расположенных в тылу — ближнем и далёком» [28].

Видя в этом грозящую родине опасность, автор пророчески предупреждает: «Нет ничего хуже, нет ничего опаснее при таких условиях, как переживаемые в настоящее время Россией, как боязнь раскрытия истины, боязнь её последствий, сознательное или бессознательное отвращение от неё, ибо в этой боязни залог грядущего несчастья, а может быть и гибели родной страны» [28].

После четырёхдневных пасхальных каникул 7 апреля выходит новая газета — «Вольный Дон» — Известия Донского исполнительного комитета. Читателей извещают, что этот

внепартийный орган издаётся под редакцией особой избранной Комитетом комиссии в составе пяти лиц с не названными должностями и последним указан заведующий хозяйственной и технической частью П. И. Севастьянов. Ему было поручено выпустить первый номер нового издания, поскольку сразу под газетной шапкой крупно набрано: «Редактор П. И. Севастьянов». В последующих номерах эта строка исчезает и редактор издания вовсе не указывается. Вероятно, Севастьянов сосредоточился на заведовании Донской типографией, в то время выходило значительное количество бумажной продукции новой донской власти.

Бурные события весны и начала лета 1917 года на Дону приводят к созыву первого Большого войскового Круга Донского казачьего войска. Впервые за двести лет, прошедшие с отмены выборности донского атамана, 18 июня им избирается генерал от кавалерии А. М. Каледин. Происходит формирование Донского правительства. Пока шёл Круг, газета «Вольный Дон» десять дней выходила без указания учредителя и лишь в № 62 от 21 июня в шапке издания появляется строка: «Орган Войскового правительства». Ещё девять номеров выходят без упоминания редактора. К сожалению, неизвестно, оставался ли П. И. Севастьянов заведующим хозяйственной и технической частью издания, никаких упоминаний об этом найти не удалось. С № 72 в «Вольном Доне» новый редактор — С. П. Черевков. Газета выходит и в наступившем 1918 году и прекращает своё существование 12 февраля, в день занятия Новочеркаска революционными казаками Николая Голубова.

5 сентября 1918 года возобновляется выпуск областной газеты. Выходит она под названием «Донские ведомости» и временно исправляющим должность редактора снова назначается опытный Пётр Иванович Севастьянов. Но редакторство было недолгим, лишь два месяца. С 4 ноября газета реформирована и редакторское кресло занимает Н. А. Казмин.

Спустя чуть больше года в декабрьские предрождественские дни надворный советник Пётр Иванович Севастьянов покидает навсегда Новочеркасск. Ему необходимо сделать важнейший в жизни выбор — остаться на милость подходящих к городу красных войск или отступить на Кубань, к морю, в Новороссийск. Он выбирает уход и гибнет в пути, но и оставшись, Севастьянов был фактически обречён. Слишком значительной фигурой был последние семь лет.

Вот как описывал эти последние дни 1919 года очевидец: «На Платовском проспек-

те мы... очутились в обстановке безудержного отступления многотысячной армии... во всю его ширь и даже по аллее нескончаемым потоком двигались в направлении Ростова военные обозы и ехали беженцы с... домашним скарбом — узлами, ребятишками и бабами. Вперемежку с этим потоком саней, телег, бричек, тачанок, щёгольских фаэтонов, военных фурманок, двуколок, шли, сохраняя более или менее боевой порядок, пехотные и кавалерийские части <...>. Всё это двигалось в направлении к Куричьей балки и, извиваясь за ней чёрной змейёй, терялось за тюрмой по ростовской дороге» [29]. Среди беженцев и два сына Петра Ивановича — Арсений и Иван, эвакуируемые в составе кадетского корпуса. Где-то в этой толпе П. И. Севастьянов мог встретить Ф. Д. Крюкова, известного донского писателя, последнего редактора «Донских ведомостей». По трагическому совпадению оба редактора нашли смерть от тифа на Кубани. Крюков — недалеко от станицы Новокорсуновской, Севастьянов — в месте, известном лишь сыну Арсению.

Об оставшихся членах своей семьи Иван Петрович рассказал немного. Старший брат Николай, которого он видел лишь два раза в жизни, умер в 50-х годах в Москве; Леонид умер в 1983 году, о нём немного будет рассказано в главе «Иван». Вячеслав эмигрировал и ему посвящена следующая глава. Арсений жил в Париже, но, по словам Ивана Петровича, «ничего про него не известно». Неизвестна и дата смерти самого младшего брата — Павла.

Старшая сестра Надежда Петровна, по профессии акушерка-фельдшерица, была замужем за Фетисовым, вместе они перебрались в Персию. Их дочь умерла в 77 лет в Нью-Йорке. Ещё о двух сёстрах будет упомянуто в главе «Иван».

О младшем сыне Иоанна Севастьянова — Иване известно немного. Служил, также как и брат Пётр, в начале XX века помощником бухгалтера в счётном отделении Областного правления в чине коллежского асессора. Затем его следы теряются, а Иван Петрович вскользь заметил: «Дядька умер, двоюродные братья пропали куда-то».

Огромная семья Севастьяновых рассыпалась по городам и странам, повторив судьбу многих российских людей, захваченных огненным потоком Гражданской войны. Лишь один Иван вернулся в родной город. Он смог сделать свой выбор, на который были обречены в разные моменты жизни отец, братья, сёстры. Кто знает, возможно, тот, первый шаг, сделанный их дедом, включил цепочку неизбежности выбора для следующих поколений семьи.

III. ВНУКИ

*Куда подевался мальчик,
которым я был когда-то?
Скажите, долгая старость —
награда или расплата?*

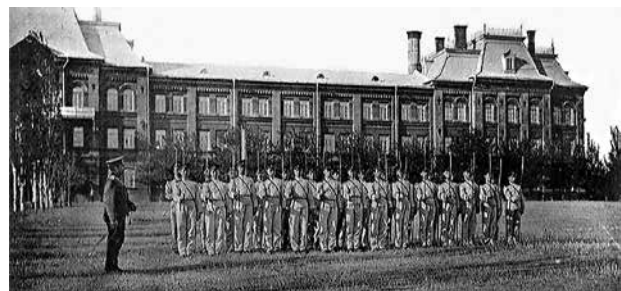
*О чем молодая листва поёт весеннему бризу?
Откуда является Смерть —
сверху, или же снизу?*

Пабло Неруда

Вячеслав

Франция. Ранняя осень 1988 года. В город Сен-Мор приезжают парижский корреспондент газеты «Правда» В. Большаков и сотрудник советского консульства.

В приюте для престарелых «Фуайе резиданс» их ожидает французский гражданин Вячеслав Петрович Севастьянов, донской казак, почётный дворянин станицы Есауловской, появившийся на свет в конце прошлого века и 69-й год живущий вдали от родины.

*Взвод кадет во дворе Донского Императора
Александра III кадетского корпуса.
Фото с сайта «Новочеркасск.net»*

Один из внуков священника Иоанна Севастьянова, третий сын надворного советника Петра Ивановича Севастьянова. Совсем немного рассказал о брате Иван Петрович, некоторые сведения удалось получить из фондов библиотек.

Вячеслав, родившийся в 1898 году, первым из братьев поступил в Донской Императора Александра III кадетский корпус. С 1908 года пару лет провёл в подготовительном пансионе Донского Войска [30], а с первого сентября 1910-го стал полноправным кадетом [31].

Проучившись семь лет, Вячеслав карьере военного предпочёл занятие агрономией и поступил в Донской политехнический институт (ДПИ).

В переломный для Российской империи 1917 год что-то исчезало безвозвратно, что-то

менялось, отражая демократические процессы, вызванные Февральской революцией. Так и в ДПИ случилось ранее немыслимое: «к экзаменам приступил 141 человек, в том числе 13 девиц» [32]. Впервые за десятилетнюю историю ВУЗа женщины получили это право. Были изменены правила поступления и вместо конкурсных вступительных экзаменов проведены поверочные. Объяснялась такая мера низким уровнем подготовки выпускников средних школ, однако подчёркивалось, что уровень окончивших, в частности, кадетские корпуса был значительно выше. Да и конкурса практически не было. Почти треть мест для первокурсников оставались вакантными. Начавшаяся, казалось, так счастливо студенческая жизнь, окончилась для Вячеслава призывом со второго курса в Вооружённые Силы Юга России (ВСЮР). Несостоявшийся агроном стал артиллеристом.

Ещё в июле 1919 года Белые воины подходили к Москве, а уже в конце декабря из Новочеркасска с отступающей армией эвакуируются отец с братьями — Иваном и Арсением. Начинается трагический исход сотен тысяч граждан России. Екатеринодар, Новороссийск, Севастополь, Константинополь, Югославия, Болгария. Вот промежуточные точки на пути Вячеслава Севастьянова. Историю своих скитаний рассказывает гостям, засидевшимся у него почти на четыре часа. Несколько фрагментов из статьи В. Большакова «Ностальгия» я и процитирую.

«Я никак не могу представить его молодым. Хотя в свои 90 лет он даже не облысел — седые волосы, зачёсанные назад, как у священника, ниспадают почти до плеч. И всё же годы не грим, не смоешь. Густая, словно литая, борода, седые кустистые брови, старческая манера подолгу держать неподвижно руки на коленях ладонями вниз. А главное — глаза: выцветшие, подёрнутые слезой.

<...> Стал разнорабочим на химическом заводе под Дубровником. Потом — землекопом, каменщиком.

<...> В 1923 году пошли слухи, что можно будет вернуться в советскую Россию, что объявлена амнистия бывшим офицерам и солдатам белой армии. Во Франции был создан «Союз возвращения на родину». Севастьянов узнал, что первая группа белоэмигрантов готовится к репатриации в Болгарию. Чтобы попасть туда, он завербовался на железные рудники. Проработал там почти пять месяцев, пока не перебрался в Софию. Там его впервые познакомили с новыми советскими законами, с правилами возвращения на родину... В 1925 году в Болгарии

после военного переворота была восстановлена монархия, и царь Борис наложил запрет на деятельность болгарского отделения «Союза возвращения на родину». Севастьянов решил ехать во Францию и попытаться вернуться домой оттуда. Снова рудник, на этот раз французский... Оттуда Вячеслав Петрович переехал в Париж, стал работать на мебельной фабрике.

<...> Война заставила его снова сменить профессию — пошёл на завод, выпускавший артиллерийские снаряды, и там работал по ночам, а днём, чтобы добыть себе пропитание, батрачил на ферме. Из груды бумаг Севастьянов достаёт удостоверение ветерана Сопротивления, свидетельство о награждении его медалью...

<...> Когда освободили Тулузу, на её окраине я встретил группу русских, только что вырвавшихся из плена. От них узнал, что поблизости формируется русская часть из военнопленных... Поехал туда, встретили хорошо, даже пловом накормили, а когда я попросил, чтобы и меня отправили домой вместе с русскими солдатами, тамошний начальник подумал, а потом сказал: «Оставайтесь-ка лучше здесь. Ведь вы же гражданин Франции...» <...>

После войны он женился, и жена, старше его на семь лет, уговорила не ехать.

<...> Свою ностальгию глушил непрерывной воловьей работой, которая состояния ему не принесла, но покалечить сумела. После того, как при разгрузке 200-килограммовый тюк рухнул ему на спину, он попал на два месяца в больницу и вышел оттуда уже полным инвалидом — спина больше не разогнулась. Со временем к этому добавилась и водянка. Накопленных средств с трудом хватило, чтобы устроиться в приюте «Фуайе резиданс» и кое-как лечиться» [33, с 229–231].

Несмотря на скромные финансовые возможности, Вячеслав Петрович передал 50 тысяч франков в фонд помощи советским воинам, раненым в Афганистане и попросил сотрудника советского консульства в Париже привести бланки анкет для въезда в СССР.

Непонятно, на какие средства он собирался существовать в СССР. Надеялся, что окажется на попечении брата Ивана? Но они обсуждали это в 1979 году, о чём будет рассказано в следующей главе. Надеялся, что советское правительство учтёт его жертвование и выделит ему квартиру? А ведь могло бы случиться как в песне: «Да вот только узнает ли Родина-мать одного из пропавших своих сыновей?». К тому же в стране уже происходили перемены. Менялась система ценностей. Советский принцип «Мо-

лодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почёт» таял вместе с уходящей в прошлое страной. Приближались «лихие 90-е», в которые беззащитные, обманутые мошенниками или даже родственниками старики теряли нажитые трудом всей жизни квартиры, иногда вместе с жизнью.

Но Вячеслав Петрович, все бесконечно долгие годы эмиграции стремившийся вернуться на Родину, в сентябре 1988 года надеялся, если не пожить, то хотя бы умереть на Тихом Дону.

Той же осенью 1988 года другой советский журналист, Эдвин Поляновский, собкор газеты «Известия», побывал в городке Сент-Женевьев под Парижем. Спустя всего несколько лет благодаря сладкоголосому певцу, исполнявшему пронзительную песню на стихи Роберта Рождественского, весь Советский Союз узнает о русском участке на местном кладбище. Помните? *«Здесь похоронены бывшие, бывшие, Кладбище Сент-Женевьев-де-Буа»*. В телерепортажах кадры могильных крестов с русскими фамилиями перемежались пожелтевшими фотографиями воинов Добровольческой армии с документальными кадрами, с лицами Александра Галича, Андрея Тарковского, Виктора Некрасова, нашедшими упокоение в французской земле.

Гораздо меньше рассказывали о расположенном рядом со знаменитым кладбищем Русском доме. Эдвин Поляновский оказался первым советским журналистом, побывавшим в старинном особняке, который стал последним прибежищем для многих «бывших».

Говоря о русских первой волны эмиграции, журналист отмечал, что одни смогли устроиться в чужой стране, адаптироваться, найти работу, но «сколько было высокопоставленных чинов, оказавшихся вовсе не у дел, — состарившиеся генералы, адмиралы, министры и т. д. Ещё больше — совершенно беспомощных княгинь, баронесс и прочих, оставшихся вдовами, без имений и горничных, не умевших ни одеться, ни причесться... Именно для таких людей и был создан Русский дом», — пишет Поляновский [34].

«<...> Русский дом образовался где-то в 26-27-м годах. Основательница его — Вера Кирилловна Мещерская, отец её был дипломатом, муж — лейб-гусар. Когда она, многодетная, приехала в Париж, то устроила здесь небольшой пансион для благородных девиц. Она была фрейлиной у одной из великих княгинь, знала хорошие манеры, свободно говорила на французском, английском, немецком... Среди её воспитанниц оказалась и очень богатая англичанка... Когда она закончила курс обучения, то

решила сделать Вере Кирилловне подарок... «... купите имение, и устроим приют для русских стариков, — сказала Вера Кирилловна. — Очень много высокопоставленных эмигрантов, которые здесь беспомощны». И в Сент-Женевьев, под Парижем, был куплен дом — имение одного из наполеоновских маршалов.

<...> Сегодня Русский дом возглавляет тоже княгиня Мещерская, но другая — жена сына Веры Кирилловны, француженка Антуанетта Мещерская».

Выслушав рассказ княгини о первых русских, обживавших старинные комнаты шестьдесят лет назад, журналист задаёт вопрос:

— А кто пришёл последним в этот дом?

— Вчера привезли парализованного старика Севастьянова. Лежит без движения, ничего не ест, я не знаю, что с ним делать.

<...> Вот 3-я комната, здесь лежит тот самый Севастьянов... Он лежит, полуоткрыв рот, тяжело дыша, глядя в потолок. Тарелки с едой по-прежнему не тронуты.

— Вы опять ничего не покушали. Почему?

Молчит.

— Это из Москвы к вам. Из Москвы!

Лежит без движения, но глаза наполняются вдруг слезами. Он хрипит, пытается спросить что-то.

— Не надо, не надо плакать, — Мещерская пытается успокоить» [34].

Старик без имени и отчества для большинства читателей газеты так и остался ещё одним персонажем в череде обитателей Русского дома. Но прочитав статью, я понял, что это Вячеслав Петрович Севастьянов, так и не сумевший покинуть Францию. Показал статью Ивану Петровичу и позже пожалел об этом необдуманном поступке — слишком горька оказалась для него новость о состоянии брата. Может быть, и чувство вины всколыхнуло душу старика. Звонил я и в редакцию «Известий», разговаривал с Эдвином Луниковичем Поляновском, прося коллегу от своего имени, от имени брата назвать точный адрес Русского дома. Но осторожный журналист уклонился от прямого ответа, посоветовав написать мэру Сент-Женевьев господину Огню. Он, дескать, коммунист и поможет советским товарищам.

Долгое время судьба Вячеслава Петровича оставалась для меня неизвестна, но лишь в сети Интернет появился список похороненных на русском участке кладбища Сент-Женевьев де Буа сразу нашёл нужную строчку: «СЕВАСТЬЯНОВ Vanceslas, †1990» [35].

Иван

В нашей долгой беседе многие подробности оказались упущенными, некоторые важные даты пришлось восстанавливать по официальным документам. Снова листаю «Приказы» и в 1911 году нахожу Ивана Петровича Севастьянова в «списке малолетним, зачисленным в приготовительный пансион Донского войска с 1-го сентября на вакансии — приходящим за 65 рублей» [36].

*Здание приготовительного пансиона
Донского войска на улице имени Думенко.
Фото Е. В. Халдаева*

— Пансион располагался на Базарной площади, сейчас улица имени Думенко, — поясняет Иван Петрович, — в советское время здесь была школа № 12, знаете это здание?

— Конечно, много раз там бывал, моя тётя преподавала в начальных классах, а на большом пустыре в детстве играл с мальчишками в войну и футбол, это место так у нас и называлось — школьный двор.

— Значит, играли мы с вами в одном дворе, примерно в одном возрасте, но снова с временным интервалом, в лет пятьдесят пять, — улыбается Иван Петрович. — Но игры были у нас редки. Зато первые навыки строевой подготовки проходили именно здесь.

Спустя всего лет пять после этого разговора история повторилась. Здание бывшего приготовительного пансиона передали под возрождённый Донской Императора Александра III кадетский корпус. Нахожу в своём видеоархиве кадры, запечатлевшие построение первых кадет перед экзаменом в том самом «школьном дворе» в конце мая 1992 года. Разномастно одетые, ещё несколько неуклюжие в строю, шагают новые

кадеты в классы, где когда-то сидели такие же, как они донские мальчуганы, ещё готовящиеся стать полноправными кадетами.

Как был бы рад Иван Петрович, побывав на этом первом экзамене *его* возрождённого корпуса! Какие тёплые слова мог бы сказать современным кадетам, подсказать, посоветовать, научить. И каково было бы увидеть этим подросткам настоящего «тогдашнего» кадета, сидевшего в той же самой комнате, сдающим свой экзамен, но восемьдесят лет назад! Увы, такая встреча не случилась. Не дожил Иван Петрович до этого корпусного праздника.

Первое серьёзное происшествие случилось с кадетом Иваном Севастьяновым в 1914 году. Шла война и многие мальчишки, как это бывает во все времена, убежали на фронт.

— Я и двое друзей разработали маршрут, — улыбается Иван Петрович, — пройти сначала по замёрзшему Дону, а затем добраться к Чёрному морю. Первая остановка — станция Ольгинская, здесь жила сестра, работавшая учительницей. Но к нашему великому огорчению Дон не замёрз, и мы были возвращены назад в корпус. Итог побега на войну — двойки по поведению. Кстати, в корпусе существовала 12-балльная шкала оценки поведения, по которой 10 баллов — четвёрка с плюсом, 6 — тройка с минусом, пятёрка — уже «неуд». Так что мы получили нули.

— Очень важно, — продолжает Иван Петрович, — что в корпусе изучали не только военные дисциплины. В оркестре научился играть на валторне, изучил плотницкое дело, очень интересными были уроки астрономии, проходившие в корпусной обсерватории. Образование давалось разностороннее и не все затем становились военными. Брат Вячеслав, например, после окончания корпуса продолжил обучение в ДПИ, хотел выучиться на агронома. Преподаватели — офицеры и вольнонаёмные. Отношение к кадетам — культурно-вежливое, но и строгое. А иначе с нами нельзя, — смеётся Иван Петрович, — шалости-то у всех на уме, лишь дай волю. Даже старшекурсники, оканчивающие корпус, устраивали, в один из дней «звериады» [37] — резвились после отбоя, поднимали нас в нижнем белье.

Листаю странички блокнота, исписанные под диктовку Ивана Петровича. Режим дня кадета: 5.45 — встают дежурные, 6.00 — подъём, умывание и далее подробно до отбоя в 21.00. Шесть сигналов, подаваемых трубачом в казачьих частях, Севастьянов напевает, передавая тональность каждого. *«Рысью, размашистую,*

но не распушенной, для сбережения коней». Он словно молодеет на глазах, громко затягивая: «Сберитесь, быстрее, сомкнитесь всадники, груги, на звуки призывной трубы». Построение сотни: «идёт пять отделений, впереди знаменосец, трубач», её численный состав, количество классов и отделений в корпусе, различные мелочи вплоть до деталей формы: «у трубачей эполеты из материи» и прочее, прочее...

Сейчас, когда корпус возрождён и работает более четверти века, большинство из этого известно каждому кадету, но в 1988 году я слушал и записывал эти сведения, чувствуя, что они уникальны, поскольку звучат из уст человека, прожившего восемь лет в этом далёком и, казалось, утраченным навсегда мире.

В декабре 1919 года кадетский корпус эвакуировался в Новороссийск. На причале в какой-то момент кадеты остались без воспитателя, предоставившего возможность семнадцатилетним юношам сделать важнейший в жизни выбор.

— Я думаю, он поступил так специально. По своим убеждениям этот офицер был вроде декабриста, отличался вольнодумскими взглядами от остальных. Может быть, даже был членом партии. Очень интересная личность. Душевный человек, лет сорока. Хотя кличка у него была «Портянка». Уж не знаю почему. Вот и дал он нам время задуматься, как же можно покинуть Россию?

Иван Петрович смотрит куда-то мимо меня и, наверное, видит тот пирс, суету, царящую при погрузке кораблей и в стороне — шесть кадет, стоящих на последней полоске русской земли.

— Мы не могли покинуть родину. У нас была Россия, это слово объединяло для нас всё самое важное, — твёрдо подытоживает Иван Петрович.

Сорваны погоны — в город входит Красная армия. На крышах вагонов поехали в Ростов. Бродим по городу, голодны, а денег нет. Всё равно пошли на базар, поближе к еде, и здесь первая неожиданная встреча — с братом Леонидом. Он воевал в «Зелёной» армии и тоже сбежал из-под Новороссийска. Нужно было затеряться, на Дону — небезопасно, поэтому поехали в Эссентуки, на родину жены Леонида. Брат, по специальности механик-дизелист, ещё в 1912 году окончил курсы шофёров, вот и научил меня всем премудростям этой работы, очень пригодилось потом в жизни.

Затем начался НЭП. Чтобы выжить, брались за любую работу. Уехали на Кубань, брали в аренду мельницы, осваивали новые

профессии. Например, в курортный сезон поехали в Пятигорск и открыли сапожную мастерскую — шили сандалии курортникам. Именно здесь в 1925 году меня призвали в Красную армию.

Прошло немного времени, и мой взвод получил приказ грузиться в вагон для переезда к постоянному месту службы. Куда едем — неизвестно. Но вот поезд останавливается. Новочеркасск! Забило сердце, я ведь не был здесь шесть лет... Может быть, просто остановка? Но звучит команда: «Выходи из вагонов!».

— Колонной шагаем в город, поднимаемся по Крещенскому спуску, ведущему к Вознесенскому собору. Вспоминаю, как в 1914 году таким же утром стоял здесь, вот на этом самом месте, мимо которого сейчас прохожу. Войска, учащиеся городских гимназий, реалисты и третья сотня кадетского корпуса построены шпалерами, а по дороге поднимается в гору автомобиль «Фиат» в сопровождении нескольких взводов юнкеров новочеркасского казачьего училища. Император Николай Второй прибыл в столицу Дона для осмотра многочисленных лазаретов — шестой месяц идёт война с Германией.

Позже император посетил и наш кадетский корпус, где также был устроен лазарет. И только я вспомнил об этом, как пройдя по знакомым улицам, совсем рядом с родным домом, наш взвод подходит к воротам Донского Императора Александра III кадетского корпуса! Вот оно — новое место службы. Теперь здесь располагается кавалерийская часть.

Голос Ивана Петровича предательски дрожит, блестят слёзы: «Как могло случиться, что я снова вернулся туда, откуда начал свой путь? Та, первая ночь в родных стенах... Эти особые звуки шагов в длинных высоких коридорах, скрип открываемых за отполированные и моими пальцами ручки дверей... Конечно, я не мог заснуть, всё вспоминал. Например, весну 1917 года, когда после отречения царя приказано было с наших погон счистить корону, и некоторые кадеты плакали при этом. Словно переживал заново, лёжа на охапке сена, вместо той, привычной кадетской кровати. И вдруг понял, что лежу-то я на правом боку, ведь так было положено в корпусе: спать только на правом боку. Мелочь, а не забылась. А вот другой корпусной навык мог мне дорого обойтись.

На следующий день занятие строевой подготовкой на плацу. Лишь раз прошагал взвод, а меня подзывает офицер, проводящий занятие: «Обратил внимание на Вашу отличную выправку. Где обучались?» Ответ вырвался моменталь-

но: «На допризывной подготовке!» Он смотрел на меня с сомнением, медлил, словно хотел что-то ещё сказать, но лишь приказал возвращаться в строй. Через несколько дней я был назначен к нему писарем и прослужил так все два года. А на первом параде, случившемся вскоре после этого памятного разговора, я увидел, как он маршировал во главе колонны, и понял, что офицер мой — сам из бывших. Конечно, он не поверил мне; как говорится — рыбак рыбака видит изда-лека; но промолчал, фактически спас.

Настолько хорошо мне служилось, что за полгода до демобилизации даже женился. Вот уже шестьдесят два года супружества отметили с Екатериной Константиновной совсем недавно, 4 июня. Дочь у нас замечательная.

Сидевшая с нами за столом Надежда Ивановна встаёт и подойдя к родителям, ласково обнимает их за плечи. Иван Петрович замечает: «А ведь у брата Арсения, живущего во Франции, тоже дочь зовут Надеждой. Вот так, не сговариваясь, выбрали мы с ним это имя не случайно. Во-первых, в честь старшей сестры Надежды Петровны. Она нам заменила маму. И во-вторых, в то время только и оставалось, что жить надеждой. Арсению в Париже, мне в Новочеркасске.

Снова встретился с братом Леонидом уже в 1929 году. Он жил в Ашхабаде, в письмах постоянно приглашал переехать. Здесь поступил на курсы шофёров, жизнь постепенно налаживалась. Получил старую французскую машину, сам полностью перебрал двигатель, потому что от его исправной работы зависела жизнь. Дело в том, что работа моя заключалась в поездках на завод по переработке серы. Туда — различный груз, назад — сера. Но путь проходил по пустыне Каракумы. Сто двадцать километров в один конец, а по дороге — басмачи. Сначала просто били фары, затем стали поджигать грузовики. Однажды попали в плен, нас было двенадцать человек, и две недели были на краю смерти. К счастью, был пойман главарь этой банды и нас обменяли. Хотя наши главаря так и не отдали. Басмачи ушли через границу в Афганистан, угнав огромные стада каракулевых овец.

В конце 30-х годов судьба забросила в Иркутск. Работал начальником гаража, в нём же была наша квартира, к тому времени родились сын и дочь. Казалось, снова жизнь наладилась, но начались аресты «врагов народа». Из руководства гаража взяли почти всех, я понимал, что скоро и моя очередь. Получил отпуск и всё оставив, уехали.

О годах Великой Отечественной войны Иван Петрович сказал лишь одной фразой: «Меня мобилизовали, строил мост через Аксай».

Затем в жизни Севастьянова снова был Новочеркасск, работал на строительстве электродного завода, в НПИ шофёром.

Очередной сюрприз судьба преподнесла несколько позже. Из всех возможных домов в Новочеркасске новая квартира Севастьяновых оказалась на Платовском (ныне Баклановском) проспекте точно напротив всё того же детского корпуса.

«Словно магнит это здание, — качает головой Иван Петрович, — вся жизнь вокруг него. Когда Вячеслав приезжал в 1979 году, он сначала поверить не мог, что *наш* корпус из окон квартиры виден. Сидел на балконе, курил одну за другой сигареты и всё на эти красные стены смотрел... Курил и плакал...

Вот мы и подошли к самой щекотливой теме нашего долгого разговора.

— Иван Петрович, как же получилось, что Вячеслав хотел вернуться, а Вы, вроде...

— Обманул брата?

— Нет, в статье так же не сказано, — защищаюсь я, *не посодействовали*, неожиданно выдаю ужасающий канцеляризм.

— Не знаю, зачем он *так* об этом рассказывает, может от одиночества в старости обида на жизнь и на меня обострилась. Мы же в переписке состояли, когда я ещё был в Ашхабаде, поскольку до этого Вячеслав разыскал адрес Леонида. И Арсений нам туда писал. Наша сестра — Фелисата Петровна жила в Средней Азии. Семья, хоть и частично, вполне могла объединиться. Но никакого решения наши «парижане» так и не приняли. Затем война, какое уж тут возвращение? И наконец, в 1979 году он приезжает переводчиком с группой туристов из общества «Франция — СССР» в Краснодар. Как-то сумел договориться, хотя в те времена с этим было строго, съездить в Новочеркасск, пришёл к нам и заводит разговор о возможном возвращении.

В статье об этой встрече написано буквально следующее: «повидал брата Ивана, от которого писем не получал с войны. Брат обещал получить разрешение и построить для него в Новочеркасске квартиру. Сказал: «Как построю, напишу тебе сразу, чтобы приезжал». Не написал» [33, с. 231].

Иван Петрович разводит руками: «Как я могу у нас её построить для французского гражданина? И разговор происходил в 1979 году. Помните, как тогда квартиры строились, частных за-

стройщиков не было, к кому обращаться? Мне уже было семьдесят шесть лет, не тот возраст, чтобы самому строить. Обсуждалась идея купить ему дом, но всё разговорами и закончилось. У нас, Вы же видите, квартира небольшая, живём втроём, где же его поселить? Посылали мы ему вызовы ещё несколько раз, но он больше не приезжал».

Неловкая пауза прерывается неожиданным вопросом Екатерины Константиновны: «Иван, когда мыло будет обещанное?» С недоумением смотрю на супругов, они улыбаются, а Надежда Ивановна поясняет: «Сейчас ведь перебои с мылом, в магазинах его не купишь, а у спекулянтов дорого. Вот папа и вспомнил 20-е годы, когда многие его сами делали, рецепт он не забыл и обещал нам с мамой прекрасное туалетное мыло не хуже «Красной Москвы».

В шутку прошу на память хоть обмылочек фирменного «Севастьяновского».

— Немного позже, — улыбаясь, обещает мыловар, — соберу все необходимые компоненты и примусь за дело.

Но позже, точнее 4 октября 1989 года, в редакции раздался телефонный звонок.

«Здравствуйте, Евгений Васильевич, — это Севастьянова. — Мы потеряли Ивана Петровича...»

В первое мгновение я подумал, что Надежда Ивановна имеет в виду, что отец просто не вернулся домой вовремя и, возможно, нужна помощь в поисках. Но сдавленный голос, выдающий подступающие рыдания, поясняет: «Он с утра пошёл в магазин и скончался в очереди...».

На похоронах Ивана Петровича я не был. Редакционный график выхода газеты неизменен, именно в этот день возникли совершенно неотложные дела. Опоздав к назначенному времени прощания с Севастьяновым у дома, решил поехать сразу на старое кладбище. Пока бродил около часа возле главного входа на погост, отмечал про себя сколько вопросов не задал Ивану Петровичу. Например, где были похоронены его мама, сёстры, бабушка и дедушка. В блокноте сохранилась торопливая запись уже в конце беседы: «могилы были разрушены в 20-е годы... надругательства». К чьим захоронениям относится — не понять...

Догадавшись, наконец, что похоронный автобус поехал другим путём, положил букет пышных осенних хризантем, предназначенных кадету Ивану Севастьянову, к чудом сохранившемуся памятнику другого кадета — Георгия Сироткина, трагически погибшего на Пасху 1907 года в возрасте четырнадцати лет. Тихо

прошептал: «Жора, передай... там... мои извинения Ивану».

Конечно, я позвонил позже Екатерине Константиновне, сбивчиво объяснял, извинялся, но чувствовал себя скверно, ох как скверно, понимая, как выгляжу в её глазах. Пришёл, записал захватывающую семейную историю, фактически исповедь пожилого человека, раскрывшего семейные тайны постороннему. За два посещения Севастьяновых у нас сложились тёплые, почти доверительные отношения, возможно, подкреплённые удивительными пересечениями адресов, дат, фамилий. И, к счастью, это не только мои впечатления. Об этом же говорила позже и Надежда Ивановна, вспоминая ощущения родителей и свои от тех бесед за круглым столом в уютной гостиной Севастьяновых. Ведь мы говорили не только о прошлом, но и обсуждали текущие новости, события в городе и стране, которые в то время преподносили сюрпризы чуть ли не каждый день.

Но в результате — статья не написана. Почему? Лишь только сейчас, тридцать два года спустя, я могу абсолютно уверенно ответить. Изучив записанный материал, я понял, что история, рассказанная Иваном Петровичем, слишком масштабна, чтобы свести её к отношениям двух братьев. Но невозможность в то время собрать материал о всей семье Севастьяновых, проверить даты, имена, добавить факты из жизни деда и отца Ивана Петровича заставила меня отложить работу над статьёй. Как оказалось, на три десятилетия.

Но однажды всё же доставал блокнот и аудиокассету, помеченные надписью «Севастьяновы». Спустя примерно месяц после смерти Ивана Петровича позвонила Надежда Ивановна и попросила продать или обменять эту кассету. Предложил сделать копию, но Надежда Ивановна, запнувшись, сказала: «Простите, но мне нужна кассета, записанная именно у нас, на ней сохранился живой папин голос». Приглашаю её домой и, копируя запись для моего архива, мы слушаем, как Иван Петрович Севастьянов задорно, низким голосом поёт: «Всколыхнулся, взволновался, православный Тихий Дон и привычно отозвался на призыв свободы он». Закончив гимн, отмечает, что до февраля 1917 года вместо слова «свобода» пели «монарха».

— Это всё, — виновато замечаю я, выключая магнитофон и протягивая кассету Надежде Ивановне.

— А как же сигналы трубача, ведь папа не только диктовал Вам текст, но и напевал каждый...

— Диктофон был уже выключен, я записывал в блокнот...

— Можно посмотреть?

Лишь один листок, исписанный с двух сторон. Те самые шесть сигналов. Надежда Ивановна пристально всматривается в слова команд, блокнот слегка дрожит в её руке. Пытаюсь подбодрить: «Вот забавный текст: *«Кашица готова, кашица поспела, хлеба нету, бери ложку, иги так»*.

— Да, команда *«на обед»*, — тихо отвечает Надежда Ивановна. — И пытаюсь улыбнуться: «Папа в хорошем настроении этими словами звал нас за стол...».

Помолчав, добавляет: «Надеюсь, в свой последний день он услышал это...» —

Указывает на строчку *«отбой»*, но не в силах прочитать вслух, лишь прикасается к листку, словно пытаюсь снова услышать: *«Всадник перестань, отбой был дан, остановись»*.

***

Особые слова благодарности автор адресует людям, поддержавшим словом и делом создание семейной саги Севастьяновых: Байгушевой Вере Северьяновне, старшему научному сотруднику Азовского музея краеведения; Буниной Нэлле Ивановне, члену Совета Ростовского регионального отделения Союза краеведов России; Гридасовой Женете Петровне, заместителю председателя Новочеркасского отделения Союза журналистов России; Добринскому Олегу Юрьевичу, благочинному приходов Новочеркасского округа; Луконенко Александру Михайловичу, настоятелю Георгиевского храма г. Новочеркаска; Михайловой Наталье Анатольевне, ведущему библиотекарю НТБ ЮРГПУ(НПИ); Севастьянову Иоанну Михайловичу, настоятелю ростовского старообрядческого Покровского кафедрального собора; Харченко Александру Викторовичу, полковнику внутренней службы, начальнику Новочеркасского суворовского военного училища МВД России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Е. О. Новочеркасские старообрядцы // Дон. епарх. вед. 1902. 21 авг. (№ 24). С. 532—534.
2. Е. О. Новочеркасские старообрядцы // Дон. епарх. вед. 1902. 1 сент. (№ 25).
3. *Нестор*. Движение среди новочеркасских старообрядцев // Дон. епарх. вед. 1879. 15 февр. (№ 24).

4. Все даты до января 1920 г. приводятся по старому стилю. — Е. Х.

5. Кириллов А. Г. Новочеркасск : (Основание и первонач. его история) // Дон. церковная старина. Вып. 1. Новочеркасск, 1906. С. 88.

6. О пожертвовании С. Н. Кошкина на устройство старой Архангельской церкви для совершения в ней богослужений // Дон. епарх. вед. 1879. 15 февр. (№ 4) С. 252—253.

7. Краснов Б. В. Новочеркасск : справ. книжка / Изд. Ф. М. Туникова. Новочеркасск : Тип. Карасёва, 1896.

8. Памятная книжка Области войска Донского на 1908 год. Новочеркасск : Обл. войска Дон. тип. и тип. И. В. Болдырева, 1908. С. 89.

9. Ал. Вл., *свящ.* Пребывание Киевского митрополита Платона в Новочеркасске // Дон. епарх. вед. 1886. 15 июля (№14).

10. Об учреждении в г. Новочеркасске единоверческого прихода // Дон. епарх. вед. 1879. 15 марта (№ 6). С. 211—212.

11. *Очевидец*. Закладка единоверческой церкви // Казачий вестн. 1886. 19 июня (№49). С. 3.

12. Постройка единоверческой церкви в г. Новочеркасске // Дон. епарх. вед. 1888. 1 июля (№13). С. 521—522.

13. Освящение храма // Дон. речь. 1889. 14 сент. (№ 106). С. 2.

14. Преполовление — половина Пятидесятницы — древний христианский праздник между праздниками Пасхи и сошествия Св. Духа; празднуется 8 дней. В службе в день Преполовления прославляется особенно учение о таинственной воде, под которой разумеется благодатное учение Христово и благодатные дары Св. Духа. В некоторых церквах в среду Преполовления бывает выход на реки и кладези для совершения малого водоосвящения (Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 25. СПб., 1898. С. 69).

15. Каплица на р. Аксае // Донская речь. 1891. 12 мая (№52). С. 3.

16. Я. З. Павильон для водоосвящения на р. Аксае // Донская речь. 1891. 21 мая (№ 56). С. 3.

17. Васильев А. Фотографический снимок «Освящение воды на р. Аксае 15 мая» // Донская речь. 1891. 9 июня (№ 64). С. 3.

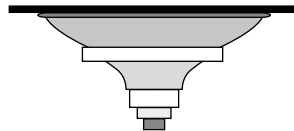
18. Свободные места // Дон. епарх. вед. 1901. 11 окт. (№ 29). С. 704.

19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. [Т.] 12 : Область войска Донского. [СПб.], 1905. С. 76.

20. Российская империя. Войска Донского область : [Приказы по войску Донскому]. [за 1896 г.]. [Новочеркасск, 1896].

21. *Артемьев И.* Присоединение к православию // Дон. епарх. вед. 1903. 11 окт. (№ 15). С. 402, 405.
22. У единоверцев // Донская жизнь. 1909. 2 июля (№ 149). С. 2.
23. Материалы по истории старообрядчества // Церковь. 1909. 9 авг. (№ 32). С. 958.
24. Епархиальные известия // Дон. епарх. вед. 1912. 11 окт. (№ 29). С. 470.
25. *Терзи Н.* Как многие // Донская волна. 1918. № 19 (21 окт.). С. 10.
26. Российская империя. Войска Донского область : [Приказы по войску Донскому]. [№ 301 за 1913 г.]. [Новочеркасск, 1913].
27. Приказ Войску Донскому № 351 // Дон. обл. вед. 1914. 16 сент. (№ 210). С. 1.
28. Иудин грех // Дон. обл. вед. 1917. 2 апр. (№ 74). С. 1.
29. *Запорожцев В. П., Мусатова З. В.* По волнам судьбы. Кн. 2 : По другую сторону баррикад. Тольятти : Современник, 2003. С. 367, 372.
30. Российская империя. Войска Донского область : [Приказы по войску Донскому]. [№ 496 за 1908 г.]. [Новочеркасск, 1908].
31. Российская империя. Войска Донского область : [Приказы по войску Донскому]. [№ 289 за 1910 г.]. [Новочеркасск 1910].
32. Проверочные испытания в политехникуме // Вольный Дон. 1917. 26 авг. (№ 117).
33. *Большаков В. В.* Русские берёзы под Парижем. М. : Мол. гвардия, 1990.
34. *Поляновский Э. А.* Венок терновый // Неделя. 1989. 2 апр. (№ 13). Цит. по: Эдвин Поляновский [сайт]. URL: <https://www.polyanovsky.ru/venok-ternovuj-1989> (Дата обращения 22.07.2020).
35. Список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа // Генеалогический форум ВГД : [сайт] URL: <https://forum.vgd.ru/395/74191/> (Дата обращения: 22.07.2020).
36. Российская империя. Войска Донского область : [Приказы по войску Донскому]. [№ 304 за 1911 г.]. [Новочеркасск, 1911].
37. «Зверь» — шутовское наименование для кадет младшего курса; «звериада» — ода в комическом духе, составляемая и исполняемая всеми оканчивающими курс выпускниками (по воспоминаниям А. Бартельс-Меньшого «О традициях» // Кадетская переключка. 1972. (№ 3). С. 40 – 41).

Осень 1988 г. — шонь 2020 г

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Н. А. МИНИНКОВ

«...ПО ВОЙСКОВОМУ ПРАВУ КАЗНИТЬ...»

(К 350-летию принятия Войском Донским присяги на верность царю)

29 августа 1671 года в войсковой столице Черкасске прошла церемония приведения к крестному целованью казаков Войска Донского на верность царю Алексею Михайловичу, царице Наталье Кирилловне и царским детям. Дата была названа в Посольском приказе стольником полковником Григорием Косаговым [1, с. 170], посланным на Дон для проведения этой церемонии.

Такое важное событие нашло отражение в историографии. В. Д. Сухоруков отметил, что приведение донских казаков к присяге должно было обеспечить «отвращение на Дону возмущений» «подобных Разинскому восстанию». Требование правительства о присяге казаки готовы были выполнить далеко не сразу, и «четыре дни» они пытались сопротивляться, однако, в конце концов, были вынуждены принять присягу. В. Д. Сухоруков излагал общее содержание текста присяги [2].

Более жёсткую оценку последствиям принятия присяги давали историки казачества начала прошлого века. «Донское войско подпало под влияние московского правительства», — таким, на взгляд Е. П. Савельева, было главное последствие этого акта. Однако донские казаки «как народ прямой, непосредственный и честный и при том искренне религиозный, старался по мере сил выполнять принятые на себя обязательства». Всё это, по оценке Е. П. Савельева, «Москва своевременно усчитала и использовала в своих интересах» [3]. Это соответствовало мысли историка, согласно которой русские власти использовали верность донского казачества, которое за свою службу не получало от правительства должного и заслуженного вознаграждения.

Исследователь истории казачества историк-юрист С. Г. Сватиков отметил, что присяга привела к принципиальным изменениям в политическом положении Войска Донского. Результатом принятия присяги стало то, что «с 1671 года казаки стали подданными царя, а

Донская колония вошла в состав Российского государства» [4, с. 107]. Была ликвидирована, по мнению С. Г. Сватикова, государственная независимость Донской республики, на месте её стала донская автономия в составе России. При этом донская автономия «была гораздо шире той, которой пользовалась Малороссия с 1654 г. под "гетманским региментом"» [4, с. 107—108].

Таким образом, донские историки дореволюционного времени, а также историк казачества С. Г. Сватиков в период эмиграции видели в присяге донских казаков важную политическую перемену, итогом которой стало усиление зависимости Войска Донского от московского правительства. Особенно резко эту мысль выразил С. Г. Сватиков: он связывал с присягой конец донской республиканской государственности.

Мысль о присяге 1671 года как о способе подчинения донского казачества царской власти высказывали и советские историки.

Н. С. Чаев, например, обращал внимание на экономические предпосылки такого подчинения. Принимая вывод А. А. Новосельского о втягивании в XVII веке Дона в систему нарождавшегося всероссийского рынка [5], он указывал, что в тот период донская земля «связывалась всё более и более тесными хозяйственными связями с Русским государством». Поэтому, по его словам, подчинение казачества государству «не было результатом только насильственных правительственных мер» [6].

А. П. Пронштейн правомерно связывал принятие присяги с победой властей над разинцами и отмечал, что главное в ней состояло в ликвидации «права убежища» и «права внешних сношений» [7], которыми ранее пользовались донские казаки. Он также подчёркивал, что присяга создавала основу для дальнейшего наступления на права донского казачества. Специальный раздел, посвящённый принятию присяги 1671 года и последствиям этого акта для Войска Донского, выделен в монографии С. И. Рябова [8]. Он

Николай Александрович Мининков, доктор исторических наук, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета

обращал внимание на то, что поражение Разинского восстания, «гибель» в ходе его «наиболее стойких и решительных противников царского правительства» и в то же время «рост влияния промосковски настроенной старшины» привели к принятию казаками присяги. Указывая, что присяга — «большой успех самодержавной политики по отношению к вольному казачеству», С. И. Рябов подчёркивал, что это принятие «ещё не означало ликвидации политической самостоятельности Дона вообще. Для этого потребовалось ещё несколько десятилетий...» [8, с. 81].

Таким образом, в исследованиях, посвящённых этому событию донской истории 1671 года, подчёркивалось его политическое значение, выражавшееся в усилении московской власти на Дону. Обращалось внимание на связь его с Разинским восстанием и на его последствия. В меньшей степени указывалось на предпосылки её принятия и на процесс формирования её текста и на отдельные последствия этого акта.

Что касается предпосылок, то стремление московского правительства подчинить донское казачество прослеживается ещё с конца XVI века. Явно неудачной в этом отношении была попытка 1592 года поставить во главе донских казаков своего человека, дворянина Петра Хрущова. Казаки решительно отказались «служить» с ним и тем более принимать его себе «в головы». 4 июня 1592 года явившись на стан русского посла Григория Нащокина, они заявили ему, что «прежде сего мы служили государю, а голов у нас не бывало. И ныне ... рады государю служить своими головами, а не с Петром» [9]. Русское правительство поняло, что добиться подчинения казаков напрямую невозможно, для этого оно в конце XVI века не имело сил.

Правительство Михаила Романова в отношении Войска Донского пошло другим путём. Сознавая свои ограниченные возможности и стремление казаков к сохранению самостоятельности и вольности, зная о необходимости для казачества экономических связей с Россией и поддержания родственных отношений с жителями русских городов и уездов, оно добивалось усиления своего влияния на Дону, предоставляя Войску Донскому определённые привилегии.

Казаки сыграли свою роль в избрании на престол Михаила Романова в ходе Земского собора 1613 года [10]. Они защищали южную русскую окраину от нападений крымцев и ногаев, поэтому в Москве учитывали необходимость поддержки донских казаков. В 1614 году донцам было вручено царское знамя [11, стб. 69]. В сентябре 1615 года на Дон была послана царская

грамота, в которой Войско Донское получило от правительства ряд необходимых для казаков прав. Они могли «повольно» ездить в южные города «со всякими товары», то есть привозить военную добычу для продажи. Им дозволялось свободно видеться с родственниками, жившими в этих городах. Для воевод в грамоте было специально оговорено, чтобы они казакам «насилства ... не чинили, и сильно ни у кого ничего не имали». При этом казаки имели право в этих городах на беспошлинную торговлю. В Москве обязались выплачивать казакам царское жалованье. В качестве обязанности казаков в грамоте была указана служба, причём в начальной части грамоты указывалось конкретно, за какие виды службы казаки получали свои права и за какие действия они «на наше царское жалованье были надёжны» [12].

Согласно С. Г. Сватикову, с этой грамоты начался для донских казаков «период вассалитета (1614—1671)», когда «Дон сохраняет и развивает свое народоправство, но вступает добровольно в регулярные отношения с метрополией» [4, с. 2].

Все положения данной грамоты были подтверждены в царской грамоте на Дон от 30 декабря 1618 года [13]. В отличие от классического договора между сюзереном и вассалом, Войско Донское в 1615 и 1618 годах не приносило вассальной присяги, тогда как правительство свои обязательства перед вассалом зафиксировало в двух грамотах чётко.

Однако уже в 20-е годы XVII века такое положение стало создавать для русских властей значительные неудобства. Готовясь к войне с Речью Посполитой за возвращение Смоленска, они стремились поддерживать мир на юге и не давать Османской империи и Крыму повод для враждебных действий, поэтому требовали от Войска Донского прекратить походы на Турцию и Крым. Но Войско Донское продолжало эти походы, поскольку на свои боевые действия смотрело исходя из собственных интересов, но не из интересов московского правительства [14].

В результате в отношениях между Москвой и Доном в 1630 году произошёл конфликт. Казаки решительно отказались идти в поход против Польши совместно с турецкими пашами, и заявили, что «в бусурманскую землю турецким пашам на помощь на литовскую землю идти не хотим» [15, л. 94—95], но соглашались идти на войну вместе с царскими воеводами [15, л. 80].

Тогда же, в июле 1630 года, в Москве арестовали станицу атамана Наума Васильева. Это был

ответ на невыполнение казаками требований о прекращении действий против Турции и Крыма. Станица была отправлена в ссылку в Холмогоры [11, стб. 323–324].

На Дон был направлен царский посланник дворянин Иван Карамышев. Поездка его сопровождалась слухами среди казаков, которые распространялись одним из ушедших из Москвы казаков, будто на Дон идёт царский воевода с большими силами «ратных людей семнатцать городов». Они должны были, «едучи Доном сверху и до нижних казачьих юртов городки все разорить и их, атаманов и казаков, побивать и вешать». Поэтому, как докладывали послы А. Совин и М. Алфимов, казаки, «убояся того, из верховых городков розбежались по запольным речкам и по лесом» [15, л. 72]. Говорили казаки и о самом Карамышеве, будто бы он «напросился сам, что ему донских казаков на Дону побивать и вешать и животы грабить» [15, л. 78]. В такой обстановке Иван Карамышев прибыл на Дон.

Об убийстве его рассказывал в ноябре того же года в Посольском приказе казак Семён Саблин. По его словам, 17 сентября состоялся Войсковой круг, на который пришли русские послы, но не явился Карамышев, хорошо зная о настроениях казаков и, по-видимому, предчувствуя опасность. Это вызвало ещё большее ожесточение казаков против него. Казаки припомнили, будто бы когда-то «наперёд сего» «они, казаки, в кругу у себя слушали государевы грамоты, и Иван де Карамышев против государьского имени шапки не снял, стоял, закуся бороду». Они явились к Карамышеву «на стан», и казак Ивашко Лагутин сказал ему, что «он, Иван, донских казаков на Москве поил у себя вином и говорил, что государь посылает его на Дон донских казаков побивать». И когда Карамышев признал, что он «виноват», «и казак де Ивашко Тюлень учал его сечь саблею, а потом иные казаки учали его сечь саблями, и, убив его, вкинули в воду, в реку Дон» [15, л. 114–115].

В условиях сложившихся отношений между Россией и Доном это убийство, не раз описанное в историографии, напоминало своего рода бунт вассала против сюзерена. Отношения между Доном и Москвой были прерваны. Как сообщал в Посольском приказе жилец Тимофей Владычкин, казаки говорили в связи со слухами об отправке на Дон царских ратных людей, что «они де, донские казаки, Дон государю очистят и бес крови, и у них де, у казаков, будет иной Дон» [15, л. 79]. Некоторые казаки, по его словам говорили о необходимости при-

звать на помощь запорожцев [15, л. 117–118]. Была прекращена посылка на Дон царского жалованья. Но, как показали события, такой кризис не был выгоден ни московским властям, ни Войску Донскому. Казаки, чтобы не раздражать правительство, прекратили всякие действия против турок и крымских татар и даже не нападали на тех татар, которые возвращались с полоном из русских земель. Как сообщал в марте 1632 года царицынский воевода Л. Волконский, этих татар «донские казаки бес государеву указу громить не смеют» [11, стб. 338]. К тому же начиналась война с Речью Посполитой за Смоленск, поскольку заканчивался срок Деулинского перемирия 1632 года. В Москве было решено призвать на войну Войско Донское. На Дон было послано царское жалованье и грамота с призывом идти на войну [11, стб. 387–390]. Станицу Наума Васильева возвратили из ссылки и послали на театр военных действий под Смоленск в армию боярина М. Б. Шеина. Войску Донскому разрешили вести военные действия против татар и турок, но только оборонительные, и нападать только на возвращавшихся из походов на южные русские земли азовцев и крымцев [11, стб. 365].

Восстанавливая свои отношения с Войском Донским, Москва сделала попытку в 1632 года привести казаков к присяге. В обстоятельной статье О. Ю. Куца показано, как это велось через новое временное «приказное ведомство» во главе с боярином С. В. Головиным и дьяком М. Даниловым [16]. Им удалось привести к присяге донскую станицу во главе с атаманами Богданом Конинским и Тимофеем Яковлевым (Лебязьей Шеей). Станичники приняли присягу охотно и заверили боярина и дьяка, что казаки на Дону также присягнут, поскольку это означало конец царской опалы и посылку на Дон царского жалованья [16, с. 255]. Был подготовлен текст присяги, или крестоцеловальной записи, в которой казаки должны были клясться в верности не только царю, но и царице Евдокии, царевичу Алексею Михайловичу и святейшему патриарху Филарету Никитичу. В тексте содержалось признание вины Войска Донского за то, что казаки «царского повеленья не слушали», «турскаго Мурат салтана имали и воевали, и на крымские улусы ходили и воевали самовольством». Присяга обязывала казаков «служити» царю и его «сыну». Она требовала «не подыскивати» «иногo государя из иных государств» «и из русских родов». Это положение было навеяно недавними событиями Смуты. Казаки должны были «битись» «с теми людь-

ми», от которых исходил «скоп и заговор и иной какой злой умысел». Они также должны были «битись за них, государей, не щадя голов своих» с внешними врагами, «с крымскими, и с нагайскими, и с польскими, и с литовскими, и с немецкими людьми». Они не могли «отъехать» «ни в которыя государства», что должно было положить конец вассальной традиции вольной службы царю как сюзерену, превращало их в царских подданных. Дополнялось это положение запретом «съехать» со службы «без государскаго указа и без отпуску», а также «ссылаться» «с их государевыми изменники». Запрещалось, кроме того, вести самовольные военные действия, «ходить» «под турскаго городы», и «на Хвалимское море», «шаха Кизылбашского кораблей не громить, и городов и сёл не воевать». Требовалось по присяге «битися», если «крымские и нагайские или иные какие воинские люди» пойдут «на государевы украинные города войною», и у них «полон русской отбивати» и брать «языки», которых «к Москве приводити». Присягу должен был принимать каждый казак [17].

С требованием принятия присяги на Дон были направлены князь И. А. Дашков и подьячий Л. Полуехтов. После их приезда, 17 мая 1632 года был созван Войсковой круг, который решительно отказался принимать присягу. 26 мая Войско Донское составило отписку в Москву с обоснованием отказа. «При бывших государех старые отоманы казаки им, государям, служивали не за крестным целованием», и «крестного, государи, целованья на Дону, как и зачелся Дон казачье головами, не повелось», — писали казаки. В отписке приводились примеры службы казаков без присяги при Иване Грозном под Казанью, и Ливонскую войну, когда «при царе Иване Михайло Черкашенин и отоманы козаки во Пскове сидели в осаде». Упоминалось о службе в Сибири при Ермаке, «в осаде в Орешке», и в то время, когда «царь Фёдор ходил под Ругодяв и под Ъвангород». Сообщалось, что казаки несли береговую службу в Серпухове при Борисе Годунове. Говоря о последних временах, казаки упоминали, что отряды «донских, и волотцких, и яицких, и терских» казаков, «выхаживая» «на украинные городы, на Белгород, на Царёв Город, на Оскол, на Волуйку», служили без присяги. Они писали, что «с нами ... тово крестнова целованья на Дону не обновитца» [18, с. 162—163]. Что касается принявших присягу атаманов Б. Конинского и Т. Яковлева, то они «учинили» это, по словам отписки, «не помня старины, своими молодыми разумы, без нашево воскового совету и без приказу» [18, с. 164].

Решительный отказ казаков принимать присягу не помешал восстановлению отношений Войска Донского с Москвой. О. Ю. Куц объяснял это тем, что в Москве узнали о готовности в случае дальнейшей невыплаты царского жалованья идти в Запороги на службу к польскому королю. Узнали они также о готовности казаков в этом случае не пропустить в Азов русское посольство и убить возвращавшегося с ним турецкого посла, а также идти «воровать» на Волгу и Каспийское море» [16, с. 258]. К этому можно добавить, что правительство осознало отсутствие у него возможностей для воздействия на донских казаков с целью заставить их принять присягу. Ещё одно реальное значение событий, связанных с неудачной попыткой заставить казаков присягать, было связано с формированием делопроизводственной практики. В тексте присяги, написанном в 1632 году, был выработан формуляр подобного документа, который по существу воспроизведён в 1671-м, когда присяга донскими казаками была принята.

Условия для принятия присяги донскими казаками сложились почти через сорок лет после первой неудачной попытки 1632 года, когда потерпело поражение восстание под предводительством Степана Разина, а сам предводитель восставших был казнён.

Приведение Войска Донского к присяге на верность царю должно было закрепить победу московских властей над донским казачеством, полностью поставить Дон под власть самодержавия, создать условия для ликвидации традиций казачьей вольности. Для приведения казаков к присяге на Дон был послан полковник стольник Григорий Косагов.

По рассказу в Посольском приказе самого полковника, уже в день его приезда, 24 августа, он заявил, что в Москве войсковые атаманы Корнило Яковлев и Михайло Самаренин, которые привезли Степана и Фрола Разиных, вместе с казаками своих станиц «великому государю в верных своих службах пред святым евангелием обещались». Со ссылкой на этот прецедент Косагов сказал, чтоб все «они, казаки» точно также «великому государю пред святым евангелием веру учинили ж». Несмотря на общее изменение обстановки, на усиление позиций правительства на Дону после победы над разинцами, присяга была принята с немалым трудом. Сказать, как в 1632 году, что принявшие в Москве присягу станичники сделали это «без нашево войскового совету и без приказу», было после подавления Разинского восстания невоз-

можно. Но, тем не менее, по рассказу Косагова, «казаки молотчие люди, что они великому государю служить ради верно и без крестного целованья, а креста де им в том целовать не для чего» [1, с. 169]. И только на третьем кругу было принято решение присягать «всем войском». Тех же, кто «к тому обещаю не пойдёт»... по войсковому праву казнить смертью, а животы их грабить» [1, с. 169–170]. Но и после этого, чтобы церемония присяги прошла без срывов, «заказ учинили .., чтоб ништо никакого питья, покамест они общанье учинят, не продавали, а естли кто к обещаю придёт пьян, и такому человеку и продавцу [того вина] учинено будет [жестокое] наказанье» [1, с. 170]. 29 августа принятие присяги состоялось.

Формуляр текста этой присяги в целом соответствует формуляру текста непринятой присяги 1632 года. Вместе с тем текст её значительно более пространен. В нём упомянуты в качестве лиц, которым приносится присяга, не только царь, царица и наследник престола, царевич Фёдор Алексеевич, но и все царевичи и царевны. Более развёрнуто описана вина казаков Войска Донского. Если в тексте 1632 года упоминание о походах на Турцию и Крым было кратким, то в тексте 1671-го подробно говорится о действиях Степана Разина, который охарактеризован как «богоотступник вор и изменник донской казак» [1, с. 146]. Текст содержал похвалу донским казакам за то, что они к Разину «не пристали». Похвала была очень сдержанной, особенно на фоне последующих строк о том, что казаки над Разиным «никакова поиску не чинили, и от воровства ево не унимали, и никаких вестей к великому государю не писали, и станиц не присылали». И далее следовало объяснение, что казаки Войска Донского этого ничего не делали, «боясь от него в его во многом воровском собранье смертнаго убивства». И хотя, как говорилось в тексте присяги, от Войска Донского «к великому государю измены и не было», казаки, тем не менее, своим поведением «пред богом согрешили и перед ним, великим государем». При этом особо указывалось, что казаки посылали в Москву «бити челом» станицу атамана Родиона Колуженина, и «великий государь» казаков «пожаловал», «вины» им «отдал».

Текст присяги прямо предписывал Войску Донскому тех, кто «противно воли великого государя нашего помыслил», «о том к великому государю писать». Новым требованием было то, что «пущих завотчиков и зачинателей ко всякому злу» присяга предписывала «присылать к великому государю к Москве» [1, с. 147]. Тем

самым присяга предусматривала ликвидацию права невыдачи людей с Дона. Право было неписанным, московское правительство его не признавало. Но по существу оно действовало вплоть до выдачи в Москву Степана и Фрола Разиных. Для казаков это требование присяги было наиболее тяжёлым. Остальные положения присяги соответствовали присяге 1632 года. Запрещалось подыскивать «из ыных государств ... королей и королевичей и розных земель царей и царевичей и из русских и из-иноземских родов никого не хотети» на престол [1, с. 147–148]. Запрещался отъезд «без указа великого государя и без отпуску «в Крым, и в калмыки, и в Литву, и в немцы, и в-ыныя государства» [1, с. 148]. Разрешалась только «ссылка» «с калмыки», «чтоб они, калмыки, по-прежнему с нами, атаманы и казаки, царскому величеству служили» [1, с. 149]. Присяга принималась при вступлении на престол новых государей, Фёдора Алексеевича, затем Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича.

Принятие присяги Войском Донским не означало, что все казаки согласились с её условиями. Спокойной обстановки на Дону не было. Не случайно стрелецкий полуголова В. Волжинский докладывал в ноябре 1675 года в Посольском приказе, что на Дону по-прежнему «раскол чинят в государевых делах противно», и при этом «пущие ис тех казаков те, которые были у Стеньки Разина в урядниках, в атаманех, и в ясаулах, и в полковниках» [1, с. 348]. Особое их возмущение вызывала выдача людей в Москву по требованию правительства. Когда стал вопрос о выдаче «вора Сеньки Буянки» по требованию правительства, среди казаков возникли споры. Атаманы и «старые» казаки «приговаривали ... отдать, и был Буянка скован», но другие казаки выступили резко против. Несмотря на принятие присяги, они выдвинули традиционную точку зрения об отсутствии в прошлом подобных случаев. По их словам, «такова обрасца, чтоб казаков з Дону отдавать, и при прежних государех не бывало, и ныне де отдавать нельзя». Казаки, выступавшие против выдачи, совершенно точно оценили политические последствия для казачества выдачи Степана Разина. Они говорили, что «полно де того, что и Разина отвезли, и тем де они на себя повадку» дали. И если выдать Сеньку Буянку, «то де и до последнего их брата казака с Москвы пришлют» [1 с. 349]. Через несколько дней стрельцы в Посольском приказе говорили, что на круге по вопросу о выдаче Сеньки Буянки казаки выдвинули обвинение Корниле Яков-

леву, который отвозил в Москву Разина: «Повадился де он их к Москве возить, будто азовских ясырей, связав». Старшине Родиону Колуженину говорили, что старшинам «в том», то есть за выдачу казаков в Москву, «чинитца выслуга», и они за это от правительства «берут ковши и соболи». Фрола Минаева, будущего войскового атамана и участника Азовских походов Петра I, казаки «бранили матерны», и грозили ему, что они «ево, на руку посадя, другою роздавят». При этом особо сообщалось, что на этом круте не было «пьяных, для того накануне всякого круга бывает казаком крепкой заказ, чтоб ничего не пили, были готовы в круг». И поэтому казаки «ходят в круг не пьяни» [1, с. 351]. Это говорит о совершенно сознательном и резком неприятии казаками такого важнейшего положения присяги, как возможность выдачи казаков в Москву.

Следующий шаг по пути ликвидации права невыдачи с Дона был сделан в 1688 году, когда наряду с некоторыми другими казаками-старообрядцами выдали в Москву одного из видных их предводителей и бывшего войскового атамана Самойлу Лаврентьева. Сделали это также по требованию правительства в ходе борьбы с донскими старообрядцами. По словам В. Г. Дружинина, это было «категорическое и точно поставленное требование, надломившее, по-видимому, старое войсковое право собственного суда над преступниками [19]. Однако и после этого донские казаки продолжали принимать беглых.

Проведение этого важнейшего положения присяги в жизнь смогло осуществиться только после разгрома донского казачества в Булавинском восстании, установления нового порядка, когда избранного войскового атамана утверждал царь, и в 1721 году был произведён перевод Войска Донского из ведения Иностранной коллегии в Военную коллегию.

Взгляд С. Г. Сватикова на присягу 1671 года как на оформление ликвидации независимой в политическом отношении республики донских казаков не получил поддержки в историографии. Несомненно, что это событие было этапным в политической истории Дона, после которого произошло усиление власти самодержавия над донским казачеством.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Крестьянская война под предводительством Степана Разина : сб. док. / Глав. арх. упр. при СМ СССР, Центр. гос. арх. древ. актов, Ин-т

истории АН СССР. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

2. Сухоруков В. Д. Историческое описание Земли войска Донского. Ростов н/Д : ГинГо, 2001. С. 289–290.

3. Савельев Е. П. История казачества с древнейших времён до конца XVIII века : Ист. исслед в 3-х ч. /Репринт. воспроизведение изд. 1915–1918 гг. Ростов н/Д., 1990. С. 365. (На обл. : Савельев Е. П. История казачества : (Ист. исслед.) Ч. 3. Новочеркасск, 1918.)

4. Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917) : Исслед. по истории гос. и адм. права и полит. движений на Дону / Изд. Дон. ист. комиссии, 1924.

5. Новосельский А. А. Из истории донской торговли в XVII в. // Исторические записки. Т. 26. М., 1945. С. 215–216.

6. Чаев Н. С. Донское казачество // Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955. С. 271.

7. Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д. : Изд-во РГУ, 1961. С. 219.

8. Рябов С. И. Донская земля в XVII веке. Волгоград : Перемена, 1992.

9. РГАДА. Ф. 89. Турецкие дела. Кн. 3. Л. 96 об.

10. Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. : Казачество на переломе истории. М. : Мысль, 1990. С. 89.

11. Донские дела. Кн. 1. СПб., 1898.

12. Прянишников И. П. Материалы для истории Войска Донского : Грамоты. Новочеркасск : Войск. тип., 1864. С. 24.

13. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1617. Д. 1. Л. 291.

14. Королёв В. Н. Босфорская война. Ростов н/Д. : Изд-во РГУ, 2002. С. 69–70.

15. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1630. Д. 5.

16. Куц О. Ю. Московско-донские отношения 1631–1632 гг. и приказное ведомство боярина С. В. Головина и дьяка М. Данилова // Грани русского средневековья. М., 2016.

17. РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Разрядный приказ. Московский стол. Д. 83. Л. 1–11.

18. Попов Х. И. Об освобождении казаков от крестного целования (присяги) на верность службы // Сборник Обл. Войска Дон. статист. ком. Вып. 13. Новочеркасск, 1915.

19. Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века : исслед. В. Г. Дружинина. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1889. С. 176.

Н. А. КАЗАРОВА

ВОСПОМИНАНИЯ О РОСТОВЕ ПРОФЕССОРА ЛАДЫЖЕНСКОГО

А. М. Ладыженский

Жизнь и деятельность профессора международного права Александра Михайловича Ладыженского была тесно связана с Ростовом-на-Дону. Здесь он провёл детство и юность, затем, в годы учебы на юридическом факультете Московского университета, приезжал к родителям на каникулы. В годы Гражданской войны с женой и дочерью вернулся в Ростов, где жил и работал до своего ареста в 1931 году.

В 1960-е годы А. М. Ладыженский написал воспоминания, многие страницы которых связаны с Ростовом.

Публикуемый отрывок из его рукописи относится к первой половине 1920-х годов, времени проведения в стране новой экономической политики. Текст позволяет представить коло-

ритные краски быта и повседневную жизнь Ростова в годы нэпа, даёт почувствовать его атмосферу через восприятие горожан. Мемуарист показывает, что люди оказались между прошлым и настоящим, в противоречивом мире надежд, потерь и иллюзий. Зажиточные горожане встретили речь Ленина о продналоге как свидетельство банкротства коммунизма, но при этом не верили, что нэп всерьёз и надолго.

В большевистских кругах, с которыми мемуарист соприкасался через свою родственницу Любу Зильберберг (вдову брата, вышедшую замуж повторно за видного большевика Шахновского), введение нэпа произвело тяжёлое впечатление. Были случаи самоубийств среди наиболее восторженных сторонников коммунизма.

Автор воспоминаний даёт яркую зарисовку ростовского базара, описывает настроения горожан, их стремление приспособиться к новой жизни, к переменам, которые коснулись всех сфер жизни. Интересны также зарисовки мемуариста о встрече с С. М. Будённым.

Воспоминания Ладыженского особенно ценны в тех случаях, когда он рассказывает о событиях и людях, о которых осталось очень мало свидетельств, но которые формировали культурную и научную жизнь Ростова. Таков, например, его рассказ о жизни Донского (Северо-Кавказского) университета в 1920-е годы, о настроениях и материальном положении профессуры, о различных экспериментах со школой, начиная с низшей и кончая вузами.

Рукопись воспоминаний Александра Михайловича Ладыженского хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки [1].

А. М. ЛАДЫЖЕНСКИЙ

РОСТОВ В ГОДЫ НЭПА

Буржуазия встретила речь Ленина о продналоге как свидетельство банкротства коммунизма. Живший в одном с нами доме мануфактурист Минкин говорил: « Без нас не могут обойтись! Опять буржуи стали хорошими! Но

мы ещё подумаем, начинать ли дело. А то могут, как в средние века с евреями поступали — давали богатеть, а потом опять отбирали. Верить нельзя, хотя Ленин и утверждает, что нэп всерьёз и надолго». А старый (бывший варшавский)

Нина Акоповна Казарова, доктор исторических наук, профессор, свободный исследователь, г. Ростов-на-Дону. Продолжение. Начало см.: Донской временник. Год 2019-й. Вып. 27. Ростов н/Д., 2018. С. 88–94; Вып. 28. Ростов н/Д., 2019. С. 144–151.

профессор сказал: « Не только всерьёз и надолго, а насовсем».

В большевистских кругах, с которыми я соприкасался у Зильбербергов, введение нэпа произвело тяжёлое впечатление. Люба [2] утверждала, будто двое очень восторженных сторонников коммунизма покончили с собой. Шли споры, является ли введение нэпа компромиссом, или это тактический приём. На литературном вечере у одного знакомого врача молодой поэт В. М. Галанов [3] прочитал поэму «О сапогах». Смысл её сводился к тому, что дворянин, блестящий офицер, носил сапоги, в Гражданскую его убили и сапоги достались комиссару. Теперь эти сапоги купил нэпман. Сапоги олицетворяли власть. Из всей поэмы запомнились заключительные строчки:

*....И революции не надо —
Её воинственная рать
Одной венчается наградой
Одной свободой — торговать.*

В городе нэп начался с торговли. На базарах появилось довольно много продуктов. После недолгого колебания ростовские коммерсанты, в т. ч. и мануфактурист Минкин, открыли магазины. Началась погоня за спрятанными с дореволюционных времён материалами.

Торговать стали люди, которым до революции и в голову не приходило этим заниматься. Почтенные старушки делали разные украшения, пекли пирожки, лепили леденцы. Бывшие дворяне варили мыло, тёрли гуталин для ботинок. Но были и «фабриканты». Я знал одного, открывшего производство гвоздей. Особенно расширять свои предприятия боялись. На деньги, вырученные от торговли, покупали золотые десятки.

Некоторые коммерсанты, в т. ч. Минкин, вскоре решили, будто нэп не только надолго, но и насовсем. Минкин стал уверять, что для него при нэпе не хуже, а лучше, чем при старом режиме: «Тогда были офицеры, полиция, губернаторы. Теперь — командиры, комиссары, милиция, председатель губисполкома — названия разные, а для меня одно и то же. Может быть даже лучше. Меньше гонора и встречаются нередко начальники евреи. Хоть и члены партии, а всё же свои, евреи». Когда он так говорил, мне вспоминалась известная сентенция Боссио: «Думать, что вещи таковы, какими мы желаем их видеть, — наихудший порок ума» [4]. Прошло немного лет, и у Минкина всё им нажитое отобрали, а его отправили в ссылку. Многие

более дальновидные нувориши ожидали катастрофы. Сознание непрочности своего благополучия делало их очень неврастеничными. Нажитые деньги большинство стремилось промотать. Открылись значные учреждения с вывесками «Не рыдай» и т. д. Отец [5], подтрунивавший над своими пациентами нэпманами, цитируя поэта, говорил, что у них:

*В голове — надежды вспыхнувшего сердца.
В сердце — скептицизм усталой головы.*

В отличие от дореволюционных коммерсантов, которые гордились своим состоянием и старались, чтобы их считали богаче, чем они были, нэпачи очень скрывали свои доходы и как будто стеснялись своей деятельностью. Они не пользовались уважением ни у властей, ни у населения. Я их видел много раз на курортах.

Летом 1923 года мы сняли в Николаевке под Пятигорском у подошвы Бештау дачу у одного местного садовода. Жёны нуворишей очень любили щегольнуть. Убогая и безвкусная их роскошь резко выделялась на фоне общей нищеты и сильно раздражала.

По улицам городов группами ходили беспризорные дети в оборванных пиджаках, данных им сердобольными взрослыми. Пиджаки эти почти до пят были как бы пародией на сюртуки. Тётя Соня (сестра отца) очень боялась, что беспризорники заразят сыпняком. Но баба Нюта [6] варила для них «шрапнель»: пшённую крупу с постным маслом, луком и кислой капустой.

В противоположность Минкину надо было сказать: «Всё стало другим». Я уже выше писал, что ещё перед революцией язык начал сильно портиться. В 20-е годы процесс изменения его очень усилился. В особенности у недостаточно образованных людей. В оборот вошло много блатных, а также ненужных иностранных слов, вытеснивших русские. Это отразилось даже на правительственных актах. Вместо *уполномочие* и *доверенность* стали говорить — мандат, вместо *уложение* или *свод* — кодекс, вместо *указ* или *закон* — декрет. Появилось изрядное количество нарочито вульгарных, пролетарских выражений — мирово, крути гаврила, на большой палец с присыпкой. Еду называли шамовкой, лицо — витриной, живот — барабаном, глаза — гляделками. К счастью, многие из этих слов недолго были в ходу. Но язык в общем сильно портился. Возбуждали зlobу неправильные ударения. Ходил анекдот про одного старого профессора, который сетовал: «70 процентов моих дóцентов носят в пóртфелях доку́менты,

а 30 процентов моих доцентов носят в портфеле документы». Но особенно злил канцелярит. Канцелярские и бухгалтерские словечки характерны для бюрократического быта. Изменилось правописание. Хотя новая орфография была введена при Временном правительстве Мануйловым [7], все до прихода будённовцев в Ростове придерживались старого правописания. Острили: были кириллица и глаголица, а теперь мануйлица. Но и сам Мануйлов писал по старой орфографии. Первое письмо «по мануйлице» я получил весной 1920 года и было странно его читать.

Не сразу привыкли к десятичной системе мер веса, длины, к новому календарю. Путали метры с аршинами и саженьями, килограммы с фунтами, десятины с гектарами, старый календарь с новым. Особенно странным казалось, что новый год наступал раньше Рождества.

Для экономии электроэнергии, чтобы раньше ложиться спать, время переставили на два часа вперед. «Всё не всамделишное» — ворчала тетя Анюта. Во всякой путанице обвиняли большевиков.

Сильно были поколеблены семейные устои. Началась, как выразился профессор А. Ф. Лебедев [8], всеобщая хахализация — *perpetum sobele* — постоянное кобелирование. Конечно, и раньше мужа, и в меньшей степени жены, нарушали супружескую верность. Но тогда это считалось чем-то нехорошим и скрывалось. Помните у Пушкина: «Свет не карает увлеченный, но тайны требует для них». Теперь же никакой тайны не требовалось. Как сказал кто-то из знакомых: «Произошло самое страшное из аутодафе — сожжение фиговых листочков». Брак стал рассматриваться не как договор, а как фактическое состояние, хотя и порождающее юридические последствия. Брак не заключался, а регистрировался. Этот термин сохранился до сих пор, хотя и потерял своё первоначальное значение, которое состояло в том, что регистрация брака — это не законное оформление договора, а удостоверение наличия фактических брачных отношений. Любой из супругов в любой момент без какой-либо мотивировки, а просто по своему произволу мог расторгнуть брак. От договора же по односторонней воле, не вытекающей из законных оснований, нельзя отказаться. Рассказывали анекдот, будто один еврей, решивший уволить прислугу, с нею зарегистрировался, а через день после этого развёлся. В то время довольно сильной безработицы рассчитывать домработницу было непросто. Требовалось получить санкцию профсоюза и уплатить вы-

ходное пособие. А развестись было легче лёгкого — пойти в загс и заявить о желании брак аннулировать. Наши профессора справедливо считали, что в то время большевики желали разрушить семью, рассматривая её как институт, основанный на частной собственности, поддерживающий старый быт. Власти хотели, чтобы кроме государства не было других организаций, ибо эти последние могли способствовать неподчинению правительству. Но распад семьи влёк за собой много отрицательных последствий и, как известно, в 1944 году семейное право было резко изменено — впали в другую крайность: перестали признавать супругами лиц, состоявших в фактических брачных отношениях. Очень был затруднён, а фактически запрещён развод, детей стали подразделять на брачных и внебрачных (незаконнорождённых), причём право на алименты от отца, на наследование после него, имели только дети от зарегистрированных браков. А в описываемые годы женщина, сожительствовавшая одновременно с несколькими мужчинами могла предъявить иск о взыскании алиментов к любому из них. Лицам более обеспеченным приходилось отвечать за чужие грехи. Возникали сложные проблемы установления отцовства путём определения крови. Не действовала презумпция, что отцом ребенка является муж его матери. Невесты беспокоились не столько о том, нет ли у женихов где-нибудь засекреченных жён, сколько о том, «алиментарны ли женихи», т. е. не приходится ли им уже платить много алиментов. Говорили: «Он хотя и не женат, но трижды алиментарен». Ходил анекдот, что одна жена жаловалась: «Из-за проклятых алиментов, которые двум платит муж, на жизнь не хватает. Если бы я сама не получала алименты с троих, мы бы умерли с голоду».

В первые годы после революции, когда и социальное положение и место жительства у многих изменилось, значительное количество семей распалось. Это я мог наблюдать и среди своих родственников. Муж Ольги Дмитриевны Багаей, сестры моей Наташи [9] — Владимир Евгеньевич Татаринцов соблазнил третью, их самую младшую, очень юную сестру Марию, бежал с ней во время отступления белых в Крым, где её бросил. Бедная Муся с отчаяния застрелилась. Гибель младшей дочери очень тяжело переживал Дмитрий Иванович [10]. Он обвинял себя в том, что отпустил молоденькую Мусю из Харькова и не заметил, что она захватила с собой его револьвер, спрятанный в вентиляторе.

В отличие от города, в деревне семейные устои больше сохранились, — там практически остался церковный брак, хотя формально он и не порождал юридических последствий. В то же время беспартийные резко обособились от партийных. Считалось, будто каждый член ВКП (б) знает заранее все намеченные мероприятия и может оказывать какое-то влияние на них. Партийцев побаивались. Правда были так называемые КБП (не КПБ — компартия большевиков, а КБП — как будто партийные). О них говорили: «беспартийные, но хуже всякого партийного». Партийцы в беседах с беспартийными не позволяли себе критиковать распоряжения властей. Наоборот, беспартийные всё критиковали.

Очень изменилось отношение к Западной Европе и Америке. До революции было принято критиковать всё своё и восхвалять западное. Теперь же пробольшевистски настроенные критиковали Запад как буржуазный, а антибольшевистски настроенные — за то, что он не помог в борьбе против советской власти. А у широких народных масс выросло чувство национальной гордости, сознание своей государственной независимости, что было, несомненно, очень положительным.

***

Профессорское жалование около 50 червонцев в месяц было небольшим. Пайки уже отменили, но на червонный рубль в день одному человеку можно было хорошо прокормиться. Нас было пятеро. Я работал в двух вузах, Наташа ежемесячно получала от отца по 50 руб. А бабе Нюте, при содействии В. И. Невского [11] назначили персональную пенсию в 30 рублей как сестре шлиссельбуржца.

Червонец быстро рос в цене, увеличилась его покупательная стоимость. Говорили, будто одни родители решили назвать своего сына червончик, чтобы быстро рос...

После введения нэпа материально стало жить значительно лучше, но духовно, интеллектуально — хуже. Уступки в экономике партия и правительство стремились компенсировать или, вернее, замаскировать наступлением на идеологическом фронте. Философское общество [12] пришлось ликвидировать, т. к. вся философия была оказана и инакомыслие официально объявлялось крамолой. Производились всякого рода эксперименты со школой, начиная с низшей и кончая вузами, бригадное обучение, комплексный метод и т. д. Ответы на зачётах да-

вались не каждым учеником индивидуально, а группой, что открывало возможность лодырям и тупицам получать удовлетворительные оценки, не имея знаний. Мама Соня [13] не могла примириться со всем этим и вышла на пенсию.

Обстановка в высшей школе была не лучше, чем в единой трудовой низшей и средней. Право объявили буржуазной категорией и юридические факультеты вместе с другими гуманитарными преобразовали в ФОНы. Юриспруденция была упразднена. Вместо теории права читался диамат, а чисто юридических общих понятий не только студенты, но и новые преподаватели не знали.

В 1923–24 годах жизнь до некоей степени стабилизировалась. А ведь самое трудное — это переходные периоды, особенно моменты ломки. Мы в значительной степени привыкли к новым условиям существования, к новому положению, и уже считали его естественным. Дореволюционные годы воспринимались как какой-то сон, а я того времени, как не я, а какой-то другой человек. Теперь были другие критерии оценок, другой быт, другие радости и печали. Больших несчастий не происходило. Но когда их нет, тогда маленькие огорчения переживаются сильнее, подобно тому, как в печальное время больше ценятся маленькие радости.

В университете выборного ректора крупного математика В. П. Вельмина [14] заменили недавним работником промкооперации Ефременком [15], который не имел и среднего образования и писал в годовом отчёте, что трудно было приспособить к новым условиям работы «живой и мёртвый инвентарь университета».

Живым инвентарём, очевидно, считались не только подопытные животные, но и профессора, преподаватели, административно-технический персонал и студенты. Идеологические капельмейстеры ничего не понимали в музыке науки и дирижировали оглоблей. Часто нами управляли закулисные дирижёры. Твердили о подготовке научных кадров. Но под ними разумели учёных, мыслящих по директивам и занимающихся только тем, что интересует начальство. Процветали так называемые «такальщики» — всегда согласные со всем, что требует начальство, всегда говорящие «именно так», поддакивающие. А для тех, кто позволял себе думать, кто мог «сметь своё суждение иметь» настали ужасные времена. Но, как поётся в «Илиаде»: «смертных богини судьбы одарили выносливым духом». Меня, как беспартийного, сняли с заведования кафедрой и назначили сверхштатным профессором.

В 1924 году юридический факультет в Ростовском университете был закрыт, и я оказался вынужденным перейти на практическую работу — стал юрисконсультом Юго-Восточной краевой конторы Госбанка и затем адвокатом. Лучшие в отношении научного творчества годы (с 33-х до 49 лет) я был вне вуза.

Встреча с Будённым

Вдова моего брата, умершего в 1920 году от сыпняка, Люба Зильберберг вышла в 1920 году замуж за одного из комиссаров будёновской армии, очень идейного большевика Шахновского. После смерти брата у нас с Зильбербергами сохранились дружественные отношения, особенно с моей матерью [16]. Люба чрезвычайно ценила, что Надежда Романовна доброжелательно отнеслась к невестке из типично еврейской, неинтеллигентной семьи. Как я уже писал, Зильберберги при белых сочувствовали большевикам, а после изгнания белых Любин брат Ёся вступил в партию, а Люба через нового мужа попала в коммунистическую среду. Шахновский (его все называли по фамилии, даже жена) и его приятели не сомневались, что «с Интернационалом воспрянет род людской». После нэпа, особенно когда началось завинчивание гаек, он в своих верованиях разочаровался и покончил с собой. Но в 1920 году, времени больших успехов Красной армии, вся компания, собиравшаяся у Зильбербергов, переживала большой подъём. Она верила в то, что скоро произойдет мировая революция, второй страной, которая встанет на путь социализма, будет Германия. Вскоре Шахновский с Любой поехали в Германию делать революцию. Но в 1920 году они жили в Ростове. Придя как-то к Зильбербергам, я увидел там Будённого.

Любины братья Ёся, Исая и Моисей ездили на станцию Синявскую, о которой каламбурили, что она носит японское название «комураки», т. к. когда поезд подходил к ней, торговки кричали: «Кому раки?». В устьях Дона было очень много раков. Наловили их несколько вёдер, а С. М. Будённый их очень любил и давно не ел. Увидев его в окружении подчинённых, я хотел уйти, но Раиса Осиповна (Любина мама) меня не отпустила, и весёлая компания любезно посадила меня наискось от С. М. (так в тексте. — Н. К.) Я с любопытством поглядывал на него, а он на меня.

«Вот вы профессор будете, так научите меня, как сделать, чтобы лошади с голоду не дохли?» И не дождавшись ответа на свой ри-

торический вопрос, добавил: «Вот я спрашивал профессоров ветеринарного института. Те, кто почестнее, говорили: «Кормить надо. Особенно овёс помогает». А один что-то длинное говорить начал. — Я его слушал, слушал и не выдержал: «Пока Вы говорите, у меня, наверное, три кобылы сдохли». — А насчёт овса мы и без профессоров знаем, да где ж его взять?»».

Сразу было видно, что С. М. умён и склонен к иронии. Но в то же время это был человек совершенно неинтеллигентный. Об очень уважаемом человеке, например, о Ленине, он в третьем лице говорил «они»: «Спрашивает меня В. И., как дела, а я: «С Божьей помощью, Слава Богу, всё хорошо». Я тогда ещё не знал, что они в Бога не верят. Ну, В. И. засмеялись: «Ну, если Слава Богу, то и Слава Богу»».

Как мне потом говорили, Будённый в своё время усиленно занимался с учителями. Например, директор курсов иностранных языков Брегман рассказывал, будто он учил С. М. говорить по-французски, но у знаменитого командарма ни времени, ни особого желания одолеть чужую речь не было: «Попугай, который прыгал у меня в клетке, выучил больше слов, чем Будённый». Но я Брегману не верю, он любил позубоскалить. Так же не верю рассказам, которые слышал много спустя, будто когда Будённого спросили об авторе «Конармии»: «Как Вам нравится Бабель?» С. М. ответил, лихо закручивая ус: «Смотря какая Бабель».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГБ НИОР Ф.743. Картон 15. Д. 8. 692 л.
2. Зильберберг Любовь — вдова Б. М. Ладыженского, брата А. М. Ладыженского.
3. Галанов Владимир Михайлович (1895—1925), поэт, проходил по «делу Ганина», по обвинению в участии в контрреволюционной организации, расстрелян 30 марта 1921 года, реабилитирован в 1991 году.
4. Боссюэ Жак-Бенинь (1627—1704), французский проповедник, богослов, писатель, поэт.
5. Ладыженский Михаил Абрамович (1860—1922), доктор медицины Вюрцбургского и Дерптского университетов, принимал участие в революционном движении.
6. Попова Анна Родионовна — сестра М. Р. Попова, революционера-землеольца, тётка А. М. Ладыженского по материнской линии.
7. Мануйлов Александр Аполлонович (1861—1929), ректор Московского университета, министр просвещения во Временном правительстве.

8. Лебедев Александр Фёдорович (1882–1936), профессор кафедры агрономической химии в Донском (Северо-Кавказском) университете (1917–1930), основатель физики почв в России, а его работы по гидрологии почв относятся к классике науки.

9. Ладыженская Наталья Дмитриевна, жена А. М. Ладыженского.

10. Багалец Дмитрий Иванович (1857–1932), историк, краевед, общественный и политический деятель, организатор науки, профессор и ректор Императорского Харьковского университета, академик Украинской академии наук.

11. Невский Владимир Иванович (1876–1937), профессиональный революционер, большевик, советский историк.

12. Философское общество при Донском университете было основано в 1920 году. Пред-

седателем общества был Д. Д. Мордухай-Болтовской, секретарём А. М. Ладыженский. Подробнее о философском обществе при Донском университете см: Донской временник. Вып. 28. Ростов н/Д., 2019. С.148–149.

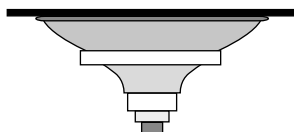
13. Софья Родионовна Попова (1873–1952), крёстная мать А. М. Ладыженского, его тётя по материнской линии.

14. Вельмин Владимир Петрович (1885–1974), профессор, доктор физико-математических наук, ректор Донского университета (1922–1924).

15. Ефременко Лукьян Матвеевич, ректор Донского (Северо-Кавказского) университета (1924–1929).

16. Ладыженская Надежда Родионовна, доктор медицины Бернского университета, сестра М. Р. Попова, революционера-землеольца.

Публикация Н. А. Казаровой

ПОСЕЛЕНИЯ

А. П. СКОРИК

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ ТАРАСОВСКОГО РАЙОНА В НАЧАЛЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

На региональной топографической карте до настоящего времени сохранились в ближайших окрестностях двух поселений Тарасовского района Ростовской области, севернее слободы Курно-Липовка и восточнее хутора Россошь, три характерных урочища: Липово-Романовка, Погореловка и Сидоро-Ивановка. Это месторасположение бывших немецких колоний ко времени начала коллективизации, когда на донской земле создавались немецкие колхозы.

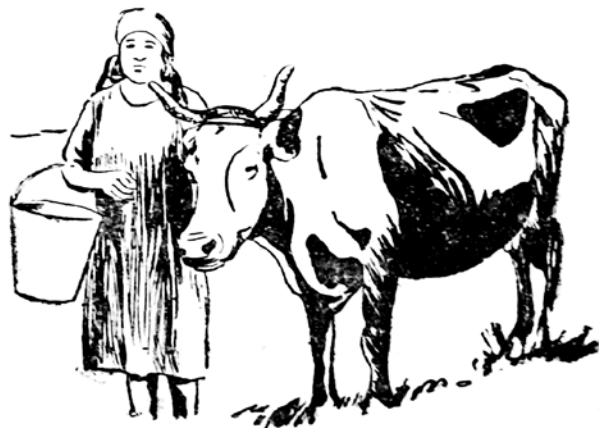
Группа немецких колоний Сидоро-Ивановского сельсовета (Липово-Романовка, Матвеевка, Погореловка и Сидоро-Ивановка) Тарасовского района Донецкого округа Северо-Кавказского края к моменту развёртывания коллективизации по состоянию на 1928/1929 год в общей сложности насчитывала двести шестнадцать хозяйств, из них восемьдесят пять — по вероисповеданию относились к лютеранам и сто двадцать одно хозяйство выражало приверженность к католической церкви. Судя по обобщённым сводным данным, в этой группе колоний в экономическом отношении преобладали середняки (134 хозяйства), значительную долю составляли бедняки (54 хозяйства), и немногочисленную часть представляли кулацко-зажиточные элементы (28 хозяйств) [1, л. 1].

В колхоз «Роте Фане» в 1930 году в целом по Сидоро-Ивановскому сельсовету вступило 190 хозяйств и 31 хозяйство осталось единоличным [1, л. 2]. По социальному и количественному составу отдельные немецкие колонии Сидоро-Ивановского сельсовета существенно отличались.

В Липово-Романовке (этого поселения в настоящее время нет) было сорок четыре хозяйства (семь кулацко-зажиточных, тридцать шесть середняцких и одно бедняцкое) [1, л. 1]. Липово-Романовка располагалась северо-восточнее Тарасовской слободы, в восемнадцати верстах от районного центра, и всего лишь в шести верстах от посёлка Туроверово-Россошин-

Прегсегатель колхоза «Роте Фане» Антон Антонович Фишер. Велосипед за ударный труд получил в августе 1934 г. (Большевистский путь. 1934. 17 авг. С. 3.)

Лучшая гоярка колхоза «Роте Фане» Мария Цимфер с одной из своих коров, дающей в среднем 22 литра молока в сутки. (Политотдельская правда. 1934. 3 окт. С. 3.)

ский (ныне — хутор Россошь), прежнего центра Туроверо-Россошинского сельского совета. В 1925 году в колонии Липово-Романовка насчитывалось всего 29 дворов, проживало 217 чело-

Александр Павлович Скорик, директор НИИ истории казачества и развития казачьих регионов Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, г. Новочеркасск

век (107 мужчин и 110 женщин), воду население потребляло из двадцати колодцев, работала одна мельница [2, с. 94, 95]. По переписи на 1926 год здесь проживали 210 человек (все — немцы) [3, с. 163].

В Мариновке (этого поселения в настоящее время не существует) по состоянию на 1928/1929 год наличествовало девятнадцать хозяйств (девять кулацко-зажиточных и десять середняцких; бедняцких хозяйств здесь не было) [1, л. 1]. С точным названием колонии в источниках есть разночтения. Судя по месторасположению, это Матвеевка, но в архивных документах она обозначена как Мариновка. На карте Тарасовского района до сих пор сохраняется урочище Матвеевка в восточном направлении (севернее урочища Сидоро-Ивановка), в нескольких километрах от хутора Россошь. В 1925 году в Матвеевке, находившейся в трёх верстах от центра сельского совета, насчитывалось 18 дворов, проживало 92 человека (42 мужчины и 50 женщин), воду население потребляло из пятнадцати колодцев и одного пруда [2, с. 95]. Примечательно, что небольшой водоём рядом с урочищем Матвеевка сохранился.

Немецкая колония (Ново-)Мариновка располагалась в Егоро-Калитвенском сельском совете (его центр — посёлок Егоро-Калитвенский), южнее колонии Рыновка (то есть территориально она никак не совместима с Сидоро-Ивановским сельсоветом), и в ней в 1925 году было 73 двора с населением 421 человек (223 мужчины и 198 женщин), воду жители потребляли из девяти колодцев [2, с. 91]. Эта колония неоднократно меняла название и административную подчинённость. В 1926 году она значилась как колония Ново-Мартыновка Егоро-Калитвенского сельсовета Тарасовского района. 12 сентября 1930 года в районе формируется Ново-Мариновский сельсовет. Через год ему возвращается название Ново-Мартыновский, и с 28 декабря 1934 года сельский совет вновь именуется Ново-Мариновским. Видимо, эти изменения были обусловлены переносом центра сельского совета в другой населённый пункт.

Отметим немецкое название колонии Матвеевка — Матиасфельд (в переводе с немецкого — поле Матвея). В Матвеевке проживали в 1920 году 108 человек, в 1926-м — 93 (все — немцы), в 1941-м — 121 человек [3, с. 163]. Немецкое название колонии Мариновка — Ней-Мариановка указывается наряду с другими тремя русскими вариантами (Ново-Мариановка, Ново-Мартыновка, Мариновка) и с численностью

населения 403 человека (1920 год), 405 человек (все — немцы) по состоянию на 1926 год [3, с. 164]. Судя по всему, Мариновка являлась центральным поселением целой группы немецких колоний, к которой относилась Ясная Поляна (этого поселения в настоящее время не существует), располагавшаяся на одну версту западнее Ново-Мариновки.

В колонии Ясная Поляна в 1925 году насчитывалось 56 дворов с населением 308 человек (165 мужчин и 143 женщины), воду жители потребляли из двенадцати колодцев, имелась начальная школа (школа I-й ступени) [2, с. 91]. Немецкое название колонии Ясная Поляна — Гнаденфельд («благодатное поле», соответственно литературный перевод будет близок по смыслу к русскому названию). В 1920 году здесь проживали 329 человек, а в 1926 году значилось 369 (из них — 352 немца) [3, с. 166].

Северо-восточнее Ново-Мариновки, примерно в двух верстах, располагался хутор Миропольский (этого поселения в настоящее время не существует), в котором в 1920 году проживали 43 жителя, а в 1926-м — 55 (все — немцы) [3, с. 163]. Обозначенная группа немецких колоний (центр — Ново-Мариновка) с началом процесса коллективизации образовала в Тарасовском районе колхоз имени Макса Гёльца.

Немецкий революционер Макс Гёльц (1889 — 1933) при загадочных обстоятельствах 15 сентября 1933 года утонул в Оке в районе города Горький (Нижний Новгород). Причём ОГПУ накануне его гибели уже готовилось к аресту этого редкого бабника, кутилы, немецкого Робин Гуда, за которым в Германии, помимо достаточно активных революционных выступлений, тянулся след тёмных дел, ограблений банков, поджогов и подрывов храмов, довольно длинный шлейф обманутых женщин, фиксировалось присуждение к пожизненному заключению в немецкой тюрьме, выделялось бурное противостояние с тюремной администрацией, своей известностью вышедшее далеко за пределы государственных границ. С 1929 года Гёльц постоянно находился на территории СССР, получил орден Красного Знамени, исколесил не менее сорока городов Советского Союза, избирался депутатом Ленинградского горсовета, трудился партийным работником в Новокузнецке, продолжал, мягко говоря, фривольный образ жизни, дебоширил, трижды женился на молоденьких девушках, в том числе дважды на школьницах, имел связь с германской разведкой (псевдоним Макс Кифер). Примечательно, что в Ростове-на-Дону, в Пролетарском районе

(посёлок Александровка), до сего дня сохранился переулочек Гельца.

В колонии Погореловка (или Погореловская; этого поселения в настоящее время не существует) по состоянию на 1928/1929 год было всего семьдесят семь хозяйств (три кулацко-зажиточных, сорок семь середняцких и двадцать семь бедняцких) [1, л. 1]. Она располагалась в двадцать одной версте северо-восточнее слободы Тарасовской и девяти верстах восточнее прежнего центра сельского совета в посёлке Туроверово-Россошинский. В 1925 году в колонии насчитывалось 67 дворов, проживало 370 человек (175 мужчин и 195 женщин), воду население потребляло из сорока пяти колодцев, работала одна мельница [2, с. 94, 95]. Её немецкое название — Йозефсгейм (в переводе — дом Йозефа). В ней проживало в 1920 году 349 человек; в 1926-м — 386 (все — немцы) [3, с. 162].

В Сидоро-Ивановке или Сидоро-Ивановской (этого поселения в настоящее время не существует) — центре одноимённого сельского совета по состоянию на 1928/1929 год имелось семьдесят шесть хозяйств: девять кулацко-зажиточных, сорок одно середняцкое и двадцать шесть бедняцких [1, л. 1]. Она располагалась в семнадцати верстах северо-восточнее слободы Тарасовской и пяти верстах восточнее посёлка Туроверово-Россошинский. В 1925 году в колонии насчитывалось 65 дворов, проживало 326 человек (154 мужчины и 172 женщины), воду население потребляло из 50 колодцев, работала своя начальная школа [2, с. 94, 95]. В современном справочнике В. Ф. Дизендорфа наряду с несколькими вариантами русского наименования колонии Сидоро-Ивановка (Сидоро-Ивановская, Сидоровка, Иванки) указывается также официально не употреблявшееся немецкое название Иоганнесфельд I (в литературном переводе с немецкого — поле Иоганна номер один) и численность населения 299 человек (1920 год), 360 человек (все — немцы) — по состоянию на 1926 год, 367 человек — в 1941 году [3, с. 162]. Отсутствие существенного прироста населения в период с 1926 по 1941 годы свидетельствует о последствиях репрессий.

В архивных материалах приводится пример зажиточного хозяйства в Сидоро-Ивановке, но он заставляет усомниться в наличии большого количества настоящих кулаков в Сидоро-Ивановской группе немецких колоний, если применять существовавшую в 1920-х годах деятельностно-структурную шестислойную классификацию социального расслоения крестьянства (батраки, бедняки, маломощные се-

редняки, середняки, зажиточные середняки, кулаки). Зажиточным хозяйством в 1928/1929 году считалось хозяйство И. Д. Штайта. Он заседал 20,92 десятины пахотной земли, содержал трёх лошадей и пять жеребят (молодняк), получал молоко от пяти коров, кормил двух овец и пять свиней. Общий доход хозяйства И. Д. Штайта оценивался в 876 рублей. Местные власти назначили ему в 1928/1929 году дополнительный налог в размере 8% от полученного дохода (70 рублей 08 копеек). Начисленный единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) составлял 105 рублей 60 копеек, или примерно 12% от полученного дохода [1, л. 1]. Конечно же, при таких хозяйственных параметрах немецкая семья не бедствовала, но квалифицировать её как кулацкую или очень зажиточную не приходится, ибо на весь полученный доход можно было приобрести повозку с упряжью, но ведь одновременно жить на что-то требовалось. Тем не менее, Сидоро-Ивановский сельский совет причислял хозяйство И. Д. Штайта к зажиточным (читай: к кулацким) хозяйствам. Увы, «события времён коллективизации были таковы, что под понятие "кулацкое" могло быть подведено любое крестьянское (и даже некрестьянское) хозяйство» [4].

На основе ключевых объектов обложения Сидоро-Ивановский сельсовет к середняцким хозяйствам относил крестьянское хозяйство А. Ф. Миллера. В 1928/1929 году в нём фиксировалось 11,40 десятины посевов, имелись две лошади и один жеребёнок, содержались корова, овца, две свиньи. Общий доход хозяйства А. Ф. Миллера оценивался в сумму 488 рублей. Дополнительный налог от полученного дохода не выплачивался. ЕСХН составлял 77 рублей 04 копейки или примерно 16% от полученного дохода [1, л. 1]. К середняцким хозяйствам такое хозяйство при его довольно зыбком экономическом благосостоянии и размере выплачиваемого налога, по нашему мнению, никак отнести нельзя, в лучшем случае — это маломощное хозяйство, ибо любые форс-мажорные обстоятельства могли привести его в кризисное состояние. Скажем, один неурожайный год ставил под вопрос содержание живой тягловой силы и продуктивного скота со всеми вытекающими отсюда хозяйственно-экономическими последствиями.

Приводимый в архивных материалах пример по Сидоро-Ивановскому сельсовету бедняцкого хозяйства Е. И. Рудковского, скорее можно классифицировать как бедняцко-батрацкое хозяйство, ибо прожить на его скромные доходы

без дополнительной подработки не представлялось возможным. У Рудковского имелся мизерный земельный участок. В этом хозяйстве засевали всего лишь 2,5 десятины земли, продуктивный скот полностью отсутствовал, и, следовательно, для обработки пашни требовалось взять в долг или на каких-либо иных условиях живую тягловую силу. Общий годовой доход хозяйства Е. И. Рудковского оценивался в 85 рублей 25 копеек. ЕСХН составлял 1 рубль 95 копеек, или примерно 2% от полученного дохода, а затем его и вовсе сняли [1, л. 1]. В этом случае мы имеем дело с явно разоряющимся крестьянским хозяйством.

В группе немецких колоний Рыновского сельсовета Тарасовского района Донецкого округа Северо-Кавказского края (Вянка, Рыновка, Харциево, Юtkово) в 1928/1929 году располагались 193 хозяйства с общим количеством немецкого населения 987 человек, в том числе, 201 мужчина и 226 женщин трудоспособного возраста, а также 560 нетрудоспособных лиц [1, л. 3]. Отметим, что в 1925 году Вянка, Рыновка, Харциево и Юtkово входили в состав Ефремово-Степановского сельского совета Криворожского района Донецкого округа Северо-Кавказского края.

При анализе социального расслоения группы немецких колоний Рыновского сельсовета хутор Вянка (или иное название: немецкая колония Вянка) почему-то в архивных материалах не выделялся (не включался в расчёты социальной стратификации). Может быть, сыграло роль очень близкое расположение (в пределах одной версты) этого хутора с соседней немецкой колонией Рыновка. Также мы допускаем возможность технического пропуска при печати на пишущей машинке исходных материалов строки с ключевыми данными по колонии Вянка, если сравнивать итоговую информацию и суммировать цифры по трём другим немецким колониям.

Название Вянка, вероятно, дано основателями поселения по гидронимическому наименованию речки Вянки (Иванка), левого притока реки Калитвинец (Большой Калитвенец), впадающей в Северский Донец.

В настоящее время истоки речки Вянки текут где-то за восточными поселенческими пределами вытянутого в линию с запада на восток хутора Новоалексеевка в направлении Рыновки. Месторасположение бывшей колонии Вянка — это примерно самая западная часть хутора Рыновка, в направлении хуторского кладбища. Теперь Рыновка входит в состав Кур-

но-Липовского сельского поселения Тарасовского района (однако ещё в 1920-е годы прежняя первая часть наименования волостного поселения Курнаково, изначально произошедшего от фамилии генерал-майорши А. В. Курнаковой, сокращалась до более краткого варианта названия «Курно»). Современная Рыновка — хутор с населением 97 человек (по данным на 2010 год). Точное время исчезновения поселения Вянка нам установить не удалось.

Хутор Новоалексеевка по состоянию на 1926 год обозначен в качестве немецко-украинского посёлка Тарасовского района с численностью населения 359 человек (из них — 190 немцев) [3, с. 164]. Сегодня Новоалексеевка входит в состав Курно-Липовского сельского поселения Тарасовского района с населением 150 человек (по данным на 2010 год).

Согласно изученным нами архивным материалам, где использовались для ранжирования крестьянских хозяйств немецких колоний Рыновского сельсовета социально-экономические критерии, применённые в Сидоро-Ивановском сельсовете, в колонии Рыновка в 1928/1929 году насчитывалось восемь кулацко-зажиточных хозяйств, сорок середняцких и семь бедняцких хозяйств. В Харциево (Харсиево) — одиннадцать кулацко-зажиточных хозяйств, тридцать пять середняцких и восемь бедняцких хозяйств. В Юtkово (или Юdково, Юdковка) — пять кулацко-зажиточных хозяйств, девятнадцать середняцких и два бедняцких хозяйства [1, л. 4]. Если допустить вероятность технического пропуска строки с данными по колонии Вянка в архивных материалах о немецких колониях Тарасовского района, сравнить общие данные по Рыновской группе немецких колоний и суммировать сведения по трём другим немецким колониям (Рыновка, Харциево, Юtkово), то получается, что в самой колонии Вянка в 1928/1929 году насчитывалось в общей сложности четыре кулацко-зажиточных хозяйства ($28 - (8 + 11 + 5)$), пятьдесят два середняцких ($146 - (40 + 35 + 19)$) и два бедняцких хозяйства ($19 - (7 + 8 + 2)$) [1, л. 4].

Из Вянки в колхоз «Ленин Фельд» вошли пятьдесят три хозяйства и девять хозяйств сохранили свой прежний единоличный статус [1, л. 5]. В 1925 году в колонии насчитывалось 36 дворов, проживало 277 человек (122 мужчин и 155 женщин), имелась школа I-й ступени, воду местное население потребляло из 10 колодезь [2, с. 61]. По состоянию на 1926 год в ней проживали 292 человека (все — немцы) [3, с. 161].

Из Рыновки в колхоз «Ленин Фельд» вошли тридцать шесть хозяйств и десять хозяйств со-

хранили прежний единоличный статус [1, л. 5]. В 1925 году в колонии насчитывалось сорок дворов, проживало 230 человек (117 мужчин и 113 женщин), воду население потребляло из десяти колодцев и одного пруда [2, с. 61]. В справочнике В. Ф. Дизендорфа немецкого названия колонии Рыновка Тарасовского района не приводится, но указывается численность населения 237 человек (1920 год) и 228 человек (все — немцы по данным на 1926 год) [3, с. 165].

Из Харциево в колхоз «Ленин Фельд» вошли сорок семь хозяйств, а девять сохранили единоличный статус [1, л. 5]. В 1925 году в колонии насчитывалось тридцать четыре двора, проживало 273 человека (112 мужчин и 161 женщина), воду население потребляло из шести колодцев [2, с. 61]. Колония находилась в двух верстах от Рыновки и в двенадцати верстах от Ефремово-Степановской слободы. В настоящее время — это посёлок Изумрудный Курно-Липовского сельского поселения Тарасовского района Ростовской области с населением 401 человек (по данным на 2010 год). В посёлке Изумрудном располагается Рыновская основная общеобразовательная школа (ул. Южная, 11), название которой напоминает о прежнем значении поселения Рыновка как центрального для окружающих населённых пунктов. В справочнике В. Ф. Дизендорфа приводится ряд вариантов названия этой немецкой колонии: Харциево № 3, Харсиево, Харцевка, Харшево, а также указывается общая численность населения 247 человек (1920 год) и 254 человека (все — немцы по данным на 1926 год) [3, с. 165]. Можно предположить, что название колонии происходит от немного искажённого произношения немецкого слова «сердце» (das Herz).

Из Ютково (Юдковка) в колхоз «Ленин Фельд» вошли двадцать четыре хозяйства, а два хозяйства сохранили прежний единоличный статус [1, л. 5]. В 1925 году в колонии насчитывалось семьдесят семь дворов, проживало 135 человек (67 мужчин и 68 женщин), воду население потребляло из пяти колодцев [2, с. 61]. Колония располагалась в пяти верстах от Рыновки и в пятнадцати от Ефремово-Степановской слободы. Ныне — это урочище в Колушкинском

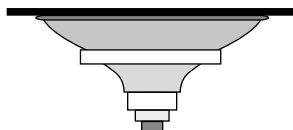
сельском поселении, расположенное примерно посредине между посёлком Изумрудный (южнее его) и хутором Архиповка (севернее его). В 1920 году здесь проживали 132 человека, в 1926-м — 155 (все — немцы) [3, с. 166].

По состоянию на 1933 год в Рыновском сельсовете числилось 1299 человек (жители 305-ти дворов), из них в колхозе «Ленин Фельд» значилось 272 двора, и в 33-х дворах жили единоличники. По социально-экономическому положению среди немцев-колхозников всего насчитывалось 18 кулацко-зажиточных хозяйств, 244 середняцких и 10 бедняцких хозяйств, а среди немцев-единоличников — четыре «кулацко-зажиточных» хозяйства, четырнадцать середняцких и два бедняцких хозяйства [1, л. 5]. Тем самым, к 1933 году по сравнению с 1928 годом, количество «кулацко-зажиточных» хозяйств уменьшилось на шесть единиц.

Итак, изучение материалов и документов начала периода коллективизации позволяет обобщить разрозненные сведения и восстановить исторические представления об исчезнувших немецких колониях в Тарасовском районе Ростовской области. В результате мы получили разнообразную информацию о социальном, национальном и численном составе населения, о хозяйственном потенциале территории, о месторасположении бывших немецких колоний, в былые времена игравших немалую роль в экономическом развитии донского региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЦДНИРО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 50.
2. Список населённых мест Северо-Кавказского края. Ростов н/Д., 1925.
3. Немецкие населённые пункты в СССР до 1941 г. : География и население : справ. /сост. В. Ф. Дизендорф. М., 2002.
4. *Бонгарев В. А.* Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х — начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополя. Ростов н/Д., 2005. С. 252.

ОКНО В ПРИРОДУ

А. В. ПЕЛИПЕЦ

УРАГАН В БАБЬЕ ЛЕТО

Вряд ли кому придёт в голову назвать донской край территорией с суровым климатом. Южная окраина Русской равнины, хорошо согреваемая солнечным теплом, степенное течение тихого Дона, мелкое и ласковое Азовское море никак не ассоциируются с неистовыми бурями в горах, океанах или пустынях. Однако за видимым, почти идиллическим набором природных условий Подонья и Приазовья скрывается ряд их особенностей, которые иногда порождают опасные природные явления. Наиболее известное из них — сильный ветер, порой достигающий ураганной силы.

Ураган, пронёсшийся над Ростовской областью 24 сентября 2014 года, можно с уверенностью назвать одним из сильнейших за всю историю местных наблюдений. Тем интереснее на примере недавней стихии в своём экстремальном проявлении выяснить причины её не такого уж редкого возникновения в наших краях.

Согласно метеорологической классификации, к ураганам относят ветер большой разрушительной силы и значительной продолжительности, скорость которого равна или более 32,7 м/с. В международной синоптической практике для оценки силы ветра используют шкалу, разработанную в 1806 году английским адмиралом Фрэнсисом Боффортом. 12 баллов из 12 возможных — именно столько отведено урагану в этой градации [1].

В различных письменных источниках нередко упоминаются разрушительные ветры, с которыми в разное время пришлось столкнуться жителям Юга России. Уже начиная с середины XVIII века в литературе можно встретить описания природных катастроф, регулярно случавшихся на берегах Азовского моря. Так, осенью 1739 года сильный шторм помешал генералу де Брилли завершить наступление на турецкие форпосты в районе Темрюка и Тамани, а в ноябре-декабре 1770 года стихия ударила по вновь отстраиваемой базе российского флота в Таганроге, «до основания разнеся гавань» [2]. Сохранились сведения о наводнениях на Азове в 1840 и 1870 годах, а также о сильнейшем шторме 1914 года, сопровождавшемся многочисленными разрушениями и жертвами [2]. «Ураган в Таганроге» — так называется заметка в газете «Красное знамя» от 14 мая 1926 года, в которой, в частности, сказано: «В ночь на 13-е мая над городом разразился ураган с юго-западной стороны. Сила урагана была так велика, что 30—40-летние деревья были вырваны с корнем» [3].

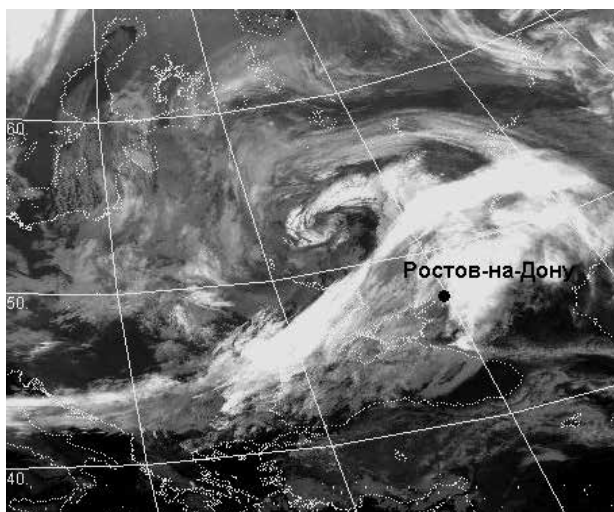
В послевоенное время на Азовском море также наблюдалась регулярная повторяемость штормов с сильными ветрами, в некоторых случаях достигавших ураганной силы. В зависимости от направления ветра, пострадавшими районами оказывались то побережье Ростовской области и Краснодарского края, то Донецкая, Запорожская и Херсонская области УССР. Как правило, нагон воды в Приморско-Ахтарске, Темрюке, станице Должанской происходил при ветрах западных румбов. Мариуполь, Бердянск, Геничеськ принимали удар стихии при восточных ветрах. Наиболее катастрофические последствия Кубанскому побережью принёс ветер в октябре 1969 года. Дувший сначала с юго-запада, он нагнал воду из Керченского пролива, затем резко поменял направление на западное при скорости в порывах до 40 м/с. Это привело к тому, что в Темрюкский залив была согнана не только прибывшая черноморская вода, но и вода с северного берега Азовского моря. Пятиметровый перекося уровня моря по линии Геничеськ — Темрюк вызвал сильнейшее наводнение с человеческими жертвами и огромным материальным ущербом [4].

Ураган 11—13 апреля 1997 года вправе отнести к разряду наблюдаемых не только старожилками. К тому же благодаря сохранившимся документам, архивным данным метеостанций и спутниковым фото становится возможным получить достоверную картину разгула стихии. Цитируем отрывок: «В апреле ураган был отмечен на побережье Азовского моря, он за-

Андрей Владимирович Пелипец, научный сотрудник Научно-исследовательского центра супер-ЭВМ и нейрокомпьютеров, кандидат технических наук, г. Таганрог

хватил территорию Краснодарского края и Ростовской области. В результате сильного ветра произошёл ветровой нагон воды на устьевом участке р. Дон и в Таганрогском заливе. Впервые за период наблюдений с 1881 г. отмечены максимальные уровни воды: г. Азов — 752 см, г. Таганрог — 804 см. Было подтоплено 36 населённых пунктов, повреждено 898 жилых домов, из них 68 полностью разрушено. Повреждено 202 административных здания, 4 моста, 126 км автодорог, 2 плотины, более 600 км ЛЭП. Пострадали 25 рыболовецких судов, 2 судна затонуло на верфи г. Таганрог. Приостанавливалось движение на железной дороге» [5].

Снимок, сделанный метеоспутником NOAA 12 апреля 1997 года в 7-51 утра, когда таганрогской метеостанцией была зафиксирована максимальная скорость ветра 40 м/с

И, наконец, сентябрь 2014 года. Погода первой половины месяца на Дону и в Приазовье оставалась близкой к норме. Дневная температура, доходившая до 30°C, тёплые ночи, количество осадков были типичны для ранней осени, которую в нашем регионе по праву считают продолжением лета. Причина этого — тёплый воздух южных широт, который порой гостит у нас до самого ноября. Даёт о себе знать и близость Чёрного моря: нагреваясь в жаркое лето и постепенно отдавая накопленное тепло, оно не даёт воздуху быстро остывать в начале сезонного похолодания. Наличие под боком такого теплового аккумулятора, с одной стороны, смягчает климат Ростовской области, а с другой — является одной из причин сильных ветров. Как известно, ураганы чаще всего возникают в местах соприкосновения тёплых и холодных воздушных масс, на границах с резким перепадом давления. Например, в прибрежных районах,

где сталкиваются тёплые морские циклоны и холодные континентальные антициклоны. Степной ландшафт не препятствует прохождению ни тех, ни других, поэтому неудивительны периодические их столкновения над территорией нашей области.

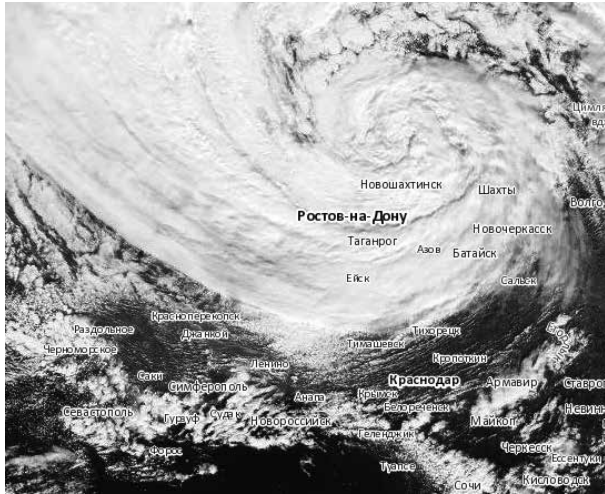
Именно по такому сценарию развивались события в сентябре 2014-го. В конце второй и середине третьей декад месяца на регион сместился холодный воздух с севера. Его проникновению способствовала глубокая тропосферная ложбина, которая пролегла из Арктики на юг Европы и двигавшаяся на восток [6]. Это привело к заморозкам в воздухе и на поверхности почвы -0,1...-4,0°C (Боковская, Морозовск, Ремонтное, Казанская), что случается в Ростовской области 1 раз в 30–50 лет [7]. Столкновение над акваторией Чёрного моря тёплого влажного и холодного арктического воздуха создали большую термодинамическую неустойчивость атмосферы. Задули антициклональные северо-восточные ветры, называемые в народе «верховка». Интенсивность верховки обычно невелика, неприятности она доставляет своей продолжительностью. Медленно, но верно ветры восточных румбов выгоняют воду из устья Дона и восточной части Таганрогского залива, смещая водную массу в сторону Керченского пролива. Непрерывный сгон воды на устьевом участке Дона фиксировался с 16 по 21 сентября, достигнув 19 числа минимального уровня на 51–59 см ниже неблагоприятных для судоходства отметок.

Центральный пляж Таганрога 18 сентября 2014 года. Фото автора.

Тем временем малоподвижный циклон, располагавшимся над востоком Турции и Чёрного моря, по мере перемещения на восток стал стремительно набирать силу. МЧС России по

Ростовской области 23 сентября распространило экстренное предупреждение: «По данным Росгидромета: в ночь с 23 на 24 сентября с сохранением до конца суток 24 сентября и ночью 25 сентября местами по Ростовской области, в том числе в г. Ростове-на-Дону ожидаются сильные дожди, ливни, в сочетании с грозами, градом и сильным юго-западным ветром до 23–24 м/с; в отдельных районах, в том числе и в г. Ростове-на-Дону ожидается очень сильный ветер до 30–32 м/с».

Ростовская область 24 сентября 2014 года.
Снимок со спутника Terra.

Сместившись с Черноморского побережья Крыма на западные районы Ростовской области, циклон достиг стадии максимального развития в ночь на 24 сентября. Данная стадия характеризуется тем, что тёплый и холодный фронты начинают смыкаться, при этом тёплый сектор заметно сужается, происходит резкая интенсификация ветра. Данные таганрогской метеостанции 34720¹ хорошо отразили эту тенденцию в цифрах: если температура воздуха в 9 утра 23 сентября равнялась 20,4°C, то 24 числа в это же время она упала до 12,3°C и продолжала снижаться. Скорость ветра за сутки возросла с 9 до 36 м/с.

Катастрофичным оказалось не только стремительное увеличение силы ветра, но и резкая смена его направления. Всего за какие-то час-полтора сгонная верховка сменилась нагонной низовкой, дувшей с юго-запада [8]. Всю массу воды, которую за несколько суток ветер отогнал к Керченскому проливу, он с учетверённой силой понёс в обратную сторону — к устью Дона. За короткий срок произошло экстремальное затопление побережья Таганрог-

ского залива и донской дельты. В разгар стихии уровень воды поднимался со скоростью 1 м/ч, максимально повысившись у Азова и Таганрога на 3,2–3,7 м.

Если сравнивать показатели, то ураган-2014 не стал абсолютным рекордсменом. По крайней мере, в силе ветра он не превзошёл 1997 год. Однако в подъёме воды с большим преимуществом опередил все предшествующие катаклизмы. Ведь 804 см в 1997 году — это уровень относительно единого нуля постов, который на 5 м ниже среднего многолетнего уровня Азовского моря. То есть, в 1997 году вода поднялась всего на 304 см.

Вызванное сентябрьским ураганом 2014 года наводнение, в считанные часы принёсшее без малого 4 метра воды, оказалось самым сильным на донском взморье за последние 130 лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Прох Л. З. Словарь ветров. Л : Гидрометеоиздат, 1983. С. 55.
2. Шнюков Е. Ф., Митин Л. И., Цемко В. П. Катастрофы в Чёрном море. Киев : Манускрипт, 1994. С. 16.
3. Блок Ж. Ураган в Таганроге // Красное знамя (Таганрог). 1926. 14 мая. С. 4.
4. Чернякова А. П. Сильные ветры Азовского моря // Сб. работ гидрометеорол. обсерватории Чёрного и Азовского морей. Вып. 2. М., 1964. С. 100–109.
5. Государственный доклад «О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1997 году» // Природа России. Национальный портал. URL: <http://www.priroda.ru/lib/detail.php?ID=4783> (Дата обращения 30.10.2020).
6. Оперативная оценка состояния и загрязнения водприбрежной полосы российского сектора Азовского и Чёрного морей на основе регионального космического мониторинга... // Научно-исследовательский центр космической гидрометеорологии «Планета» : [сайт] URL: http://planet.iitp.ru/sea_monitor/decades/2014_09_3.pdf. (Дата обращения 30.10.2020).
7. Аномальные явления в сентябре и их влияние на деятельность отраслей экономики /И. А. Воронова, Л. В. Федотова, Е. А. Владимирова, Г. В. Гринь // Бюл. / Сев.-Кавк.упр. по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. № 9/215. Ростов н/Д., 2014. С. 7–8.
8. Матишов Г. Г. Керченский пролив и дельта Дона: безопасность коммуникаций и населения // Вестн. Юж. науч. центра РАН. 2015. Т. 11, №1. С. 6–15.

¹ Синоптический индекс (уникальный номер), назначаемый официальными метеостанциям. — А. П.

СВЕТИЛЬНИКИ ВЕРЫ

А. Г. СУХАРЕВ

БЕССМЕРТИЕ ПАСТЫРЯ

Илия Попов, последний представитель донской казачьей церковно-священнической династии, родился 20 июля (1 августа по новому стилю) 1871 года в станице Кочетовской 1-го Донского округа Области войска Донского¹.

Его отец Виктор Михайлович Попов начал церковную службу в возрасте четырнадцати лет в 1860 году, в 1884-м был рукоположен в сан диакона, а продолжалось его беспорочное служение в течение 56 лет.

«Как служитель церкви Божией ... являл себя образцом крепкой веры в Бога, несокрушимой надежды на Него и совершенной преданности Его воле во всех обстоятельствах...жизни... отличался благочестием, религиозною настроенностью и церковностью» [1].

Илия Викторович Попов — мой дед. О его судьбе написаны книги «Жизнь и смерть священника Илии Попова» [2], «Подвиг веры о. Илии Попова» [3] и «Мемориал» [4].

Последняя, посвящённая 150-летию со дня рождения о. Илии Попова, рассказывает о мемориале всем пострадавшим за веру Христову в XX веке, созданном в Великокняжеском благочинии Волгоградской епархии, о судьбах 76-ти священно- и церковнослужителей, монашествующих и мирян, погибших в результате гонений богоборческой власти, о прихожанах 1930-х годов храма во имя мучеников Флора и Лавра в станице Великокняжеской (с 1925 года — Пролетарской) и об их духовном пастыре протоиерее Илии Попове.

Все прямые предки священника Илии Попова по мужской линии начиная с XVIII века были донскими казачьими священно- и церковнослужителями. Его прапрапрадед Евсигней Иванов стал священником в церкви Рождества Христова станицы Нижне-Кундрюческой в 1792 году. Таким образом, о. Илия Попов принадлежал к происходящей из станицы Нижне-Кундрюче-

ской казачьей церковно-священнической династии, насчитывающей не менее шести поколений.

Из самой ранней сохранившейся клировой ведомости церкви Рождества Христова за 1801 год следует, что в церкви было два священника, младший из которых, Иосиф Симеонов, приходился Евсигнею Иванову двоюродным братом [2, с. 16]².

В первой половине XIX века внутри причта Христорожественской церкви существовали тесные родственные связи. Так, в 1848 году у деда о. Илии Попова, служившего в Христорожественской церкви, в причте той же церкви состояли дед, дядя, четыре двоюродных брата, двоюродный дядя, троюродный брат и троюродный племянник; кроме того, многие из членов клира были сватами по отношению друг к другу [2, с. 36, 37].

Естественно предположить, что так было и в XVIII веке, и предки прапрапрадеда о. Илии Попова, священника Евсигнея Иванова и его двоюродного брата Иосифа Симеонова служили в той же Христорожественской церкви, существовавшей с начала XVIII века.

На интернет-сайте храма говорится, что он был основан в 1703 году [5]. Однако документально подтверждено лишь то, что «первая деревянная церковь существовала в станице Нижне-Кундрюческой до 1724 г. Об этом свидетельствовала надпись на антиминсе, представленном архиепископу Донскому и Новочеркасскому Владимиру (Сеньковскому) в 1911 г.» [6].

Собственного духовенства на Дону до XVIII века практически не было, и таких глубоких и разветвлённых церковно-священнических казачьих династий из шести и более поколений было наверняка мало. Генеалогическое дерево династии с учётом информации, полученной после публикации первой книги об

Алексей Григорьевич Сухарев, доктор физико-математических наук, профессор. Автор многочисленных научных работ по оптимизации и исследованию операций, публикаций в российской и зарубежной прессе по бизнесу в области высоких технологий и книг «Жизнь и смерть священника Илии Попова» (2013) и «Мемориал» (2020). Основатель и президент Фонда имени священника Илии Попова (www.popovfoundation.org).

¹ К 150-летию со дня рождения протоиерея И. В. Попова

² Здесь и далее даны ссылки на книги автора, содержащие родословную протоиерея И. В. Попова, составленную на основании многих клировых ведомостей и других документов. — А. С.

о. Илии [2], приведено на вклейке в книге «Мемориал» [4, раздел 1.2].

Отметим также, что служил о. Илия в храмах четырёх округов Области войска Донского: 1-го Донского (Архангельская церковь станицы Золотовской и Одигитриевская церковь хутора Крымского Кочетовской станицы), Черкасского (Николаевская церковь хутора Власово-Аютинского), Ростовского (Свято-Троицкая и Свято-Серафимовская церкви станицы Гниловской) и Сальского (Александро-Невская соборная церковь станицы Великокняжеской и Флоро-Лаврская церковь станицы Пролетарской).

На территории всех трёх епархий нынешней Донской митрополии сохранились храмы, где служил о. Илия: Ростовской — Свято-Серафимовская церковь Ростова-на-Дону, Волгодонской — Флоро-Лаврская церковь города Пролетарска и Одигитриевская церковь хутора Крымского (нынешняя Одигитриевская церковь хутора Крымского построена в 1912 году; о. Илия по 1904 год служил в старой церкви, разобранной после строительства новой), Шахтинской — Николаевская церковь хутора Аюта (ныне в составе города Шахты).

Анна Степановна и Илия Викторович Поповы, конец 1920-х годов. Фото из семейного архива А. Г. Сухарева

Жизненный путь и служение о. Илии Попова подробно описаны и документированы [2; 4]. Приведём здесь лишь краткую версию его послужного списка и основные вехи жизненного пути:

1882—1886: учёба в Новочеркасском духовном училище.

1886—1892: учёба в Донской духовной семинарии.

22.06.1892—07.08.1893: псаломщик Архангельской церкви станицы Золотовской.

Лето 1893: женитьба на Казинцевой Анне Степановне, 3 февраля 1876 года рождения, дочери урядника станицы Баклановской.

08.08.1893—23.01.1904: священник Одигитриевской церкви хутора Крымского станицы Кочетовской.

24.01.1904—15.09.1906: настоятель Николаевской церкви хутора Власово-Аютинского Александровско-Грушевого благочиния.

16.09.1906—06.03.1912: настоятель Свято-Троицкой церкви станицы Гниловской.

07.03.1912—14.10.1916: настоятель Свято-Серафимовской церкви станицы Гниловской.

С 15.10.1916 до закрытия церкви в 1931 году: настоятель Александро-Невской соборной церкви станицы Великокняжеской (с 1925 года — Пролетарской);

с перерывом на 11 месяцев, апрель (или май) 1919 года — декабрь 1919 года: священник при штабе генерала Мамонтова, затем три месяца скрывался в Екатериногаре у родственников.

1930—1931: лишение избирательных прав как служителя религиозного культа, обложение хозяйства налогом по постановлению Пролетарского финансового отдела, опись имущества, реализация имущества в погашение долга по налогу, выселение из дома.

1931—16.12.1935: настоятель Флоро-Лаврской церкви станицы Пролетарской;

17.12.1935 (после закрытия церкви) до ареста: совершение «нелегальных» религиозных обрядов по домам верующих.

1936—1937: организовал шествие 30—40 верующих к райисполкому «с требованием об открытии религиозного дома»; на базарной площади станицы Пролетарской говорил группе граждан, что «скоро вернут нам церкви, об этом говорит проект новой конституции»; говорил, что «хватит существовать советской власти безбожников»; призывал «подписываться на строительство церкви» в станице Пролетарской [7, л. 15].

24.09.1937: арест; обвинён в том, что 1) добровольно служил в белой армии в корпусе генерала Мамонтова священником; 2) занимался распространением пораженческих слухов против СССР и контрреволюционной агитацией; 3) после закрытия церкви совершал нелегальные религиозные обряды; 4) организовал демонстрацию к райисполкому с требованием об открытии молеального дома [7, л. 15, 18].

09.10.1937: по постановлению тройки УНКВД по Азово-Черноморскому краю «осуждён к выс-

шей мере наказания — расстрелу с конфискацией лично принадлежащего имущества» [7, л. 18].

14.10.1937: приговор приведён в исполнение [7, л. 19].

26.06.1989: реабилитирован заключением Прокуратуры Ростовской области [7, л. 21].

В 2013 году при публикации [2] было ясно, что основания для трёх из четырёх пунктов обвинения у следствия имелись (кроме первого — службы в войсках генерала Мамонтова). Позднее были получены косвенные, но убедительные подтверждения справедливости и первого пункта обвинения [4, с. 46 — 56]. Но с нашей точки зрения, деяния о. Илии — перечислим их ещё раз в том же порядке, что и в обвинительном заключении: 1) молитвы в войсках и за войска генерала Мамонтова, 2) противодействие богоборчеству властей, 3) в условиях жесточайших репрессий духовное окормление паствы, иными словами, «совершение нелегальных религиозных обрядов, как то: крестин, похорон, молебствий», и 4) борьба за возвращение отнятого у верующих храма [7, л. 15], — были не виной, а подвигом веры о. Илии.

Протоиерей И. В. Попов был расстрелян в день Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1937 года. Этот день сегодня является великим православным праздником, традиция отмечать который восходит к явлению в конце первого тысячелетия Божией Матери во Влахернском храме в Константинополе, и общеказачьим воинским праздником в честь победы казаков над турецко-татарскими войсками под Азовом в 1641 году. Смерть за веру и церковь в такой день не могла быть воспринята о. Илией иначе как ответ небес на его предсмертные молитвы.

В 2013 году был создан Фонд имени священника Илии Попова [8]. Фонд ведёт культурно-просветительскую деятельность по истории России, Православной церкви, казачества, занимается работой по восстановлению казачьих традиций и этнокультуры. Важнейшей его задачей является сохранение памяти обо всех за Христа пострадавших в XX веке и прославление подвига новомучеников.

У всех трёх храмов, входящих сегодня в состав Волгодонской епархии, в сентябре 2020 года установлены поклонные кресты. Они выполнены по единому проекту (скульптор Д. В. Лындин) и отлиты в бронзе.

Летом 1906 года в большой и богатой казачьей станице Гниловской (сегодня станица находится на территории Ростова-на-Дону) началось строительство нового Свято-Серафимовского храма. 16 сентября 1906 года церковное начальство

Поклонный крест в станицах Нижнекуцюрюченской, Кочетовской и хуторе Крымском

возложило ответственность за строительство на о. Илию Попова, назначив его настоятелем Свято-Троицкой церкви, в приходе которой строился новый храм. С поставленной задачей о. Илия справился — новая церковь получилась на славу. Каменная, с высокой звонницей, золочёными куполами, стенами, расписанными масляными красками с орнаментами, мраморно-мозаичным иконостасом — вся станица любовалась ею. Отец Илия стал первым её настоятелем.

Рядом со Свято-Серафимовским храмом находится дом священника. В нём пять с половиной лет, с 1912 по 1916 год, жила семья о. Илии. Из этого дома впервые пошла в школу моя мать. Отсюда ушёл на Первую мировую войну мой дядя Михаил. В советские времена и вплоть до начала 2000-х годов, когда было завершено восстановление храма преподобного Серафима Саровского, в доме размещалась аптека, после того — два епархиальных женских центра: защиты материнства и детства «Возрождение» и кризисно-реабилитационный. Сейчас там иконописное

Храм преподобного Серафима Саровского. Ростов-на-Дону, 1912 г. Неизвестный художник.

отделение Донской духовной семинарии, но скоро и оно переедет поближе к семинарии.

Напрашивается идея создания в бывшем доме священника небольшого музея, где можно было бы рассказать о первых обитателях дома у Свято-Серафимовского храма, проследить историю донского духовенства и историю гонений на церковь в советские времена. Не раз выступал Фонд имени священника Илии Попова с такой инициативой, но поддержки пока не получил. Однако что-то в доме в указанном направлении сделано уже и сегодня. Внутри дома размещены два стенда: «Священник Илия Попов» и «А. С. и И. В. Поповы: семья». Дом украшают два портрета о. Илии, относящиеся к разным периодам его жизни. У двери дома — мемориальная табличка, другая — у ворот созданного при доме мемориального дворика. В мемориальном дворике установлен бюст о. Илии работы скульптора В. А. Штода. А у входа в Свято-Серафимовский храм попечением Фонда установлен стенд «История храма Преподобного Серафима Саровского, Ростов-на-Дону».

Мемориальный храм и памятник протоиерею И. В. Попову в Великокняжеском благочинии. г. Пролетарск. Фото А. Г. Сухарева

Но главным проектом Фонда, направленным на решение его важнейшей задачи, явилось создание в Великокняжеском благочинии Волгодонской епархии мемориала всем пострадавшим за веру Христову в XX веке на донской земле. Мемориальный комплекс состоит из четырёх частей: храма во имя святых мучеников Флора и Лавра, стены памяти, памятника протоиерею И. В. Попову и поклонного креста «Верой спасётся Россия».

Станица Великокняжеская началась с храма: основана она была в июле 1875 года, а через

два месяца в станице заложили каменную церковь. Украшает эта церковь Великокняжеское благочиние и сегодня. Судьба её в XX веке была типичной, но вместе с тем и уникальной. По всей стране закрывала и разрушала церкви безбожная власть. Повсюду верующие пытались спасти свои храмы. Но таких примеров стойкости и силы веры, какой явили сотни прихожан храма и их пастырь о. Илия, таких историй борьбы за спасение храма мало, очень мало. Им, прихожанам Флоро-Лаврского храма 1930-х, посвящена книга «Мемориал» [4].

Все работы по восстановлению храма велись с участием Фонда имени священника Илии Попова. Группе иконописцев осталось закончить работу над несколькими иконами для иконостаса. Эту работу и тем самым весь комплекс реставрационных работ главной части мемориального комплекса — храма во имя святых мучеников Флора и Лавра — планируется завершить в 2021 году.

Монумент «Стена Памяти», созданный в 2018 году, материалом и цветом символизирует тюремную стену (скульптор Д. В. Лындин, архитектор В. Ю. Болдырев).

В центре — фигура священника, находящегося в тюремной камере. В левой части стены надпись «Всем пострадавшим за веру Христову в XX веке на донской земле». В правой части надпись «Имена всех пострадавших Ты сам Господи веси». На сорока двух гранитных табличках монумента написаны золотом 76 имён священно- и церковнослужителей, монашествующих и мирян, погибших в результате гонений богоборческой власти. Имена указаны в алфавитном порядке в каждой из следующих пяти категорий: «Расстреляны и убиты без суда и следствия» (32 человека), «Расстреляны по приговорам ВЧК» (3 человека), «Расстреляны по приговорам троек НКВД» (25 человек), «Умерли

Монумент «Стена Памяти». г. Пролетарск. Фото А. Г. Сухарева

Центральная фигура монумента «Стена Памяти».
Фото А. Г. Сухарева

в заключении и ссылке» (6 человек); «Расстреляны по приговору тройки НКВД от 23.04.1933 по "Белокалитвинскому" делу» (10 человек). «Белокалитвинское» дело выделено как, вероятно, самое кровавое и одно из самых массовых «церковных» дел на Дону. В рамках единого «Белокалитвинского» дела проходили 56 обвиняемых, 28 человек приговорены к расстрелу.

31 августа 2014 года в день престольного праздника Флоро-Лаврского храма на площади около храма был открыт памятник священнику Илию Попову (скульптор К. Р. Чернявский). Памятник стал первым по времени открытия объектом мемориального комплекса.

Четвёртым объектом мемориального комплекса является поклонный крест «Верой спасётся Россия». Как и стена памяти, он был создан в 2018 году (скульптор В. А. Штода, архитектор В. Ю. Болдырев).

«Верой спасётся Россия» — слова эти были девизом ордена Святителя Николая Чудотворца, учреждённого в апреле 1920 года генералом П. Н. Врангелем, главнокомандующим Воору-

Поклонный крест «Верой спасётся Россия».

жённых сил Юга России, перед реорганизацией ВСЮР в Русскую армию. Орден вручался за выдающиеся воинские подвиги в борьбе с большевиками и приравнялся к Георгиевскому кресту. Эти же слова были начертаны на знамёнах частей генерала Дроздовского, покрывших себя неувядаемой славой во время Гражданской войны. Но поклонный крест не призывает продолжать горячие и холодные междоусобные войны. Он призван напомнить о нашей давней и недавней истории и показать, что смысл человеческого бытия возвращается к нам через духовные идеалы веры.

1 мая 2019 года схиархимандрит Илий, духовник патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Свято-Введенской Оптиной пустыни, посетил храм в честь иконы Божией Матери Одигитрия хутора Крымский, в котором в 1893 году начался священнический путь о. Илии Попова. Во время посещения благочинный Усть-Донецкого благочиния, настоятель храма Рождества Христова станицы Нижнекундрюченской, председатель комиссии по канонизации святых Волгоградской епархии иерей Алексей Скоробогатов подарил схиархимандриту Илию книгу А. Г. Сухарева «Жизнь и смерть священника Илии Попова». Вечером того же дня о. Алексей писал мне: «Старец Илий на мой рассказ об о. Илие Попове сказал, что "о. Илия — святой. Вот о таких примерах надо говорить и писать"».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Скромный юбилей // Дон. епарх. вед. 1910. 21 дек. (№ 36). С. 873.
2. Сухарев А. Г. Жизнь и смерть священника Илии Попова. Смоленск : Маджента, 2013.
3. Стороженко Э. А. Подвиг веры о. Илии Попова. Смоленск : Б-ка ист.-лит. журн. «Странник», 2019.
4. Сухарев А. Г. Мемориал. Ростов н/Д. : Альтаир, 2020.
5. О храме // Храм Рождества Христова. Ст-ца Нижнекундрюченская : офиц. сайт храма. URL: <http://hram-rozdestva.cerkov.ru/main-page/> (дата обращения 08.09.2020).
6. Шагина А. В. Храмы Донской и Новочеркасской епархии конец XVII века — 1920 г. : справ. Ростов н/Д. : Антей, 2014. С. 254.
7. Архив УФСБ России по Ростовской области. Д. № П-37532. Начато 24 сентября 1937 года. Окончено 4 октября 1937 года. (в Деле подшиты и более поздние документы. — А. С.).
8. Фонд имени священника Илии Попова : [сайт]. URL: <https://popovfoundation.org/> (дата обращения 12.09.2020).

Д. Д. СКОРИКОВ

«ПО ДАННОМУ МНОЮ ОБЕТУ...»

Церковь в селе Тихая Журавка — одна из немногих в Чертковском районе, уцелевших после гонений на религию в советские годы. Строительство её началось в 1865 году, а в ноябре 1871 года церковь была освящена в честь иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радость¹. По

Церковь иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радость в с. Тихая Журавка. 2007 год. Фото В. Шелёмина с сайта Соборы.ру

своему архитектурному стилю и внешнему виду она похожа на церковь Рождества Богородицы в хуторе Малый Мишкин, усыпальницу семьи атамана М. И. Платова. Пропорции и совпадение архитектурных деталей наводит на мысль о том, что обе церкви построены по одному проекту архитектора И. О. Вальпреде.

Возведена церковь была на средства отставного майора Атаманского полка Фёдора Фёдоровича Барабанщикова (1818–1892) [1]. Происходил он из известного на Дону казачьего старшинского рода. Отец его полковник Фёдор Акимович Барабанщиков 2-й (1779–1826²) был героем многих сражений на Кавказе, в Пруссии, Турции, на полях Отечественной войны 1812 года. В мирное время занимал должность ассессора по выбору дворянства в Войсковой канцелярии [2]. По материнской линии предками были знаменитые Грековы. Дед, генерал-майор Иван Евдокимович Греков (ок. 1754–1798) [3], основал в конце XVIII века хутор Тиховской, будущую Тихую Журавку [4]. Бабка, вдова генерал-майора Марфа Акимовна Грекова была родной сестрой генерал-лейтенанта Акима Акимовича Карпова 2-го [5], устроительницы Старо-

черкасского женского монастыря Авдотьи Акимовны Ефремовой и первой настоятельницы этого монастыря игуменьи Ефросиньи (в миру Екатерина Акимовна Дячкина). Марфа Акимовна Грекова сыграла большую роль в жизни Ф. Ф. Барабанщикова. Именно она взяла на воспитание и опеку, оставшихся в малолетнем возрасте без отца, а позже и без матери, Фёдора и его братьев Акима и Ивана. Заботясь о будущем внуков, она распределила между ними в качестве наследства крестьян и земли в Донецком, Усть-Медведицком и Сальском округах.

Фёдор Фёдорович Барабанщиков большой карьеры на военном поприще не сделал: в отставку вышел в чине майора. Поселившись в хуторе Тиховском, доставшемся ему по наследству от бабушки, занялся сельским хозяйством и коневодством. Интересные сведения о Барабанщикове сообщает в своих записках, лично знавший его донской учёный-статистик и краевед И. В. Тимоценков. «Это был человек с большой оригинальностью, дельный хозяин-земледелец, упорно борющийся с неблагоприятными условиями местного экономического быта...твёрдость и некоторое упорство стремлений, соединённые с добродушием, делали характер Ф. Ф. очень привлекательным». <...> Аскет и гуманист-философ ... он имел непонятную антипатию к женщинам, поэтому никогда не был женатым и жил одиноким. В доме и во дворе у него вся прислуга и рабочие были только мужского пола, женщины же не допускались. Лица женского пола стали бывать у него в доме только после построения им у себя церкви. Будучи очень гостеприимным, он в праздничные дни приглашал к себе в дом на закуску и обеды окружных помещиков, когда те приезжали в церковь, к богослужениям, причём бывали и женщины. <...> Вообще жизнь этого землевладельца, и как человека, и как помещика, представляет собой большой интерес» [6].

В феврале 1865 года Фёдор Барабанщиков объявил жителям Тихой Журавки о своём желании построить церковь. Крестьяне провели общий сход и «единогласно изъявили желание вспомоществовать ему в этом богоугодном деле», обещали помочь «в случае надобности подводами, а также с продовольствием духовенству домашними продуктами» [7, л. 2]. По-

Дмитрий Дмитриевич Скориков, краевед, г. Ростов-на-Дону

¹ К 150-летию Скорбященской церкви села Тихая Журавка Чертковского района

² По другим сведениям Ф. А Барабанщиков скончался в 1827 году (Донцы XIX века. С. 57).

лучив одобрение местных жителей, 20 апреля 1865 года Барабанщиков обращается в Донскую духовную консисторию в Новочеркасск с прошением о разрешении построить церковь.

«Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Иоанну Архиепископу Донскому и Новочеркасскому и кавалеру.

Войска Донского майора Фёдора Фёдоровича Барабанщикова.

Прошение

В посёлке моём Тиховском Журавском Усть-Медведицкого округа Войска Донского имею я желание построить на свой счёт церковь во имя Божьей Матери Всех Скорбящих и дом для помещения духовенства. В обеспечение же содержания их предоставляю из собственно принадлежащей мне земли до 100 десятин, а также и крестьяне упомянутого посёлка, каких состоит до 300 душ мужского пола, изъявляют желание вспомоществовать мне в этом богоугодном деле и в содержании духовенства. Посему всепокорнейше прошу Ваше Высокопреосвященство разрешить мне построить в упомянутом посёлке церковь. На что и ожидаю благословенного Вашего внимания. По получении же разрешения я представлю, где приказано будет план и фасад церкви.

Апреля 20 дня 1865 года

Майор Фёдор Фёдорович Барабанщиков» [7, л. 1 – 1 об.].

В Донской духовной консистории делу быстро дали ход, и вскоре на прошении была поставлена резолюция архиепископа Иоанна (Доброзракова): «рассмотреть по обычаю» [7, л. 4].

15 сентября 1866 года Дёгтевским благочинным священником Яковом Евфановым было освящено место под постройку церкви. С этого момента и начались строительные работы. В ходе обустройства фундамента по традиции под алтарь будущей церкви была положена закладная серебряная икона Божией Матери Всех Скорбящих Радость. В 2013 году при реставрационных работах в храме икона была обнаружена [8].

Весной 1870 года основные строительные работы были окончены, и как сообщал благочинный, церковь была «вчерне построена» и «будет готова к освящению в престольный праздник 24 октября». Но по просьбе Барабанщикова, «по независимым от него причинам» освящение церкви перенесли на следующий год [7, л. 12 об.].

16 октября 1871 года Барабанщиков в прошении к архиепископу Донскому и Новочеркасскому Платону (Городецкому) писал: «По данному мною обету с разрешения епархиального начальства, строившаяся в имении моём в слободе Тиховской Журавке каменная церковь, во имя Божьей Матери Всех Скорбящих Радосте, постройкою окончена» [7, л. 16]. Он «покорнейше» просил переместить к новой церкви «лично известного ему священника станицы Терновской Василия Ивановича Землянского». В том же прошении Ф. Ф. Барабанщиков пишет, что отложить освящение храма на следующий год не может, поскольку опасается, что «постигшая ... болезнь, хотя и периодическая, но заметно усиливается, и я чувствую постепенное ослабление во всём организме моём, а как волею Божьей храмоздатель, то желал бы присутствовать при освящении храма. Поэтому всепокорнейше прошу Вас, Высокопреосвященнейший владыко, снисходя к болезненному моему состоянию наложить резолюцию» [7, л. 17 об.]. И далее просит перенести освящение храма с 24 октября на 21 ноября, подчёркивая, что «...этот день для меня, как обет, обязательный». При этом он не вдаётся в подробности и не объясняет причины переноса даты. Можно предположить, что Барабанщиков хотел освятить церковь 21 ноября потому, что в этот день православные почитают преподобную Марфу, а именно так звали его бабушку, заменившую ему и его братьям родителей. Может быть, именно ей Фёдор Фёдорович «дал обет», то есть обещал построить церковь, и поэтому перенёс день освящения церкви, совместив его с днём именин Марфы Акимовны. В Донской духовной консистории все просьбы Барабанщикова выполнили.

11 ноября 1871 года с разрешения Донской духовной консистории в новопостроенную церковь были выданы «Святой Антиминс и Святое Миро, чрез диакона слободы Дёгтевой Сергея Чуева» [7, л. 23]. Мастер еврей Азер-Ером изготовил «печати церковная и старосты» [7, л. 24]. 21 ноября 1871 года благочинным Яковом Альбовым церковь в Тихой Журавке при большом стечении народа была торжественно освящена [7, л. 26].

«Церковь кирпичная на каменном цоколе, снаружи и внутри оштукатурена и побелена известью, покрыта железом, окрашенным зеленой масляной краской...на церкви имеется одна большая главка и четыре малых... колокольня в 2 яруса...» [9]. При церкви имелась кирпичная крытая железом караулка. Были построены дома для священника и псаломщика. В 1907 году

в ограде сделаны три кирпичные арки с золочёными куполами и крестами, в арках железные ворота с калитками.

После отмены крепостного права для Барabanщикова наступили «многотрудные времена»: любимое земледелие «...в редкий лишь год в достаточной степени вознаграждало его труды и затраты» [6]. Чтобы сводить концы с концами, Фёдор Фёдорович был вынужден продавать свои земли. Делал он это «...каждый раз с большим прискорбием; последнюю же продажу в 1892 году, когда от него отходила уже главная масса земли, на которой он работал, ...совершал прямо с каким-то трагизмом. Его сокрушала жалость при разлуке с землёй, ... через месяц по совершении контракта с генералом Калининым, Барabanщиков внезапно заболел и умер в два или три дня» [10, с. 4]. У него не было детей, не оставили наследников его братья, и «...оказывается, что Ф. Ф. был последний в роде Барabanщиковых, ... после него не осталось никакого и дальнего родства» [10, с. 4]. Похоронили Ф. Ф. Барabanщикова в ограде построенной им церкви, рядом с могилой брата Акима, умершего несколькими годами раньше. В 1922 году на Дону была проведена кампания по изъятию церковных ценностей. Постановлением комиссии по вопросам культа при Президиуме Крайисполкома от 9 марта 1937 года церковь в Тихой Журавке закрыли [11]. Кресты сбили сразу, купола продержались дольше, их сняли после войны. Сначала в церкви был сельский клуб, периодически показывали кино, потом её долгое время использовали как склад сельхозинвентаря и удобрений.

В настоящее время благодаря усилиям благодетелей церковь восстанавливается, периодически проводятся службы. При расчистке

Церковь иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радость в ходе реконструкции. с. Тихая Журавка, 2017 г.
Фото Д. Д. Скорикова

Надгробие Ф. Ф. Барabanщикова. Фото Д. Д. Скорикова
территории возле церкви обнаружили надгробие с могилы Фёдора Фёдоровича Барabanщикова. Могила его, к сожалению, не сохранилась.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 5988. Л. 10.
2. Донцы XIX века. Ростов н/Д : НВ, 2003. С. 57; *Корягин С. В.* Орловы-Денисовы и другие. М. : Русаки, 2002. С. 52 – 53 (Сер.: «Генеалогия и семейная история дон. казачества». Вып. 27).
3. *Корягин С. В.* Грековы. М. : Русаки, 2002. С. 14. (Сер.: «Генеалогия и семейная история дон. казачества». Вып. 42).
4. ГАРО. Ф. 301. Оп. 24. Д. 880. Л. 165.
5. Там же. Д. 803. Л. 185; Донцы XIX века. С. 196.
6. *Тимощенко И.* Из поездки по Донецкому округу. Волость Тиховско-Журавская // Приаз. край. 1899. 8 нояб. (№ 293). С. 3.
7. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 5555.
8. Интервью с Аллой Николаевной Бондаренко, церковной старостой. Интервьюер: Д. Д. Скориков. 31.08.2014. Продолжительность 30 мин. Место проведения: Скорбященская церковь, Ростовская область, Чертковский район, село Тихая Журавка.
9. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 384. Л. 141.
10. *Тимощенко И. В.* Из поездки по Донецкому округу. Волость Тиховско-Журавская // Приаз. край. 1899. 15 нояб. (№ 300). С. 3 – 4.
11. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6. Д. 303. Л. 5 – 5 об.

А. Ф. ВОЛОШИНОВА

ЗОДЧИЙ РОСТОВСКОЙ ЭПОХИ «СТРОИТЕЛЬНОЙ ГОРЯЧКИ»

Среди зодчих Ростова 1880-х годов, пожалуй, менее иных известен городской архитектор Владимир Иванович Якунин, при том, что он возводил и проектировал ряд значительных сооружений города: театр В. Асмолова на Таганрогском проспекте (1883), первый крытый рынок (1885–1887), колокольню собора Рождества Пресвятой Богородицы (1883–1886), контору мельницы Елицера на Таганрогском проспекте (начало 1880-х), зерновой склад П. Р. Максимова между Береговой и Нижне-Бульварной улицами (1883), пожарную каланчу на улице Сенной (1885–1887), первые трёхэтажные купеческие дома...

Не всё из названного сохранилось, но эти здания и сооружения запечатлели первые фотографии Ростова и мы можем оценить их по достоинству.

Архивных сведений о строительстве в Ростове конца 1870-х годов крайне мало, однако счастливый случай сохранил нам документ из архива Нахичеванской управы, в котором впервые упоминается имя зодчего. Это «Дело о замене в Нахичевани постоянного архитектора» [1]. В «Заявлении» от 27 апреля 1878 года в Нахичеванскую городскую управу ростовский городской архитектор В. И. Якунин предлагает свои услуги на определённых условиях [1]. Других сведений о сотрудничестве зодчего с Нахичеванской управой не обнаружено, но время его появления в Ростове на должности городского архитектора мы можем исчислять с года, названного в «Заявлении».

В начале 1881 года в «Ведомостях Ростовской-на-Дону городской управы» печаталось объявление:

«Ростовский-на-Дону городской архитектор Владимир Иванович Якунин, возвратившись из Санкт-Петербурга принимает ежедневно, не исключая праздничных дней, от 9 до 12 час. дня и от 5 до 7 час. вечера (угол Новоказанского переуллка и Казанской улицы)» [2].

Другое более подробное объявление того же времени в газете «Донская пчела»:

«Контора ростовского городского архитектора В. И. Якунина принимает всевозможные заказы по строительству и техническому делу:

1) Составление разного рода планов и постройку жилых домов, промышленных заведений, амбаров, бань и т. п.;

2) Всевозможная отделка внутренних помещений по рисункам, как в штукатурке, так и в лепной работе, так равно и в окраске;

3) Отделка фасадов существующих зданий;

4) Меблировку комнат по самым новейшим рисункам;

5) Составление планов и расчётов по ремонтам;

6) Исправление и всякого рода перестройка зданий;

7) Постройка новых зданий за свой счёт, а также перестройка ремонт и пр.» [3].

Такое разнообразие в деятельности архитектора основывалось не только на его богатом опыте, но и предполагало основательное образование. «Якунин Владимир Иванович — неклассный художник» значится в «Списке очередных и запасных присяжных заседателей, которые в продолжении 1886 года имеют быть призваны для участия в судебных заседаниях Таганрогского окружного суда в Ростове на-Дону» [4]. Неклассные художники-архитектуры были выпускниками Санкт-Петербургской академии художеств. Они не могли получить образование единовременно, будучи стеснёнными в финансовых средствах, и чаще всего сами зарабатывали себе на учёбу.

Наиболее интересная группа зданий возведённых зодчим относится к началу 1880-х годов, и связана с частными заказчиками. Вспомним, что это были годы начала ростовской «строительной горячки», появления первых многоэтажных зданий, требовавших технических знаний и опыта. Авторство, проектирование, и строительство таких зданий приписывается зодчему ростовским краеведами (А. П. Зимин, Я. А. Ребайн), которые утверждали это и в беседах с автором. Среди них контора мельницы Елицера на Таганрогском проспекте, доходный дом купца Ф. Н. Жукова на Донской улице, строительство доходного дома фирмы С. Генч-Оглуев и И. Шапошников на Большой Садовой.

Начать рассказ стоит с последнего, так как поездка в Санкт-Петербург, о которой говорит-

ся в объявлении 1881 года, могла быть связана со встречей и переговорами с автором проекта доходного дома академиком-архитектором А. Н. Померанцевым. Возводимый Якуниным трёхэтажный доходный дом своим масштабом определил этажность застройки улицы на многие десятилетия. Он показал возможность и выгодность многоэтажного строительства (применение прокатных железных балок, железобетонных перекрытий, большеразмерного стекла для витрин). А приёмы использования на фасадах многоярусных эркеров, угловых башенок с шатрами, высокой мансарды, функционального разделения этажей стали широко применяться впоследствии в застройке Ростова. Богато украшенные фасады трёхэтажного доходного дома отражали период эклектики в российском зодчестве XIX века, здесь с большим вкусом переплетались мотивы нарышкинского барокко и западноевропейской готики.

По завершении строительства доходного дома на Большой Садовой улице возводился доходный дом Ф. Н. Жукова на Донской при пересечении с переулком Соборным. Строительство завершилось в 1885 году [5]. Сложность его была обусловлена размещением на склоне донского берега, поэтому южный фасад по улице и западный фасад вдоль Соборного переулка имели два высоких этажа, а угловая часть здания — ещё и высокий цокольный этаж. Дом П-образной конфигурации в плане: въезд во двор через ворота с переулка, и соседний с ним парадный вход.

Интересно, что доходный дом на Большой Садовой возводился крупнейшей торговой фирмой Ростова, а незначительно меньший доходный дом на Донской улице, до сих пор остающийся здесь самым крупным зданием, выстроил временный купец Ф. Н. Жуков, владелец собственного дома в Соборном переулке, производитель бублично-пряничного товара [6]. На фасадах использован популярный в то время кирпичный вариант «русского» стиля. Он был несколько скромнее, чем на фасаде конторы мельницы на Таганрогском проспекте (ныне Буденовский, 33), возведённой тремя годами раньше. Но в оформлении обоих зданий прослеживаются единые архитектурные мотивы также художественно цельно и масштабно.

Упоминание об этом не случайно, потому что на противоположной стороне Таганрогского проспекта в 1883 году поднялось кирпичное здание Асмоловского театра, где этот художественный приём достиг максимальной насыщенности и выразительности, неразрывно сли-

ваясь с объёмным решением всего здания [7; 8]. История его возведения тоже примечательна для Ростова.

В 1882 году владелец табачной фабрики В. И. Асмолов получил от Городской думы разрешение на строительство «Концертного зала» на собственном участке. Началось оно в мае 1883 года и завершилось в октябре. Это было первое каменное театральное здание города с залом на 1000 мест.

Выразительный силуэт театра преобразил низину проспекта. Его определяли две декоративных башни с высокими шатрами и протяжённое четырёхскатное покрытие между ними. Три яруса кирпичного фасада прорезали окна разнообразной конфигурации, украшенные многочисленными кирпичными кокошниками, наличниками, декоративными лопатками, зубчиками, карнизами, кронштейнами и т. п. Здание производило впечатление праздничной, живописной нарядности. В его архитектурном облике сочетались архитектурные мотивы русского зодчества и ренессанса. Над парадным входом размещался навес, значительно вынесенный перед фасадом на фигурных кирпичных устоях. В начале XX века после пожара, его сменил металлический навес на стойках.

«Донская пчела» сообщала:

«Вчера в среду 19 октября в присутствии многочисленной приглашённой интеллигенции о. Н. Ручкиным, о. М. Прокоповичем и проч. освещено было только что оконченное здание нового грандиозного театра В. И. Асмолова. После молебствия и многолетия Царствующему дому, присутствующие приглашены были к обеду, за которым виновник торжества В. И. Асмолов провозгласил первый тост за здоровье Государя Императора, сопровождающийся неумолкаемым "ура" и троекратным гимном "Боже Царя храни", прекрасно исполненным тремя оркестрами... За сим поднят был тост за здоровье Владимира Ивановича Асмолова и ... архитектора В. И. Якунина, строившего театр» [7].

В последующих юбилейных публикациях о театре упоминалось, что в создании его «активное участие принимали присяжный поверенный С. Л. Барыков, явившийся душой этого дела и архитекторы В. И. Якунин и Н. И. Карлинский» [8].

Вопрос об авторстве проекта театра остаётся невыясненным.

Рождается предположение о повторном использовании одного из проектов общественного здания (возможно, архитектора В. О. Шервуда), в «русском» стиле применяемого для строительства в провинции. К примеру, в это

же время сходный по фасаду театр появляется в Воронеже. Не исключена версия и авторства архитектора А. Н. Померанцева, занимавшегося в эти годы застройкой Москвы, где утверждался «русский кирпичный стиль». Позднее он ярко прозвучал на фасаде его здания Верхних торговых рядов на Красной площади в Москве.

Так или иначе, но появление в Ростове масштабного нарядного театра в «русском» стиле стало событием в общественной жизни города и определило новый этап в развитии его театрального искусства.

Трудно переоценить сооружение в Ростове в 1887 году корпуса первого крытого рынка, которое вёл В. И. Якунин.

Об идее его появления сообщается на страницах Донско-Азовского календаря 1891 года: «*До 1879 года, на его будущей территории торговали рыбой. Но в том году из-за свирепствовавшей в Астраханской губернии чумы и привоза из неё на это место партии рыбы... лавки было брошены, а место это выжжено... Затем в городской управе возникло предложение устроить на этом месте крытый рынок, проект которого поручили архитектору В. И. Якунину. Он был составлен на стоимость 40 тыс. руб. В 1885 году начали возведение, на углу Полицейской улицы [ныне ул. Тургеневская. — Л. В.] и Соляного спуска. Металлическую часть навеса по контракту выполнил ростовский чугунолитейный завод Пастухова (размеры по Полицейской улице — 22,5 саж., по переулку — 21 саж., по Воронцовской улице [ныне ул. Баумана. — Л. В.] — 29 саж.)*» [9, с. 127].

Поскольку это сооружение не сохранилось, интересно процитировать, как его описывали современники: «*Крытый рынок устроен ... на высоком фундаменте, облицованном кирпичом и тёсаным камнем. На фундаменте возвышается металлический навес, средняя часть которого (вышиною около 5 сажен) перекрывает пространство шириною 10 саж. Эта часть навеса перекрыта железными арками, покоящимися на вертикальных железных фермах. Боковые части, примыкающие к навесу с трёх сторон, односкатные, на чугунных колонах. Всё пространство под навесом устроено кирпичом, а пол покрыт асфальтом*» [9, с. 127].

В основном постройку завершили в 1887 году, но окончание её затянулось до 1889 года и обошлось городу в 90 тыс. руб. Это сооружение дало городу новый импульс: через четыре года был возведён второй крытый рынок, а ещё через три года — третий.

До начала строительства крытого рынка В. И. Якунин проектирует и возводит самый боль-

шой зерновой склад ростовского порта для купца П. Р. Максимова [10]. Строить его предстояло на склоне, пронизанном родниками. И зодчий предлагает оригинальное решение. Вдоль склона устраивается водоотводный канал для осушения строительной площадки. А уже в ходе строительства двухэтажного корпуса у северной стены была выполнена высокая проходная галерея для проветривания с выходами по торцам корпуса.

Двухэтажный корпус располагался параллельно ранее возведённым одноэтажным корпусам, стоящим вдоль Береговой улицы. Протяжённый прямоугольный склад был разделён поперечными стенами на складские помещения с отдельными входами. Верхний ярус над каждым из семи помещений завершался высоким щипцом торцевой стены. Так сформировался семизубчатый силуэт корпуса, выделяющий его среди иной застройки на склоне. Для оформления фасадов архитектор выбрал «кирпичный» стиль с лаконичными мотивами романского зодчества.

На фоне масштабных кирпичных складов возведённых В. И. Якуниным обыденно звучит распоряжение сделанное Управой 13 июля 1885 года «*об устройстве лавочек на набережной реки Дона, на рыбной Косынке, пожарного поста и отдельно шести деревянных лавочек для торговли съестными припасами ... по составленной городовым архитектором Якуниным смете...*» [11, с. 191].

Весной того же года Управа поручила архитектору Якунину производство работ по постройке пожарной каланчи и исправлению помещений пожарной команды на главном пожарном дворе. Велись работы хозяйственным способом, наблюдение осуществлял член управы Д. Н. Епифанов [11, с. 190 — 191].

Но, пожалуй, самым масштабным городским строительством, которым Владимир Иванович Якунин руководил несколько лет, стало сооружение четырёхъярусной колокольни собора Рождества Пресвятой Богородицы на площади Старого базара. Автором её проекта в начале 1870-х годов стал областной инженер архитектор А. А. Кампиони [12].

Колокольня была запроектирована в классическом стиле с использованием элементов ренессанса и представляла сооружение из четырёх ярусов, увенчанных луковичной главкой. Нижний ярус изначально был проездной, второй и третий — в виде четвериков с большими проёмами, предназначенными для навески колоколов, верхний четвертый — в виде восьмерика для размещения часового механизма на четыре циферблата часов с четвертным боем.

Главку венчал позолочённый крест.

28 апреля 1875 года соборная администрация пригласила архитектора Д. В. Лебедева для разбивки фундамента колокольни, а 29 июня состоялась торжественная закладка. Подземная её часть (нулевой цикл) была закончена к 30 октября того же года. Затем решили приостановить строительство на три года для полной осадки выстроенного фундамента.

30 октября 1878 года специальная комиссия нашла возможным с весны 1879 года продолжить строительство. 10 апреля 1879 года были приглашены для наблюдения за работами архитекторы Кампиони и Волков [13].

В 1880-е годы наблюдение за строительством вёл городской архитектор В. И. Якунин. При нём же 29 июня 1886 года состоялось поднятие и водружение на главку колокольни креста высотой девять аршин [9, с. 126].

В конце 1886 года зодчий был переведён на службу в Варшаву по Таможенному ведомству, что вызвало недовольство гласных городской думы и попытки удержать его в городе [14]. Но перевод, несмотря на это, состоялся. Далее творческая судьба зодчего неизвестна.

Его усилия по формированию городской застройки растущего торгового города продолжили архитекторы, работающие в Ростове в последующие годы: Н. А. Дорошенко, Н. М. Соколов и другие. Их творческие биографии известны сегодня лучше, чем творения их замечательного предшественника Владимира Ивановича Якунина.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 187. Л. 2.
2. Ведомости Ростовской-на-Дону городской управы. 1881. 28 июня (№ 26). С. 4.
3. Донская пчела. 1883. 13 марта (№ 19). С. 1.
4. Ведомости Ростовской-на-Дону городской управы. 1886. 5 янв. (№1). С. 1.
5. Ростовское МУПТИОНИ. Дело 32/16. Л. 5.
6. Донско-Азовский календарь на 1887 год / сост. И. Тер-Абрамиан. Ростов н/Д. : Типо-лит. И. А. Тер-Абрамиан, 1886. С. 142; Чалхушьян Г. Х. Историческая записка о городе Ростове-на-Дону // Дон. временник. Год 2003-й. Ростов н/Д., 2002. С. 193.
7. Освящение театра Асмолова // Дон. пчела. 1883. 20 окт. (№ 79). С. 3.
8. Юбилей ростовского театра // Приаз. край. 1913. 11 янв. (№ 9). С. 3.
9. Донско-Азовский русско-армянский календарь на 1891 год. Ростов н/Д. : Типо-лит. И. А. Тер-Абрамиан, 1890.
10. Журнал Ростовской на-Дону Городской Думы. 1887. № 9. С. 117.
11. Журнал Ростовской-на-Дону Городской Думы. 1885. № 14.
12. Есаулов Г. В., Черницына В. А. Архитектурная летопись Ростова-на-Дону. Ростов н/Д., 1999. С. 38.
13. ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 431. Л. 1, 107.
14. Журнал Ростовской на-Дону Городской Думы. 1886. № 14. С. 248.

Л. А. СУРКОВА

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО — ЭТО БЫЛО ДАВНО...

Беру с полки книгу Владимира Сидорова «Крестная ноша», раскрываю, на развороте — написанные от руки строчки:

*Худые вытянула выц,
Восторга сдерживая стон —
Припала к ящику Россия:
Москве бы этакий «Салон»!
4.12.1995 г.*

Боже мой, как давно это было! Но сразу вспомнилось — таганрогский Дворец Алфераки, где мы записывали Рождественскую про-

грамму «Провинциального салона». После записи Владимир Сергеевич подарил несколько своих книг с шутивным поэтическим посвящением. Вот ещё — «Донская казачья энциклопедия» Владимира Сидорова:

*Сей труд замечен благосклонно
Из «Провинциального салона».
И, вообще, не состоялся б он,
Если бы, опять же, не Салон»!*

Снова вспомнилось: на одной из наших Рождественских встреч писатель познакомил-

Любовь Александровна Суркова, редактор телевизионных программ на канале «Россия-1» ГТРК «Дон-ТР», кандидат философских наук, Заслуженный работник культуры РФ, г. Ростов-на-Дону

ся с меценатом, благодаря которому эта книга, в конце концов, увидела свет. Классическая рождественская история с добрым финалом...

Сколько таких историй — открытий, узнаваний, возникновений творческих союзов, реализации невероятных идей — случилось под сводами «Провинциального салона» за эти годы? В январе 2021 года исполняется ровно 30 лет с выхода в эфир первой программы проекта, а их уже почти полторы тысячи!

Возможно, когда-нибудь наступит время рассказать наши «салонные истории» на бумаге. Когда-нибудь, потом. Но сейчас шуточные строчки замечательного писателя и краеведа, кстати, не один год тесно связанного с Донской публичной, вдруг разбудили память.

Рождённый в пору больших перемен — страна и та изменилась — наш виртуальный Салон не раз менял дни, время, хронометраж выходов в эфир. Но неизменно его кредо — это программа о культуре Дона и её талантливых людях, наших земляках, которых необходимо замечать и о них — замечательных — рассказывать. Так мы с режиссёром Людмилой Рублевской решили с самого начала.

Слева направо: Л. А. Суркова, автор сценария, и Л. В. Рублевская, режиссёр, на презентации фильма «Казачьи вёрсты 1812 года» в Донской публичной библиотеке. 2012 г. Фото М. Ким

Телевизионный мир по определению безжалостен. Незабываемые встречи с легендами донской культуры, проходившие в прямом эфире, увы, навсегда растаяли во времени. И сегодня люди из разных городов и стран нередко обращаются в редакцию с просьбой разыскать ту или иную запомнившуюся передачу, но — увы! Нашими инструментами были только «живые» программы из студии и строго подотчётные минуты узкой киноплёнки.

Правда, победная техническая революция подарила счастливую возможность видеоза-

писи. Я помню, как сама возила в Останкино на эфир тяжеленную восьмикилограммовую бабину с записью нашей программы. Был на ней и эпизод, где поэт «Заозёрной школы» Виталий Калашников читал в Танаисе свою поэму «Хижина». Через пару недель, когда передачу увидела вся страна, мы получили в буквальном смысле мешок писем. Из Владивостока, Иркутска, Калининграда, Сочи, Москвы — отовсюду — писали благодарные люди, покорённые стихами.

Однако, жизнь показала — ничто так стремительно не стареет, как технические новинки. Недавний съёмочный авангард на глазах превращается в архаику, и вот уже невозможно воспроизвести на новой технике вчерашние кадры. Друг нашей редакции, поэт Геннадий Жуков, заметил в те годы:

*У всех на сердце, словно камень,
Огна мечта — о БЕТАСАМе.*

Речь о небольших, размером в книжку, кассетах одной из первых профессиональных видеосистем, на которых уже можно было снимать за пределами студии.

После беспощадного лимита киноплёнки новые возможности позволили режиссёрам Л. Рублевской и А. Расторгуеву в союзе с талантливыми операторами С. Смирновым, А. Вахниным, С. Ковалёвым, Э. Кечеджияном погрузиться в атмосферу свободных съёмок. Именно на этой превосходной плёнке были сняты, выросшие из «Провинциального салона», отмеченные престижными наградами, фильмы «Кабачок Ольги Калашниковой» (1995), «До свидания, мальчики» (1997), «Твой род» (2000), «Портрет атамана в исторических декорациях» (2012).

Сегодня в ходу совсем другие, ещё недавно немыслимые, носители информации. И кто знает, какими они будут дальше, насколько слова — «хранить навсегда» — станут их характеристикой?

Но пока я иногда думаю — какое счастье, что удалось сберечь для будущих любознательных земляков программы, герои которых Анатолий Калинин, Юрий Жданов, Ким Назаретов, Георгий Балаев, Михаил Бушнов, Владимир Чигишев, Николай Сорокин, Семён Скопцов, Тимофей Теряев и ещё десятки немеркнущих звёзд донской и отечественной культуры. Как говорится в песне, подаренной нашей программой композитором Игорем Левиным и поэтом Василием Пучеглазовым: «Провинциальное родство — наш космос малый».

Обычно люди, впервые попавшие в нашу редакцию, сравнивают её с музеем. Ведь, несмотря на то, что каждый год мы многое передаём в областной архив, где создан фонд «Провинциального салона», а наши награды в основном, хранятся в музее ГТРК «ДОН-ТР», за три десятилетия собралось немало реликвий.

Фотографии, книги, картины, трогательные сувениры — свидетели событий и встреч, скрывшихся за чередой лет... Театральные программки и афиши с автографами.

Вот первая опера — «Кармен» и первый баалет «Жизель» Ростовского музыкального театра, с которым мы большие друзья. Пёстрая то ли бабочка, то ли невиданная птица — символ международного театрального фестиваля «Минифест», чью телелетопись мы ведём все тридцать лет.

Изящный мраморный бюст Пушкина — подарок знаменитого коллекционера Г. Ф. Лаптева — благодарность за цикл программ «Импровизация на Пушкинскую тему». Ксерокопия первой страницы романа «Тихий Дон» — память о времени, когда мы с внуком писателя Александром снимали фильм «Страсти по Шолохову».

Яркая фотография — момент съёмки фильма «Спас Азовский» на фестивале исторической реконструкции в честь Азовского осадного сидения. Этот фестиваль был придуман у нас в редакции, куда неугомонный Анатолий Горбенко, директор Азовского музея, вдохновлённый идеей героического противостояния донских казаков и непобедимой Османской армии, пришёл вместе с единомышленниками из военно-исторического клуба. Сегодня этот фестиваль стал не только брэндом донского туризма, но и ещё одним нерукотворным памятником легендарному директору музея. Я помню, как он радовался, узнав, что наш фильм стал лауреатом Международного кинофестиваля!

Простая белая кружка с замысловатым логотипом — память о явлении чрезвычайном, собравшем в Ростове выдающихся музыкантов всех континентов. Впервые в истории не где-нибудь, а в России, и не в столице, а на Дону проходил Кубок мира по аккордеону и баяну. Это событие, стало возможным благодаря подвижничеству донских виртуозов Александра Поелуева, Юрия Шишкина и их друзей из центра «Гармония». Ну а мы сделали тот самый представительский фильм, после которого в Вене и было принято решение проводить музыкальный чемпионат в донской столице.

Изящная стеклянная колонна — приз Все-российского фестиваля за лучший телевизи-

онный проект. Речь о памятнике основателю отечественного кинематографа, казаку Александру Ханжонкову. Он, как и две мемориальные доски, появился на ростовских улицах с нашей лёгкой руки.

В день открытия памятника А. Ханжонкову в Ростове. Слева направо: А. П. Лисиньина, нач. упр. культуры г. Ростова, С. Н. Олешня, скульптор, А. А. Суркова

Этой историей, почти детективной, поделимся когда-нибудь, потом...

На почётном месте в редакции — портрет Матвея Ивановича Платова. Его нам подарили актёры замечательного любительского театра из Гуково после премьеры фильма «Портрет атамана в исторических декорациях». Вообще-то этого фильма не было в планах телекомпании, не было и бюджета на его съёмки. Но, похоже, вмешалась Фортуна, и в одном из шотландских замков мне показали роскошный музей, посвящённый нашему легендарному земляку. Захотелось найти его следы на родине. Всё начиналось ещё во времена, когда могила вихорь-атамана в новочеркасском соборе была осквернена, а на его постаменте стоял памятник вождю мирового пролетариата. Мы работали в крупнейших музеях и архивах России, в Париже, познакомились и подружились с выдающимися учёными — знатоками платовской эпохи. Прошли годы, наш фильм — первый фильм об атамане Платове — демонстрировался на каналах «Культура» и «Россия», тиражировался на дисках, был подарен участникам Всемирного конгресса казаков, был признан лучшим историческим фильмом на Всероссийском телефестивале.

Но Матвей Иванович всё не отпускал. Он словно приоткрыл потайную дверь в неведомый мир казачьей старины, где нашими бес-

корыстными проводниками стали историки, библиотекари, архивисты, писатели, А ещё — превосходный реставратор, исследователь М. Соколенко, фанаты донской песни профессор Ростовской консерватории Т. Рудиченко и братья Вечёркины — самородки-казаки из станицы Боковской. Как-то, даже потомки поэта Николая Туроверова.

Несколько лет спустя мы сняли фильм о праправнучке атамана, национальной героине Франции Анне Марли. Затем были первой съёмочной группой, прошедшей дорогами казаков в войне с Наполеоном от Гродно до Смоленска, Москвы, Бородино, Малоярославца и обратно до западных границ России. Эта работа так и называется: «Казачьи вёрсты 1812 года».

*Съёмочная группа фильма
«Казачьи вёрсты 1812 года» в Тарутино*

Эксклюзивный материал экспедиций, не вошедший в фильм, стал основой цикла программ «Казачьи истории», посвящённых знаменитым донским героям и династиям.

Работа над казачьей историей привела нас в Эрмитаж, в галерею, о которой рассказал ещё Пушкин:

*У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю глину, кругом,
Своею кистью свободной и широкой
Её разрисовал художник быстрокий.
Тут нет ни сельских нимф,
ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чащами, ни полногрудых жён,
Ни плясок, ни охот; а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил*

*Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.*

Помню, как мы обрадовались, узнав, что не только портрет атамана-графа Платова — четырнадцать донских казаков представлены в этом высоком собрании! Но поразило ещё и то, что в Военную галерею Зимнего Дворца — единственный случай в России — помещены портреты шестерых генералов из одной казачьей фамилии. Шести генералов Иловайских. Это героические братья — родные и двоюродные — Васильевичи и Дмитриевичи. Племянники войскового атамана Алексея Ивановича Иловайского. О нём писал сам Державин:

*Один ты можешь, Иловайский,
Татарскую разбив орду,
Их за хребет стены Китайской,
Прогнать, как гнали в старину
Князя российские Мамая...»*

Однажды в редакции раздался звонок. Немолодой, судя по голосу, человек сказал, что, будучи поклонником нашей программы, хотел бы поделиться эксклюзивной историей, которая досталась ему в наследство. Когда мы встретились, оказалось, что это старый актёр Ростовского театра драмы имени Горького Юрий Тигранович Атаров. Его одинокая тётя — ленинградская художница Раиса Васильевна Хасиева — почти всю жизнь прожила в коммунальной квартире с соседкой. Ольга Ивановна Григорьева — так звали соседку — интеллигентная старушка в шали и с неизменной камеей на блузке (так запомнилось Атарову). Она преподавала французский язык, муж до войны был специалистом

*О. И. Григорьева, урождённая Иловайская.
Фото из коллекции документов Р. В. Хасиевой*

по кораблестроению, сын с семьёй погиб в блокаду. Разговоров о семье не любила.

После смерти соседки тётушка актёра осталась её душеприказчицей. Перебирая вещи, она обнаружила на полке среди белья объёмистый пакет, который, видимо, пролежал под чистыми простынями не один год. В нём оказались фотографии какой-то нарядной семьи на ступеньках усадьбы, красивых молодых военных, беззаботных дам в светлых дачных платьях; письма и почтовые открытки на русском и французском языках, в основном, адресованные О. И. Иловайской в Новочеркасск и имение Отрадное под Миллерово. Здесь же были аккуратно сложены шитые золотом погоны и большой лоскут ткани, на котором был вышит болгарским крестом чей-то фамильный герб.

И ещё среди бумаг хранилась, изданная видимо до революции книга «Иловайские и донские казаки», где под портретом Осипа Васильевича Иловайского кто-то написал — «прадед». Портрет этот — копия эрмитажного изображения генерала Иловайского 10-го, как числился он

Разбирать архив взялся Юрий Тигранович. И хотя не все конверты сохранились, чернила во многих местах выцвели, слова не всегда можно было прочитать, к тому же пришлось обращаться к переводчикам с французского, он всё-таки справился. И представил нам это уникальное собрание с комментариями и пояснениями.

Ольга Иловайская. Начало 1900-х гг.
Фото из коллекции документов Р. В. Хасиевой

Это оказалось перепиской юной Ольги Иловайской после возвращения из Парижа, где она обучалась французскому языку.

Большинство писем относятся к 1913—1914 годам. Есть письма матери, брата, подруг, но главный корреспондент всё же — Николай Васильевич Григорьев, чью фамилию она потом и носила.

Ольга Иловайская. 1913—1914 гг. Фото из коллекции документов Р. В. Хасиевой

в пору наполеоновских войн.

Разглядывая потускневшие фотографии милой девушки в шляпе с большими полями, Раиса Васильевна поняла, что соседствовала в ленинградской коммуналке с наследницей знаменитого казачьего рода.

Даже не зная подробностей её жизни, было нетрудно догадаться, почему никогда не звучала в этих стенах её девичья фамилия, почему сгинул в предвоенные годы её муж, руководившей кафедрой кораблестроения, почему никто из большой семьи Ольги Ивановны никогда не поступался в эти двери.

Ольга Ивановна и Николай Васильевич Григорьевы.
Петербург. Фото из коллекции документов Р. В. Хасиевой

Эти пожелтевшие страницы сохранили самое начало их любви. Даже показалось, что эта история чем-то напоминает историю Даши и Теллегина из «Хождения по мукам» А. Толстого. То же кораблестроитель, тот же Петроград, то же путешествие по Волге. Там была ещё и фотография двоих счастливых на палубе.

В редакции чудом сохранились копии нескольких писем.

«Новочеркасск Об[ласть] В[ойска] Д[онско-го]. Ямской пер. Д. № 9 Её высочородию О. И. Иловайской

Многоуважаемая Ольга Ивановна!

Шлю Вам эту открытку в надежде застать Вас в Новочеркасске. Очень обрадовался, когда получил от Вас весточку. Думал, Вы уже совсем меня забыли. В Петербурге теперь скучно и неинтересно. Были некоторые неприятности, но до рассудка моего они не добралась, так как я до сих пор нахожусь под впечатлением Волги. Я вспоминаю теперь каждую мелочь прошлого и снова переживаю её. На днях получил от Евсевии Сергеевны снимки, и сразу всё окружающее меня получило волжский облик: появился белый пароходный балкон, трап на крышу, крыша, а на ней вся наша комната... Полумрак и слышится искренняя добрая речь... Грустно возвращаться после этого к настоящей петербургской жизни. Ольга Ивановна, желаю Вам в деревне собрать сил и энергии, чтобы прогнать от себя тяжёлые и недобрые думы. Ведь много на свете есть и хорошего. Шлю Вам свой сердечный привет.

1—VII—14 г. Григорьев»

А это письмо было без конверта, даты и обращения. Но очевидно, что это ответ:

«Я получила фотографии от Севы, всё вместе и создало у меня радость на сердце. Когда мы ехали из Ялты в Ростов (пароходом), я часто закрывала глаза, переживала Волгу, иногда же поразительно ясно было, даже шум воды и запах смолы казались такими же. Хорошо было.

Сейчас мы у бабушки в Новочеркасске, дня через 3—4 поедем в деревню. Времени осталось немного, не успеешь оглянуться, как надо будет возвращаться в Петербург.

Простите за такую мазню — скверное перо, а хочется писать сейчас. Не забывайте. О. Иловайская».

Мы подготовили передачу «Наследница по прямой», где эти письма читали замечательные артисты Валерия Искворина и Фёдор Пряников. Её не раз показали по каналам «Россия» и «Планета». И неожиданно позвонил профессор из Москвы. Он представился: «Николай Дмитриевич Иловайский. Посмотрел вашу программу и хотел бы познакомиться».

Николай Дмитриевич приехал в Ростов. Он оказался знатоком и хранителем семейных историй, каждый год навещал Санкт-Петербург и проверял в Эрмитаже все ли Иловайские на месте. Он же рассказал, что до замужества Ольга Ивановна окончила Мариинский инсти-

тут благородных девиц, что из-за своего происхождения почти до войны не имела разрешения преподавать. Подтвердил, что вышитый герб принадлежит семье.

Мы познакомили Николая Дмитриевича не только с Атаровым, но и с выдающимся исследователем донских фамилий Н. С. Коршиковым, с которым нас подружил ещё Платов. Николай Семёнович в областном архиве показал гостю фонды дворянских родов Иловайских. Счастью обоих не было конца, а мы сняли продолжение программы.

Годы прошли, ушёл из жизни старый артист, неизвестна судьба архива Иловайской. Но недавно, среди бумаг редакции, на глаза попались пожелтевшие листы с бледным машинописным текстом — копии писем, которые мы снимали для программы. Как бесценная весточка из далёкого времени, которое позволило к себе прикоснуться.

«Станция Миллерово Ю[го]-з[ападной] жел[езной] гор[оги]. Имение Отрадное. Её Высочородию О. И. Иловайской

Многоуважаемая Ольга Ивановна!

Не буду писать Вам о том, что переживал за последнюю неделю. Зная из газет о последних событиях, Вы поймёте моё состояние.

Мне было бы очень обидно, если Россия, — наша дипломатия — в последнюю минуту испугалась предстоящей войны и пошла на всякие уступки немцам. К удовольствию моему этого не случилось. Сегодня пришло известие об объявлении войны Германией и нам остаётся принять вызов. Несмотря на полную сознательность всяких ужасов предстоящей войны, я всё-таки доволен свершившимся фактом и верю в благополучный для нас исход разыгравшихся событий. Кажется мне, что больше всего достанется нашему флоту, если его решатся пустить в дело. Но теперь своё маленькое дело он сделает.

Не знаю, куда закинет меня судьба на время войны: очень возможно, что пошлют в Кронштадтский или Ревельский порты для ремонта повреждённых судов, а, может быть, возьмут и на корабль. Мне хотелось бы идти на эскадре.

Мне очень приятно, что Вам хорошо живётся теперь. Какие настроения у обитателей, Вас окружающих? Знаю, в Петербурге чувствуется решимость драться с неприятелем. Думаете ли Вы ехать в Петербург или на время войны останетесь на юге? Кругом Петербурга вырубается леса и строятся окопы, так что жить здесь теперь небезопасно.

Желаю Вам всего хорошего. Когда-то мы теперь встретимся с Вами? Пока до свидания.

20. VII. 14 г. Григорьев».

«Многоуважаемый Николай Васильевич, надеюсь, Вы ещё в Петербурге и получите моё письмо. Сегодня получила Ваше, спасибо. Сегодня радостный день писем вообще из Петербурга (целую неделю не было писем с севера): ваше письмо и известие об объявлении войны Англией и Бельгией противным немцам.

Последнее время жили очень нервно. Следили за событиями в стране, но обидно было, что живём на три дня позже, т. к. газеты получаем на 3-й день из Москвы, а в местных, (из Ростова) нечего нет нового.

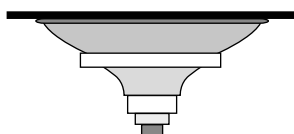
Когда узнали, что нам объявлена война, сразу как-то приуныли, призадумались, страшно стало за своих. Уезжали запасные, забирали всех лошадей, как-то смутно и жутко стало на душе. До сих пор не знаю, уходит ли Ваня (брат) на войну, на телеграмму ответа не получила. Потом, когда узнали, что и Франция вовлечена в граку, сразу все ободрились. Сегодня же было такое ликование и крик, когда узнали про Англию. Газету читали вслух, а потом ещё каждый, кто чего не понял или недослышал, читал отдельно. Места, которые очень нравятся, перечитываем по нескольку раз. Вчера таким местом была речь Вильгельма к его бедному, обиженному народу. Целыми днями толкуем о войне, строим разные предположения. Как ужасно, что не пишут и не будут писать о наших военных действиях. Наши уже дерутся, а в газете сегодня — ничего.

Настроение у всех в доме приподнятое, лихорадочное. Дети ходят к железной дороге приветствовать проезжающих солдат. Мальчики у полотна железной дороги сложили из песка Вильгельма, Франца Иосифа и итальянского короля, дабы проезжающие из окна смогли увидеть эти физиономии, лишней раз прийти в негодование и пожелать им и их подданным побольше зла.

Однажды, рассуждая о войне и о том, что будет, кто-то предложил бомбардировать немцев, если они сюда придут, грушами и яблоками — т. к. небывалый урожай на эти фрукты в имении. Но всё это шутки, а как останешься одна, да посерьёзней задумаешься, так очень жутко делается. Жестокая это штука — война. Вот Вы говорите, в Петербурге небезопасно, а мне очень хочется сейчас в Петербург. До Петербурга ещё месяц, думаю что поедем, несмотря ни на что. Хотя наверно ничего не знаю. Трудно теперь интересоваться не войной, а я и во сне войну вижу.

Теперь у Вас много дел, вряд ли скоро напишете. Если же будет минутка свободная, то сами знаете сколько радости доставите письмом. Понимаю Вас, что Вам хочется в эскадру. Если попадёте в бой, да хранит Вас Бог. До свидания, надеюсь, до близкого. О. Иловайская.

24 июля 1914 года. Отрадное».

ВЕСТНИК РОСТОВСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА КРАЕВЕДОВ РОССИИ

В. Ф. КОЗЛОВ, А. Г. СМИРНОВА

СОЮЗУ КРАЕВЕДОВ РОССИИ — 30 ЛЕТ

Современное всероссийское краеведческое движение прошло 30-летний путь развития. Союз краеведов России (СКР), который ныне объединяет российское краеведческое сообщество, своими предшественниками числит дореволюционное Императорское Московское археологическое общество (ИМАО; 1864—1923 гг.) и Центральное бюро краеведения (ЦБК; 1922—1937 гг.), ставшее во главе организованного краеведческого движения в первые десятилетия советской власти. Как известно, краеведение, пережив своё «золотое десятилетие» в послереволюционные годы, во второй половине 1930-х годов было в основном ликвидировано и как научно-просветительная деятельность, и как широкое общественное движение.

Возрождение краеведения началось со второй половины 1980-х годов и было связано с коренными изменениями в политической и культурной жизни страны. Большая роль в его возрождении принадлежит возникшему в 1986 году Советскому фонду культуры (СФК), во главе которого стоял академик Д. С. Лихачёв. При активном участии СФК прошли первые всесоюзные научные конференции по историческому краеведению — в Полтаве (1987) и Пензе (1989). В 1988 году СФК организовал и провёл всероссийский семинар «Актуальные проблемы краеведческого движения на современном этапе» и всероссийский семинар-совещание по актуальным проблемам развития краеведческого движения, на котором было принято «Обращение к краеведам Советского Союза». На Втором всероссийском семинаре «Российское краеведение сегодня. Практический опыт и проблемы» (Тверь, 1989) было решено создать Учредительную краеведческую конференцию с целью объединить все созданные краеведческие формирования на территории РСФСР.

Учредительный съезд состоялся в Челябинске 25—28 апреля 1990 года.

В оргкомитет съезда вошли 23 представителя организаций-учредителей, в том числе Фонда культуры, институтов географии, истории, литературы и языка АН СССР, МГУ, Московской патриархии, ряда научно-исследовательских учреждений, издательств, ЦК КПСС, шесть представителей местных краеведческих обществ. В работе съезда приняли участие более двухсот представителей из 75 регионов России. Съезд открыл председатель Российского фонда культуры (РФК) писатель П. Л. Проскурин. С докладами выступили заместитель председателя СФК Г. В. Мясников, председатель Совета по краеведению СФК, доктор исторических наук С. О. Шмидт (доклад «Задачи изучения краеведческого наследия»), архимандрит Иннокентий, секретарь Челябинского обкома КПСС Ю. М. Александрович и другие. В рамках съезда работало 11 региональных секций.

*Сувург Оттович Шмугт,
первый председатель Союза краеведов России. 2007 г.*

Козлов Владимир Фотиевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник — руководитель Центра краеведения, москвоведения и крымоведения Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, почётный председатель Союза краеведов России, председатель СКР в 2007—2018 гг., г. Москва.

Александра Геннадьевна Смирнова, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра краеведения, москвоведения и крымоведения Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, первый заместитель председателя СКР в 2007—2018 гг., г. Москва

Главным итогом съезда стало учреждение Союза краеведов России. Был утверждён его устав, избран Совет Союза и председатель — Сигурд Оттович Шмидт (1922 — 2013).

В Совет вошли краеведы из всех регионов России — как правило, руководители местных краеведческих объединений. Был избран Президиум Союза в составе представителей учреждений и организаций, занимающихся, помимо прочего, и краеведением: НИИ культуры, Комитета по делам архивов при Совете Министров РСФСР, ВООПИиК, СФК, Профиздата, Центральной станции юных туристов и другие.

27 апреля Учредительным съездом был принят Устав СКР (зарегистрирован Министерством юстиции РСФСР 14 марта 1991 г.). Как гласит первый пункт Устава, СКР «создан гражданами, Всероссийским фондом культуры и является самоуправляемой добровольной общественной организацией краеведов и краеведческих объединений».

В мае 1992 года была доработана комплексная долгосрочная программа СКР «Краеведение», а 10 июня 1992 года на заседании Президиума уже Российского фонда культуры под председательством академика Д. С. Лихачёва программа была принята.

Устав СКР и программа «Краеведение» опубликованы в 1992 году в первом (и единственном) выпуске «Вестника Союза краеведов России» (составитель зам. председателя СКР В. Е. Туманов). В «Вестнике» также были опубликованы целевые программы: «Теория и история краеведения», «Школьное краеведение», «Природное наследие», «Общественные музеи», «Земляки», «Летописание», «Исторический некрополь России», «Исчезнувшие памятники России», «Великая Отечественная война», «Культурные гнёзда России».

Планы у СКР были обширны, а перспективы — весьма радужны. Появилось значительное число краеведческих обществ на местах. СКР получил в пользование помещения и средства связи в центре Москвы: на Новом Арбате и в Сивцевом Вражке. Все планы были разрушены политическими процессами 1990—1992 годов: развалом СССР, образованием на его территории 14 независимых государств, жесточайшим социально-экономическим кризисом. Сильнейшим ударом по СКР был уход из РФК в 1993 году его председателя Д. С. Лихачёва и последовавшее за этим сворачивание краеведческих программ.

Лишённый в новой обстановке, сложившейся к середине 1990-х, каких бы то ни было

средств, СКР стал работать как чисто научно-общественная организация, объединяющая отдельных энтузиастов в столице и на местах. Благодаря, в первую очередь, высокому научному авторитету С. О. Шмидта СКР, вскоре лишившийся своих помещений, сосредоточился главным образом на соучастии в организации и проведении совместно с различными учреждениями и организациями научно-практических конференций в Москве и на местах по проблемам краеведения и провинциальной культуры.

Вскоре Союзом был потерян и юридический статус, он превратился во всероссийскую общественную организацию без образования юридического лица. Предусмотренная разработанными ещё в конце 1980-х годов в недрах СФК «Положением о краеведческих обществах и организациях СССР» и Уставом СКР 1990 года грандиозная краеведческая программа отныне могла выполняться лишь отчасти.

Несмотря на колоссальные сложности и потери в тяжёлые 1990-е, фактическое прекращение деятельности большинства созданных на рубеже 1980—1990-х годов местных краеведческих обществ, СКР выжил. Более того, во многом благодаря всё тому же авторитету в учёной среде С. О. Шмидта, ставшего ещё и академиком РАО, был возрождён «академический» уровень краеведения, в число участников конференций по краеведению и региональной истории вошли многие известные учёные-гуманитарии, вузовские педагоги. Не будет преувеличением утверждение, что лицом СКР, да и всего отечественного краеведческого движения около двух десятилетий был Сигурд Оттович Шмидт.

Полное отсутствие у СКР материальной базы и своего помещения заставило Союз активно сотрудничать с организациями и учреждениями, занимающимися проблемами краеведения. В первую очередь это Российский НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институт Наследия; под руководством Ю. А. Веденина), Центр детско-юношеского туризма и краеведения (руководитель Ю. К. Константинов), в помещениях которых СКР провёл ряд своих мероприятий. К сожалению, ни одна из организаций, с которыми сотрудничал СКР и чьи руководители даже входили в состав Совета Союза, не оказала ему никакой реальной материальной помощи (хотя бы, например, предоставление постоянного помещения, в котором СКР нуждался).

С созданием в Историко-архивном институте (ИАИ) РГГУ Центра исторического краеведения и москвоведения (1996), кафедры регио-

нальной истории и краеведения (1997), а затем и кафедры москвоведения и отделения краеведения и историко-культурного туризма (2007) и вплоть до ликвидации всего краеведческого направления в этом вузе в 2016 году главные краеведческие мероприятия проходили в актовом зале и других аудиториях ИАИ на Никольской в центре Москвы.

С середины 1990-х по 2007 год Совет СКР собирался крайне редко, что было связано отчасти с составом Совета, в который входили руководители ряда государственных и общественных организаций Москвы и России. Президиум СКР, предусмотренный Уставом и избранный на Учредительном съезде, по всей видимости «прожил» очень недолго, и в середине 1990-х годов о нём уже не было слышно. Большим недостатком периода 1990–2007 годов было отсутствие текущего делопроизводства и, соответственно, полное отсутствие архива СКР, что сегодня серьёзно затрудняет изучение первоначальной истории Союза.

Характерной чертой СКР в первый период деятельности было и отсутствие местных его отделений. Связь СКР с отдельными краеведами и краеведческими обществами была, конечно, всегда, были и отдельные коллективные члены в составе СКР, но сети оформленных как отделения (филиалы) местных краеведческих объединений не существовало.

В 1990-е — начале 2000-х годов СКР не проводил своих собственных систематических конференций, тем более в его практике не было конференций ежегодных. Однако с участием СКР, различных научно-исследовательских учреждений и местных краеведческих сообществ были проведены всероссийского уровня научные мероприятия, тематически связанные с межведомственными научными программами: «Культура российской провинции», «Историческое краеведение». Это — Первая всероссийская конференция «Культура российской провинции» в Москве (1991); Вторая республиканская научная конференция «Культура российской провинции» в Ельце Липецкой области (1992); Третья всероссийская конференция «Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни» в Пензе (1995); Четвёртая всероссийская конференция «Культура российской провинции: век XX — XXI веку» в Калуге (2000); Всероссийская научно-практическая конференция «Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России» в Москве (1998); Четвёртая всероссийская научная конференция «Отечествен-

ная культура и развитие краеведения» в Пензе (2000).

Благодаря этим конференциям за первое десятилетие существования возрождённого краеведческого движения был сделан очень серьёзный шаг в его развитии, в установлении и укреплении связей внутри краеведческого сообщества, в развитии краеведения на местах. На этом же первом этапе развития всероссийского краеведческого движения большое значение имели тематические конференции — всероссийские и международные, прошедшие в разных городах России при участии СКР. Они значительно расширили информационное поле историко-культурного краеведения и внесли серьёзный вклад в развитие методологии краеведческих исследований. Перечислим важнейшие из них: международная научная конференция «Региональная история в российской и зарубежной историографии» в Рязани (1999); две всероссийские научно-практические конференции «Преподавание краеведения и москвоведения в высших учебных заведениях» (1997 и 2002) — совместно с Издательским центром «Москвоведение» и кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ. Цикл конференций был посвящён проблеме малого исторического города: международная научно-методическая конференция «Малые города России. Проблемы истории и возрождения» в Переславле-Залесском Ярославской области (1998); научная краеведческая конференция «Малые города России. Малоярославец — проблемы истории и возрождения» в Малоярославце Калужской области (2000); конференции в Твери, Кашине и Калязине (2002) и другие.

Помимо конференций, в начале 2000-х годов СКР стал соорганизатором научных всероссийских семинаров совместно с Советом Федерации Федерального Собрания РФ и кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ. Семинары прошли под общей темой «Краеведение в России. История. Современное состояние. Перспективы развития»: в 2004 году — «Любовь к малой родине — источник любви к Отчизне» (Зарайск, Московская область); в 2005 году — «Любовь к малой родине — основа патриотизма» (Воронеж и Москва). Российской национальной библиотекой, СКР, Фондом имени Д. С. Лихачёва в Санкт-Петербурге в 2003 году был проведён международный научно-практический семинар «Проблемы создания региональных энциклопедий». Большинство материалов этих конференций и семинаров опубликованы.

Следующий этап в деятельности СКР начался после 2007 года, когда на очередной отчётно-выборной конференции председателем СКР был избран заведующий кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ Владимир Фотиевич Козлов, а С. О. Шмидт стал Почётным председателем. СКР получил «официальную прописку» при Отделении краеведения и историко-культурного туризма ИАИ РГГУ, где работали новый председатель и один из заместителей, взявший на себя всю оргработу по СКР (А. Г. Смирнова — заместитель заведующего кафедрой москвоведения). Хотя на деле уже с конца 1990-х СКР тесно взаимодействовал с краеведческой кафедрой в ИАИ и, не имея собственного помещения, основные мероприятия проводил именно здесь.

Пятые всероссийские краеведческие чтения. Зам. председателя СКР А. Г. Смирнова представляет сборники Чтений. Рядом с ней председатель СКР В. Ф. Козлов. 2011 г.

Особо следует упомянуть ежемесячную конференцию-представление новой литературы по краеведению и москвоведению «Встречи на Никольской», организуемую кафедрой с 1997 года, которая и до 2007 года была одной из важнейших публичных форм текущей работы СКР.

С 2007 года насущной была задача сделать заседания Совета СКР регулярными, наладить его систематическую, текущую работу. Надо отметить, что ряд членов Совета — в основном люди, занимавшие руководящие посты в различных учреждениях и организациях, — не принимали никакого практического участия в его работе. К сожалению, и некоторые представители регионов, выбранные в Совет в 2007 году как руководители региональных краеведческих обществ, зарекомендовавшие себя на региональном уровне, также либо вообще не принимали участия в деятельности Совета, либо отошли от этой деятельности в течение ближайших полу-

тора-двух лет. Это заставило в течение пятилетия искать опору в лице других людей, которых в 2011 году решениями Совета в рабочем порядке кооптировали в его состав (Т. В. Вересова (Псков — Москва), В. В. Стерлина (Москва), Л. А. Штавдакер (Ростов-на-Дону)). С 2008 года установилась периодичность заседаний Совета не реже трёх раз в год. В практику были введены расширенные заседания Совета СКР в дни проведения Всероссийских краеведческих чтений, что давало возможность собрать наибольшее число членов Совета из Москвы и регионов, а также пригласить на Совет краеведческий актив, не входящий в состав Совета, но ведущий работу на местах.

На отчётно-выборной конференции 2013 года в отчётном докладе председателя было отмечено, что идея привлечения в Совет людей, занимающих то или иное положение в научном, музейном, архивном сообществе, в расчёте на их возможности, в том числе и административные, для оказания реальной помощи СКР совершенно себя не оправдала. Поэтому состав Совета был значительно обновлён, в него вошли многие представители московского и регионального краеведческого сообщества, руководители местных региональных обществ. Примерно половина состава Совета была представлена не москвичами, это давало надежду на более активное сотрудничество Совета с регионами, на расширение состава СКР за счёт новых отделений (к сожалению, не все надежды оправдались). На конференции председателем переизбрали В. Ф. Козлова. Введена была вновь упразднённая в 2007 году должность первого заместителя председателя (А. Г. Смирнова), координировавшего всю организационную работу Совета, а также и всю работу по подготовке и проведению Всероссийских краеведческих чтений. Конференция одобрила целый ряд научно-просветительных программ, закрепив приоритетные направления дальнейшего развития СКР.

Из членов Совета этого периода особо стоит отметить заместителя председателя П. П. Вибе (руководитель Омского регионального отделения), Т. В. Вересову (руководитель Псковского регионального отделения), Д. А. Белокова (член Псковского регионального отделения), И. А. Новикова (Челябинск), А. Н. Акиншина (Воронеж). Ответственно и неравнодушно к деятельности СКР, к работе Совета относились М. С. Дроздов (Черноголовка, Московская область), Н. В. Шептяков (Котлас, Архангельская область), Л. А. Штавдакер (Ростов-на-Дону).

Когда было принято решение о новой редакции Устава СКР, на начальной стадии активно в эту работу включилась В. В. Стерлина (Москва).

С 2007 года сложилась система текущего делопроизводства Совета (бумажного и электронного). Оформился достаточно обширный массив возникших в процессе работы документов, характеризующий деятельность СКР с конца 2007-го по 2018 год, созданы фото – и аудио-архивы.

Начиная с 2007 года перед Советом были поставлены задачи расширить связи с региональным сообществом, укрепить организационно СКР в целом, стимулировать (по мере возможности) процесс создания сети местных отделений. Для выполнения этого была найдена эффективная форма, каковой стали широкие по тематике и представительные по числу участников из различных регионов страны Всероссийские краеведческие чтения (2007–2016). Идея их проведения возникла ещё до 2007 года и принадлежала В. Ф. Козлову, заведующему кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ, в то время – одному из двух первых заместителей председателя СКР. Отметим, что результатом 10-летней практики Чтений как раз и стало решение (в основном) всех вышеперечисленных задач.

Всероссийские краеведческие чтения стали новым явлением в современном краеведческом движении, да и в истории отечественного краеведения тоже. Их постоянным соорганизатором выступало Отделение краеведения и историко-культурного туризма ИАИ РГГУ. Чтения приобрели своё особое «лицо», выработалось их тематическое наполнение, образовался круг постоянных участников, ежегодно прирастающий и новыми людьми. Чтения преемственно продолжили традицию всероссийских и всесоюзных краеведческих конференций 1920-х годов и всероссийских конференций 1990-х – начала 2000-х, но, в отличие от них, проводились ежегодно в рамках единой концепции, последовательно они охватили тематически весь срез современного краеведения, материалы всех десяти Чтений опубликованы [1].

С первых же Чтений определился 2–3-х-дневный формат работы: первый день – пленарное заседание, работа секций (в среднем 10–15 секций) – все в ИАИ РГГУ, за редким исключением; второй день – выездной: работа тематической секции или круглого стола (до 2009 года выезды осуществлялись в Подмоскowie, затем – в соседние и более отдалённые регионы). С 2013 года Чтения стали трёхчастными:

московская, подмосковная и региональная части. Выездную часть организаторы посвящали местной региональной тематике в сочетании с общероссийскими краеведческими сюжетами. Это позволяло включить местный опыт в общероссийский контекст и в то же время познакомить местное краеведческое сообщество с краеведческим опытом других регионов. Выездная часть Всероссийских краеведческих чтений проходила в городах Подмоскowie: Волоколамске (2007), Дмитрове (2008), Коломне (2009), Можайске (2012), Дзержинске – в Николо-Угрешском монастыре (2013), Подольске (2014), Верее (2016); в региональных центрах: Челябинске (2010), Владимире (2011), Омске (2013), Воронеже (2015), Великих Луках Псковской области (2016).

Число участников Чтений колебалось от 50 до 220, в среднем же форум собирал от 110 до 160 человек. Ежегодно было представлено от двадцати двух до тридцати трёх российских регионов (Москва, Санкт-Петербург, Центральная Россия, Северо-Запад, Поволжье, Русский Север, Центральное Черноземье, Юг России, Урал, Западная Сибирь и другие). Постоянными участниками были представители республик Беларуси, Украины, Казахстана.

Финансовая поддержка Чтений во все годы была очень незначительной (РГГУ лишь несколько раз выделял очень небольшие суммы и печатал программы Чтений). С 2013 года типографские расходы на сборник материалов принимали на себя соорганизаторы Чтений. Транспортные расходы и оплату проживания участники осуществляли в основном за свой счёт. С 2013 года частичную оплату проезда и проживания делегации Совета СКР в выездной части стали брать на себя региональные соорганизаторы форума. Оргкомитету также удавалось благодаря помощи члена Совета СКР А. Г. Озерова предоставлять бесплатное проживание в гостинице Федерального центра детско-юношеского туризма и краеведения (ФЦДЮТК) в Москве нескольким членам Совета из дальних регионов. Однако эти сложности не повлияли на формат Чтений и уровень их проведения.

Заметным явлением в историографии современного краеведения стали опубликованные труды участников всех Чтений (серия из 9 книг) [1]. Кстати, в связи с необходимостью их издания был создан общественный Издательский центр «Краеведение» (В. Ф. Козлов, А. Г. Смирнова, К. А. Смирнова), который взял на себя на безвозмездной основе всю работу по

составлению, редактированию, корректированию (то есть весь процесс допечатной подготовки) рукописей сборников.

Отметим также ещё одно всероссийское научное мероприятие СКР — ежегодную Всероссийскую студенческо-аспирантскую конференцию. Начало ей было положено в 2000 году на кафедре региональной истории и краеведения (сначала как вузовской и межвузовской). Вскоре одним из партнёров кафедры стал СКР, конференция по числу участников и их представительству приобрела всероссийский характер. Её проведение по времени стали приурочивать к Всероссийским краеведческим чтениям, ряд постоянных участников Чтений из разных регионов стали ежегодно присылать своих студентов и аспирантов на этот форум, а члены Совета — участники Чтений (Д. А. Бельюков, Т. В. Вересова, И. А. Новиков) и сами со своими воспитанниками принимали участие в этих молодёжных конференциях. Всего было организовано 14 конференций вплоть до 2016 года. По их итогам вышло два сборника докладов [2].

Анализируя итоги десяти Всероссийских краеведческих чтений, руководство СКР приняло решение об изменении формата главного научно-организационного форума всероссийского краеведческого движения, о чём краеведческое сообщество было проинформировано в специальном «Обращении» (2017 г.). В связи с укреплением (благодаря Чтениям) связей внутри краеведческого сообщества, расширением региональных контактов Совета СКР, созданием сети региональных отделений на местах и формированием общероссийского краеведческого актива (всё это в целом удалось сделать за прошедшее десятилетие) на первый план выдвинулись задачи углублённой разработки отдельных проблем и направлений современного краеведения и краеведческого движения в рамках тех основных научных программ, которые были утверждены на отчётно-выборной конференции в 2013 году (они преемственны по отношению к программе «Краеведение» и целевым программам СКР 1990-х гг.). Это, в свою очередь, потребовало перехода от широкоформатных, широкоформатных и тематически всеобъемлющих Чтений к Всероссийским тематическим конференциям.

Начало таким конференциям нового типа было положено в 2017 году, когда в подмосковных Луховицах прошла Первая конференция, посвящённая организационным вопросам районных, городских, сельских, приходских краеведческих объединений.

Партнёрами выступили Московское краеведческое общество (МКО), Луховицкое историко-краеведческое общество и городская администрация Луховиц. Член Совета А. А. Шаблин (Луховицы) — руководитель местного общества — взял на себя решение организационных вопросов в Луховицах, городская администрация оплатила типографские расходы на сборник [3]. Первоначально конференция планировалась в Пензе, однако пензенское краеведческое сообщество взятые на себя ещё в 2016 году обязательства не выполнило. В продолжение этого цикла в 2018 году в Москве была организована всероссийская краеведческая научно-практическая конференция «Городская топонимика России как объект культурного наследия: история и судьбы топонимики городов и современные проблемы возвращения исторических названий» [4]. Соорганизаторами выступили Центр историко-культурного краеведения и москвоведения (ныне Центр краеведения, москвоведения и крымовеждения — ЦКМК) Института Наследия и Фонд «История Отечества». В краеведческом контексте эти проблемы на всероссийском уровне были подняты впервые.

В 2019 году СКР организовал два всероссийских научных мероприятия. После 20-летнего перерыва прошла IV всероссийская научно-практическая конференция «Исторический некрополь России как часть отечественного культурного наследия: проблемы изучения и охраны» [5]. Она была организована на базе ЦКМК Института Наследия, в качестве соорганизаторов выступили также МКО и Фонд «История Отечества». И впервые СКР провёл всероссийский научно-практический семинар «Современная краеведческая периодика России. Опыт и перспективы развития» [6], кото-

рый также прошёл на базе ЦКМК в партнёрстве с «Московским журналом» (гл. редактор А. Ф. Грушина в этот период была председателем СКР).

Всероссийский семинар по проблемам краеведческой периодики. Слева направо: Почётный председатель СКР В. Ф. Козлов, директор Института Наследия В. В. Аристархов, председатель СКР А. Ф. Грушина. 2019 г.

Следует упомянуть и круглый стол 2019 года, который стал продолжением научной работы СКР по проблемам топонимики – «Городская топонимики как объект культурного наследия: современные проблемы возвращения исторических названий». В числе организаторов здесь вновь выступили ЦКМК, МКО и Фонд «История Отечества». По итогам всероссийских конференций 2017–2019 годов опубликованы сборники материалов, подготовлен к печати сборник Всероссийского семинара по проблемам краеведческой периодики.

Возвращаясь к вопросам организационной структуры СКР, можно констатировать, что за период с 2007 по 2018 год активно развивался процесс создания региональных отделений Союза: эта работа велась Советом целенаправленно. К 2018 году число региональных отделений достигло 25-ти (включая несколько отделений – коллективных членов), они сосредоточены в Центральной России, на Русском Севере, Юге России, в Западной Сибири, на Урале, в Северо-Западном регионе. Не все отделения одинаково эффективно работают именно как отделения СКР, не все в равной мере поддерживают постоянные контакты с Советом. Среди наиболее активных (часть из них уже упоминалась) – Котласское историко-просветительское общественное движение краеведов «Северное трехречье» (Котлас, Архангельская обл., Н. В. Шептяков), Московское краеведческое общество (Москва, В. Ф. Козлов), Омское региональное отделение (Омск, П. П. Вибе), Псковское

региональное отделение (Псков, Т. В. Вересова), Пушкинская районная организация СКР (Пушкино, Московская обл., В. В. Панченков), Российское общество по изучению Крыма (Москва, В. Ф. Козлов), Ростовское региональное отделение (Ростов-на-Дону, Л. А. Штавакер). На первых порах активно себя проявляли Вяземский клуб «Краевед» (Вязьма, Смоленская обл.), Можайское объединение краеведов (Можайск, Московская обл.), Союз краеведов Владимирской области (Владимир, А. К. Тихонов), Союз краеведов Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, А. В. Кобак). За последние годы связь этих отделений с непосредственной работой в рамках программ СКР значительно сократилась или даже стала номинальной. Региональными отделениями СКР являются также Балаковское региональное отделение (Балаково, Саратовская обл., Ю. Ю. Каргин), Корочанское районное краеведческое общество (Короча, Белгородская обл., В. В. Потапов), Курское областное научно-краеведческое общество – КурОНКО (Курск), Общество «Нижегородский краевед» (Нижний Новгород, Ф. А. Селезнёв), Уфимское городское отделение (Уфа, Республика Башкортостан, Г. А. Иксанова); на правах отделений существуют коллективные члены: Добровольное культурно-просветительное общество «Норд» (Архангельск, С. Ю. Клочев), Культурно-просветительский фонд «Прображение» (Москва, А. А. Наумов), литературно-краеведческий клуб «Смоленская дорога» (Смоленск, Е. А. Минина), Центр исследования культурно-исторического и духовного наследия Приднестровья (Тирасполь, Приднестровская Молдавская республика, Н. В. Дымченко).

Сохраняют номинально статус отделений, но уже давно не имеют связи с Советом СКР Галичское краеведческое общество (Галич, Костромская обл., прот. Александр Шастин), Калужский краеведческий клуб (Калуга, Т. М. Борисова), Смоленское региональное отделение (Смоленск, иеромонах Рафаил (Ивочкин), Челябинское областное краеведческое общество (Челябинск); было оформлено как отделение, но так и не заработало в этом качестве Шацкое краеведческое общество (Шацк, Рязанская обл., Г. А. Мельничук).

СКР, хотя и видит себя, по существу, преемником ЦБК, но в современных условиях не считает целесообразным воспроизводить достаточно жёстко централизованную административно-управленческую модель своего предшественника. Сейчас для краеведческого сообщества России важны горизонтальные связи, единое

научно-информационное пространство, возможности обмена опытом и взаимодействия в решении общих для всех краеведов задач организационного, научного, просветительного, памятничноохранительного, социокультурного и иного характера. Региональные отделения обладают полной самостоятельностью в выборе для себя организационных, правовых форм, методов и направлений краеведческой деятельности в рамках уставной деятельности СКР.

Сегодня СКР живёт и развивается как общественное объединение всероссийского масштаба благодаря тесным связям со многими близкими по задачам и целям организациями. Так, с Фондом имени Д. С. Лихачёва в 2010 году был организован конкурс на лучшее периодическое краеведческое издание. СКР активно участвует в проведении Всероссийских конкурсов исследовательских краеведческих работ участников движения «Отечество», организуемого ФЦДЮТК. Также в последние 2–3 года партнёром СКР в научных мероприятиях выступал Фонд «История Отечества» (руководитель К. И. Могилевский). Постоянные контакты у Союза существуют с «Московским журналом» (А. Ф. Грушина). Два десятилетия СКР участвует в проведении конкурса, организуемого «Мемориалом» («Человек в истории. Россия – XX век»), а также – в жюри Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая Родина» Федерального агентства по делам печати. Руководители и члены Совета СКР являются членами жюри Макариевского конкурса (Москва) и ряд лет входили в состав жюри Анциферовского конкурса (Санкт-Петербург).

Серьёзным испытанием для СКР стала внезапная и ничем не оправданная ликвидация в апреле 2016 года в ИАИ РГГУ всех учебно-научных краеведческих подразделений, закрытие Отделения краеведения и историко-культурного туризма. Это не просто перечеркнуло эффективный и во многом уникальный почти 20-летний опыт работы, но ликвидировало общероссийский вузовский центр, долгие годы служивший опорой СКР. В течение двух лет СКР не имел постоянного помещения (возникли трудности с архивом, делопроизводственными документами и проч.), но председателем и первым заместителем были найдены различные площадки (основная в 2016–2017 гг. – при московском Заиконоспасском монастыре), где продолжали проводиться все без исключения традиционные мероприятия и заседания Совета. Деятельность СКР не только не была свёрну-

та, но даже несколько расширилась и активизировалась.

С начала 2018 года СКР получил возможность базироваться при Институте Наследия (с которым, как уже говорилось, с начала своей истории Союз был достаточно тесно связан), где был создан ЦКМК под руководством председателя СКР В. Ф. Козлова (мы уже упоминали неоднократно этот Центр, как партнёра СКР).

В конце июня 2018 года прошла очередная отчётно-выборная конференция Союза, на которой были подтверждены главные направления его развития, одобрена новая редакция Устава, предусматривавшая изменения в руководящем механизме организации. Из состава Совета избирается бюро (пять членов), которые поочерёдно по договорённости в течение одного года (с июля 2018 г.) председательствуют в СКР (остальные четыре члена бюро являются заместителями председателя). В. Ф. Козлов был избран Почётным председателем. Председателем СКР в 2018–2019 гг. была Анна Филипповна Грушина, создатель и главный редактор известного далеко за пределами Москвы краеведческого периодического издания – «Московского журнала». В 2019–2020 году председательские обязанности возложены на Александра Николаевича Акиньшина, доцента Воронежского государственного университета, одного из опытейших и заслуженных учёных-краеведов не только Воронежского края, но и России.

*Председатель СКР А. Н. Акиньшин (слева),
Почётный председатель СКР В. Ф. Козлов (справа)*

К отчётно-выборной конференции 2018 года председателем СКР и его первым заместителем была издана работа, посвящённая СКР [7], мате-

риалы которой и были использованы при написании этой статьи.

Надо сказать, что тема истории краеведения и современного краеведческого движения является одной из важнейших для СКР — в сборниках Всероссийских чтений опубликовано немало соответствующих материалов, в том числе и статьи, посвящённые 20-летию и 25-летию СКР, однако эта небольшая книга стала первой попыткой научного обобщения новейшей истории краеведческого движения России в связи с деятельностью Союза.

Каков же итог краеведческого движения за прошедшие тридцать лет?

Краеведение, особенно историко-культурное, окончательно утвердилось как общественная сила и как социокультурный феномен. Краеведение — большое государственное дело и массовое научное направление, нацеленное на изучение, обустройство регионов, сохранение наследия. Организованное краеведческое общественное движение сегодня в значительной степени связано именно с СКР, который в его координации и развитии играет огромную роль, аккумулирует опыт прошлых эпох и обладает значительным потенциалом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Первые всероссийские краеведческие чтения: история и перспективы развития краеведения и москвоведения (Москва, 15–17 апр. 2007 г.). М., 2009. 652 с.; Вторые всероссийские краеведческие чтения (Москва, 26–27 мая 2008 г.). Четвёртые всероссийские краеведческие чтения (Челябинск, 20–22 мая 2010 г. / Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М., 2011. 544 с.; Третьи всероссийские краеведческие чтения (Москва — Коломна, 22–23 июня 2009 г. / Отв. ред. В. Ф. Козлов. М., 2009. 384 с.; Пятые всероссийские краеведческие чтения (Москва — Владимир 27–28 мая 2011 г.) / Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М., 2012. 512 с.; Шестые всероссийские краеведческие чтения (Москва — Можайск, 1–2 июня 2012 г. / Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М., 2012. 816 с.; Седьмые всероссийские краеведческие чтения (Москва — Омск, 13–17 мая 2013 г. / Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М.,

2013. 728 с.; Восьмые всероссийские краеведческие чтения (Москва — Подольск, 16–17 мая 2014 г. / Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М., 2016. 800 с.; Девятые всероссийские краеведческие чтения (Москва — Воронеж, 15–19 мая 2015 г. / Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М., 2016. 948 с.; Десятые всероссийские краеведческие чтения (Москва — Верея (Московская обл.) — Великие Луки (Псковская обл.), 13–17 мая 2016 г. / Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М., 2017. 812 с.

2. Региональная история. Краеведение. Москвоведение : сб. материалов I–VI межвуз. студенч. науч.-практ. конф. М., 2009. 136 с.; Региональная история. Краеведение. Москвоведение : сб. материалов VII–X всерос. науч.-практ. студенч.-аспирант. конф. / Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. Вып. 2. М., 2013. 340 с.

3. Краеведческое движение и его центры: история и современность. Приходские, сельские, городские, районные краеведческие объединения и их роль в изучении и популяризации края : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Луховицы — Дединово, Моск. обл., 29–30 сент. 2017 г. / Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М. : ИЦ «Краеведение»; Луховицы : Луховиц. издат. центр, 2019. 384 с.

4. Городская топонимика России как объект культурного наследия : История и судьбы городов и соврем. пробл. возвращения ист. названий : материалы всерос. краевед. науч.-практ. конф. Москва — Звенигород (Моск. обл.). 22–23 июня 2018 г. М. : ИЦ «Краеведение», 2019. 416 с.

5. Исторический некрополь России как часть отечественного культурного наследия: проблемы изучения и охраны : материалы IV всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 24–25 мая 2019 г. / Отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. М. : ИЦ «Краеведение», 2019. 416 с.

6. В Институте Наследия обсудили современные проблемы краеведческих периодических изданий. URL: <https://youtu.be/1qzo5v0V014> (Опубликовано: 23 марта 2019 г.)

7. Козлов В. Ф., Смирнова А. Г. Из истории Союза краеведов России и современного краеведческого движения. 1990–2018 гг. М., 2018. 120 с.

К. В. ВОРОНИН, Е. Ф. КРИНКО

ШЕСТЬЕ КОРШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Ростов-на-Дону — Таганрог, 17–18 сентября 2020 г.

Ставшая традиционной осенняя региональная научная конференция, проведённая в рамках ежегодных Коршиковских чтений, в этом году была приурочена к 75-летию Великой Победы и 100-летию Архивной службы Ростовской области¹. Организаторами конференции «Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти юга России» стали Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН), Донская государственная публичная библиотека, Государственный архив Ростовской области (ГАРО), Ростовское региональное отделение Союза краеведов России, а также Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета. Впервые работа конференции проводилась в два дня и на разных площадках: в Ростове-на-Дону и в Таганроге. В конференции приняли активное участие сотрудники архивов Ростовской области, ЮНЦ РАН, библиотек, музеев, преподаватели, аспиранты и студенты, краеведы из городов и районов области, аспиранты и студенты ВУЗов, журналисты. Третий год подряд модератором конференции является главный научный сотрудник ЮНЦ РАН, председатель общественного совета при Комитете по управлению

архивным делом Ростовской области, доктор исторических наук Е. Ф. Кринко.

В первый день заседание конференции проводилось в режиме online. Базовой площадкой выступил ГАРО. При открытии конференции с приветственным словом к участникам обратился председатель Комитета по управлению архивным делом Ростовской области В. Е. Захаров и директор ГАРО, кандидат исторических наук Н. А. Трапш.

Большую часть докладов первого дня конференции представили сотрудники архивов. Заместитель директора по основной деятельности Центра хранения архивных документов в городе Шахты, кандидат исторических наук В. Ю. Мартыненко на основе сохранившихся документов рассказала о героической работе органов власти и горожан в годы Великой Отечественной войны (сообщение «Всё для фронта, всё для Победы!»).

Тему героической работы тыла в помощь фронту докладом «Организация сбора тёплых вещей среди населения Ростовской области для Красной армии в годы Великой Отечественной войны (по материалам донских архивов)» продолжила ведущий археограф ГАРО М. И. Жбанникова. Малоизвестные факты об эвакуации архива Ростовского обкома ВКП(б) (ныне — Центр документации новейшей истории Ростовской области) привела главный архивист ЦДНИРО В. В. Горшенина в своём выступлении «Необходимо вывезти весь архив...».

В память о почётном сотруднике ЦДНИРО О. А. Богдановской, внёсшей значительный вклад в архивное дело Ростовской области, подготовила свой доклад «Есть люди, для которых очень важно всё то, что составляет нашу жизнь...» О. В. Валуйскова, заведующая отделом научной информации, публикации и использования документов ЦДНИРО.

С интересом был встречен доклад ростовского краеведа В. В. Ноздрёва «Новочеркасское кавалерийское училище в защите Ростова (ноябрь — декабрь 1941 г.)».

Результатами своих краеведческих исследований поделились учителя средних общеобра-

Константин Владимирович Воронин, младший научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук; Евгений Фёдорович Кринко, главный научный сотрудник ЮНЦ РАН, доктор исторических наук

¹ Статьи, подготовленные по материалам сообщений на Чтениях, читайте в рубрике «Шестые Коршиковские чтения», с. 131–174

зовательных школ из Багаевского и Константиновского районов. А. В. Шапоренко, учитель истории школы № 3 станицы Багаевской, рассказал о поисках Героя Советского Союза И. И. Гетмана в докладе «В боях за хутор Арпачин». Е. М. Московкина и Е. П. Реуцкова, руководители школьных музеев из хутора Гапкин Константиновского района, посвятили свой доклад многолетней поисковой работе и патриотическому воспитанию юных гапкинцев («Живая память поколений. Тема Великой Отечественной войны в поисковой работе школьников»).

Ряд докладов опирался на воспоминания очевидцев событий времён Великой Отечественной войны о жизни и борьбе с немецко-фашистскими оккупантами в Ростове-на-Дону и Ростовской области. Так, В. А. Миноранский, профессор Южного федерального университета, председатель ассоциации «Живая природа степи», доктор сельскохозяйственных наук, переживший войну в детском возрасте, поделился своими воспоминаниями в докладе «Город, переживший войну». Заместитель директора ГАРО Е. В. Милосавлевич рассказала о воспоминаниях В. С. Гриненко, сотрудницы Комитета по управлению архивным делом Ростовской области, а доктор исторических наук, профессор Н. А. Казарова представила доклад «Ростов-на-Дону в годы войны в воспоминаниях Н. В. Бакулиной».

А. Ю. Голобородько (слева), Л. А. Штавакер, Е. Ф. Кринко

Серьёзное исследование по воспоминаниям очевидцев и архивным документам было проведено старшим научным сотрудником ЮНЦ РАН В. И. Афанасенко, который представил его итоги в докладе «Ребята с Ульяновской улицы (Забытый подвиг юных героев)» о расстреле немецкими оккупантами ростовских школьников в 1942 году.

На второй день Шестые Коршиковские чтения принял Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ).

Открыл заседание и приветствовал собравшихся директор института, доктор политических наук, депутат Городской думы города Таганрога А. Ю. Голобородько. Затем декан факультета истории и филологии Таганрогского института имени А. П. Чехова, кандидат исторических наук, доцент В. А. Агеева представила совместный с А. Ю. Голобородько доклад «"Диалог памяти – путь к миру (г. Таганрог – г. Люденшайд)": объективное историческое знание как фактор противодействующий распространению неонацизма и неонацизма и условие продвижения ценности миролюбия в молодёжной среде».

В нём рассказывалось о создании Таганрогским институтом имени А. П. Чехова и общественной организацией «Группа за мир» города Люденшайда (Германия) совместной выставки «Диалог памяти – путь к миру».

Последующие выступления были посвящены проблемам историографии и исторической памяти о Великой Отечественной войне на юге страны.

Е. Ф. Кринко осветил проблемы изучения истории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны в историографии. Интересный доклад «Спорные вопросы в процессе формирования коллективной памяти о Великой Отечественной войне» представил научный сотрудник ЮНЦ РАН кандидат политических наук В. С. Семёнов, поднявший злободневные вопросы о целенаправленном искажении правды о Великой Отечественной войне и сознательном приуменьшении роли советского народа в Победе. Доклад вызвал оживлённое обсуждение участниками конференции.

Далее прозвучали доклады, тематически представляющие несколько актуальных направлений в историко-культурной регионалистике и неразрывно связанные с деятельностью государственных и частных архивов.

Научный сотрудник ЮНЦ РАН кандидат философских наук О. В. Семёнова рассказала о своей многолетней работе с личными архивами ростовчан, позволяющими глубже изучить и понять образ жизни людей в контексте изучаемого исторического периода, выделила проблемы, возникающие при введении материалов личных архивов в исторический оборот (доклад «Документы личных архивов как источник памяти о Великой Отечественной войне. По материалам архива семьи Рубан»). Доцент Таганрогского

института имени А. П. Чехова, кандидат исторических наук М. И. Гуров поднял вопросы отражения в исторических источниках военной повседневности (доклад «К вопросу о роли источников официального происхождения при реконструкции производственной повседневности в г. Таганроге 40-х гг. XX столетия»).

Наряду с уже состоявшимися исследователями в конференции приняли активное участие студенты, магистранты и аспиранты. Три доклада представили магистранты программы «Историческое образование» Таганрогского института имени А. П. Чехова. А. А. Печерский говорил о судьбе системы образования (доклад «Высшее педагогическое образование г. Таганрога в годы Великой Отечественной войны»), Е. Н. Капканов — о детском взгляде на войну, опираясь на проведённые им интервью (доклад «Повседневный мир детей в годы Великой Отечественной войны (на примере хутора Челбин Ростовской области)»), а В. А. Смирнов — о проведённом исследовании на основе документов из электронных архивов «ОБД-Мемориал» и «Подвиг народа» под названием «Великая Отечественная война в пространстве семейной исторической памяти».

Малоизвестным страницам истории и героям Великой Отечественной войны, действовавшим в военные годы на территории Ростовской области, посвятил своё выступление В. А. Градобоев, командир поискового отряда «Донской» имени А. Калинина (г. Константиновск). Его доклад назывался «Пропавший без вести герой донского неба (история подвига и поисков военного лётчика Виктора Попова)».

Научный сотрудник Раздорского этнографического музея-заповедника С. В. Толочко предоставил результаты исследования судьбы воинского соединения, сформированного на Ставрополье и в Калмыкии («70-я Ставропольская: пропавшая без вести кавалерийская дивизия»). О боях на подступах к Ростову-на-Дону в своём докладе «Бои в Матвеево-Курганском районе. Оборона Малокирсановки (октябрь

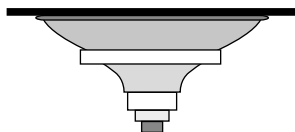
1941 г.)» рассказал педагог дополнительного образования станции юных натуралистов Таганрога Г. А. Шмидько.

Следующий ряд докладов региональных исследователей был посвящён трагическим вопросам нацистской оккупации и её последствиям. К этой группе надо отнести выступление директора Раздорского этнографического музея-заповедника М. П. Мерзлякова («Особенности немецкой оккупации казачьих станиц: на примере Раздорского района») и младшего научного сотрудника ЮНЦ РАН К. В. Воронина («Первый опыт подведения итогов нацистской оккупации в Ростовской области в 1941 – 1942 гг.»).

Немало внимания участники конференции традиционно уделяют различным неизвестным либо малоизвестным событиям, происходившим в годы Великой Отечественной войны на территории отдельных населённых пунктов. С. Ф. Токаренко, археолог и краевед из Семикаракорска, рассказал о создании Семикаракорского районного промышленного комбината, где позже сформировался народный художественный промысел, выпускающий фаянс признанного художественного достоинства («У истоков Семикаракорского предприятия “Аксинья”. 1940-е гг., по материалам муниципального и ведомственного архивов»).

Во время перерыва участники конференции смогли ознакомиться с выставкой «Диалог памяти — путь к миру» в здании Таганрогского института имени А. П. Чехова, а завершающим этапом конференции стало посещение народного военно-исторического музейного комплекса Великой Отечественной войны «Самбекские высоты».

Участники конференции выразили благодарность оргкомитету за высокий уровень организации мероприятия и высказались о важности и необходимости ежегодного проведения Коршиковских чтений для дальнейшей популяризации исторических знаний, результатов краеведческих, поисковых и архивных исследований.

КРЮКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Ростов-на-Дону, 13 марта 2020 года

А. А. ШТАВДАКЕР

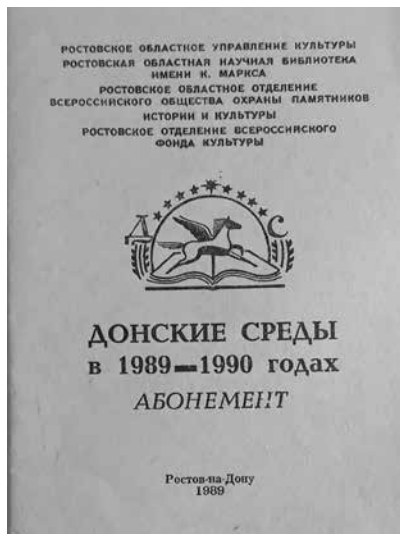
КРЮКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ НА ДОНУ

В конце 1980-х годов в Ростовской областной научной библиотеке имени Карла Маркса (так называлась Донская публичная библиотека) сформировывали спецфонд, где хранилась запрещённая в советское время литература. Мне в руки попался небольшой сборник «Родимый край», изданный в Усть-Медведицкой в 1918 году и посвящённый 25-летию литературной деятельности Фёдора Дмитриевича Крюкова. Я открыла его и первые же строчки стихотворения потрясли:

*Родимый край...
Как ласка матери,
как нежный зов её над колыбелью...*

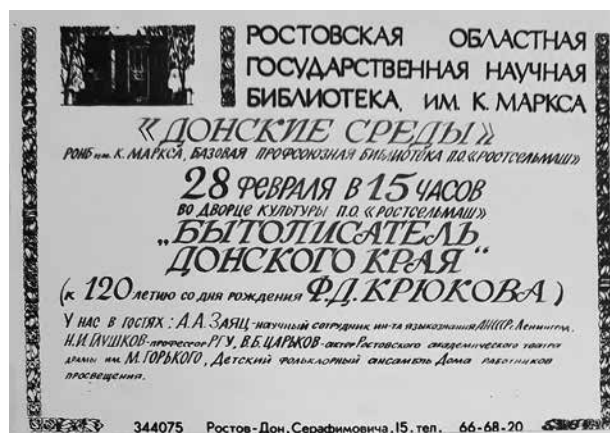
Захотелось узнать об авторе побольше... Вскоре такая возможность представилась.

На пороге стоял 1990-й год. Я проводила в библиотеке краеведческие мероприятия под названием «Донские среды»: встречи с интересными людьми, открывающими «белые пятна» в истории и краеведении.

Одна из «Донских сред» в последние дни февраля посвящалась 120-летию со дня рождения Фёдора Дмитриевича Крюкова.

Наша библиотека тогда находилась в старом здании на улице Серафимовича, 15 и не могла вместить всех желающих, поэтому встречу решили провести во Дворце культуры завода Ростсельмаш.

Из Ленинграда приехал литературовед Александр Андреевич Заяц, научный сотрудник института языкознания Академии наук СССР, впоследствии — автор наиболее полной биографии Ф. Д. Крюкова.

В переполненном зале профсоюзной библиотеки Дворца культуры Ростсельмаш прозвучал колокольчик из родного дома Фёдора Дмитриевича: его вместе с другими личными вещами писателя привезли сотрудники Новочеркасского музея истории донского казачества. (см. на цветной вклейке).

А. А. Заяц рассказывал о писателе, Виктор Царьков, актёр Ростовского драматического театра имени М. Горького, читал отрывки из его произведений, детский фольклорный ансамбль Дома работников просвещения (руководитель Т. Л. Аракелян) исполнял любимые песни Фёдора Дмитриевича...

После 70-летнего забвения писатель Фёдор Дмитриевич Крюков вернулся к своим читателям.

Лариса Александровна Штавакер, главный библиограф отдела краеведения Донской государственной публичной библиотеки, составитель и редактор альманаха «Донской временник»

Слева направо: Л. А. Штавакер, заведующая отделом краеведения РГНБ им. К. Маркса, А. А. Заяц, литературовед, В. Б. Царьков, актёр Ростовского драматического театра им. М. Горького. 1990 г.

Это было событие в культурной жизни Ростова. Свидетельство того времени — фотоальбом с мероприятия.

Л. Н. МАЛЮКОВА

ПИСАТЕЛЬ ЗАБЫТЫЙ И ВОЗВРАЩЁННЫЙ

Ф. Д. Крюков. Фото из фонда Дома русского зарубежья имени А. Солженицына

История русской литературы не знает более трагической судьбы, чем судьба Ф. Д. Крюкова. Сегодня очевидно: нет у него и точного захо-

ронения — ни могилы, ни креста. В воспоминаниях современников, разделивших с ним весь ужас братоубийственной Вандеи, сохранилось лишь общее определение: умер на Кубани при отступлении от возвратного тифа. Последние сведения о погребении писателя близ хутора Незаймановский Тимашёвского района также не имеют пока подтверждения.

С тех пор минуло 30 лет. 150-летие со дня рождения Фёдора Крюкова отмечаем в конференц-зале Донской публичной библиотеки. У нас в гостях исследователи творчества Крюкова Леонид Николаевич Дода, инженер-геофизик, изобретатель (он живёт в Москве и станице Мигулинской), литературный критик, доктор филологических наук, профессор из Таганрога Людмила Николаевна Малюкова, доктор исторических наук, заведующий лабораторией «Казачество» Южного научного центра РАН Андрей Вадимович Венков, вице-президент Фонда Фёдора Крюкова в станице Глазуновской Волгоградской области, кандидат юридических наук, профессор Игорь Александрович Мурашкин, любители творчества Ф. Д. Крюкова.

Ниже публикуем статьи, подготовленные по материалам сообщений на Крюковских чтениях в Ростове.

Впрочем, этот жребий творческой личности в российском безвременье не исключение (О. Мандельштам, Н. Гумилёв, М. Цветаева, В. Хлебников, Н. Клюев, В. Мейерхольд...). Но от каждого сохранялись в памяти поколений их творения. Иное Фёдор Крюков. 70 лет его имя обрастало неизвестностью, вычёркивалось из всех анналов культурного наследия. Публикация чёрного тома «Повести и рассказы» (1990) воспринималась как чрезвычайная неожиданность, прорыв из тёмной бездны времени: наша непредсказуемая эпоха работала на писателя. Сегодня его книги издаются и переиздаются, из многопудовых архивов извлекается ранее неизвестное. Творчество Крюкова изучает, исследует целая группа российских учёных (А. Венков,

Людмила Николаевна Малюкова, литературный критик, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, г. Таганрог

Л. Дода, А. Лавров, А. Г. Макаров, А. Метасов, М. Михеев, И. Мурашкин, В. Самарин, А. Чернов). Восстанавливается «родимый очаг» писателя в станице Глазуновской, а в юбилейный год состоялись научные конференции в городах России, где его судьба оставила неизгладимый след (Санкт-Петербург, Пушкинский Дом; Орёл; Ростов-на-Дону), открыт обелиск в Краснодарском крае (хутор Незаймановский).

Возникает закономерный вопрос: чем вызван столь резкий интерес к этому имени? Связан ли он только с поутихшей ныне полемикой вокруг романа М. Шолохова «Тихий Дон»? Едва ли. Когда накал страстей поубавился, открылась огромная ценность этого великого писателя-гражданина. По сути, мы стали возвращаться на путь, завещанный нам современниками Ф. Крюкова, к тем высоким оценкам, которые были высказаны на торжественном 25-летнем юбилее его творческой деятельности с ориентацией на далёкое грядущее.

«Донцы никогда не забудут заслуг своего согражданина-писателя», «...имя Ваше как перл сверкает среди имён родной литературы. Как Атаман, горжусь быть представителем народа, который дарит великую Россию столь славным именем как Ваше. От души желаю вам здравствовать на многие годы» (Пётр Краснов), «Редакция "Донской волны" земно кланяется писателю Земли Донской и верит, что попирует на золотой свадьбе казака с литературой» (Виктор Севский) [1]. Все эти поистине дифирамбические оценки воспринимаются из нашего далёко как трагическая оборванность несбывшихся надежд. Невольно вспоминаются элегические строки Эльзы Триоле: «Мёртвые беззащитны, но мы надеемся, что наши книги нас защитят» [2].

Пройдёт немногим более года со времени юбилея, и сквозь жуткое марево Гражданской войны осколки российской печати с немалым запозданием донесут трагическое известие: «Фёдор Дмитриевич несомненно унёс в могилу "Войну и мир" нашего времени, которую он уже задумывал, он, испытавший весь трагизм и всё величие этой эпопеи на своих плечах» [3].

Словно предчувствуя эти пророческие уверения, Крюков заготовил на них впечатляющий ответ: «Может быть, отойдя на расстояние, в исцеляющую даль времени, будет создано целостное отображение великой туги народной, беды казачьей. Сейчас это сделать нет сил. Слишком близко, слишком свежи, остро и жгуче болезненны кровавые раны и язвы гвоздинные, зияющие на теле родного края. <...> Беспристраст-

ный протокол даст сухие цифры <...>. Я пройду пока мимо этого языка действительности <...>. В беглых, бессистемных впечатлениях я попробую передать только мелкие осколки разбитого зеркала жизни...» [4].

Эти разлетевшиеся осколки он собирал скрупулёзно и мучительно с первого дня Февральской революции, когда, застигнутый на улицах Петрограда анархической стихией, наблюдал и фиксировал каждый «нюанс» этого трагического явления, рискуя, заблуждаясь и радуясь («Наконец-то, свершилось!»), и до последних дней своей жизни, покидая донскую землю в январскую стужу с финальным обозом белых частей.

Известно, что жизнеспособность творческой личности определяет время. Но чем притягательна она в далёком имени «Крюков» в наш шальной век катастрофического падения культурных ценностей? Что мы воскрешаем в нём, спустя сто лет после его гибели, и как включается он в литературную панораму российской истории? Вопросы ключевые, исключение которых разрушает представление о творчестве писателя в целом.

Современники Ф. Крюкова, и не только «земляки», но и величины российского масштаба (Горький, Короленко, Серафимович), остро ощущали, какими тайнами литературного мастерства владеет писатель и что доселе невиданное открывает он миру. И всё это после того, как к его магистральному аспекту изображения — казачеству обращались классики русской литературы (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Чехов). Стало очевидным, что до Крюкова русское общество по сути не знало казака. Оно представляло казака-воина, некоторые особенности его характера, исторически сложившегося быта, но казака-хлебороба, всей глубины его души на новом, взбудораженном эпохальном этапе не ведало. Это был взгляд «со стороны» другого сословия, уровня культуры и уклада.

В этом отношении любопытно сопоставление повести Л. Толстого «Казачья» и рассказа «Казачка» Ф. Крюкова. Толстой написал гениальную повесть, впервые с такой скрупулёзностью художника-реалиста воссоздав не только быт и нравы, но и своеобразный облик казака. Между тем на первом плане он сосредоточил романтизацию этого героического сословия (могуч и силен старый казак дед Ерошка; красив, высок, ловок и мужествен юный Лукашка, воплощая истинный облик джигита в небрежной, изорванной одежде, но непременно с дорогим оружием; красива и своенравна гордая МARYЯНА, дочь облачённого властью хорунжего...).

У Крюкова акцент перенесён на нравственный, духовный уровень «обычных» персонажей и на те противоречивые социальные устои, которые обусловили особенности весьма сложной жизни казачества.

Характерно, что «чертёж» сюжета у писателей весьма сближен: у Толстого юный аристократ, промотавший родительское наследство Дмитрий Оленин покидает столицу и уезжает юнкером на Кавказ в богатую казачью станицу «за счастьем»; у Крюкова студент Ермаков после долгого отсутствия возвращается из Петербурга в родные места, надеясь лишь на радость «узнавания». Но столица и малая провинция лишь создают острый колорит противостояния. В итоге «прелюдия» из юношеских грёз Оленина оборачивается банкротством: он оставляет вымечтанный казачий «рай» не принятым и не понятым. Влюблённый в свою малую родину Ермаков с грустью обнаруживает, как много в ней тёмного, неразвитого и дикого (что в результате во время великой смуты станет одной из причин народной трагедии). Переживания Натальи Нечаевой, оболганной и затравленной неразумной толпой, Крюков передаёт психологически тонко и напряжённо. Влюблённый Ермаков её состояние воспринимает как собственное потрясение: в смерти жалмерки Натальи он ощущает не только личную трагедию, но и целого народа.

Один из симптомов творчества Крюкова — воссоздание событий через собственное восприятие (это проявляется и в рассказах, и повестях, где за опосредованностью образа зачастую отчётливо реминисцирует образ самого автора). Особенно рельефно такая «мета» обнаруживает себя в публикациях революционного времени. В напряжённых диалогах, нередко сумбурных и ожесточённых, в сухих отрывистых репликах, мимолётных фразах и невнятных отголосках динамика нарастающей российской трагедии изображается метко и колоритно. Так чутко передать происходящее от пролога до рокового конца мог лишь непосредственный наблюдатель и участник событий.

В прологе, ещё за пределами увиденных действий, начинают проявляться наивно лукавые высказывания о казаках как о вольном племени, живущем исконно трудолюбивым порядком («Наша жизнь в одном: казак работает на быка, бык — на казака, и оба они — два дурака» («В углу») [5, с. 124]. Однако «бескровная» революция докатилась и до равнодушного ко всем переменам казачьего угла, и мирные устои дрогнули. На первом этапе никто не может понять, кто такие большевики, но смутные отголоски

о них и их притязаниях на святое из святых — землю вызывают бурю разноречивого негодования, которое выльется очень скоро в необратимую катастрофу целого народа: «В свои земли вщемить лапу не дадим никому... — А портной Мыльцев собирается весной пахать... — Пушай в свою Шацкую губернию едет и пашет, его земля там... А тут мы ему такую нарезку покажем! — Ну, рассчитывает, что ему тут пай нарежут. — Я, говорит, большевик... — Морду и большевику покулушаем!» [5, с. 125].

И когда стало очевидным, что Дон втягивается в гражданскую войну и возникла необходимость в добровольческих дружинах, казаки также не спешат — занимают выжидательную позицию. Обобщённые реплики и утилитарные вопросы как нельзя более отражают разноречивый конгломерат народного настроения («А жалованье какое будет? <...> — Да они, может, и не придут сюда... <...> — А если они у нас скотину и хлеб будут отбирать? — На пороге погрём, — не дадим!» [5, с. 127]. «Нас не тронут, кому мы нужны... А генералья, офицерья пушай сами себя огрантировывают» [5, с. 141].

Голгофа национального сознания набирает свою необратимую силу. С жаждой упоения ждут казаки фронтовиков: вот придут и наведут порядок. И они пришли, внося в клочущую обстановку ещё большую смуту: улыбка судьбы оказалась зловещей гримасой. О том, какую разрушительную силу приобретает фронтвик, «окрашенный в большевистский колер», Ф. Крюков воссоздаёт динамично и зрелищно. Мелькают знакомые названия станиц и хуторов (Урюпино, Прилипки, Ендово, Шашкино, Берёзовская, Кургинская, Хованский...), и хотя центр событий более сосредоточен в Михайловке или Усть-Медведицкой — всё это вместе взятое приобретает образное выражение «угла». Есть в этом нечто общее от народного выражения «медвежий угол», который становится олицетворением не только неразвито-тёмного, отгороженного от целого мира, но и проявлением неуправляемо-стихийного, разбойного начала. Однако суть в том, что у этого начала есть свой невиданный до времени «роковой» исток: ненавистная за три года война и стоянка полков в Бессарабии, которая стала предварительной «подготовкой» к большевизму. Его «пропагандисты» прекрасно понимали, на какие «нервы души» народного недовольства можно «надавить» взрывоопасно: «чем далее ехали, тем больший имели успех. <...> В Царицыне педагогическое натаскивание было довершено, и в родные станицы полк въехал во всей красе

революционной развязности, широты и глубины» [5, с. 130–131].

Характерно, что образы фронтовиков у Крюкова приобретают оценку «тройного обзора»: непосредственно авторского. Здесь и портретные детали новоявленных героев, «мозглявых, с мокрыми носами», и аттестация их действий, похожих «на разудалую солдатскую ватагу», и сожаления, подобные плачу по прежним «детям-казакам», любовно снаряжённым на защиту родины, и стремление понять, что «преобразило до неузнаваемости эту молодёжь, сделало их чужими, вызывающе грубыми, наглыми, отталкивающими. Откуда этот разбойный облик, упоение сквернословием?».

О том, что революция — тяжелейшее похмелье, сказано немало в документально-художественных произведениях, созданных по следам событий (И. Бунин «Окаянные дни», И. Шмелёв «Солнце мёртвых», М. Пришвин «Дневники», З. Гиппиус «Петербургские дневники»). Но у Бунина действие происходит в Москве и Одессе, у И. Шмелёва — в Крыму, З. Гиппиус — в Петербурге, М. Пришвина — в Москве и в средней полосе России. У Ф. Крюкова акцент перенесён именно на такую географическую арену, где, начиная с конца 1917 года, решалась судьба России, когда центр грандиозных событий сдвинулся на юг, в Область войска Донского. В этом отношении Ф. Крюков выступил как участник и летописец исторических действий на легендарном Дону. По строгому счёту мы воскрешаем утраченный документ эпохи, отражённый в распалённых лицах, смятенных массах, в самых противоречивых и катастрофических проявлениях, которые прошли через болевой нерв автора, ставшего «по ту сторону баррикад» и не принявшего революционной идеологии: его ощущения беспрецедентного потрясения. На вопрос, «за что мы воюем», он не знал колебаний: «мы воюем за свой родной край, за целостность его, за бытие казачества, за право жить тем бытовым укладом, который унаследовали мы от славных своих предков и которому все — от генерала до рядового казака — мы одинаково преданы всем сердцем.<...> За родину мы бьёмся. За неё, единую, великую и святую, готовы сложить головы в смертном бою» [6].

Наше время внесло свои коррективы, казалось, в кристальную незыблемость большевистских аксиом, как единственно верных и неизбежных. Их фатальность уже отчётливо ощущал из эмигрантского далёка русский писатель М. Осоргин. Он считал, что видеть в истории только красных и белых — вряд ли видеть

истину: «Стена против стены стояли две братские армии, и у каждой была своя правда и своя честь<...> Было бы слишком просто и для живых людей, и для истории, если бы правда была лишь одна и билась лишь с кривдой: но были и бились между собой две правды и две чести, и поле битв усеяли трупами лучших и честнейших» [7].

Тревожный объектив Ф. Крюкова вторгается всюду: от сумасбродных митинговых площадей, взбудораженных улиц, переполненных кочующим людом, до хаотически заполненных залов, ещё недавно именованных себя Благородным собранием, и пошатнувшихся казачьих куреней. И всё это происходит с социальным сословием, которое исторически заявляло себя опорой, верой и надеждой Российского государства. «Разрухой в головах» объясняет писатель первопричину самых разнуданных проявлений недавних защитников России. Массовые эпизоды вскрывают их абсолютную некомпетентность в нахлынувшем мороке новоявленных представлений.

На вопрос старика, «кто такие большевики», объявивший себя большевиком «мозглявый» парень «учительно» произносит: «Большевики? Первые люди!». А на уличных митингах «фронтальной большевик», усвоивший лишь внешние ораторские приёмы, «горохом барабанит»: «Товарищи! Мы состоим на демократии! Главное суть-соль — солдатский совет рабочих депутатов... А что они из себя воображают, то это вкратцах вам даже объяснить невозможно» [5, с. 131].

Не менее колоритно эта просвещённость воспроизведена в эпизоде казачьих частей, бросивших фронт и остановившихся в слободе для дележа казённого имущества: все они начинены «углублением революционного сознания». Грубые обрывочные фразы, резкие сумбурные заявления, слепая амбициозность и озлобленность — всё это становится полигоном, способным взорваться в любой момент. «Серому обывателю» «хозяин жизни» фронтовик грозно заявляет: «Это почему такое нет у вас до сей поры совета?» На что тот ему резонно отвечает: «Был, да весь вышел.<...> — Они и советчики-то, что ни самый фулиган — то и советчик» [5, с. 141]. Далее диалог развивается в плане трагикомического фарса: «Вы, значит, за буржуев и за кадет руку держите? — Никак нет... помилуйте... — Видать по всему: приспешники Каледина... — Да помилуйте, чего вы привязываетесь? Мы даже не понимаем, кто это — кадеты? — Учёные люди. — Ученики,

что ль? — Юнкеря, студенты. Вобщем — все припешники Каледина. — А буржа? — Богачи. — Тсс.. Скажи на милость... А партизаны — кто же будут? — Обязательно враги народа... припешники Каледина» [5, с. 141]. Всё это весьма зримо напоминает солдатскую политграмоту невежественного ефрейтора Сероштана в повести А. Куприна «Поединок» («Кого мы называем врагами у-ну-трен-ни-ми? <...> Унутренними врагами мы называем усех сопротивляющихся закону <...> : бунтовщики, студенты, конокрады, жида и поляки!») [8].

Судя по очерковым публикациям, Крюков предельно чётко представлял весь дальнейший ход событий. «Траектория» полёта русской души начинала «приходить в себя» с момента вторжения такого «мутного потока», от которого стало «задышаться» само казачество. Появилась целая ватага «новых хозяев» жизни, ранее называемых «обормотами»: чего только стоит хромой пьяница Васька Танцур, ставший главным лицом по обыскам, арестам и реквизициям («После красных гостей»), или дебошир и вор Гаврила Гулевой, наделённый теперь такой «народной властью», что мог за таившемуся врагу заведомо «развернуться и дать» или отправить в тягулёвку («После красных гостей»).

Новая власть была привлекательна уже тем, что, вопреки прежней, давала невидимую широту и разветвлённость бюрократическому аппарату: прежняя власть обходилась бюджетом в 300 рублей при шести управленцах, новая власть увеличила штат до 64, не считая шпионского разветвления, бюджет поднялся до 90 тысяч. Неизгладим образ старика, встреченного автором на дорожном «столпотворении» и высказавшего свою житейскую мудрость о «российской беде» («Ну, такая злоба в мире пошла, такая злоба... взъелись все один на другого и — кончено.<...> — Эти фронтовики десятки попришли, слову не было им!.. То не так, другое не по его, своеволие, самоуправие, ... насчёт Бога загнёт — волосы дыбом аж станут.<...> — Ну-у... сейчас-то они ручные стали...<...> — Как хлебнули горя от этой красной пакости<...> — Притихли. Теперь с ними говорить можно. — Через чего злоба, мол, вошла в мире? Через зависть <...>. А чего вы порядочного сделали? Деды-прадеды вам наживали, а вы...» [9].

Очерки Крюкова 1919 года буквально пронизаны эпизодами столь тревожного напряжения.

В результате, обратившись к «покаянию и отрезвлению», неудержимо и властно вспых-

нул «дух святого протеста». С какой любовью и надеждой писатель акцентирует внимание на исконных человеческих ценностях, не забытых и не уничтоженных никакими горестями и невзгодами! Он верит, что подлинно здоровое и благоразумное в народе восторжествует, потому так пристально останавливается на целой галерее казачьих персонажей: «ветхий» старик Платон Самойлович, богатый домовладелец, в разбитых штиблетах тянет на себе обломанную ось: («Казённая вещь... надо прибрать») («Цветок-татарник»), «гулко вздыхает» среди непрерывно бухающей артиллерии пожилой казак: «Эх, молотьба-то, молотьба-то пропадает» («Усть-Медведицкий боевой участок»), невероятно трогателен эпизод встречи есаула с казачком Кудиновым, протягивающим на прощание две французские булки («Гостинчик от меня... как вы наш старый командир... У кого-кого, а у вас за нашего брата всегда печёнка болела». И это в то время, когда шло безудержное глумление над офицерством).

Авторский объектив сосредоточивается и на серии образов молодого поколения, надежды и веры казачества, только что вступающего в жестокую борьбу (невидимый телохранитель есаула пятнадцатилетний казачок, неустрашимый вестовой, скачущий сквозь оружейный вой и оберегающий друга-коня («Усть-Медведицкий боевой участок»), и даже семилетний Панкратка, собирающий в местах разрывов «стальные гостинцы») («Цветок-татарник»). Характерно, что истоки жизненной энергии и силы противостояния Крюков находит и в культурно-историческом опыте России, обобщённом в бессмертном цветке-татарнике в повести Л. Толстого «Хаджи-Мурат»: «Он один стоял среди взрытого, взборождённого поля, чёрного и унылого, один, обрубленный, изломанный <...> стоит и не сдаётся человеку, уничтожившему всех его братьев кругом его» [10]. Образ, прекрасный своей неистребимой жизнестойкостью. Но он «дистанционен», светит сквозь века как неугасимая лампада, дающая силу, надежду и веру. А в реальности вставали актуальные, жгучие вопросы: «...за что идёт эта кровавая бессмысленная бойня, кому от неё выгода, кто стал благополучнее, счастливее, какое облегчение и улучшение внесла она в жизнь, какой новой истиной осветила и возвысила человечество?» [11].

Всё было поставлено на карту, но трагический вопрос «быть или не быть» неумолимо клонился к роковому концу: «Мы, захваченные маховым колесом событий, ныне происходя-

ших, не доживём до этого, не узнаем места, отведённого нам в мировой трагедии, не увидим своего отражения в будущей эпопее человечества» [12]. Такие пророческие предчувствия в статьях Крюкова 1919 года всё чаще возникают среди уверенности в благополучный исход беспощадной борьбы. Гордая и трогательная любовь писателя к родному краю долго не хотела «верить» в его утрату, но действительность, обнажавшая жестокость распри и неизгладимость противоречий, разразившихся и на заседаниях Войскового Круга, не внушала счастливого исхода. В августе 1919 года для Крюкова всё было решено. В прощальную встречу с Д. Воротынским на вопрос: «Ну, как дела?» Махнул безнадежно рукой: «Пропало... всё» [13].

Сказал, как выдохнул «под занавес».

Прошло сто лет со дня гибели Ф. Д. Крюкова и менее ста, как завершилась гражданская война, а роковые русские вопросы «кто виноват» и «что делать» остаются. Но чем меньше «белых пятен» в истории русской культуры, тем ближе мы к «разгадке истины». Как случилось, что единый исторически сложившийся народ оказался втянутым в беспрецедентную ожесточённую войну друг против друга? Почему так трагически сложилась судьба казачества, этого героического племени, верных слуг царя и Отечества? Все эти как, впрочем, и другие подобные вопросы, мы будем ещё долго задавать себе. На многие из

них найдём ответы в творчестве Фёдора Дмитриевича Крюкова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Из юбилейного номера газеты «Донские ведомости» 18 ноября 1918 г. // Цит. по: Крюков Ф. Д. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. М., 2009. С. 298, 300.
2. Цитата из книги Эльзы Триоле, выбитая на её могильной плите.
3. *Серапин С. (С. Пинус)*. Памяти Ф. Д. Крюкова // Цит. по: Крюков Ф. Д. Обвал. С. 340.
4. Цит. по: Крюков Ф. Д. Обвал. С. 233–234.
5. Цит. по: Крюков Ф. Д. Обвал. С. 124, 125, 127, 130–131, 141.
6. Цит. по: Крюков Ф. Д. Обвал. С. 246.
7. *Осоргин М. А.* Сивцев вражек // *Осоргин М. А.* Времена. М., 1989. С. 574.
8. *Куприн А. И.* Повести и рассказы. В 2-х т. Т. 1. М., 1963. С. 507–508.
9. Крюков Ф. Д. Камень созидания // Цит. по: Крюков Ф. Д. Обвал. С. 162.
10. *Его же*. Цветок-татарник // Цит. по: Крюков Ф. Д. Обвал. С. 266.
11. Цит. по: Крюков Ф. Д. Обвал. С. 245.
12. Крюков Ф. Д. Свежо предание // Цит. по: Крюков Ф. Д. Обвал. С. 169.
13. *Воротынский Д. (Д. Ветютнев)*. Воспоминания и встречи // Цит. по: Крюков Ф. Д. Обвал. С. 352.

А. В. ВЕНКОВ

ФЁДОР КРЮКОВ В 1917–1919 ГОДАХ

Характеристику Фёдора Дмитриевича Крюкова мы найдём в статье Романа Кумова: «Крюков — донской национальный писатель. Через него впервые наши казацкие мочежинки и полынные степи заговорили о том, чем они живы. И Крюков первый из донских художников слова начал писать о них, скромнейших, так, что в каждой строчке его стояло, как налитая полно капля: «я горжусь, что я сын этих мочежинок и пустынных степей». Благородная гордость сына своей матерью-родиной. Нежнейшая привязанность сына к матери» [1].

Опустим данные биографии Ф. Д. Крюкова, отметим лишь, что он закончил Петербургский историко-филологический институт, был депу-

татом Государственной думы (фракция народных социалистов), отсидел три месяца, так как подписался под «Выборгским воззванием», во время Первой мировой войны работал санитаром на Турецком фронте и ездил корреспондентом в Галицию. Обратимся к его архиву и последним годам жизни.

М. Т. Мезенцев обнаружил, что у писателя было два архива — «петроградский», посвящённый его дореволюционной деятельности (крайние хронологические границы — 1865–1917) [2, 81, 83–84, 85], и «глазуновский», собранный в родной станице Глазуновской [2, с. 65–67, 84–85]. Большую часть последнего составили рукописи, письма, собранные в 1917–1919 го-

Андрей Вадимович Венков, заведующий лабораторией казачества Южного научного центра Российской академии наук, профессор, доктор исторических наук

дах. Из писем февраля 1917 года М. Т. Мезенцев выявил, что Крюков собирался писать роман о казаках на войне, и «самым плодотворным был период с весны 1917 по лето 1918 года» [2, с. 86].

Естественно, архив Крюков имел, и собирал его не только как писатель, но и по долгу службы (о чём чуть ниже). А вот насчёт плодотворности последних двух лет...

В 1917 году он много ездит по стране, участвует в работе кругов и съездов, становится свидетелем «большевистского мятежа» 3 июля [3]. Весь 1918 год на Дону шла Гражданская война. Усть-Медведицкий округ стал фронтовой зоной. Впервые советская власть устанавливается в округе в январе 1918 года, и Фёдор Дмитриевич, пытавшийся пробраться в Новочеркасск, где ещё держалась казачья власть, попал в плен к большевикам. Хорошо, что попал он к красным казакам — Миронову и Ковалёву. Миронов, сам в прошлом народный социалист, командовал в это время наиболее революционной воинской частью в округе — 32-м Донским полком — и продолжал писать стихи, а Виктор Семёнович Ковалёв, будущий председатель ЦИК Донской советской республики, в прошлом политкаторжанин, ещё в 1906 году сидел вместе с Крюковым в «Крестах» [4]¹. В общем, Миронов и Ковалёв Крюкова отпустили.

В мае 1918 года в округе началось казачье восстание, и Ф. Д. Крюков (по легенде) то спасал и прятал от властей попавшего на территорию «белых» А. С. Серафимовича, то сам участвовал в повстанческом движении у себя в округе и даже был контужен.

Перед глазами Ф. Д. Крюкова проходят такие яркие личности, как Ф. К. Миронов (будущий командарм 2-й Конной у большевиков), уже упомянутый В. С. Ковалёв, М. Ф. Блинов (его донские журналисты при советской власти как-то называли «донским Чапаевым»), Роман Лазарев (ему Краснов посвящал отдельные приказы), Голубинцев, Фицхелауров. Практически на глазах Ф. Д. Крюкова гибнут в бою с красными казаками Миронова белые партизаны-гимназисты.

В своих публикациях времён Гражданской войны Ф. Д. Крюков несколько раз возвращается «к белому кресту над братской могилой, на седом кургане нашем — Пирамиде. Здесь зарыта наша скорбь и наша радость, — лучшие сыны нашего края родного, юные орлы, первые поднявшиеся на неравный бой за честь его и свободу, тут нашли вечное успокоение...» [5, с. 166]. Гимназистов он называет смелыми орлятами,

«которые первыми ринулись в бой с угнетателями родного края и нашли вечное успокоение под белым крестом на Пирамиде» [5, с. 167].

Осенью того же года управляющим Отделом народного просвещения Всевеликого Войска Донского г. Светозаровым был разослан начальникам всех учебных заведений и председателям родительских комитетов циркуляр. В нём говорилось: «Гражданская война со всеми её ужасами и бедствиями нарушила правильную, нормальную государственную жизнь. Делу просвещения нанесён жестокий удар: разрушены школьные здания, погибли ценные библиотеки и научно-вспомогательные кабинеты, расхищен инвентарь, исчезли наглядные пособия, геройской смертью храбрых и честных сынов Дона легло на поле брани много педагогов и учащейся молодёжи. События революционного времени и отдельные моменты нынешней упорной борьбы советскими тиранами представляют чрезвычайно интересный материал не только для местной истории, но и для истории России и Западной Европы.

Целесообразно и необходимо по живым свежим следам собирать 1) все сведения о героях Гражданской войны с краткой их биографией и, если представится возможность, с фотографическими карточками; 2) документы письменные и вещественные, ярко характеризующие советскую власть; 3) рассказы очевидцев о событиях "эпохи большевизма". 4) списки позорных имён предателей родины — местных наркомов и главковерхов; 5) фактографические снимки картин разгрома и варварства. Все указанные материалы, а также и другие, относящиеся к переживаемому историческому моменту, предлагаю представить в Отдел народного просвещения» [6].

Почин поддержали станичные и окружные власти. Усть-Медведицкая газета «Север Дона» сообщала: «В настоящее время собирается историко-литературный материал по народному освободительному движению Усть-Медведицкого округа. Собрание материала поручено Р. П. Кумову. В связи с этим в станице предложено открыть музей» [7].

Не успели освободить округ (в начале июля красные подходили к окружной станице Усть-Медведицкой и даже временно занимали родную станицу Крюкова Глазуновскую), как в августе открылся Большой Войсковой Круг, на котором Крюкова избрали секретарём. В ноябре 1918 года широко отмечали в печати 25 лет его литературной деятельности. А в январе 1919 года «директор Усть-Медведицкой гимназии Ф. Д. Крюков (известный донской писатель)

¹ Воспоминания С. Филимонова публикуются ниже. — А. В.

награждается чином действительного статского советника за особые труды и заслуги перед Доном» [8]. В это время вновь в Усть-Медведицкий округ пришли красные, но Ф. Д. Крюков успел уехать в Новочеркасск.

Комиссары устроили разбирательство, кто же год назад отпустил члена Круга, но Ковалёв успел умереть от чахотки, а Миронова перевели на другой фронт...

«Комиссар по пролеткульту» Филька Кизлян тоже заинтересовался Ф. Д. Крюковым. «Он, между прочим, раскрал мою библиотеку, истребил рукописный материал, собрание писем, альбомы», — писал позже Фёдор Дмитриевич [5, с. 242].

Войсковой Круг открылся в феврале 1919 года и без перерыва работал до лета, и Крюкову как секретарю работы хватало. Кстати, именно он составлял приветствие Круга восставшим вёшенским, казанским и мигулинским казакам, которое отправили им с «Большой Земли» на самолёте. С апреля 1919 года Крюков становится редактором донского офицоза «Донских ведомостей», а заодно возглавляет отдел осведомления (казачий агитпроп). Можно лишь догадываться, какое количество материала, имевшего историческое и агитационное значение, прошло через его руки.

В июне 1919 года казаки освободили Усть-Медведицкий округ, но ненадолго. В августе-сентябре красные снова вышли к Дону. «Приазовский край» сообщил: «Редактор "Донских ведомостей" и секретарь Войскового Круга Ф. Д. Крюков записался добровольцем в одну из казачьих дружин, действующих на Усть-Медведицком направлении» [9]. Виктор Севский сетовал, что Крюкову надо бы писать, а не в атаку в лаву ходить... В ноябре «Приазовский край» отмечал: «По слухам писатель Ф. Д. Крюков, занимающий должность секретаря Войскового Круга, покидает этот пост, оставаясь по-прежнему во главе отдела осведомления и редакции «Донских ведомостей» [10]. 4 (17) ноября 1919 года отставка состоялась.

6 (19) декабря 1919 года Крюков публикует в газете «Донская речь» свою последнюю статью «Войсковой Круг». В это время он уходит со всех остальных постов. 9 (22) декабря сменивший Крюкова на посту управляющего отделом осведомления Бадьма Уланов даёт интервью: «Главная задача отдела осведомления... должна заключаться в том, чтобы в вооружённой борьбе казачества с большевиками подвести твёрдый идейный фундамент, противопоставлять большевизму, как циклу известных социальных идей, идеалы казачества» [11]. На Рождество красные захватывают Ростов и Новочеркасск.

Дальше для Крюкова — отступление и смерть от сыпного тифа на Кубани.

Как писатель-реалист, он пишет только то, чему сам был свидетелем.

Из публикаций периода Революции 1905 года об отношении казаков к иногородним: «русь эта вонючая, — хуже жидов они в нашей земле!» («Зыбь») [12].

А вот времена Гражданской войны:

«... И сразу тихая, мирная жизнь нашего угла наполнилась гамом и бестолковой суетой» («В углу») [5, с. 128].

« — Ну, теперь и у нас у всех бинокли, у каждого, немецкие — ах, и бинокли!..

— Откуда же?

— Добыли, — сказал он просто» («У немец») [13].

В октябре 1919 года в «Народной газете» Ф. Д. Крюков опубликовал очерк «Усть-Медведицкий боевой участок», где описал переговоры красных и казаков через реку: «Но когда в тихие тёплые ночи с "того" берега затканного лунным светом доносился крик: "товарищи, внимание, давайте кончать войну!" — наша сторона твёрдо и решительно откликнулась: "Замажь рот, пархатая тварь. Мы кончим... узнаешь скоро... хороших гостей задвижкой угостим..."» [14].

Крюков интеллигентен и потому — легковерен. В «Народной газете», в августе 1919 года выходит его очерк «После красных гостей»: «... в Усть-Медведице, по подсчёту самого трибунала 23 дивизии, застрелено свыше трёх тысяч контрреволюционеров <...> в Урюпине: около девяти тысяч расстрелянных <...> 18 января красные обстреляли и станицу, выпустили по ней свыше сотни снарядов, убили одного старика, двух коров и разбили цейхгауз станичного правления, в котором хранилось, в качестве вещественных доказательств, семь жестяных кубов, отобранных начальником стражи у самогонщиков» [15].

Сведения явно восприняты на слух. Судя по документам той же 23 дивизии красных и документам Казачьего отдела ВЦИК, в Усть-Медведицкой и Урюпинской казаков в это время расстреляно на порядок меньше. А если бы «свыше сотни снарядов» ударили по населённому пункту, наполненному мирными жителями, то убили бы не одного старика и двух коров.

Публикации Ф. Д. Крюкова в донских газетах времён Революции и Гражданской войны по своей идеологии довольно сильно отличаются от идеи, что казаки — народ. По Крюкову, казаки — «хороший, здоровый, драгоценный тип русской народности» [5, с. 203]. Антибольшевистский лагерь на юге, как известно, делился на

несколько группировок. Крайними из них были непримиримо настроенные по отношению друг к другу «единонеделимцы» и «федералисты».

По Крюкову, идёт «борьба за наше "святая святых" — за Россию, за её целостность, единство, достойное бытие, — борьба за собственное наше право жить, за казачество, за его исторически сложившийся уклад...» [5, с. 282]. Это государственническая «единонеделимская» позиция. И в споре между «единонеделимцем» Деникиным и «федералистами» кубанцами, вспыхнувшем в конце 1919 года, Крюков безоговорочно на стороне Деникина [5, 279–281].

Писал ли Крюков роман о гражданской войне на Дону?

В своём очерке «После красных гостей», опубликованном в августе 1919 года, Фёдор Дмитриевич относил время написания эпопеи к будущему: «Может быть, придёт когда-нибудь время — беспристрастный, эпически спокойный повествователь с достаточной полнотой и последовательностью изобразит ту картину, которую сейчас в силах передать лишь сухой протокол <...>. Может быть, отойдя на расстояние, в исцеляющую даль времени, будет создано целостное отображение великой туги народной, беды казачьей. Сейчас это сделать нет сил» [5, с. 233].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кумов Р. О Крюкове // Дон. волна. 1918. № 23. (18 нояб.). С. 1.

2. Мезенцев М. Т. Судьба романов. Самара : Р.С.ПРЕСС, 1994.

3. Малукова Л. «И покатылся с грохотом обвал...» : Судьба и творчество Ф. Д. Крюкова. Ростов н/Д., 2007. С. 189.

4. Филимонов С. Воспоминания о Ф. Д. Крюкове // Казачий путь. (Прага). 1925. № 53. С. 4.

5. Цит. по: Крюков Ф. Д. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. М. 2009.

6. Исторический материал // Приаз. край. 1918. 10 (23) окт. (№ 165). С. 4.

7. Культурные начинания в станице [Усть-Медведицкой] // Приаз. край. 1919. 13 (26) янв. (№ 11). С. 4.

8. Ст. Усть-Медведицкая. Производство // Приаз. край. 1919. 13 (26) янв. (№ 11). С. 4.

9. Из Новочеркасска (от собственного корреспондента). Ф. Д. Крюков // Приаз. край. 1919. 12(25) сент. (№ 207). С. 3.

10. Отставка секретаря Войскового Круга // Приаз. край. 1919. 3 (16) нояб. (№ 249). С. 3.

11. Беседа с Б. Улановым // Приаз. край. 1919. 11 (24) дек. (№ 279). С. 1.

12. Цит. по: Крюков Ф. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. М., 2020. С. 254.

13. Цит. по: Крюков Ф. На Германской войне. На фронте и в тылу. М., 2020. С. 55.

14. Крюков Ф. Усть-Медведицкий участок // Народ. газ. 1919. 5 окт. (№ 151). С. 2.

15. Крюков Ф. После красных гостей // Народ. газ. 1919. 4 авг. (№ 104). С. 2.

С. ФИЛИМОНОВ

ВОСПОМИНАНИЯ О Ф. Д. КРЮКОВЕ

I

Впервые я встретил Фёдора Дмитриевича Крюкова на станичном майдане в его родной станице Глазуновской Усть-Медведицкого округа.

Был май 1917 года. Казачьи головы были выбиты из равновесия головокружительными революционными событиями.

Ф. Д. только что возвратился из Новочеркасска с Донского областного съезда и делал станичникам доклад о работах съезда. На лицах слушателей напряжённое внимание. Около половины присутствующих составляют женщины.

«Итак, станичники, — говорил Ф. Д., — мы, как и встарь, начинаем жить снова со своими выборными Войсковыми Кругами и Атаманами, но чтобы жизнь на нашем вольном, тихом Дону шла по хорошему, мы должны исполнять то, что нам прикажут Круг и Атаман. Без этого мы можем лишиться тех казачьих вольностей, которой дала нам революция...».

Долго ещё беседовал Ф. Д. со станичниками о съезде, затрагивая в своём разговоре близкие казачьему сердцу вопросы, но наибольшее впечатление осталось у меня от приведённых слов.

Скорбное выражение глаз Ф. Д. говорило, что в его душе не совсем спокойно, что она чувствует впереди что-то недоброе.

К пятилетию со дня смерти 1920—1925 гг. Опубликовано: Казачий путь. (Прага). 1925. № 53. С. 3–5.

После подробного доклада о съезде Ф. Д. коснулся вопроса о предстоящих выборах в десятидворные станицы, причём горячо рекомендовал станичникам избрать в десятидворные станицы хоть несколько женщин, резонно указывая на то, что казачка своим прошлым уже давно заслужила более внимательного к себе отношения.

Этот совет Ф. Д. был встречен шумным одобрением присутствующих казачек и длительным смехом фронтовиков и дедов.

Необходимо к этому добавить, что не менее половины присутствующих были старообрядцы, взгляды которых на правовое положение женщины напоминали времена Домостроя.

Потом говорили о настроении фронтовых казаков.

Ф. Д. высказал сожаление по поводу слухов с фронта о том, что в связи со знаменитым приказом № 1 и некоторыми другими приказами по армии, и в казачьих частях воинская дисциплина сильно поколебалась. Как только что прибывший в то время с фронта, я подтвердил правильность этих слухов.

Революционная волна разлилась по всему вольному Дону и взбудоражила казачьи головы.

На душе было беспокойно...

Мне стал понятен скорбный взгляд этого чуткого и отзывчивого человека.

II

Вторично мне пришлось встретиться с Ф. Д. по прошествии почти целого года, в апреле 1918 г.

Большевистская лавина нахлынула на Дон и затуманила разум многих казаков.

В южных округах большевистский дурман начал уже рассеиваться, но в северных он ещё крепко сидел в головах многих фронтовиков. Настроение казачества в станицах и хуторах было чрезвычайно нервное и беспокойное.

Крайне тревожное настроение нашей станицы вынудило меня поехать «погостить» на недельку к родственникам в станицу Глазуновскую.

Здесь мне снова представилась возможность несколько раз видеться с Ф. Д.

До нас только что дошли первые известия о казачьих восстаниях против красных насильников в южных округах. Мы подолгу беседовали на тему о возможности восстания в Усть-Медведицком и Хопёрском округах.

Однажды я высказал предположение, что в ближайшие 2–3 недели восстание может охватить и наши станицы.

Ф. Д. задумался. «Нет, – после некоторого раздумья сказал он, – наши станицы вряд ли восстанут раньше осени. Казаки восстанут против большевиков только тогда, когда на себе испытают действия этой власти. Южные округа это испытали, вот они и восстали, а наши, вероятно, восстанут по окончании хлебной уборки.

Вот если новым урожаем, ссыпанным уже в закрома, начнут распоряжаться по-своему большевики, тогда и можно ожидать поголовного восстания казаков, а пока они будут только митинговать».

В своих предположениях Ф. Д. немного ошибся. Восстание в Усть-Медведицком и Хопёрском округах хотя и значительно запоздало по многим причинам в сравнении с южными округами, но всё-таки вспыхнуло не осенью, а в начале лета 1918 года.

Один раз я попросил у Ф. Д. что-нибудь почитать из его произведений.

Ф. Д. любезно предложил мне I том своих рассказов. Я с захватывающим интересом их прочитал.

Не помню теперь уже всех прочитанных рассказов («Мать», «Казачка», «В родных местах» и др.), но отлично помню, что почти все они были из казачьей жизни.

Многие герои рассказов были жителями станицы Глазуновской; с некоторыми из них я тогда же познакомился. Особенно сильное впечатление в этих рассказах произвели на меня бытовые картинки из станичной жизни.

В одном, например, рассказе с мельчайшими подробностями и необычайной правдоподобностью были описаны кулачные бои в ст-це Глазуновской; в другом, трагедия одной «жалмерки», прижившей в отсутствие мужа ребёнка, а перед приходом мужа со службы домой повесившейся в сарае, не желая переносить позора перед своим мужем и людьми; в третьем, описаны похождения одного весьма известного в северных округах конокрада Рогачёва (герой Толкачёв в рассказе «В родных местах») и его неоднократные побеги из тюрем и из Сибири.

Сколько любви, наблюдательности и знания казачьей жизни чувствуется в этих рассказах!

Весьма художественно и картинно, но просто, бесхитростно и без всяких прикрас, с необычайной любовью, правдивостью и яркостью изображал Ф. Д. в своих рассказах и повестях станичную казачью жизнь с её бесчисленными житейскими горестями и радостями, с её порой безудержным весельем, а порой и бесконечной грустью...

III

События развивались. После нашей последней встречи прошло не больше месяца.

Красный отряд рыскал по станицам и хуторам, расположенным по р. Медведице, и чинил кровавый суд и расправу над непокорными казаками. Разъезды большевиков приближались к ст-це Глазуновской.

Ф. Д., не желая попадать в красные лапы, вынужден был «спасаться» в нашу станицу, но по пути был настигнут большевистским разъездом и после многих угроз расстрелом и других издевательств со стороны красноармейцев был приведен в ст. Глазуновскую и посажен на ночь в «тегулёвку» при станичном правлении, а на другой день отправлен в слободу Михайловку, откуда ему удалось вырваться почти чудом.

По возвращении из большевистского пленения, Ф. Д. приехал «погостить» на несколько дней к своим родственникам в ст-цу Кумылженскую, так как изменник Миронов с сильным отрядом красных угрожал ст-це Глазуновской.

Дабы не вызвать излишних разговоров своим приездом в Кумылженскую, Ф. Д. пришлось жить в ней строго конспиративно.

Я навестил его, и он подробно рассказал мне о всех своих мытарствах в красном пленении.

Трудно передать всё рассказанное Ф. Д., но достаточно сказать, что несколько раз он был на волосок от смерти, чтобы понять, что пришлось пережить этому чуткому и отзывчивому человеку.

В Михайловке его, конечно, расстреляли бы без долгих разговоров, но на счастье Ф. Д. группой красных, действовавших в то время по р. Медведице, командовал бывший гвардеец, казак Ковалёв, имевший какое-то отношение к известному Выборгскому воззванию членов 1-й Государственной Думы в 1906 году и сидевший вместе с Ф. Д. за это воззвание в Петербургской тюрьме – Крестах. Ковалёв сразу узнал Ф. Д. и даже обрадовался встрече с ним. После расспросов об аресте и нескольких комплиментов Ф. Д. за его прошлую политическую деятельность, Ковалёв предложил ему работать с большевиками. Ф. Д. категорически отказался. Тогда Ковалёв решил проявить свое великодушие: он предложил Ф. Д. поскорее и подальше удирать из Михайловки, так как вторичный арест ничего хорошего ему не сулит.

Ф. Д. сравнительно благополучно удалось добраться до Глазуновской, а через несколько

дней он уже вынужден был ехать «гостить» в Кумылженскую.

Тяжело было слушать этот простой задушевный рассказ Ф. Д. За что? За что, спрашивается, претерпел столько гонений и испытаний этот замечательный человек? Неужели только за то, что был истинным сыном своей Родины и непоколебимо честным казаком, не боящимся открыто говорить правду и не склонившим перед насильниками своей гордой казачьей головы?

IV

События Гражданской войны 1918–1919 гг. отбросили наши части за р. Донец.

Почти три месяца длилось наше тяжёлое, вынужденное сиденье на Донце.

С весной пробудились новые надежды на успех и сильнейшая тяга к родным куреням.

После многодневных, упорных и неравных боёв на левом берегу Донца в районе ст-цы Екатерининской, наша конная группа вынуждена была под напором противника отойти в исходное положение на правый берег. Наша попытка рвануться вперёд встретила непреодолимое сопротивление со стороны во много численно превосходящих нас большевиков.

Небо хмурилось. Моросил дождь. Дул холодный северный ветер. Настроение гармонировало с погодой. Вера в успех поколебалась. В это время, как сейчас помню, вместе с приказанием наступать в другом направлении и горячим призывом Войскового Круга исполнить свой долг перед батюшкой Доном до конца получаем впервые знаменитое Крюковское стихотворение в прозе, этот шедевр поэтического творчества «Родимый край»¹. Какая горячая любовь ко всему казачьему, какое богатое знание казачьего быта, какое глубокое понимание исторического прошлого казачества чувствовалось в этом бесподобном по своей красоте и картинности стихотворении в прозе!

По прочтении его сейчас же нахлынули бесконечные воспоминания об оставленных там, по ту сторону рубежа...

«Тебя люблю. Родимый край», говорит Ф. Д. в своём стихотворении, и это не просто слова, а неудержимый выкрик из самой глубины любящего сердца.

Какой глубиной и какой бесконечной любовью к родному батюшке Дону звучат слова: «Во дни безвременья, в годину смутную развала и

¹ Это стихотворение, как известно, было написано Ф. Д. Крюковым ещё в первые месяцы казачьего восстания, т. е. в начале лета 1918 года, а теперь было переслано Войсковым Кругом для поднятия духа в воинские части на фронт.

падения духа, я, ненавидя и любя, слезами горькими оплакивал тебя, мой Край Родной» ...

Не могу не привести и дальнейших слов: «Но всё же верил, всё же ждал, за дедовский завет и за родной свой угол, за честь казачества взметёт волну наш Дон седой»...

И эти несколько фраз, приведённые мною из «Родимого края», достаточно убедительно говорят нам, что это мог написать только такой необычайно чуткий писатель, как Ф. Д. Крюков, знавший до мельчайших подробностей все извилины и закоулки казачьей души и обладавший высоким даром столь художественно и картинно изливать свои мысли и наблюдения на бумаге.

Это стихотворение было переслано нам на фронт телефонограммой, как я уже сказал, вместе с приказом о наступлении и воззванием Войскового Круга. Я несколько раз читал и перечитывал его казакам и каждый раз находил в нём что-нибудь новое.

Не так легко было станичникам воспринять всю художественность и красоту этого замечательного стихотворения, но по их задумчивым лицам можно было видеть, что и они «нутром» чувствуют в нём что-то своё, родное и бесконечно близкое...

V.

Вскоре судьба нам улыбнулась. После горечи поражений и тяжких разочарований, мы стали упиваться радостями блестящих побед и сладких надежд.

Прошёл всего месяц, а уж весь тихий Дон был совершенно очищен от красной нечисти, и нам, северянам, представилась возможность снова побывать в родных местах.

Воспользовавшись благоприятным случаем, я заахал на несколько дней домой, в Кумылгу, а потом забежал на один день к родственникам в ст-цу Глазуновскую.

Ф. Д. также только что приехал из Новочеркаска домой.

События развивались для нас весьма благоприятно. Красная армия неудержимо откатывалась на север. Настроение казачества было весьма бодрое.

Появлялась надежда на скорое и благоприятное для нас окончание гражданской войны.

Ф. Д. также был настроен бодро, но и теперь в его глазах можно было прочесть грусть и тревогу. Он рассказал о тех издевательствах, которым подвергались оставшиеся под большевистским игмом его сёстры и брат, а также пока-

зал сад и пчельник, сильно пострадавшие от хозяйничанья красноармейцев; но всё же горечь минувшего сменилась радостью настоящего, и мы расстались с выражением уверенности, что наши родные станицы уже никогда больше не испытают большевистских нашествий.

Это была моя последняя с ним встреча.

VI

Февраль 1920 года.

Судьба жестоко посмеялась над нами. Мы неудержимо и с неменьшей скоростью катились на юг, с какой летом 1919 года двигались вперёд на север.

По непролазной грязи двигается наша конная группа по многолюдным и богатым кубанским станицам.

Остановились на ночлег. Казак, посыльный, привёз из штаба конной группы пачку газет. Просматриваю и... в одной из них всего только краткую заметку о том, что 20 февраля в ст-це N...Кубанской обл., скончался от сыпного тифа известный донской писатель Ф. Д. Крюков.

Внезапная смерть Ф. Д. в дни тягчайших испытаний казачьего духа, меня в первый момент даже не удивила. Она была как раз в унисон с надвигавшимися грозными событиями. Казалось, что наше казачье дело уже проиграно, а потому и не выдержало чуткое казачье сердце крупного писателя и большого казачьего патриота.

Я вспомнил задумчивый и скорбный взгляд прекрасных голубых глаз Ф. Д. и понял, что его вещее сердце уже давно предчувствовало то недоброе, что случилось теперь ...

VII

Прошло пять лет.

И вот теперь, в годину тяжкого изгнания...

В годину горестных страданий.

В годину траура и скорби безутешной о нашем Крае дорогом.

В дни чайний туманных и слабых и немых надежд.

В дни мук безмолвных и испытаний бесконечных.

В дни безвременья и тревог душевных.

Вдали от милых куреней и от своих родных, любимых, близких.

Вдали от мутных вод седого, страждущего Дона.

Вдали от тех, святых для нас могил, где спят давно уж непробудным, но всё ещё мятежным

сном богатыри казачьи, делами и смертно которых прославился наш Дон родной....

В эти дни наш долг священный бережно хранить в своей душе святую память их.

И можно ли забыть того, чей скорбный, нежный взор безудержно ласкал и нашу степь безбрежную, как море, и наши хутора с зелёными

садами и «запахом укропа с огорода», и камыши, шуршащие у тихих вод, и старый, милый Дон с серебряною зыбью, и всё, что мог ласкать лишь взор, всё близкое, своё, казачье, родное... Того, чьё сердце вещее столь невыразимо нежно любило свой Родимый край!

Л. Н. ДОДА

«... АРХИВ — ЭТО МОЁ ВЕЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ЗЕМЛЕ»

В одном из последних писем Фёдора Дмитриевича Крюкова к своему другу и соратнику Николаю Пудовичу Асееву [1] «наш светлый пророк» и «бытописатель Дона» (С. Пинус) оставил такие завещательные строки: «Коля, береги архив — это моё вечное поселение на земле. Там есть вещи, которые пригодятся кому-либо. Это на случай, если меня не станет» [2].

Слева направо: Ф. Д. Крюков и Н. П. Асеев. Фото из фонда Дома русского зарубежья имени А. Солженицына

Исполняя волю друга, Н. П. Асеев до самой своей смерти в 1952 году хранил Архив. Он одним из первых понял, что в Архиве сокрыта некая тайна, которую мы, потомки, до сих пор разгадываем.

«Фёдор Дмитриевич, несомненно, унёс в могилу "Войну и мир" нашего времени, которую он уже задумывал, он, испытавший весь трагизм и всё величие этой эпохи на своих плечах...» [3].

Речь о материалах к «большой вещи» Ф. Д. Крюкова — роману о Доне, казаках, «роковом обвале жизни» в 1917 — 1920 годах.

Ф. Д. Крюков писал: «...они вернулись, времена отжитых испытаний и мук, времена туги великой. Пришли и сели в "переднем" углу нашей жизни <...>. Стон, и вопль отчаяния оглашает знакомую ширь родного края...» [4]. Это о красном терроре и кровавом эксперименте по расказачиванию: «предметный урок нового социального строя был жесток до беспощадности» [5].

В целом же, по замыслу Крюкова, «в большой вещи» предполагалось отразить российскую действительность 1910 — 1920 годов, исторические события в проекции на жизнь донской земли. Подтвердим это предположение ссылками на воспоминания соратников Фёдора Дмитриевича, «проговорками» самого писателя.

Из письма Ф. Д. Крюкова к А. Г. Горнфельду, соратнику «Русского богатства», в апреле 1917 года: «...чувствую, что соскучился по литературе. Материалом переполнен до чрезвычайности. Попробую засесть» [6].

Д. Ветютнев, одностаничник Крюкова, впоследствии прозаик, литературный критик, мемуарист, 1 февраля 1917 года писал ему: «Помните, вы говорили, что собираетесь написать большую вещь на тему: казаки и война. Что же — работаете? Но, пожалуй, частые сдвиги с одного места на другое мешают сосредоточиться над одной фабулой» [7].

В новочеркасской газете «Вольный Дон» (от 8 сентября 1917 г., № 127, с. 4) анонимный автор писал:

«Ф. Д. Крюков задумал написать роман из казачьей жизни, где предполагает коснуться старины и нарисовать также и современную казачью жизнь».

Пётр Степанович Маргушин вспоминал: «В сентябре 1918 года мне удалось бежать из Москвы (где я жил) на Дон, в Новочеркасск. Узнал, что редактором областной газеты "Донские ведомости"... являлся Ф. Д. Крюков, известный

не только на Дону, но и в России, талантливый писатель-романист, я явился к нему и предложил свои услуги как журналист. Ф. Д. Крюков охотно принял меня в ряды сотрудников газеты и к весне 1919 года назначил её секретарём. В разговорах со мной Ф. Д. Крюков не раз делился мыслями о своём новом романе (тогда ещё он не говорил о его названии) на тему захвата Дона большевиками. Но, чтобы выяснить подробно страшные обстоятельства захвата и насилий кровавого террора большевиков по донским станицам, целью описания всего этого в своём романе, Ф. Д. Крюков командировал меня в конце весны 1919 года в станицы, бывшие очагами большевистских зверств (в станице Константиновской большевики устроили венчание местного священника с кобылой в станичной церкви, в станице Цимлянкой повесили священника в царских воротах церкви и т. д.). Я объездил все эти станицы по течению Дона и дал в газету ряд очерков "По разорённому Дону", которые печатались всё лето 1919 года. Ф. Д. Крюков говорил мне тогда, что эти очерки послужат материалом для его романа о "тихом Доне".

Но наступила катастрофа на фронте, и Новочеркасск должен был эвакуировать "Донские ведомости". <...> Как проводилась эвакуация газеты, какова была участь её архива, где Ф. Д. Крюков хранил все свои рукописи, мне не было известно, так как я получил его распоряжение отступить с частями войскового снабжения через Кубань к Новороссийску. <...> О дальнейшей судьбе его рукописей и романа о "тихом Доне" мне не удалось узнать» [8].

Фёдор Дмитриевич Крюков с августа 1918 года проживал в Новочеркасске в доме

Н. П. Асеев с матерью. Фото из фонда Дома русского зарубежья имени А. Солженицына

Завьяловой на улице Атаманской, 24. Летом 1919 года к нему приехали Асеевы. В конце 1919 — начале 1920 года перед уходом в отступ Ф. Д. Крюков передал Н. П. Асееву тетрадь и часть архива на хранение. В 1920 году Асеевы переехали в дом на Песчаной 4, прожив в нём до 1923 года, затем уехали в Петроград.

Асеевы стали хранителями архива Крюкова: до 1952 года — за архив отвечал Николай Пудович, профессор металлургии (с 13 июня по 20 сентября 1919 года он временно исполнял обязанности редактора «Донских ведомостей»).

После смерти дяди хранительницей архива Крюкова стала его племянница Мария Акимовна Асеева (она владела Архивом до своей смерти 18 января 1990 года).

«Вся беда в том, что архив Крюкова оказался раздробленным» [9, с. 250].

Например, так называемая «заветная тетрадка» (по выражению Солженицына [10, с. 71] с материалами к «большой вещи» Ф. Д. Крюкова хранилась в доме профессора Военно-медицинской академии Покровского в Царском Селе под Ленинградом (личность Покровского мне установить не удалось. — Л. Д.).

«Были люди, которые хотели купить его [архив. — Л. Д.]. Мария Акимовна отказывалась. Часть его отдала своему родственнику в Пятигорск [Д. Хованскому. — Л. Д.], часть (и довольно значительную) — Солженицыну, что-то Проскурину, что-то художнику [Илье — описка авт.; правильно — Вильяму. — Л. Д.] Куинджи, что-то хранила в Пушкине у своих близких (как она говорила, это была рукопись к "Тихому Дону") ... Короче говоря, всё было разбросано. В результате, когда Мария Акимовна собралась передавать архив в Ленинскую библиотеку, многого уже не доставало. Да и как она передавала? Неряшливо к этому отнеслась, — вспоминала Лидия Андреевна Новак. Даже не знала, что у неё берут. Рассказывала мне: "Я передавала туда ящиками, а мне присылали тоненькие папочки переписанных материалов"» [9, с. 250].

А. И. Солженицын познакомился с архивом Крюкова в 1969 году. О том, как архив оказался у Солженицына, известно из его очерков литературной жизни «Бодался телёнок с дубом» [10].

«Привезли — не в собственность, а на разборку — весь оставшийся от Крюкова архив. А тетрадку, мол, — потом...Мы уж и не настаивали. Мы и так получали богатство большое» [10, с. 72].

Александр Исаевич открыто признался, что воспользовался материалами из архива Крюкова:

«Я так был полон налитым, что потерял способность абсорбции. И интересно было в Крюкова вникнуть, и уже не помещалось никуда. Люше [Елене Чуковской. — Л. Д.] пришла счастливая мысль, сразу мной принятая: Крюков — автор ли он «Тихого Дона», не автор — взять себе персонажем в роман, так он ярок, интересен, столько о нём дополнительно материала. Какой прототип приносит с собой столько написанного. Я — взял и правда: для сколького ещё места нашлось! И как потяжливово: в донскую тему войти не собственной неопытностью, но через исстрадавшегося дончика» [10, с. 72].

И ещё: «Когда же я некоторые лучшие крюковские места стянул в главу «Из записок Фёдора Ковынёва» — получилось ослепительно, глаз не выдерживает» [10, с. 73].

Сбылось пророчество Фёдора Крюкова относительно своего архива: «...Там есть вещи, которые пригодятся кому-либо. Это на случай, если меня не станет» [2].

Пригодились: и донскому писателю Д. И. Петрову-Бирюку в романе «Дикое поле» (1941), и А. И. Солженицыну в «Красном колесе», и И. Н. Медведевой-Томашевской в исследовании «Стремя "Тихого Дона"» [11]. В этом, отнюдь, не посягательство на литературный авторитет названных авторов.

Для работы над «Стременем» Ирине Николаевне потоком шли материалы из Архива Крюкова, передаваемые Марией Акимовной Асеевой через помощников Солженицына [10, с. 70—72]. Но мудрая Ирина Николаевна, за месяц до своей загадочной смерти в августе 1973 года, в письме к Солженицыну сообщала:

«Дело ведь не в разоблачении одной личности и даже не в справедливом увенчании другой, а в раскрытии исторической правды, представленной великим документом, каким является изучаемое сочинение» (речь о Шолохове, Крюкове и романе «Тихий Дон». — Л. Д.) [12]. Вот образец честности и порядочности настоящего исследователя, коим являлась И. Н. Медведева-Томашевская [13].

Архив Крюкова, с которым работали А. И. Солженицын и его помощники, составил основу Фонда 14 в Доме русского зарубежья имени А. И. Солженицына.

Ещё до его описания мне удалось поработать с материалами Архива и обнаружить ряд любопытных документов. Среди них воспоминания и записи Марии Акимовны Асеевой, Елены Цезаревны Чуковской (основной помощницы Александра Исаевича), Ю. А. Стефанова («Донец» в

предыстории «Стрени»), самого Ф. Д. Крюкова.

Некоторые фамилии и персоналии ждут своей разгадки.

Так, в одном из документов упомянут Капитон Яковлевич. Представился референтом Шолохова, сулил Асеевой «обеспеченную старость и все блага жизни за тетрадку». Мария Акимовна ответила ему, что «тетрадки у неё никогда не было — всё сжёг отец». Он же рассказал Асеевой о выступлении в Ростове профессора (Р. А. Нелепина. — Л. Д.), который пишет монографию о донском казачестве, в т. ч. о Крюкове. Вопрос: откуда Капитон Яковлевич мог знать о *тетрадке*?

«Полухина Ариадна Николаевна от Капитона Яковлевича». Установлено: Полухина А. Н., внучка петербургского архитектора В. Н. Полухина, преподавала в Институте живописи имени Репина. Об Архиве узнала от З. Б. Томашевской и П. Косова, обучавшегося в Ленинграде в этом институте на факультете истории и теории искусств. Эпизоды его встреч с М. А. Асеевой описаны в книге Л. Н. Мальюковой [14] в послесловии.

Имеется запись: «Из Тархан (музей Лермонтова) Куинджи Вильям Константинович, от Мануйлова». С В. К. Куинджи (1930-2009), художником, краеведом, исследователем жизни и творчества Лермонтова и Крюкова, мне довелось несколько раз встречаться и душевно беседовать в Новочеркасске на разные темы, в том числе о Крюкове, Солженицыне, донской истории. Он также подтверждал существование *тетрабочки*.

Очень ценные записки по Архиву от 12 февраля 1992 года оставила Е. Ц. Чуковская [15], разобравшая, обобщившая и систематизировавшая материалы, переданные Марией Акимовной А. И. Солженицыну (А.И.С.). Опись переданного составил Ю. А. Стефанов («Донец»). В частности, она пишет: «После разборки полученный Архив был разделён на 3 части: а) 1-я часть была сдана в рукописный отдел Ленинской библиотеки; б) 2-ю часть взял А.И.С. для работы над «Красным колесом»; в) 3-я часть предназначалась для работы И. Н. Томашевской и после её смерти и высылки Солженицына осталась в России. В 1990 г. с папками (ч. 3) знакомился А. А. Заяц [16] и взял к себе по своему выбору несколько листов (расписки в папках). В мае 1990 г. все рукописи И. Н. Томашевской были возвращены З. Б. Томашевской [17] и через неё передана для А. А. Зайца папочка с рукописными записями Ф. Д. Крюкова 1916—1917 гг.

Три объёмные папки из Архива Ф. Д. Крюкова и папка «Вокруг Архива» переданы мною во временное пользование Макаровым [18]. Передана также моя картотека, составленная после обработки всего Архива. По этой картотеке можно будет установить, что где».

Особо следует сказать о воспоминаниях Лидии Андреевны Новак [19], которыми она доверительно делилась со мной во время незабываемых, увы, нечастых встреч в Новочеркасске на протяжении 2000 – 2013 годов. Научный сотрудник Новочеркасского музея истории донского казачества, почитатель творчества Крюкова, Лидия Андреевна неоднократно встречалась с Марией Акимовной Асеевой.

Первая встреча произошла в Новочеркасске в 1971 году. Мария Акимовна пришла в Музей истории донского казачества, рассказала Лидии Андреевне о том, что у неё есть архив Крюкова и пригласила помочь разобрать его. «Я поехала в Ленинград, – вспоминала Лидия Андреевна, – и мы начали работать. Как сейчас помню... огромные кожаные коричневые чемоданы, набитые рукописями, пачки писем, каких-то документов. Разбираться в них было трудно – у Крюкова бисерный трудно читаемый почерк» [9, с. 249].

Лидия Андреевна составила опись из ста семидесяти одного произведения Ф. Д. Крюкова [9, с. 251 – 255]. Разборку архива в 1971 – 1972 году Л. А. Новак тогда так и не завершила: сломала ногу и надолго попала в больницу, а потом у Марии Акимовны случился инфаркт.

В 1971 году М. А. Асеева показывала Л. А. Новак эту *тетрадку*, позволив её пролистать, но не делать записей. Цепкая память Лидии Андреевны запечатлела отдельные яркие места о Войсковом Круге, «картинах крестных мук Дона тихого», несколько песен «Чем-то, чем, наша славная земелюшка распахана», «Но и горд наш Дон, тихий Дон, наш батюшка». Позже, просматривая с Лидией Андреевной «Донские ведомости» и «Донскую речь» за 1918 – 1919 годы, мы обнаружили очень похожие места в следующих публицистических и редакторских статьях Ф. Д. Крюкова: «Свежо предание» [20], «Живые вести» [21], «После красных гостей» [22], «Войсковой круг» [23], «Единое на потребу» [24]

Имя Кондратия Булавина, по словам Л. А. Новак, несколько раз «мелькало» в «заветной тетрадке». Можно представить трепетное волнение Лидии Андреевны, когда в её руках оказалось рукопись Крюкова «Булавинский бунт» [25]. Девяносто четыре страницы серьёзного исторического исследования, пять страниц

ссылок из 83-х наименований! Вещь, достойная Ф. Д. Крюкова, выпускника Петербургского историко-филологического института.

Рукопись «Булавинского бунта» и ряд других материалов в 1972 году М. А. Асеева благодарственно передала через Новак в Музей истории донского казачества, где они хранятся поныне.

В апреле 2004 года Лидия Андреевна передала мне цветную копию рукописи «Бунта» с пожеланием издать в течение месяца. Я привёз рукопись А. Г. Макарову [18] и, благодаря его стараниям, 24 мая 2004 года книга увидела свет [26].

В сентябре 1989 года М. А. Асеева и Л. А. Новак ещё раз встретились в Новочеркасске. Мария Акимовна прошла по памятным местам, связанным с Крюковым. Одним из таких мест был дом на Атаманской, 24, в котором периоди-

М. А. Асеева (слева) и Л. А. Новак. Новочеркасск, ул. Атаманская, 24. 1989 г. Фото из личного архива автора

чески проживал Крюков.

Последний раз Мария Акимовна Асеева приезжала в Новочеркасск в декабре 1989 года. Она заходила в Музей истории донского казачества, чтобы передать какие-то документы. Но Л. А. Новак в городе не оказалось, и передача не состоялась. Через месяц, 18 января 1990 года, Асеева умерла. О том, что творилось в её ленинградской квартире на улице Гоголя, 21 до и после похорон, мне рассказывала Лидия Андреевна. Возможно, когда-нибудь опишу. Пока же нет желания – мерзко и тяжело вспоминать.

Наша последняя, увы, прощальная встреча с Л. А. Новак состоялась под Рождество 2014 года. А 27 января на 91-м году жизни Лидия Андреевна умерла, унеся многие недосказанные тайны. Благодарю судьбу за подаренные встречи и общение с удивительным человеком, открывшем мне Крюкова. Вечная память!

Сегодня материалы Архива Крюкова находятся в разных учреждениях: в Москве

(Дом русского зарубежья имени А. Солженицына, Институт мировой литературы имени А. М. Горького, Российский государственный архив литературы и искусства, Российская государственная библиотека, Закрытый фонд ФСБ), в Санкт-Петербурге (Институт русской литературы, Пушкинский дом), в Музее истории донского казачества в Новочеркасске, в краеведческом музее города Серафимович, а также в частных собраниях в России и за границей.

А теперь предоставим слово самому Ф. Д. Крюкову, «Гомеру казачества» (П. Автономов).

Как истинный художник, мастер слова, вдумчивый историк Крюков понял и осмыслил истоки и причины донской трагедии в революции 1917 года — «страшном эксперименте над несчастной Россией» (Ф. Д. Крюков).

«Крестные муки Дона тихого» он отобразил в метафорическом разливе реки Медведицы: «... вдруг эта самая Медведица взбушевалась... и через край залила тихую степь бедой и неожиданной тревогой. <...> разобщила людей между собой, не оживила, не оплодотворила, а придавила жизнь, остановила созидательную работу <...>. Сколько-то песку, сору и обломков оставит в жизни тихих степных углов революция — угадать сейчас мудрено. Но, несомненно, оставит ямы, коловерти, изрытые дороги, разорванные плотины и развалины старинных привычных учреждений. Разлив её пришёл сюда также неожиданно-негаданно, как и разлив речки Медведицы, ошеломил, озадачил, сбил с толку смиренного трудящегося, законопослушного жителя, а догадливых и шустрых молодцов взмыл на гребень зыби с одним-единственным лозунгом на устах: всё и всех сковырнуть» [27].

Коловерти Медведицы и Хопра «оживили» стремнину Дона, и шальное «стремя понесло, норовя повернуть боком» спокойную жизнь донских станиц и хуторов. Это о страшной эстафетной беде, порождённой революцией 1917 года и дальше по течению, умноженной Усть-Хопёрским (1918) и Верхнедонским (1919) восстаниями.

Не в этих ли метафорических картинах заключено пророческое призвание писателя-патриота Крюкова?

Он был уверен. «Придёт когда-нибудь время, учёные-исследователи тщательно разберут и определят все нити ткани, из которой создаётся на наших глазах сложный покров современной истории. И может быть, явится большой художник, который воспроизведёт диковинный узор

этой ткани перед изумлёнными взорами будущих поколений» [28].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Асеев Николай Пудович (1871 — 1952), металлург, крупный специалист в области цветной металлургии. Окончил Санкт-Петербургский горный институт в 1894 г. Профессор Горного института. Друг и соратник Ф. Д. Крюкова. До 1952 г. являлся хранителем его Архива.

2. Дом русского зарубежья имени А. Солженицына. Ф. 014 : Крюков Фёдор Дмитриевич. Оп. 1. Из папки: «Письма Ф. Д. Крюкова»

3. *Серапин С. (Пинус С.) Памяти Ф. Д. Крюкова // Сполох. 1920. 5 сент.*. Цит. по: Крюков Ф. Д. Обвал : Смута 1917 года глазами русского писателя. М. 2009. С. 340.

4. Крюков Ф. Д. Живые вести // Дон. вед. 1919. 21 мая (Зиюня). С. 3—4. Здесь и далее цит. по: Крюков Ф. Д. Обвал. С. 216.

5. *Его же. После красных гостей // Дон. вед. 1919. 25 июля (7 авг.)*. С. 2. Цит. по: Крюков Ф. Д. Обвал. С. 229.

6. РГАЛИ. Ф 155. Д. 676. Лист не уточнён. — Л. Д.

7. РГБ. Рукоп. Отд. Ф. 654., к. 3, Д. 54. Л. 17.

8. Шолохов, Крюков и «Тихий Дон» : письмо проф. Маргушина редактору «Нового русского слова» // *Новое рус. слово. 1974. 28 сент.* С. 5. Цит. по: Несториана : древнерус. и др. новости от А. Чернова: [сайт]. URL: https://nestoriana.wordpress.com/2018/01/19/td_margushin/ (дата обращения 03.06.2020).

9. *Новак Л. А. «Мария Акимовна сказала, что у неё есть архив Крюкова...»; Опыт описи произведений Ф. Д. Крюкова (составлена Л. А. Новак) // Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. М., 2010. С. 249—255.*

10. *Солженицын А. И. Бодался телёнок с дубом: очерки лит. жизни. Пятое доп. (1974—1975). Невидимки. Гл. 14. Стремя «Тихого Дона» // Новый мир». 1991. № 12. С. 69—76.*

11. [Медведева-Томашевская И. Н.] Стремя "Тихого Дона" (загадки романа) / Предисл. : Солженицын А. И. Невырванная тайна. С. 5—13. Paris : YMCA-PRESS, 1974.

12. Цит. по: *Солженицын А. И. Невырванная тайна. Предисл. к публ. // [Медведева-Томашевская И. Н.] Стремя "Тихого Дона" (загадки романа). Paris, 1974. С. 12.*

13. Медведева-Томашевская Ирина Николаевна (1903—1973), литературовед. В начале 1970-х годов по предложению А. И. Солженицы-

на начала исследование авторства романа «Тихий Дон», уже после её смерти оформленное в книгу «Стремя "Тихого Дона"». В написанном А. И. Солженицыным предисловии к первому изданию книги (Париж, 1974) автор присутствует под псевдонимом «Д*». Медведева И. Н. — автор книг «Русская Таврида» (1946), «"Горе от ума" А. С. Грибоедова» (1971; 1974), «Стремя Тихого Дона» (загадки романа) (автор Д* — 1974; 1993 — автор Медведева И. Н.).

14. *Малюкова Л.* «И покатился с грохотом обвал...»: Судьба и творчество Ф. Д. Крюкова. Ростов н/Д. : Дониздат, 2007. С. 236 — 243.

15. Чуковская Елена Цезаревна (1931 — 2015), химик и литературовед, дочь Лидии Корнеевны Чуковской и литературоведа Цезаря Самойловича Вольпе. Кандидат химических наук. Помогала А. И. Солженицыну в сборе и обработке материалов для эпопеи «Красное колесо» и работы над исследованием «Стремя "Тихого Дона"» И. Н. Медведевой-Томашевской. Лауреат премии Александра Солженицына.

16. Заяц Александр Андреевич, кандидат филологических наук, специалист по русской литературе XIX—XX вв., автор наиболее полной творческой биографии Ф. Д. Крюкова, один из ведущих программ «Пятое колесо» и «Преображение» на Петербургском телевизионном канале.

17. Томашевская Зоя Борисовна (1922 — 2010), архитектор, художник, мемуарист, музейный деятель. Дочь филологов Б. В. Томашевского и И. Н. Медведевой-Томашевской.

18. Макаров Андрей Глебович (1949 г. р.), кандидат физико-математических наук, генеральный директор НИЦ «АИРО-XXI», исследователь жизни и творчества Ф. Д. Крюкова, российской истории. С 2001 года издаёт и редактирует серию книг «АИРО — Исследования по проблеме авторства "Тихого Дона"».

19. Новак Лидия Андреевна (1924 — 2014), историк-краевед. В Новочеркасском музее истории донского казачества с 1957 года прошла

все ступени деятельности музейного работника — от экскурсовода до заместителя директора по научной работе. Автор книг: «С рюкзаком по донскому краю», «Обряды и праздники на Дону», «Донской народный костюм», «Побратимы-другари», «Как это было на тихом Дону» (соавт. Н. Г. Фрадкина), ряда статей в «Советской исторической энциклопедии» и энциклопедии «Новочеркасск. Участник Великой Отечественной войны, награждена боевыми орденами и медалями.

20. *Крюков Ф. Д.* Свежо предание // Дон. вед. 1918. 25 дек. (7 янв. 1919). С. 4 — 5. То же. // *Крюков Ф. Д.* Обвал. С. 169 — 174.

21. *Его же.* Живые вести // Дон. вед. 1919. 21 мая (3 июня). С. 3 — 4. То же. // *Крюков Ф. Д.* Обвал. С. 215 — 219.

22. *Его же.* После красных гостей // Дон. вед. 1919. 25 июля (7 авг.). С. 2 — 3; 4 (17) авг. С. 2 — 3; 8 (21) авг. С. 2 — 3. То же. // *Крюков Ф. Д.* Обвал. С. 228 — 244.

23. *Его же.* Войсковой круг // Дон. речь. 1919. 6 (19) дек. С. 2. То же. // *Крюков Ф. Д.* Обвал. С. 274 — 278.

24. *Его же.* Единое на потребу // Дон. вед. 1919. 21 дек. То же. // *Крюков Ф. Д.* Обвал. С. 289 — 290.

25. *Его же.* Булавинский бунт. 1707 — 1708. : Этюд из истории отношений Петра Великого к дон. казакам. 1890-е гг. Рукоп. // НМИДК КП-22339

26. *Его же.* Булавинский бунт (1707 — 1708) : Этюд из истории отношений Петра Великого к дон. казакам : Неизвест. рукоп. Ф. Крюкова из дон. арх. писателя / [Ст.: А. Г. Макаров, С. Э. Макарова; Ассоц. исследователей Рос. о-ва XX в. М. : АИРО-XX; СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. 206 с. : ил. (Исследования по пробл. авторства «Тихого Дона»).

27. *Его же.* Новым строем // *Крюков Ф. Д.* Обвал. С. 77 — 78.

28. *Его же.* Свежо предание. Цит. по: *Крюков Ф. Д.* Обвал. С. 169.

С. П. ЧИБИСОВА

«МЕНЯ НЕ ВЫСЫЛАЮТ, А БЛАГОРОДНО КОМАНДИРУЮТ В ПОЛК...»

(Письмо Л. И. Степанова Ф. Д. Крюкову)

В документальном фонде Музея истории донского казачества хранятся письма, адресованные Фёдору Дмитриевичу Крюкову, писателю-казаку, члену I Государственной думы (1906). Среди нескольких десятков писем разных лиц, — одно принадлежит казачьему офицеру Леониду Ивановичу Степанову.

Георгиевский кавалер Л. И. Степанов.
Фото из приложения к газ. «Донские областные ведомости» (№ 12 от 20 марта 1916 г.)

Леонид Иванович Степанов, казак станицы Кременской, православный, родился 1 декабря 1875 года. Образование получил в Донском императора Александра III кадетском корпусе, откуда был выпущен в 1893 году в казачью сотню при Николаевском кавалерийском училище [1]. По окончании обучения Л. И. Степанова зачислили в комплект Донских казачьих полков: 8 августа 1894 года — хорунжим; 8 августа 1898 года — сотником; 8 августа 1902 года — подьесаулом, 30 марта 1907 года — есаулом.

В Русско-японскую войну служил в составе 26-го Донского казачьего полка 4-й Донской казачьей дивизии. С 18 октября 1904 года офицер-ординарец Степанов находился при штабе генерала от инфантерии А. Н. Куропаткина, Главнокомандующего всеми сухо-

путными и морскими вооружёнными силами, действовавшими против Японии. Награждён орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (1907). В 1904—1905 годах занимал должность военного пристава 1-го отдела в канцелярии окружного атамана Усть-Медведицкого округа [3].

Л. И. Степанов пробовал писать заметки о пережитом. Неизвестно, были ли они в каком-либо виде опубликованы, но автор посылал их в журнал «Русское богатство» и получил одобрительный отзыв и рекомендации В. Г. Короленко. Об этом он писал Ф. Д. Крюкову: «Со своими записками я более никуда не совался, но мне кажется, что они ... не так уж плохи... Ведь сам Короленко не нашёл их совсем плохими, и после его указаний я их немного переделал» [4, с. 96].

Переписка с депутатом Государственной думы Ф. Д. Крюковым началась по инициативе Л. И. Степанова, который почувствовал в нём человека, близкого своим убеждениям. В письме от 5 июля 1906 года, которое хранится в рукописном фонде Российской государственной библиотеки, Л. И. Степанов излагает Ф. Д. Крюкову свою программу: «Добивайтесь всеми силами самого широкого самоуправления на Дону, с выборными чинами на всех ступенях управления... Вы знаете сами, что казак ещё дорожит и должен дорожить своим казачьим званием, а потому равнять их со всеми будет ошибочно... Я думаю, что когда у нас будет широкое самоуправление, то можно будет снова возродить наш Дон, погибающий от темноты, невежества и произвола подлых и жадных правителей... Если Вы пожелаете и дадите свой частный адрес, я охотно писал бы Вам и помогал, чем могу для пользы возрождения родного края. Я думаю, что правительство только тогда пойдет на уступки, когда увидит пробуждение казаков, а этого можно достигнуть только широкой связью лучших депутатов Донского войска с казаками — поездками по Дону и широкой перепиской...» [4, с. 96].

В сентябре 1906 года Л. И. Степанов был представлен окружным атаманом Усть-Медве-

Светлана Павловна Чибисова, историк, заведующая отделом «Атаманский дворец» Новочеркасского музея истории донского казачества

дицкого округа генералом И. З. Широковым [5] на должность старшего адъютанта своей канцелярии, но утверждения этого назначения донским войсковым атаманом князем Н. Н. Одоевским-Масловым [6] не последовало. Из-за своей «политической неблагонадёжности» подъясаул Л. И. Степанов был отправлен подальше от родных пределов — на западную границу, в один из первоочередных полков, а именно 4-й Донской казачий графа Платова полк [7]. Перед отъездом к месту вынужденной службы Леонид Иванович написал публикуемое письмо Фёдору Дмитриевичу Крюкову, которого он уважал как истинного выразителя народных чаяний. В это время сам Крюков жил в станице Глазуновской, ожидая наказания за участие в подписании Выборгского воззвания. Писатель активно встречался с земляками, разъясняя свою позицию. 20 августа 1906 года он выступил на митинге казаков в станице Усть-Медведицкой, за что был

вызван 27 сентября на разбирательство к мировому судье.

В скором времени Л. И. Степанов вышел в отставку в чине есаула, поселившись с женой в юрте Нижне-Чирской станицы, где ещё весной 1906 года приобрёл великолепную, хотя и запущенную усадьбу. 11 января 1907 года у него родился сын Владимир. А 16 февраля 1909 года Л. И. Степанов вновь был зачислен в комплект полков и ушёл на военную службу» [4, с. 95].

Дальнейшую судьбу Л. И. Степанова в подробностях проследить пока не удалось, но конец его жизни был героическим. Есаул Л. И. Степанов в 1915 году погиб в бою на Галицийском фронте, командуя казачьей сотней, «при наступлении его спешенной сотни на неприятеля» [8], и был посмертно удостоен ордена св. Георгия 4-й степени [9]. Портрет героя был помещён в приложении к газете «Донские областные ведомости» (№ 12 от 20 марта 1916 года).

ПИСЬМО Л. И. СТЕПАНОВА Ф. Д. КРЮКОВУ¹

«Уважаемый Фёдор Дмитриевич!

Я хотел Вам написать и послать с атаманом, но моё положение было неопределённо тогда. Окр. Ат. ген. Широков представил меня на должность старшего адъютанта У-М. Окр., но наказной атаман не утвердил этого представления и приказал командировать меня в 4-й Дон. каз. п.

18-го сентября ген. Широков посылал телеграмму в 48 слов об оставлении меня здесь, но до сих пор не получил ответа и завтра я уезжаю в полк. Причина сему — моя «политическая неблагонадёжность».

От ген. Абрамова [10], бывшего на семейном обеде у наказного атамана, я дословно знаю весь разговор относительно меня и подъясаула Миронова [11]. Княгиня [12] особенно настаивала на моём удалении из пределов Войска и только благодаря блестящей аттестации, данной мне ген. Абрамовым (он был в Манчжурии) меня не высылают, а благородно командируют в полк. Ф. К. Миронов у ея сиятельства известен, как раскаявшийся грешник, а посему меня они считают более вредным. Весьма сожалею, что мне так и не пришлось видиться и поговорить с Вами.

Ген. Широков знает о моём знакомстве с Вами и мои убеждения; последние ещё по моим письмам из Манчжурии. Желает ли он иметь меня при себе как дельного офицера или как пособ-

ника в успешном искоренении «крамолы», но он просил писать ему из полка и дал слово, что при личном свидании с Нак. Ат. он постарается возвратить меня на Дон для службы в У-М. Окр.

В общем же я не намерен служить в полках и если удастся, то постараюсь выйти по Войску и думаю заняться садоводством.

Для сей цели казаки х. Терновского [13] дали мне целых 6 десятин прекрасной земли на берегу речки Арчеды, не в пример прочим, а из особого расположения.

Я отблагодарил их пожертвованием на школы и при помощи ген. Широкова думаю добиться открытия двухклассной школы для мальчиков на х. Фроловом [14].

Многого не могу писать, но свидетельствую о пробуждении казаков и о их крайнем смирении. Думаю, что Ваше настроение не так бодро, как вскоре после роспуска Думы, ибо теперь кажется ясно, что тюрьмы, штыки и пулемёты сильнее желания земли и воли.

Желаю Вам всего наилучшего и прошу писать мне.

Глубоко уважающий Вас, Л. Степанов.
23 сентября 1906 г.

Адрес: г. Щучин, Ломжинской губ. 4-й Дон. каз. п.

Передайте от меня привет Глазуновским старикам».

¹ Публикуется впервые с сохранением авторского стиля и сокращений слов

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вечеслов А. Ф. Двадцать пять лет (1883 – 1908 гг.) Донского императора Александра III кадетского корпуса : крат. ист. очерк. Новочеркасск : Част. дон. тип., 1908. С. 176.

2. Список есаулам гвардейских и армейских казачьих частей по старшинству в каждом войске : сост. по 10 янв. 1914 г. СПб. : Воен. тип., 1914. С. 61.

3. Памятная книжка Области войска Донского на 1904 год. Новочеркасск, 1904. С. 61; Памятная книжка Области войска Донского на 1905 год. Новочеркасск, 1905. С. 64.

4. Цит. по: Мезенцев М. Т. Судьба романов. Самара : Р.С.ПРЕСС, 1994. С. 96.

5. Широков Иван Захарович (1847 – 1928), из дворян Области Войска Донского, казак станицы Усть-Медведицкой. Получил домашнее образование. На службе с 1863 года (в 1901-м – полковник, командир 3-го Донского казачьего полка № 3; в 1902 – 1905-м – окружной атаман Хопёрского округа, член Хопёрского окружного попечительного о тюрьме отделения и окружного училищного Совета; в 1906 – 1908-м – генерал-майор, окружной атаман Усть-Медведицкого округа, член окружного училищного совета. С конца 1908 года – командир 2-й бригады 7-й кавдивизии. Генерал-лейтенант в отставке. В эмиграции в Югославии. Умер 23 марта 1928 г. в Загребе, могила на кладбище Мирогой не сохранилась.

6. Одоевский-Маслов Николай Николаевич (1849 – 1919), князь, генерал-лейтенант Генерального штаба, донской войсковой наказной атаман (1905 – 1907).

7. 4-й Донской казачий графа Платова полк дислоцировался на территории Царства Польского в г. Щучин Ломжинской губернии.

8. Донские областные ведомости. 1916. 20 марта (№ 12). С. 2.

9. РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 913. Л. 100. Георгиевский крест 4 степени, № 79050 [1915 – 1917].

10. Абрамов Фёдор Фёдорович 1-й (1848 – 1913), казак станицы Золотовской 1-го Донского округа Области войска Донского. В службе с 1863 года казаком в 32-м донском казачьем полку, произведён в хорунжие (1867), сотник (1871), есаул (1872), войсковой старшина (1876). Военный пристав 1-го военного отдела Войска Донского. В 1894 – 1896 – полковник, окруж-

ной воинский начальник Черкасского округа и начальник Новочеркасской местной команды. В 1896 – 1902 гг. командовал 4-м Донским казачьим полком. С 6.12.1902 г. произведён за отличия по службе в генерал-майоры с назначением окружным начальником Ростовского округа. С 22.04.1904 – окружной атаман 2-го Донского округа. При мобилизации 4-й донской казачьей дивизии получил в командование 2-ю бригаду, с которой выступил в Манчжурию. Затем командовал 4-й донской дивизией. За отличия в делах против японцев награждён орденами: св. Станислава 1 степени с мечами и св. Владимира 3 степени с мечами. В 1906 – 1910 гг. командовал 1-й бригадой 1-й донской казачьей дивизии (штаб дивизии г. Замостье, Люблинской губ.). 17.01.1910 г. произведён в генерал-лейтенанты и по болезни уволен в отставку.

11. Миронов Филипп Кузьмич (1872 – 1921), казак станицы Усть-Медведицкой, окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище (1898), подесаул, герой Русско-японской войны в составе 26-го Донского казачьего полка. За принадлежность к революционному движению в 1905 г. был отчислен из Донского войска с лишением чина подесаула «за действия, порочащие звание офицера». В 1914 г. пошёл добровольцем на фронт в составе 30-го Донского казачьего полка, восстановлен в звании, дослужился до войскового старшины, награждён Георгиевским оружием. После революции примкнул к большевикам. Во время Гражданской войны командовал крупными войсковыми формированиями Красной Армии, был награждён орденом Красного Знамени № 3 (1918). В 1920 г. вступил в РКП (б). Арестован ДонЧека, убит при невыясненных обстоятельствах 2 апреля 1921 г.

12. Одоевская-Маслова Ольга Ильинична (урождённая Фролова) (1850 – после 1916), княгиня, супруга донского атамана князя Н. Н. Одоевского-Маслова.

13. Терновский, хутор станицы Кременской Усть-Медведицкого округа Области войска Донского (ныне хутор Терновка Фроловского района Волгоградской области), расположен на реке Арчеда в 12 км восточнее Фролово.

14. Фролово, хутор станицы Кременской Усть-Медведицкого округа Области войска Донского (с 1936 город в Волгоградской области), расположен на реке Арчеда.

Публикация С. П. Чибисовой

И. А. МУРАШКИН

ФОНД ПИСАТЕЛЯ ФЁДОРА КРЮКОВА

Волгоградский благотворительный фонд «Сохранение творческого наследия писателя Ф. Д. Крюкова» (сокращённо – Фонд писателя Ф. Д. Крюкова) создан 30 августа 2017 года с целью изучения и популяризации творческого наследия писателя, поиска и публикации его произведений. Юридический адрес фонда: 403406, Волгоградская область, Кумылженский район, станица Глазуновская, ул. Кооперативная, 4.

Культурный центр-музей Ф. Д. Крюкова в Глазуновской станице. 2015 год. Фото И. А. Мурашкина

Там же, в Глазуновской, в низине у подножия холмов, в живописной пойме реки Медведицы – «нашей милой речки лазоревой», как её называл Фёдор Дмитриевич, находится и культурный центр-музей писателя, организованный Фондом. Он расположен на месте усадьбы семьи Крюковых, определённой на основании исторических документов и технических планов.

Особых трудностей с поиском места усадьбы не возникало, поскольку станица Глазуновская изначально имела правильную планировку расположения домовладений, сохраняющуюся и поныне. К тому же помогли свидетельства очевидцев и их родственников.

Подвижническая деятельность по исследованию и сохранению творческого наследия Фёдора Дмитриевича Крюкова началась гораздо раньше, примерно с 2005 года, и осуществлялась в рамках другой общественной организации – «Донские мотивы». Её инициатором был Александр Максимович Попов, в настоящее вре-

мя – президент Фонда. Пятнадцать лет назад он приобрёл земельный участок бывшей усадьбы семьи Крюковых и продолжает вкладывать собственные средства в культурный центр-музей писателя.

К сожалению, ни дом Крюковых, располагавшийся в Глазуновской возле Крестовоздвиженской церкви, ни сам храм не сохранились. Почти не сохранился и выращенный писателем фруктовый сад, который жители станицы до сих пор называют – Крюков сад.

В 1950-е годы на месте усадьбы Крюковых построили совхозную столовую, заброшенную в 90-е, а на месте храма – школу. К началу 2000-х годов столовая и все постройки, расположенные на месте бывшей усадьбы, представляли собой руины, заросшие бурьяном и кустарником, и свалку бытового мусора.

Благодаря многолетним усилиям А. М. Попова и других энтузиастов Фонда при участии станичных казаков на месте усадьбы Крюковых удалось создать культурный центр-музей, установить мемориальный камень-памятник и часовню. Здесь проходят торжественные мероприятия, связанные с датами жизни и творчества Фёдора Дмитриевича Крюкова.

Напротив культурного центра-музея, в доме, возведённом ещё при жизни Ф. Д. Крюкова, обустроена небольшая гостиница с возможностью круглогодичного проживания. В ней останавливаются приезжающие и, как правило, гости фестиваля «Белые голуби Дона».

Молодёжный фестиваль «Белые голуби Дона» Фонд писателя Фёдора Крюкова проводит в Глазуновской с 2008 года в память о православной казачьей молодёжи, защищавшей Усть-Медведицкую станицу и погибшей летом 1918 года. Их подвигу Фёдор Крюков посвятил поэму в прозе «Край родной» и рассказ «Усть-Медведицкий боевой участок». В память об этих событиях в окрестностях города Серафимович (бывшей Усть-Медведицкой) у места захоронения юных героев возле поклонного креста на горе Пирамида выпускают в небо белых голубей, символизирующих чистые души юных защитников донского края.

В фестивале участвуют как местные этнографические коллективы, так и молодёжные твор-

Игорь Александрович Мурашкин, кандидат юридических наук, профессор, вице-президент Волгоградского благотворительного фонда «Сохранение творческого наследия писателя Ф. Д. Крюкова», ст-ца Глазуновская

ческие коллективы из других городов. Постоянными гостями фестиваля «Белые голуби Дона» в течение несколько лет являются учащиеся кадетских корпусов и классов из Москвы и молодёжный театральный коллектив «Мистерия» Центра образования № 1539 города Москвы.

Выступления творческих коллективов проходят на сцене станичного Дома культуры и пользуются популярностью у жителей района. Со сцены в исполнении фольклорных ансамблей звучат старинные казачьи песни, разыгрываются сценки по мотивам произведений Ф. Д. Крюкова. В 2019 году «Мистерия» осуществила театральную постановку по его рассказу «Спектакль».

Надо заметить, что произведения Ф. Д. Крюкова дают большой простор для театрального творчества и представляют собой уникальный пласт культуры, не затронутый ни кинематографом, ни театром.

Фёдор Дмитриевич Крюков был не только замечательным писателем, но и прекрасным педагогом, пользовавшимся авторитетом и уважением среди учащихся. Поэтому Фонд вместе с администрацией Глазуновской средней школы принял решение о создании на территории Крюкова сада Аллеи памяти учителей и выпускников прошлых лет, участников Великой Отечественной войны. Осенью 2019 года здесь построили сценическую площадку и разбили сквер памяти учителей и учеников военных лет.

Фонд тесно сотрудничает с организациями и частными лицами, проявившими заинтересованность в популяризации имени писателя.

Совместно с дирекцией природного парка «Усть-Медведицкий» разрабатываются водные и сухопутные литературно-краеведческие туристические маршруты по местам, связанным с именем Ф. Д. Крюкова на территории Волгоградской и Ростовской областей, включающие посещение культурного центра станицы Глазуновской.

Предлагаются пока два варианта маршрутов: сухопутный экскурсионно-краеведческий по городу Серафимович – «Литературные тропы писателя-земляка Ф. Крюкова» и экскурсионно-краеведческий сплав на байдарках «Путешествуем с писателем-земляком по Медведице». Маршрут проходит по живописным местам Медведицы и Дона, описанных в произведениях Крюкова. Выявление экскурсионных объектов и сбор информации о них продолжается. При участии Фонда разработаны рекламные буклеты.

8 октября 2020 года в городе Серафимович на доме по улице Октябрьская, 103 (бывшая Вос-

кресенская), где долгое время жил Фёдор Дмитриевич, состоялось торжественное открытие мемориальной доски.

Фонд обеспечивает регулярную публикацию материалов о жизни и творчестве Ф. Д. Крюкова в областной газете «Казачий Круг», районных газетах Волгоградской и Ростовской областей.

Представитель Фонда принял участие в Чте-

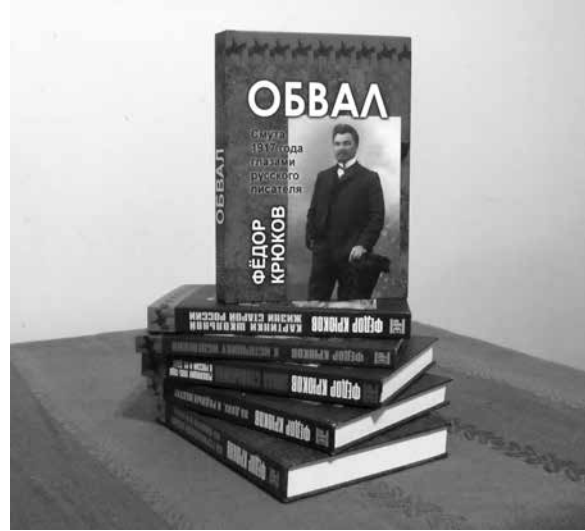

Фото И. А. Мурашкина

ниях, посвящённых 150-летию со дня рождения писателя, проходивших в Санкт-Петербурге в Институте русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Открывший чтения академик РАН А. В. Лавров сообщил, что в последние годы появилось несколько изданий избранной прозы Ф. Д. Крюкова. Он же отметил, что «... для того, чтобы лучше знать и понимать этого писателя, ... необходима в первую очередь подготовка достаточно полного и квалифицированно подготовленного многотомного издания его сочинений» [1].

Присоединяясь к мнению авторитетного специалиста, отметим, что такая работа уже идёт. К 150-летию юбилею Ф. Д. Крюкова при участии Фонда издательством АИРО-XXI выпущено неполное собрание сочинений в шести томах, в виде тематических сборников [2]¹.

Один комплект передан в дар ИРЛИ РАН в знак благодарности за бережное и внимательное отношение к памяти славного сына донской земли Фёдора Дмитриевича Крюкова.

Долгое время А. М. Поповым и Фондом проводились мероприятия по поиску и обозначению места захоронения писателя, которое, по имеющимся сведениям, находится в хуторе Не-

¹ 1. Подготовлены к печати ещё два тома сочинений Ф. Д. Крюкова – «Старое поле. В начале пути» и «Накануне. В час предвечерний»

займановском Тимашёвского района Краснодарского края.

В 2019 году, в преддверии 150-летнего юбилея Ф. Д. Крюкова, казаки Тимашёвского района и фермеры Незаймановского поселения приняли решение установить в сквере на месте захоронения писателя памятный знак. Координацию действий взял на себя атаман Тимашёвского РКО А. В. Мелихов. Фонд оказал необходимую информационную поддержку в подготовке и проведении этих мероприятий.

Памятный знак Ф. Д. Крюкову в хуторе Незаймановском. 2020 г. Фото с сайта муниципального образования Тимашёвского района Краснодарского края

Торжественное открытие памятного знака состоялось 20 февраля 2020 года; присутствовали почётные гости — писатель В. И. Лихоносков, президент Фонда «Сохранение творческого наследия писателя Ф. Д. Крюкова» А. М. Попов, заместитель атамана Кубанского казачьего войска Александр Кравцов, заместители главы администрации Тимашёвского района А. В. Мелихов и А. Н. Стешенко, представители казачества, жители хутора и учащиеся школы № 9. На родину писателя была передана горсть земли с места захоронения. Гости и хуторяне возложили цветы к памятному знаку.

В библиотеку Незаймановского сельского поселения Президент Фонда А. М. Попов пе-

редал юбилейное издание сочинений писателя. Еще десять комплектов собрания сочинений Ф. Д. Крюкова Фонд безвозмездно передал для казачьих кадетских и других учебных заведений Незаймановского сельского поселения и города Тимашёвска.

Торжественные мероприятия, посвящённые 150-летию со дня рождения Ф. Д. Крюкова прошли в литературном музее города Орла, в котором писатель свыше десяти лет преподавал в мужской гимназии.

Юбилейные Крюковские чтения состоялись в Ростовской области: в Константиновске, Семикаракорске и Ростове-на-Дону.

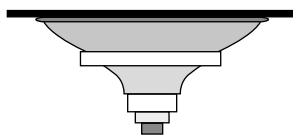
Деятельность Фонда в настоящее время направлена не только на возвращение писателя Ф. Д. Крюкова в культурное пространство современной России, но и на создание привлекательного объекта внутреннего туризма на территории Волгоградской области. Формирующийся островок культуры и истории донской земли в станице Глазуновской Кумылженского района Волгоградской области со временем вполне может стать одним из интересных туристических объектов области.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Лавров А. В. Открытие чтений в честь 150-летия Фёдора Крюкова. Пушкинский Дом. 14 февраля 2020 : // Несториана/ nestoriana : древнерусские и др. новости от Андрея Чернова : [сайт]. URL: https://nestoriana.wordpress.com/2020/02/23/lavrov_150_let_krjukovu/ (Дата обращения 6.03.2020).

2. Крюков Ф. Д. [Собр. соч. в 6-ти темат. сб.]. М. : АИРО-XXI, 2020.

3. На Дону. В родных местах. 384 с.; Картинки школьной жизни старой России. К источнику исцеления. Православный мир старой России глазами русского писателя. 432 с.; Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Предисл. и сост. А. Г. Макарова. 368 с.; На Германской войне. На фронте и в тылу. 336 с.; Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910 — 1914 гг. 416 с.; Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. 1917 — 1919. 352 с.

ШЕСТЬЕ КОРШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти Юга России

Ростов-на-Дону — Таганрог, 17–18 сентября 2020 г.¹

В. А. МИНОРАНСКИЙ

ГОРОД, ПЕРЕЖИВШИЙ ВОЙНУ

Вместо предисловия

Всё меньше остаётся людей, живших во времена Второй Отечественной войны. Сегодня уже редко встретишь ветеранов с боевыми орденами и медалями.

Когда я смотрю некоторые современные художественные фильмы о военном Ростове, Одессе, Сталинграде, вижу, что многие события гипертрофируются, приобретают выдуманные политические и прочие оттенки.

С интересом читаю военную литературу, слушаю ветеранов, смотрю правдивые фильмы. К таковым отношу и снятый по повести Мустая Карима «Радость нашего дома» фильм «Сестрёнка» режиссёра Александра Галибина, отражающий жизнь детей и матерей во время войны. Премьера состоялась 19 сентября 2019 года, а на телевидении «Сестрёнку» показали в апреле 2020-го. Я смотрел и вспоминал события, эпизоды, факты своего детства, своего города...

Мне не пришлось участвовать в военных действиях (в 1941-м году мне всего лишь исполнилось четыре года). Я воспринимал происходящие события довольно спокойно, ведь иной жизни не знал. Все трудности, связанные с войной, переживания, эмоции испытала мама, основной заботой которой было сохранить сына и семью.

Детская память свежа и остра, и о некоторых событиях, которые она хранит, я хочу рассказать.

Время мирного труда

Мой отец Аркадий Михайлович, будучи с двумя братьями и сестрой сиротой, зарабатывал на жизнь, меняя места работы. По окончании школы он приобрёл профессию экономиста.

Работал в Управлении заготовок объединения «Крайживсырьё» и в других структурах Ростова. Читая его трудовую книжку, обращаю внимание на серьёзную военную подготовку и переподготовку, что было характерным в довоенные годы для гражданских специалистов.

С 22 октября 1928 года по 23 августа 1929-го отец — курсант 132-го Донецкого полка в Житомире, потом до 23 ноября 1929-го — командир стрелкового взвода 131-го Багунского полка (там же).

Семья Миноранских. Май 1941 г.
Фото из семейного архива автора

С 15 июня по 5 июля 1930-го — операция в Закавказье; с 1 мая по 5 июня 1931-го — сборы в Каменских лагерях Северо-Кавказского военного округа (Каменск-Шахтинский), с 13 августа по 2 октября 1936-го — сборы переподготовки курсов усовершенствования командного состава (КУКС СКВО) в Новороссийске; с 1 мая

¹ Статьи подготовлены по материалам сообщений на Чтениях Виктор Аркадьевич Миноранский, доктор сельскохозяйственных наук, профессор Южного федерального университета, председатель ассоциации «Живая природа степи»

по 10 сентября 1940-го — лагеря-сборы для переменного состава СКВО в Аксайских лагерях в должности командира стрелкового взвода.

Первое воспоминание об отце — поездка с мамой в Аксайские военные лагеря.

Мама, Мария Васильевна, в довоенные годы училась в медицинском институте; однако свои знания в дальнейшем использовала только в своей и соседских семьях. Замуж за отца вышла 4 августа 1933 года, в девятнадцатилетнем возрасте. До войны периодически работала в Ростоблпотребсоюзе и с 24 сентября 1940-го по 2 апреля 1941-го — экономистом Управления заготовок. В послевоенные годы несколько раз (с 3 марта 1946-го по 1 февраля 1947-го, с 2 февраля по 25 июля 1959-го, с 3 декабря 1968-го по 3 ноября 1969-го) трудилась экономистом в Управлении статистики Ростовской области. После моего появления на свет 1 февраля 1938 года полностью посвятила себя сыну.

До войны мы жили на углу переулка Подбельского (Соборного) и улицы Малюгиной (5-я улица) в доме, построенном дедушкой, работавшим мастером на заводе «Смычка». В 20-30-е годы здесь была городская окраина с холерной больницей (современная ЦГБ) и Братским кладбищем, на котором хоронили жертв эпидемии холеры и иных болезней. Рядом с нами располагались ликёро-водочный завод и НИИ гигиены и эпидемиологии. В частных домах с большими по нынешним временам участками жили работники этих предприятий.

Военные дороги отца

Война для нас, как и для многих ростовчан, началась с 27 июня 1941 года, когда мы с мамой проводили отца в военкомат. Помню большое количество скопившихся родителей, матерей и детей, плач и объятия женщин, оптимизм успокаивающих их призывников.

Отца мобилизовали в качестве командира взвода мотострелкового полка НКВД.

С 1 сентября по 15 декабря он служил помощником начальника штаба 12-го учебного полка НКВД в Свердловске.

Потом были стрелковый полк Волховского фронта в Тихвине (с 15 декабря 1941-го по 10 июня 1942-го), академия имени К. Е. Ворошилова (слушатель химического факультета), химбатальон Сталинградского фронта (с 15 сентября по 1 ноября 1942-го), ранение и Московская дивизия особого назначения, Ленинградский (с 28 января по 27 мая 1944-го) и Центральный (с 27 мая по 20 июня 1944-го) фронты, опять ране-

ние. В 1944 году отец вернулся в Ростов, где до 1962-го, будучи инвалидом (потерял в боях слух и жил со слуховым аппаратом), работал в управлении МВД.

А. М. Миноранский. 29 июля 1943 г.

В периоды, когда Ростов не был оккупирован, отец, где бы он ни находился, часто присылал нам тёплые, с заботливым, оптимистическим содержанием письма (в конвертах и в виде треугольников). Иногда обращался к маме и ко мне персонально.

Перед вторым захватом фашистами города отец сообщал, куда пойти и с кем связаться для получения помощи при эвакуации, а к кому-то и сам обращался с этой просьбой. Его особенно беспокоили наше здоровье и материальное состояние.

21.08.43 г. «Здравствуйте дорогие дети! Жив, по-прежнему, о Вас вспоминаю, о старом милом гнёздышке, об уюте нашем, о тепле, о Вас. Время идёт и мы все стареем не по дням, а по часам. 10 лет — ровно десять, а как всё пролетело, как будто бы было только что, недавно — вчера. На твои рассуждения о прошедшем я только могу ответить взаимностью, и вполне разделяю твоё мнение о прошедшем времени. Как мы всё же мало ценим себя в лучшее время для нас. Целую Вас крепко. Аркадий» (фотография красивой девочки).

Вместе с письмами папа посылал открытки с репродукциями картин из ленинградских музеев, нередко патриотически-любовные стихи разных поэтов. Мне предназначались обычно виды детей, пейзажей, кораблей.

7.12.43. Здравствуй дорогой Витик! Когда я был, ты просил нарисовать пароход! Так вот

я тебе посылаю готовый и самый настоящий только что он гудеть не может. Целую. Ваш Аркадий. (фотография: Броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков»; Всеволожский 1905).

О трудностях на фронте, о боях, об отступлениях и наступлениях наших отец умалчивал, разве что по отдельным намёкам можно было об этом догадаться. Когда отец впервые в 1944-м постучал в нашу калитку, я его не узнал и не пустил, заставив ждать прихода мамы.

Фронтвики обычно не любили вспоминать о войне, о её ужасах. Вероятно, они стремились о них забыть и переключиться на новую жизнь. Лишь иногда я слышал об отдельных событиях и фактах, о которых отец говорил маме. Вспоминал блокадный Ленинград, его мужественных жителей, их патриотизм, интеллигентность, доброжелательность и — гибель от истощения, бомбёжек и снарядов, единые для мужчин и женщин бани раз в неделю, многое другое, что сегодня трудно представить. Замёрзший Ленинград 1941 года и трупы жителей, сражения на руинах Сталинграда, первые залпы катюш под Оршей и Москвой, другие события иногда упоминались в разговорах... А мы, мальчишки, особо этим не интересовались — жили своими заботами, трудности преодолевали самостоятельно или с помощью родителей, прежде всего матерей. В то же время дети — прежде всего мальчишки — участвовали в военных играх, подражали фронтвикам.

В начале войны

После мобилизации в армию на нашей улице, как и на других, остались старики, женщины и дети. Лозунг «Всё для фронта, всё для победы» относился ко всему населению во всех сферах деятельности.

В октябре 1941-го началось форсированное строительство тыловых оборонительных рубежей, которыми занималось гражданское население, работавшее и днём и ночью. Оно продолжилось весной и летом 1942-го. Оборонительные линии сооружались по окраинам Ростова, однако большие работы непрерывно велись и на центральных улицах, и всё это несмотря на капризы погоды, бомбёжки, недостаток инструментов. Рядом с нашим домом переулок Подбельского перегородили двойными кирпичными стенами, поставили противотанковые ежи, бетонные плиты, а около завода «Смычка» — зенитные орудия. В других местах города копали рвы, маскировали здания. Люди были голодными, уставшими, злыми на фашистов...

В ноябре, перед первым захватом немцами Ростова, мама увезла меня в станицу Крыловскую на Кубани. Вспоминается массовая эвакуация по дорогам населения на юг, поездки на открытых товарных платформах поездов, приютившая нас радушная кубанская казачка. Яркие впечатления остались от казачьей части, стоявшей в парке. Кавалеристы катали ребят на лошадях, подкармливали, доброжелательно шутили, вспоминая свои семьи, детей, любимых девушек.

Перед вторым захватом немцами города (июль 1942-го) улицы и переправы через Дон заполнились отступающими войсками, беженцами с телегами, самодельными тачками и колясками. Гремели бомбёжки, горели дома и кварталы. Мы не успели уехать.

С мамой и другими горожанами я видел на проспекте Будёновском колонны голодных, измученных пленных красноармейцев. Город обстреливали орудия всех калибров. Особенно бомбили вокзал, мост через Дон, заводы и фабрики, крупные здания на Садовой, Ворошиловском и Будёновском.

Иногда по несколько суток мы с мамой проводили в погребе, слушая звуки самолётов, разрывавшихся бомб, канонаду.

Ночью, когда мама иногда выходила из погреба, я видел лучи прожекторов, языки пламени на зданиях, светлое небо от горящего спирта на ликёроводочном заводе.

Помню взрывы эшелонов с боеприпасами, стоявших на путях в Рабочем городке и на станции Ростов-Товарный. Часами ночное небо озарялось фейерверками бомб и снарядов. Один из осколков упал на крышку погреба и сильно её прогнул, появилась трещина в расположенном рядом колодце.

Несколько раз бомбы падали рядом с домом, одна из них попала в булыжную мостовую в переулке Подбельского и выбила стёкла. Другая бомба угодила в земляную дорогу улицы Малюгиной, образовав огромную воронку, а мы вместе с домом и его подвалом подпрыгнули.

Оккупация

Невозможно описать жизнь оставшихся в оккупированном городе стариков, женщин, детей. Ранее существовавшие порядки, нормы общественной жизни были разрушены, оккупационные не приживались. Деньги, работа и многое другое для населения отсутствовали. Захватчики смотрели на ростовчан как на обслуживающий персонал. В нашем доме останав-

ливались немецкие солдаты и офицеры, а мы с мамой ютились в подсобном помещении. Среди оккупантов были разные люди: от относительно нормальных до типичных нацистов. Время от времени я сталкивался с ними, когда самовольно забегал в дом. Запомнилось, как они ели мёд со сливочным маслом из нашего таза, смеялись, зло шутили, а я с горящими глазами и текущей слюной, стоя недалеко, вспоминал кубанских казаков в Крыловской.

В одном из наших походов с мамой по городу меня около Госбанка (ныне площадь Советов) испугал вид бородатых и усатых, в высоких чёрных шапках румын, варивших на кострах в огромных котлах еду. На обратном пути, проходя по проспекту Ворошиловскому мимо ограждённого верёвкой входа в гестапо (сейчас отдел полиции № 3 Кировского района), я выскользнул из руки мамы, поднырнул под верёвку и оказался в руках огромного гестаповца в чёрной форме. Он поднял меня за шиворот и понёс к дверям. Мама слезами вымолила у немца, чтобы меня не занесли в двери, из которых неблагоприятные для немцев люди уже не выходили.

Нередко хуже немцев вели себя полицаи и прислужники фашистов. Они старались угодить новой власти и становились более жестокими, коварными, мстительными, чем немцы. К сожалению, эта грязная пена всегда бывает в обществе, но наиболее ярко она проявляется в трудные периоды его жизни. Расцвели бандитизм, жульничество. При мне на Старом базаре жители города избили, а потом убили продавца, в холодце которого покупатель обнаружил фаланги детских пальцев.

Воровство, грабежи, насилия, убийства были обычным явлением. Одно время мы жили около ботанического сада, на последней вдоль железной дороги улице, а рядом с нами, за низкий дырявым частоколом, стоял дом, в котором без родителей жили брат и сестра четырнадцати-шестнадцати лет. У них собиралась банда Колесникова, известная всему району своей жестокостью. Грабежи обычно заканчивались смертями и инвалидностью, причём банда была людей утюгами, топорами и другими попавшими под руку предметами. Мама этих нелюдей знала, как и они её, поэтому нас не трогали. Лишь иногда по вечерам во время пьянок некоторые перепившие заходили к нам во двор и пытались заговорить. Так как мы жили вдвоём, маме приходилось всё время быть готовой к приходу непрошенных гостей.

Конец банды, как и ряда других, был закономерен. После освобождения Ростова её аре-

стывали и в 1945-м более пятнадцати человек расстреляли. Уцелели только принимавшие их наши соседи — сестра, оставшаяся в этом доме, и брат, которого посадили на длительный срок. Вернувшись из мест заключения, брат уехал в город Шахты, стал передовым шахтёром.

Трагично жители переживали отправку девиц в Германию. На нашей улице таких было более десятка. Часть их погибла, некоторые после освобождения вышли замуж и остались в Европе, другие вернулись в Ростов, но злключения в Германии отложили отпечаток на их дальнейшую жизнь. Наша соседка, стройная, красивая, окончившая школу с золотой медалью, вернулась в 45-м с повреждённой психикой. Через несколько лет она стала буйно-помешанной пациенткой психиатрической больницы.

Были в городе оставленные нашей властью подпольщики, не успевшие отступить красноармейцы и мирные жители. Боролись с фашистами партизанские отряды и группы сопротивления. Много неприятностей немцам доставляли мальчишки старшего возраста.

Был расстрелян брат отца Евгений Михайлович, который не смог эвакуироваться и жил за железнодорожным вокзалом. До войны он работал в тресте ресторанов города, а во время эвакуации попал в окружение и вынужден был вернуться в Ростов. Изредка проводывал нас, приносил еду. После его длительного отсутствия мама со мной пошла к нему домой, в район близ современного Лендворца. Соседи и рассказали нам, что после очередного ночного рейда партизан, скрывавшихся в донской пойме около станицы Гниловской, немцы утром выгнали из домов всех мужчин (включая несовершеннолетних ребят) и расстреляли на железнодорожных путях. Мы с мамой видели эту груды тел, в которой наш родственник находился сверху. Убирать трупы не разрешалось.

Денег и продуктовых запасов у населения не было. В период оккупации и после освобождения города процветали рынки и толкучки, натуральный обмен. Самой дешёвой и доступной была рыба (осетровые, сазан, лещ, тарань, сельдь и другая), но не было хлеба, сахара, масла. Нередко женщины на открытых платформах, подножках, крышах вагонов, на другом транспорте добивались до различных селений области и Кубани, чтобы обменять свои вещи на продовольствие. Несколько раз и я участвовал в таких поездках с мамой. На этих же поездках ездили и «лихие» люди, грабившие, избивавшие и сбрасывавшие на ходу неудобных им пассажиров. Однажды в какой-то кубанской станице прода-

вещ, увидев на руке мамы обручальное кольцо, предложил поменять его на мешок муки. Мама отказалась. До сих пор у меня лежит это кольцо.

Война и связанные с ней трудности породили дружность, доброжелательность, взаимопомощь у коренных ростовчан. Оставшиеся молодые женщины с детьми, редкие старики минимум в радиусе квартала знали друг друга, ежедневно общались и жили одной большой семьёй. При возможности они делились между собой продуктами, лечебными средствами (многие, и особенно дети, болели), инструментами, другими необходимыми вещами. Бескорыстно помогали в присмотре за соседскими детьми, в их воспитании, в ремонте предметов обихода и строений.

Важными источниками пищи были дворы с плодовыми деревьями и кустарниками. Они росли и перед домами на улице. Здесь же женщины пытались выращивать картошку, овощи, лекарственные культуры, а курящие — табак. Мама где-то приобрела козу, которая снабжала меня молоком, а если что-то оставалось, передавала соседским детям. А нашим колодезем с пресной водой, вырытом дедушкой в довоенные годы, пользовались все соседи.

Теперешнее поколение не знает таких колодезей. Они представляли из себя обложенную кирпичом и забетонированную цистерну, к которой с железной крыши домов была подведена труба; во время дождей в неё собиралась вода.

О событиях на фронтах узнавали по «сарафанному радио», друг от друга, по письмам воевавших отцов, мужей и других родственников. Когда выгнали фашистов, каждый день женщины с волнением ждали почтальона и эти треугольнички, и боялись плохих вестей. Весточки строго контролировались военной цензурой, были политически «обтекаемыми», но они были родными. Их содержание обычно становилось доступным большому числу соседей. Радовались, если даже они приходили из госпиталей, куда периодически попадало большинство воевавших. А трагические известия переживались также всеми соседями. Это помогало выживать.

После освобождения

Город представлял страшное зрелище. Почти все многоэтажные и многие одноэтажные здания были разрушены, от железнодорожного вокзала и многих предприятий остались руины. На улицах, покрытых обломками зданий и мусором, лежала брошенная военная и гражданская техника (часть танков, броневых машин, зени-

ток, миномётов, пушек врагов свезли на аллею северной стороны городского сада имени Максима Горького, где проходила их выставка). На месте нахождения современного Донского государственного технического университета и его Студенческого парка росла большая роща, где после ухода воинских частей осталось значительное количество разбросанного оружия, патронов, снарядов. Мы с отцом приходили сюда за дровами, которые увозили на самодельной тачке. К сожалению, это место привлекало и всех мальчишек. Трудно сказать, сколько моих ровесников погибло или получило увечья от этих «игрушек» войны. Мой школьный сосед по столу (парт ещё не было) потерял от взрыва запала пальцы на руке. Мальчишки и в это время оставались беспокойными детьми.

Однажды, купаясь в бомбовой воронке на пустыре, я порезал стеклом колено, что заставило маму три недели носить меня на руках для лечения и перевязки в военный госпиталь в четырёх кварталах от нашего дома.

Когда мы жили около ботанического сада, очень любили встречать и провожать воинские поезда. Особенно радовались вместе с матерями и соседями эшелонам с военными, которые возвращались с войны. Мальчишки не понимали, почему после победы над Германией эшелоны с военными и техникой пошли по дорогам в обратную сторону. О войне с Японией мы имели слабые представления.

На улицах то и дело встречалось большое количество мужчин, вернувшихся и командированных, в военной форме с орденами и медалями — обычно подтянутых, бравых, энергичных. Много было инвалидов с костылями, в колясках... Мы, дети, ходили в перешитой матерями одежде взрослых, гордились передаваемыми нам отцами сапогами и военными сумками. Появлялись доступные для населения товары. За хлебом меня посылали в пять утра в ларёк при хлебозаводе (на улице Социалистической, напротив Госбанка), где приходилось отстаивать длинную очередь и получать его по карточкам. Сложности у населения были с жильём, деньгами...

Отцу в 1945 году в переулке Ткачёвском (ныне Университетский) в большом дворе с четырьмя хозяевами на месте разрушенного сарая выделили участок, помогли со строительным материалом. Он построил квартиру (по нынешним временам сарай), где мы и жили многие годы. Повсюду было много нищих и беспризорных детей, одетых в чём бог послал, просящих хлеб и другую еду. Они воровали хлеб, пирожки, кон-

феты. На Старом базаре, вокзале, улицах было много цыган, живших таборами за Доном.

Возрождение города

Жизнь была трудная, но созидательная, перспективная, интересная. Власти вместе с женщинами, инвалидами, а позднее фронтовиками налаживали в городе порядок. Появились распоряжения, заставлявшие всех ростовчан, включая вернувшихся из немецкого рабства и лагерей, в течение короткого срока (семь-десять дней) устраиваться на любую работу. В возрождении города участвовали и пленные немцы — в основном, они занимались разборкой руин, строительством, восстановлением производства. Последние гестаповцы и высшие чины из них уехали в Германию в 1955 году; и я наблюдал их отъезд около тюрьмы в Новочеркасске (я поступал тогда в Новочеркасский зооветеринарный институт).

В три часа ночи всех построили во внутреннем дворе. Они были одеты в военную форму, каждый имел небольшой чемоданчик. Всех посадили в специальный поезд, который без остановок довёз их до Германии.

У большинства ростовчан в те годы сложились хорошие представления о первом секретаре Ростовского обкома и горкома партии Николае Семёновиче Патоличеве, работавшем у нас в 1947—1950 годах. Телевидения в то время не было, и Патоличева мало кто знал в лицо. Две его дочери учились в женской школе № 7 в переулке Ткачёвском (ныне Университетский), в здании бывшей школы сейчас Дворец бракосочетания.

В одном классе с ними учились несколько девочек с нашей улицы и мы, мальчишки, нередко бегали к этой школе, где заглядывали в окна, встречали и провожали домой девчат.

Так как Патоличев жил недалеко — в обкомовском доме (здание современной поликлиники № 10), мы нередко провожали домой сначала его девочек, а затем своих.

Дочки Николая Семёновича в поведении, разговорах, общении ничем не отличались от остальных — разве что повышенной аккуратностью. Отца в разговорах не упоминали.

О его поведении, справедливости, заботе о ростовчанах в городе жители говорили часто.

Население этого района покупало продукты в «милицейском» магазине (история названия мне неизвестна), который располагался по этой же стороне улицы Энгельса (ныне Большая Садовая), перед Ткачёвским. В какой-то период времени в магазине исчезла обёрточная бума-

га и покупатели должны были о ней заботиться сами. Об этом стало известно Николаю Семёновичу, и он вечером зашёл в этот магазин, купил гречневую крупу. Продавец сообщил: бумаги нет. Патоличев снял шляпу и посоветовалсыпать крупу в эту шляпу, что продавец и сделал. На следующий день в магазине полностью сменился состав продавцов. Уволили и директора — отца моего друга Юры (фамилию запомнил). Подобная ситуация случилась и на обувной фабрике имени Микояна, где на улице перед главной проходной образовалась большая яма, заполнявшаяся во время дождя водой. Узнал об этом и Патоличев, и после совещания в обкоме предложил директору подвезти его к фабрике. Подъехав к проходной, машина остановилась посредине большой лужи. На вопрос директора: «Как же я смогу перейти через лужу?» — последовал ответ: «Так же, как сотни рабочих переходят каждый день». Через несколько дней лужа исчезла.

Ростовчане жалели о переводе Патоличева в 1950 году сначала первым секретарём ЦК компартии Белоруссии, а позднее — замминистра иностранных дел СССР.

Со временем восстановили железную дорогу и вокзалы, больницы, обувную фабрику; вернулись из эвакуации заводы «Сельмаш» и «Красный Аксай», наладил выпуск военного оборудования завод «Эмальпосуда» на улице Красноармейской, стал ходить общественный транспорт. На улице Энгельса можно было увидеть запряжённые лошадьми телеги и повозки, велосипеды, мотоциклы, автобусы, троллейбусы, легковые и грузовые, гражданские и военные, отечественные и зарубежные машины.

За короткий срок наладилось и школьное образование. В 1945 году я пошел в первый класс. Школой служил частный дом, в зале стоял большой стол с сидящими за ним пятью учениками и учительницей. После нового года меня перевели в школу № 2 на углу улицы Петровской и переулка Журавлёва, там я учился до седьмого класса, потом была школа № 3 на улице Энгельса, около переулков Журавлёва и Крепостного, а закончил обучение в новой, только что построенной мужской школе № 80. В первые годы учились в три смены, в классе числилось чуть больше сорока учеников, были проблемы с учебниками, тетрадами, ручками, одеждой...

Заработали средние и высшие учебные заведения. Об этом я знаю из рассказов очевидцев, участников этих событий, моих учителей.

В Ростовский университет на 2-й курс биофака (кафедра позвоночных) я перевёлся из Но-

вочеркасского зооветеринарного, проучившись там два с половиной года. Закончив университет и аспирантуру (1961 – 1964) у Николая Николаевича Архангельского [1], стал преподавать в университете. Летом возил своих студентов на практику в учебно-опытное хозяйство РГУ в хуторе Недвиговка, где неизменно встречался с С. Е. Белозёровым [2]. На рыбалке, долгими летними вечерами Семён Ефимович, бывший директор нашего университета (1938 – 1954-е годы) летом жил в комнатке при университетском хозяйстве. Встречались на рыбалке, коротали длинные летние вечера. От него я узнал многое.

Ростовский университет перед захватом Ростова был эвакуирован сначала в Махачкалу, затем в Киргизский город Ош. Ещё 11 октября 1943 года вышло постановление бюро Ростовского обкома ВКП (б) о возобновлении работы университета в Ростове-на-Дону, и руководство подготовительными работами возложили на доцента Фаину Николаевну Кучерову [3, с. 341]. Вышел приказ Наркомпроса РСФСР от 20 декабря 1943 года: подготовить реэвакуацию университета, восстановить в городе филиал РГУ и начать занятия со студентами с 1 января 1944 г. [3, с. 342].

Кучерова, коммунистка ленинского призыва, участница культурной революции на Северном Кавказе, окончила Институт Красной профессуры. После аспирантуры в Москве у профессора Д. П. Филатова вернулась в Ростов и организовала в университете лабораторию эмбриологии и гистологии. В 1941 – 1942 годах совместно с ректоратом руководила эвакуацией университета. Сразу после освобождения Ростова по поручению Ростовского обкома ВКП (б) восстанавливала РГУ, а с ноября по декабрь 1943-го исполняла обязанности ректора. Во время моей учёбы и работы в РГУ студенты уважали Фаину Николаевну как хорошего преподавателя и специалиста, честного принципиального человека. Из Оша сотрудники университета возвратились в Ростов 16 мая 1944 года. Осенью начались занятия, но проводились они главным образом в общежитии.

О трудностях с восстановлением высшего образования можно судить по следующим фактам. Были разрушены почти все здания шести ростовских вузов. От научной библиотеки РГУ (ныне здание универмага на углу Будённого и Большой Садовой) остался только остов, физмат превратился в руины, в химфак попал снаряд, в главный корпус – бомба, разрушившая пятый этаж, его окна заложили кирпичом и забили досками. Отопительная и канализаци-

онная системы не работали, хозяйственное и научно-учебное оборудование почти полностью исчезло. По актам Государственной комиссии общий ущерб, нанесённый университету, составлял свыше 25 миллионов рублей в тех ценах [4].

Подобная ситуация была в Ростовском медицинском институте и других вузах.

Профессор Николай Николаевич Архангельский, мой научный руководитель, активно участвовавший в восстановлении учебной и научной работы вузов города, рассказывал о таком случае. Перед вступительными экзаменами в мединститут уполномоченный по восстановлению института профессор Константин Александрович Лавров попросил будущих студентов принести из дома столы, стулья, банки, бинты, – кто что сможет, – чтобы запустить учебный процесс. За что его вызвали в обком партии и очень ругали: ведь это было похоже на взятку! Из партии не выгнали – по той простой причине, что он не был её членом. Но институт заработал и начал готовить квалифицированных медицинских работников, а в своих клиниках лечить население. Позднее Лаврова наградили орденом Ленина.

А тем временем процветали бандитизм, воровство и другие пороки Ростова-папы. Были здесь домушники, карманники и воры других профилей, спекулянты, мошенники, предатели, дезертиры...

Банда «Чёрная кошка» (о которой снят художественный фильм) действовала и в Ростове, и она была далеко не единственной. Особенно славились богатяновские бандиты. Мы жили в этом районе, знали их. Многие мальчишки стремились подражать вора в законе. Подражание заключалось в использовании воровского жаргона, некоторых «законов», в мелком воровстве (преимущественно хлеба, пирожков, конфет). Некоторые не учились и не работали, гордились попаданием в тюрьму на короткий срок.

На углу улицы Энгельса и проспекта Ворошиловского, где сейчас жилой дом (недавно тут действовал кинотеатр «Буревестник»), в послевоенные годы находился остов сгоревшего многоэтажного здания, а посередине Ворошиловского, у РИНХа (ныне РГЭУ) располагалась остановка трамвая. Жулики распустили слух о том, что в полночь по самому верхнему карнизу сгоревшего здания в белой одежде ходит привидение. С 23-х часов около этого здания весь Ворошиловский был заполнен жажущими его увидеть. Пока вся толпа смотрела вверх, жулики очищали карманы и сумки.

Продолжалось это около двух недель, пока милиция не объяснила населению смысл происходящего. Власти приняли жёсткие меры по нормализации жизни. Были введены строгие законы и организован контроль за их исполнение, увеличен штат сотрудников силовых структур, участковые милиционеры регулярно обходили всех жителей и хорошо знали каждого, периодически устраивались облавы на больших территориях. Помню участкового Морозова, который чуть ли не каждый день заходил к нам во двор, беседовал с жителями, был справедливым, предупреждал о различных событиях, помогал, люди его уважали. К сожалению, на пересечении Кировского и Станиславского его убили. Как говорила богатяновская молва, сами же воры нашли и убрали убийцу участкового.

По вечерам вся молодёжь, включая блатных, и часть взрослых, выходила гулять на улицу Энгельса, в городской сад имени Максима Горького. Случалось, милиция устраивала в городе облавы: вечером оцепляла район от Ворошиловского до Будённовского с ближайшими улицами, забирала всех горожан и на машинах доставляла в отделение, где им устраивали проверку. В то время такие меры были вынужденными. К началу 1950-х в городе навели относительный порядок. Но в 1953 году по амнистии, в связи со смертью Сталина, из лагерей и тюрем выпустили большое количество заключённых. Город опять наполнился деклассированными элементами. Однако благодаря налаженной системе правопорядка, через два-три месяца их посадили, и Ростов потерял свою бандитскую «славу».

В послевоенные годы население верило государству и властям, видело положительные результаты своей деятельности и с энтузиазмом участвовало в восстановлении города, его нор-

мальной жизни. Появлялись продукты, в 1947 году отменили карточки, ежегодно снижались цены на товары.

Вместо заключения

Яркие, красочные картинки войны делают, показывают и с интересом смотрят, как правило, люди, войну не видевшие и знакомые с ней только по боевикам. Выжившие в этом страшном времени, в большинстве своём, не прожили отведённого им биологического возраста.

Мой отец и мама подорвали своё здоровье и ушли из жизни в 64 года. А мне десятилетиями до пятидесяти лет (и позднее, но значительно реже) часто снились фашисты, жулики и связанные с ними явления, от которых я просыпался в холодном поту.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архангельский Николай Николаевич (1896—1984), советский учёный в области энтомологии и защиты растений, член-корреспондент ВАСХНИЛ. См. также: *Миноранский В. А.* Николай Николаевич Архангельский : (черки жизни и деятельности) / Рост. гос. ун-т. Ростов н/Дону, 1989. 71, [1] с.: ил.
2. Белозёров Семён Ефимович (1904—1987), советский учёный и педагог. Специалист в области истории математики. Кандидат физико-математических наук. Директор Ростовского государственного университета в 1938—1954 гг.
3. Ростовский государственный университет. 1915—1965 : Ст., воспоминания, док. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1965.
4. Белозёров С. Е. Очерки истории Ростовского университета. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1959. С. 194.

В. И. АФАНАСЕНКО

ГЕРОИ С УЛЬЯНОВСКОЙ УЛИЦЫ

Накануне Великой Отечественной войны в историческом центре Ростова, рядом с центральным рынком, на улицах Донская и Ульяновская, по соседству проживала дружная компания мальчишек и девчонок: Коля, Толик и Валентина Кизим, их приёмный брат Коля Сидоренко, по прозвищу Беленький, Игорь и Нина

Нейгоф, их приятели — Коля Петренко, Яша Загребельный, Витя и Лиля Проценко, Коля, Женя, Лиля Крамаренко, Ваня и Аня Зятевы, Нина Пилипейко. Большинство из них учились в средней школе № 35. Озорное детство разрушило вероломное нападение нацистской Германии и её союзников — Финляндии, Италии,

Владимир Иванович Афанасенко, старший научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук. Сообщение под названием: «Ребята с Ульяновской улицы (Забывтый подвиг юных героев)»

Венгрии, Словакии, Хорватии, Румынии на Советский Союз 22 июня 1941 года. Уже в ноябре донская столица стала фронтовым городом.

24 июля 1942 года на Ульяновской улице, во дворе дома № 27, произошла трагедия, обесмертившая имена пяти ростовских мальчишек. Лишь через 28 лет, в день массового расстрела, 24 июля 1970 года на стене дома появилась памятная доска с надписью: «Во дворе этого дома 24 июля 1942 года были зверски расстреляны фашистами юные патриоты — пионеры школы № 35 Коля Кизим, Игорь Нейгоф, Витя Проценко, Коля Сидоренко, Ваня Зятин за укрытие раненых советских воинов» [1]. Фамилия глухонемого мальчика Ивана Зятева была искажена.

Первой о подвиге школьников рассказала участница освобождения Ростова-на-Дону, ветеран войны Антонина Мироновна Ленкова [2]. В последующие годы на страницах газет было опубликовано ещё несколько статей [3]. В Ростовском книжном издательстве вышла документальная повесть А. М. Ленковой «Это было на Ульяновской» [4]. И затем — тишина, длительностью в 35 лет. Вспомним о них, юных героях, не отмеченных наградами, но совершивших великий подвиг самоотречения, «живот положивших за други своя».

Ростов-на-Дону — «ворота на Кавказ» — стал главной целью наступления за нефтью и продовольствием летом 1942 года. 13 июля Гитлер приказал генерал-полковнику Э. фон Клейсту вернуть корпуса его 1-й танковой армии на запад, навстречу дивизиям 17-й армии генерал-полковника Р. Руофа и встречными ударами танковых и армейских корпусов окружить и уничтожить севернее Ростова главные силы шести советских армий Южного фронта. Для этой операции генерал-фельдмаршал В. Лист выделил восемнадцать дивизий, в том числе шесть танковых и моторизованных, всего до 200 000 солдат и офицеров, 600 танков и штурмовых орудий, свыше 4000 орудий и миномётов. С воздуха поддержку обеспечивали эскадры 4-го воздушного флота генерала Вольфрама фон Рихтгофена — свыше 400 истребителей и бомбардировщиков [5, с. 128]. Общее превосходство противника над 56-й армией генерала А. И. Рыжова и гарнизоном Ростовского оборонительного района (9-я мотострелковая дивизия НКВД, 70-й и 158-й укрепленные районы), всего 117 104 чел., 1002 орудия и миномёта, 15 танков [6] составляло: в живой силе — 2:1, в артиллерии: 4:1, в танках и авиации — абсолютное [5, с. 128].

22 июля после массированной артподготовки и ударов авиации, в шесть часов утра немцы

начали штурм Ростова, действуя двумя бронированными кулаками, по 250 — 260 танков и самоходных артиллерийских установок в каждом, с северо-запада, через село Султан-Салы, на Ростов и с севера, через хутор Щепкин, на Аксайскую переправу. 8-й авиакорпус Люфтваффе генерала Фибига, совершил тысячу самолёто-вылетов, бомбо-штурмовыми ударами прокладывал дорогу колоннам танков и мотопехоты. Воины 30-й, 339-й стрелковых дивизий, 68-й, 76-й и 81-й отдельных морских стрелковых бригад проявили массовый героизм и самопожертвование, но сдержать армаду из 600 танков и тысяч грузовиков, бронетранспортёров и мотоциклов не сумели. К вечеру враг ворвался в Ростов-на-Дону.

Уличные бои в самом Ростове продолжались более двух суток — 56 часов непрерывных схваток. Командир 421-го пехотного полка 125-й Вюртембергской дивизии Альфред Рейнгардт в своём отчёте писал: «Сражение за центр Ростова велось беспощадно. Защитники его не желали сдаваться в плен, они дрались до последнего дыхания, и если их обходили, не заметив, даже раненые, они вели огонь из укрытия до тех пор, пока не погибали» [5, с. 150].

Неравные ожесточённые схватки продолжались всю ночь и весь день 24 июля. Как отмечает генерал Пауль Карель в своей книге «Восточный фронт»: «...подобных сражений, вероятно, никто и никогда ещё прежде не вёл. Такие бои разгорелись бы, наверное, на улицах Москвы и Ленинграда, если бы немцам удалось войти туда» [7; 5, с. 151].

Лишь в 5.30 утра 25 июля штурмовые группы вермахта в черте Ростова-на-Дону вышли на берег Дона, затянутого дымом пожаров. Тысячи жителей, военнослужащих всех родов войск пытались вплавь, на подручных средствах, на досках, автомобильных камерах, на лодках перебраться на левый берег. Вода кипела от пуль и осколков, вспучивалась фонтанами от взрывов снарядов и авиабомб. Течение несло мусор, вздувшиеся трупы людей, лошадей, овец и коров. Очень немногим удавалось пересечь реку и добраться по затопленной весенним паводком пойме до Ольгинской, Батайска и Койсуга [5, с. 151 — 152].

За пять суток сражения потери армии превысили сто тысяч воинов. Немецкие, румынские и словацкие войска также понесли большие потери, особенно в танках, автотранспорте и живой силе. Эти потери и интенсивность битвы за Ростов опровергают ошибочную оценку Верховного Главнокомандующего И. В. Стали-

на, данную им в приказе № 227: «...часть войск Южного фронта, идя за паникёрами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьёзного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамёна позором» [8; 5, с. 163].

Последними покидали город бойцы из группы под командованием младшего лейтенанта Михаила Батыркина, выполнив задачу по прикрытию войск. Двигаясь к Будённовской переправе, они уходили через дворы, в последнем дворе квартала все укрылись.

*Расстрел в Ростове-на-Дону 25 июля 1942 г.
Опубликовано: Ростов-на-Дону — город воинской славы.
Ростов н\Д., 2020. С. 152–153.*

Ребята всех раненых, около 40 человек, переодели в гражданскую одежду и вместе с жителями спрятали на чердаке. Коля Кизим закрыл ворота, но немцы пробиты их танком. Советских солдат сбросили с крыши во двор и добились штыками. Заставив всех жителей выйти из подвала-бомбоубежища, немцы отгнали в сторону мужчин и мальчиков. Повели их к выходу, подгоняя прикладами. Первым шёл Коля Кизим, гордо поднимая голову, глядя прямо перед собой. Рядом, стараясь не отставать от него, волочил искалеченную ногу Коля Беленький. Витя Проценко шёл вместе с отцом, Василием Петровичем, Игорёк Нейгоф крепко держал за руку отца, Владимира Яковлевича. Ваня Зятев поддерживал избитого отца. Следом, прикрывая детей от ударов разъярённых фашистов, шли Пилипейко, Лопатин, Козлов. Более полусотни мужчин и подростков немецкие солдаты затолкали прикладами во двор дома № 27. Вскоре оцепеневшие от ужаса женщины и дети услышали автоматные очереди... [4, с. 60 – 65].

Расстрелянных Колю Кизима, Игоря Нейгофа, Витю Проценко, Ваню Зятева, Колю Беленького (Сидоренко), Мария Ивановна Кизим вместе с Ниной Нейгоф уже глубокой ночью сложили в большой ящик и перенесли в надёжное место, присыпали землёй [4, с. 73].

«В одном из опустевших дворов, что ближе к Будённовскому зияла огромная воронка. В ней-то и решила Мария Ивановна похоронить остальных расстрелянных. Временно — до прихода наших. Она, Людмила Малиновская, дворник Семён Филиппович Мысков и ещё несколько человек работали всю ночь и весь следующий день, углубляя и расширяя яму. Работали, не зная удастся ли им перенести тела; но к вечеру выяснилось, что охрана снята. В этой тайком вырытой братской могиле — вопреки запрету — было похоронено около 50 человек» [4, с. 74].

После освобождения Ростова 14 февраля 1943 года уцелевшие подростки ушли на фронт мстить ненавистному врагу. Нина Нейгоф погибла 30 мая 1943 года вместе с диверсионной группой М. М. Трифонова в Донбассе. Семён Дьячков — летом сорок третьего на Миус-фронте. Им было по восемнадцать неполных лет. Антон Кизим пал в бою при освобождении Украины. Яков Власович Загребельный, два Николая — Петренко и Крамаренко, две Нины — Пилипейко и Пономаренко, Аня Зятева достойно провоевали до Победы и вернулись домой [4, с. 119].

Так сложилась судьба шумной и озорной кампании с улиц Ульяновской и Донской. На Братском кладбище нашего города уже более полувека стоит типовой памятник: скорбящая мать преклонила колена, с венком. Рядом, положив правую руку на материнское плечо, — молодой солдат в плащпалатке, без головного убора. На мраморной плите надпись: «Вечная слава погибшим воинам при защите Ростова н\Д. 1941–1943 гг. Здесь также похоронены зверски расстрелянные 24.VII.1942 г. пионеры 35 школы Кизим Коля, Нейгоф Игорёк, Проценко Витя, Сидоренко Коля, Зятин Ваня».

Будем помнить подвиг самоотречения юных героев с Ульяновской улицы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подвиг юных героев // Народное информационное агентство : [сайт]. URL: <https://родина-моя.рф/news/316-podvig-yunyh-geroev.html> (дата обращения 27.08. 2020).

2. Ленкова А. М. Это было на Ульяновской // Комсомолец. 1975. 9 мая. С. 4.

3. Гегузин И. М. Юные патриоты // Веч. Ростов. 1975. 30 мая. С. 3; *Острроверхова Т. Пятеро с улицы Ульяновской // Красное знамя (СКВО). 1981. 11 апр. С. 4.*

4. Ленкова А. М. Это было на Ульяновской : докум. повесть. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1985.

5. Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кричко Е. Ф., Мегведев М. В. Большая излуцина Дона — место решающих сражений Великой Отечественной войны. 1942—1943 гг. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2016.

6. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10287. Д. 9. Л. 32—33, 41, 79—80.

7. Карель П. Восточный фронт. Кн.1 : Гитлер идет на Восток. М., 2003. Цит. по: Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кричко Е. Ф., Мегведев М. В. Большая излуцина Дона...

8. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941—1942 г. Т. 13 (2-2). Цит. по: Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кричко Е. Ф., Мегведев М. В. Большая излуцина Дона...

В. С. ГРИНЕНКО

ЭТО БЫЛ ДОЛГИЙ И СТРАШНЫЙ СОН

Документы личного происхождения (письма, фотографии, анкеты, воспоминания) являются бесценными историческими источниками, позволяющими взглянуть на события Великой Отечественной войны глазами её участников. Просматривая дела фонда «Архив архива», я нашла воспоминания В. С. Гриненко о годах Великой Отечественной войны под названием «Это был долгий и страшный сон» [1, л. 1–2].

Валентина Спиридоновна Гриненко в годы войны служила в органах внутренних дел; с 1962 по 1980-й год трудилась машинисткой в Ростовском обкоме КПСС; с 1980-го — работала в Комитете по управлению архивным делом Ростовской области. Она была очень добросовестным сотрудником и неоднократно награждалась почётными грамотами, благодарностями, памятные часы с гравировкой. Кроме того, Валентина Спиридоновна была награждена медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [1, л. 3].

Понимая важность исторического документа, 11 июля 1995 года В. С. Гриненко составила воспоминания о своей жизни в годы войны, отпечатала на машинке, подписала 11 июля 1995 года и передала их на вечное архивное хранение.

Её рассказ поражает своей простой и прямотой изложения трагических фактов. Каждое слово врезается в память. Будем же благодарны автору за то, что 25 лет назад она решила написать эти воспоминания, передав тем самым будущим поколениям свою личную правду о войне.

Примечательно, что в своих воспоминаниях автор не называет конкретных дат, не указывает место, куда она была эвакуирована. Однако, нет сомнения, что отражены события, происходящие в Ростове в 1941 году.

Воспоминания В. С. Гриненко публикуются с небольшими купюрами.

Е. В. МИЛОСАВЛЕВИЧ

Брошен ключ по стране «Всё для фронта, всё для Победы!» 400 г. хлеба в сутки на 1 человека по карточкам. Очень хотелось кушать...

Работали без выходных и отпусков.

На работе были трудности. Завхоз объявил: бумаги нет, копирки нет, лент нет, реставрируйте. Мы приступили. Ленты мазали керосином, копирку растирали зубной щёткой вдоль и поперёк. Во двор прикатали большой рулон жёлтой обёрточной бумаги для печатания, в которую в магази-

нах заворачиваются продукты. Для отправки по районам нужно было 22 экз., а она берёт только 2 экз., и мы печатали 11 раз одно и то же.

От однобокового питания в городе возникла эпидемия, болезнь пеллагра², поражающая ноги. Они были пухлые и красные чрезвычайно.

На улицах было пусто. Ни кошек, ни собак. Их ели <...>.

Однажды заглянув в зеркало, я отшатнулась — лицо было пухлое и смешное. Решила:

Елена Владимировна Милосавлевич, заместитель директора Государственного архива Ростовской области. Сообщение под названием: «Воспоминания В. С. Гриненко о войне»

¹ Пеллагра — один из видов авитаминоза, который является следствием неполноценного питания.

работать, разговаривать с сотрудниками, но лицо вверх не поднимать, но странно, секретарь парторганизации Замира Дзиева моментально принесла мне свою хлебную карточку и сказала: «Без возражений». За нею уезжающие в командировки сотрудники по очереди приносили мне свои хлебные карточки, опухоль быстро прошла.

Обувь разваливалась, не в чем идти на работу. Завхоз сказал: «Есть одна пара, но разных размеров. Один 38, другой — 39». Я купила. Один ходил нормально, а другой сильно стучал. Я привыкла.

Каждый день радио терзало просьбами: нести в госпитали раненым подушки, одеяла, простыни. Я отнесла подушку, моя подруга — простыню.

Город был сильно затемнён. Транспорт тоже.

Работали много, но по субботам был короткий рабочий день — до 12 час. ночи и все бежали в свой клуб, где демонстрировались кинофильмы. Я не ходила, хотелось кушать, бежала домой спать, т. к. во сне не чувствуешь голода <...>.

Окончив школу с библиотечным и преподавательским уклоном (ликбез), за четыре года войны я не прочитала ни одной книги!

Когда город был объявлен «на военном положении», весь аппарат работал круглосуточно: с 9 час. утра до 9 час. утра следующего дня, не уходя домой. К 2—3 часам ночи руки отваливались, некоторые машинистки плакали, но печатали

Враг подступал всё ближе и ближе к Кавказу. Началась эвакуация. Нас погрузили в товарные вагоны; ехали долго почти не останавливаясь в пути, или долго стояли в тупике, пропуская воинские эшелоны.

Остановились где-то в селе, на границе. Жители говорили, что если забраться на высокий холм, то виден чужой часовой.

Эвакуированных разместили у местных жителей на квартирах. Готовили незатейливые обеды на кирпичях прямо на улице. Эвакуиро-

ванные работали. Брат работал на ферме, сестра — тоже. Я сначала посудницей в столовой. Хозяйка будила меня в 2 часа ночи, но предупредила, что по саду в это время бродят волки. Я перешла работать, где молотили зерно, там пыль стояла столбом, и моё единственное пальто пропало от пыли.

Мальчик лет пятнадцати сопровождал нагруженный доверху воз с зерном, запряжённый парой быков, колотил нещадно их кнутом, но быки — ни с места. Они боялись ринуться вниз с кручи... Тогда мальчик перешёл на дикую брань, вспоминая быка Короля и маму его Королеву... Взрослых мужчин не было. Все ушли на фронт.

Эвакуированные получали скудный паёк, за которым надо было ехать в соседнее село на санях с лошадью через большое поле. По очереди, была и моя очередь. Надо было успеть закупить и засветло возвратиться обратно, т. к. по полю рыскали волки. Спасибо весовщикам, они работали молниеносно, они всё понимали.

Мыла не было, ходили пешком за 12 км в соседнее село, где меняли его на носильные вещи, которые нам были не нужны.

Окончилась война, хлеб уже продавали по целой буханке на одного человека, серого, вчерашнего, т.к. свежий хлеб запрещалось продавать. Изголодавшиеся люди, наевшись досыта, могли погибнуть. Мы несли его торжественно, на виду, не заворачивая в газету. Хлеб был слаще шоколада. И когда встречались навстречу идущие люди, мы улыбались друг другу, зная почему...

После войны мне выдали бесплатную санаторную путёвку в Кисловодск.

11.07.95.

машинистка Комитета В. С. Гриненко

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАРО. Ф. Р-137. Оп. 5. Д. 1194.

Публикация Е. В. Милосавлевич

О. В. ВАЛУЙСКОВА, В. В. ГОРШЕНИНА

«НЕОБХОДИМО ВЫВЕЗТИ ВСЬ АРХИВ...»

29 декабря 1939 года... В этот день партийный архив Ростовского обкома ВКП (б) принял на себя функции ликвидированного областного истпарга. Сотрудники партархива продолжили хранение, учёт, обработку и дальнейшее изучение документальных источников по истории партийных и комсомольских организаций, политотделов.

«В связи с сосредоточением при облпартархиве научной разработки материалов местных парторганизаций, считать целесообразным возложить заведывание облпартархивом на тов. Корчина», — постановило бюро Ростовского обкома ВКП (б) [1].

Михаил Николаевич Корчин (1887—1962) с апреля 1933 года руководил истпартом Северо-Кавказского крайкома ВКП (б).

В докладной записке секретарю обкома ВКП (б) «О работе облпартархива в течение 1939—1941 годов», датированной 14 июня 1941 года, отмечалось: «Научно-исследовательскую работу в облпартархиве ведут тт. Корчин, Масалова и привлечённые тт. Семернин и Раенко. В течение 1939—1941 гг. вышли из печати следующие работы, написанные на основе архивных материалов: «Борьба большевистских организаций Дона за Великую социалистическую революцию (авторы — Корчин, Раенко, изд. 1939 г.), «Борьба за советский Дон (автор — Корчин, изд. 1939 г.), «Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье (автор — Раенко, изд. 1939 г.), «Серго Орджоникидзе на Дону» (авторы — Корчин, Раенко, Семернин, изд. 1940), «Первое мая на Дону» (автор — Раенко, изд. 1940 г.), «Революционные выступления донского казачества» (автор — Корчин, изд. 1941 г.) [2].

Мария Львовна Масалова, не имевшая специального исторического образования, проявила себя как профессиональный исследователь. Из-под её пера до войны вышли статьи «Из пропагандистской работы Ростовской большевистской организации в 1906—1907 гг.» («Известия Ростовского областного музея краеведения». Вып. 1. Ростов н/Д., 1939), «Второй Донской областной съезд Советов» («Известия Ростовского областного музея краеведения». Вып. 2. Ростов н/Д., 1940). Работая над второй

частью очерка «Большевистская организация Дона», она успела отпечатать на машинке статьи: «Первая, вторая, третья, четвёртая Донские областные партийные конференции», «Перед третьей Донской областной партконференцией (дискуссия о профсоюзах)», «Разгром десанта полковника Назарова», «Бандитизм, заговоры и восстания в Донской области в период с 1920 по 1922 годы» [2].

19 марта 1941 года на заседании бюро обкома ВКП (б) было принято решение о выпуске приуроченной к 25-летию Октябрьской революции печатной работы, посвящённой развитию сельского хозяйства Ростовской области. Облпартархиву во главе с М. Н. Корчиным поручалось оказывать помощь авторскому коллективу из пятнадцати человек. Организаторами и руководителями авторского коллектива стали профессор Ростовского на Дону государственного университета имени В. М. Молотова А. И. Гозулов и А. Ф. Яковлев, проректор, заведующий кафедрой политэкономии.

20 июня в постановлении Ростовского обкома ВКП (б) отмечалось: «Облпартархив за последнее время несколько улучшил архивно-техническую работу. Налажен учёт поступающих запросов и ответов на них. Вводится индивидуальная картотека, облегчающая справочную работу [3].

Война внесла свои коррективы: первоестественной задачей для архивариусов стало спасение документов. До наступления немецко-фашистских захватчиков документы Ростовского областного партийного архива успели эвакуировать в Сталинград.

16 июля 1941 года Михаил Николаевич обратился в партийную организацию партархива. Он писал: «В этот грозный час, когда мужественные сыны моей Родины с оружием в руках ведут самоотверженную героическую борьбу с полчищами фашистских варваров, моё место, как старого большевика и активного участника гражданской войны, в рядах народного ополчения» [4].

Однако, ему отказали. М. Н. Корчин и М. Л. Масалова Ростовским горкомом ВКП (б) были включены в список членов партии для участия в выступлениях на митингах в воинских

Ольга Владимировна Валуйскова, заведующая отделом научной информации, публикации и использования документов Центра документации новейшей истории Ростовской области; Валерия Валерьевна Горшенина, главный архивист отдела научной информации, публикации и использования документов Центра документации новейшей истории Ростовской области

частях [5]. Но главным аргументом оставалась ответственность его как заведующего облпартархивом за спасение исторических документов.

25 ноября 1941 года, обеспокоенный дальнейшей судьбой архива, Корчин обратился к заведующему организационным отделом Ростовского обкома ВКП (б) П. Р. Дербенёву: «...Сталинградский обком ВКП (б) поставил меня в известность о том, что в случае эвакуации из Сталинграда под погрузку Ростовского партийного архива будет предоставлено не более двух вагонов, в то время как нам необходимо как минимум восемь — десять вагонов, — писал он. Одновременно с этим Сталинградский обком ВКП (б) предложил мне разобрать весь архив, выделив из него самые важные материалы: протоколы обкома, крайкома, горкомов и райкомов, акты проверки партдокументов, протоколы контрольных комиссий и комиссий по чистке партии. Выделенные материалы обком предлагает упаковать в ящики и в случае эвакуации намечает вывезти их из Сталинграда. Остальные материалы, а их не менее шести вагонов, обком намерен уничтожить на месте. Для разборки архивных материалов по фондам, выделения протоколов и упаковки их в ящики потребуется не менее двух месяцев, если ежедневно будут работать 7 — 8 человек, а сейчас мы работаем только вчетвером...» [6, л. 1].

Из сохранившихся приказов по партархиву за 1941 год удалось установить фамилии тех, на чьи плечи легла сортировка партийных архивов по фондам с выделением «материалов первой и второй очереди» и упаковкой их в ящики и мешки. Это Иван Яковлевич Спицын, временно исполняющий обязанности хранителя фондов, и временно исполняющие обязанности архивариусов Фёдор Яковлевич Спицын, Алла Михайловна Корчина и А. И. Шенин [6, л. 2 — 5].

В телеграмме заведующего партархивом начальнику управления агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) Г. Ф. Александрову от 6 августа 1942 года читаем: «Сталинградский обком ВКП (б) дал распоряжение отправить часть партийного архива Ростовского обкома в г. Уральск. Две трети оставляет в Сталинграде. Я с этим не согласен. Необходимо вывезти весь архив, а если обстановка потребует, сжечь его на месте, тогда обком обязан принять решение и поручить определённом лицу или органу исполнить такое решение...» [6, л. 10].

К счастью, все документы были сохранены и в августе 1942 года в полном составе отправлены в город Уральск Западно-Казахстанской области.

7 февраля 1944 года М. Н. Корчин с горечью писал из Уральска в Москву заместителю заведующего архивом Института Маркса, Энгельса, Ленина (ИМЭЛ): «Архивные материалы в мешках и ящиках хранятся в тёмном подвале. "Подвальные" условия хранения архива не позволяют вести обработку и систематизацию архивных материалов. С большими трудностями отвечаю на запросы. Нахождение каждой справки требует большой затраты физического труда. Чтобы найти ответ на запрос, приходится сперва искать ящик или мешок, в котором упакованы соответствующие материалы. А это значит — перевернуть и перенести с одного места на другое десятки пудов тяжестей. Работаю один. В этих условиях никакого плана работы не придумаешь... План работы партархива придётся разрабатывать по возвращении в Ростов, когда будет подобран штат архивных работников и созданы нормальные условия для работы» [7, л. 11 — 11 об.].

10 февраля Ростовский обком ВКП (б) рассмотрел вопрос о неотложных восстановительных работах в здании облпартархива в целях предотвращения дальнейшего его разрушения и в связи с возвращением из Уральска [6, л. 23].

*Здание бывшего партархива на ул.Энгельса, 27 до войны.
Художник неизвестен.*

О плачевном состоянии здания партархива после освобождения Ростова рассказывают документы 1943 — 1944 годов.

В письме председателя Ленинского райисполкома Шубина к секретарю обкома ВКП (б) Майорову от 5 июля 1943 года читаем: «...Всё имущество в бывшем здании партархива по ул. Энгельса № 25 [так в документе. — О. В.] в период оккупации фашистскими войсками было вывезено и разграблено. В момент занятия г. Ростова в указанном помещении находились пять несоразмерных касс, все были вскрыты, без

замков» [7, л. 6]. Из-за попадания бомбы взорвана крыша и часть верхнего этажа, выбиты стёкла в окнах. Стеллажи сохранились только в двух небольших тёмных комнатах в подвале [7, л. 16].

14 апреля 1944 года бюро Ростовского обкома ВКП (б) постановило: «Считать необходимым реэвакуировать областной партийный архив в г. Ростов-на-Дону; просить ЦК ВКП (б) дать указание Западно-Казахстанскому обкому КП (б) Казахстана о реэвакуации Ростовского облпартархива; просить наркома путей сообщения Кагановича Л. М. о предоставлении трёх вагонов для реэвакуации Ростоблпартархива из г. Уральска в г. Ростов-на-Дону; обязать зав. финхозсектором обкома ВКП (б) т. Поленина к 15 мая с. г. подготовить помещение для размещения облпартархива» [8].

*Документы партархива, возвращённые из эвакуации.
Фото из фонда ЦДНИРО. (Ф. Р-3619. Оп. 11. Д. 429)*

12 июня 1944 года все документы возвратились на прежнее место хранения. Трудно представить, какое опасное путешествие пришлось проделать многочисленным архивным делам, чтобы их могли увидеть потомки!

За участие в сооружении оборонительных рубежей и вывоз партийных документов вглубь страны Михаил Николаевич Корчин был награждён медалями «За оборону Кавказа» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

О трудоёмком и длительном восстановлении здания архива и его деятельности читаем в письме, направленном М. Н. Корчиным в 1944 году в ИМЭЛ при ЦК ВКП (б): «Областной партийный архив Ростовского обкома ВКП (б) разместился в прежнем своём, когда-то прекрасном, а ныне полуразрушенном помещении. Архивные материалы в упакованном виде пришлось сложить в подвале, не оборудованном стелла-

жами... Пришлось прибегнуть к примитивному способу "разборки" материалов: распаковать и разложить их на полу... С большим трудом удалось получить из одной артели "мастера" 15-ти лет и подмастерье тоже 15-ти лет. Вот эти два "столяра" и должны будут соорудить нам стеллажи» [9, л. 2].

Возглавив коллективную работу по выполнению постановления Ростовского обкома ВКП (б) от 9 января 1942 года о сборе и сохранении документов, относящихся к периоду Великой Отечественной войны на территории Ростовской области, заведующий партархивом М. Н. Корчин обратился ко всем секретарям горкомов и райкомов партии: «Несомненно, в каждом районе имеются замечательные люди, герои Отечественной войны и труда, которые беспримерной в истории борьбой с фашистскими разбойниками, самоотверженным трудом и служением нашей Родине заслужили того, чтобы о них из века в век рассказывали и писали будущие поколения. Ни внуки и правнуки, ни историки и писатели, ни поэты и художники не простят нам, если мы не соберём и не сохраним документы и материалы, освещающие славные дела нашего времени и героизм лучших сынов и дочерей нашей области. Не исключена возможность, что у некоторых товарищей имеются на руках приказы, листовки, фотоснимки разрушений, письма погибших в бою или фашистских застенках. В высшей степени интересные материалы дают ученики школ. Они очень охотно пишут рассказы о том, как пережили немецкую оккупацию, как некоторые из них помогали партизанам, кормили и даже скрывали красноармейцев, бежавших из немецких концлагерей. Для более успешного проведения сбора материалов Великой Отечественной войны необходимо организовать группы содействия на заводах, в колхозах, совхозах и школах, а также привлечь к этой работе комсомольские и пионерские организации» [9, л. 6 об. – 7].

Работа закипела. Списки личного состава партизанских отрядов и подпольных молодёжных групп, листовки, воспоминания участников и очевидцев событий, газеты, фотографии вскоре составили уникальный фонд – «Документы о партизанском движении в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.», до сих пор вызывающий огромный интерес учёных, краеведов, преподавателей, представителей молодого поколения, всё чаще посещающих Центр документации новейшей истории.

21 сентября 1944 года обком ВКП (б) утвердил инструкцию «О порядке обработки архив-

ных материалов в партийных и комсомольских организациях Ростовской области», поручив заведующему облпартархивом систематически проверять в горкомах и райкомах партии и комсомола приведение в порядок партийного хозяйства и докладывать об этом на бюро обкома [10].

Продолжалось комплектование штата сотрудников. На 1 января 1945 года в партархиве трудилось семь человек, включая заведующего М. Н. Корчина, прослужившего в этой должности до 11 апреля 1957 года.

Главным хранителем фондов с октября 1944-го по апрель 1950 года была Евгения Ильинична Серебренникова, 1892 года рождения. До прихода в архив она приобрела семнадцатилетний опыт работы в партийных аппаратах, обучалась в комвузе. «Большевистская настойчивость и стремление познать весь объём архивной работы, а также серьёзное и вдумчивое отношение к работе, свидетельствуют о том, что т. Серебренникова будет хорошим архивным работником», — такую характеристику дал ей заведующий партархивом в письме в ИМЭЛ при ЦК ВКП (б) 14 января 1945 года [9, л. 3].

В штате партархива числились три научных сотрудника: Пётр Иванович Зыков (1907 года рождения), Иван Андреевич Баланчук (1915 года рождения), Матрена Михайловна Кузнецова (1903 года рождения).

О П. И. Зыкове, переведённом в партархив из отдела угольной промышленности и энергетики обкома ВКП (б), М. Н. Корчин отзывался так: «С первых дней принялся за работу и выполняет её хорошо. Имея высшее образование, он, несомненно, очень быстро освоит технику научной обработки и изучения исторических материалов и документов» [9, л. 3].

М. М. Кузнецова до войны поменяла немало профессий: работала на химико-фармацевтической фабрике «Заря Революции» и в оптической мастерской Донмедторга, секретарём культпромотдела Северо-Кавказского крайкома ВКП (б), помощником заведующего, затем инструктором по кадрам отдела партпропаганды Азово-Черноморского крайкома ВКП (б), заведовала курсами художественной выставки Главширпотреба и клуба электриков; а в годы войны — пропагандистом эвакогоспиталя 2163, преподавателем экономической географии Ленкоранской медшколы, председателем завкома Саринского рыбкомбината. С декабря 1944 года до ухода на пенсию в апреле 1968-го была преданным сотрудником партархива [11].

«В партархиве работает прилежно... Высшее образование, полученное т. Кузнецовой на историческом отделении пединститута, даёт все основания надеяться, что по мере освоения ею техники глубокого изучения и научной обработки материалов, она справится с этой работой», — с уверенностью отмечал М. Н. Корчин [9, л. 3].

Особый вклад в развитие и пополнение фондов архива внесла Антонина Васильевна Виткевич, 1897 года рождения. О ней заведующий партархивом писал 26 декабря 1944 года: «В партархиве работает секретарём-машинисткой с 6 сентября 1944 г., до этого работала машинисткой в особом секторе обкома ВКП (б). За время работы в партархиве т. Виткевич с большим желанием изучила архивное дело, настойчиво стремилась стать хорошим архивным работником и в сравнительно короткий срок достигла этого. Ей было поручено отработать, по всем правилам инструкции, материалы о партизанском движении, хранящиеся в особом секторе обкома, и она эту работу выполнила хорошо. Считаю, если т. Виткевич сравнительно в короткое время научилась работать, то, несомненно, она сумеет инструктировать других. Рекомендую утвердить её инструктором партархива» [12, л. 5].

К сожалению, Антонина Васильевна Виткевич 10 января 1946 года была освобождена от должности инструктора Ростовского облпартархива в связи с тем, что её родной сын Николай Дмитриевич Виткевич, 1919 года рождения, фронтовик, служивший в звании капитана в армии Рокоссовского, был арестован и осуждён на десять лет тюремного заключения за контрреволюционную деятельность [12, л. 8].

Архивно-техническую работу возложили на архивариуса Гермину Христофоровну Церер, 1890 года рождения, и секретаря-машинистку Ксению Карловну Певгову.

Помещение архива, заметно пострадавшее в период немецко-фашистской оккупации, помогли приводить в порядок дворник А. А. Подгорная и чернорабочий А. Т. Баланчук.

Сегодняшние архивисты с трепетом читают сохранившийся отчёт о работе партархива Ростовского обкома КПСС за первое полугодие 1945 года, в котором отражены первые результаты мирного труда коллектива из семи человек: архивные документы разобраны по фондам и годам и разложены на стеллажи в количестве 127 фондов; собранные материалы периода Великой Отечественной войны вшиты в обложки и частично переплетены в количе-

стве 297 единиц хранения; по запросам партийных организаций выдано 285 справок; отданы в печать рукописи статей М. Н. Корчина «Из прошлого» и «От первых рабочих кружков к Донкому РСДРП», продолжена работа над изданием «Революционное движение и большевистские организации на Дону» [9, л. 47–48].

В самые суровые и трудные периоды в истории нашего Отечества архивный фонд России был сохранён благодаря многим поколениям кропотливых и добросовестных архивистов, как никто понимающих, что архивные документы — это, прежде всего, память о жизни человека, семьи, государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЦДНИРО Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 178. Л. 2 об.
2. Там же. Ф. Р-910. Оп. 5. Д. 125. Л. 1.
3. Там же. Д. 124. Л. 4.
4. Там же. Д. 42. Л. 8.
5. Там же. Ф. Р-13. Оп. 2. Д. 841. Л. 3.
6. Там же. Ф. Р-910. Оп. 2. Д. 363.
7. Там же. Оп. 5. Д. 1.
8. Там же. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 456. Л. 13 об.
9. Там же. Ф. Р-910. Оп. 5. Д. 2.
10. Там же. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 514. Л. 29 об.
11. Там же. Оп. 44. Д. 548. Л. 1, 2.
12. Там же. Оп. 42. Д. 481.

В. Ю. МАРТЫНЕНКО

УГОЛЬ — ФРОНТУ!

(г. Шахты в 1941–1943 гг.)

К войне страна не готовилась. В последние предвоенные месяцы 1941 года коллективы угледобывающих предприятий Восточного Донбасса соревновались за досрочное выполнение полугодового плана. 5 июня в 8 часов вечера коллектив комбината Ростовуголь рапортовал о выполнении плана на 100,1%. 12 июня полугодовой план угледобычи выполнили коллективы шахт, носящих имена Фрунзе, Октябрьской революции, Артёма, Красина, Воровского, «Пролетарская диктатура», «Комсомольская правда», «20 лет РККА» [1; 2]. Но мирная жизнь была прервана вероломным нападением фашистской Германии.

Жители мужественно встретили весть о начале войны, проявили горячее стремление защищать любимую Родину, отдать все свои силы, а если понадобится, то и жизнь для разгрома врага, для победы.

Об этом говорили на состоявшихся в первый день войны митингах и собраниях, прошедших на городской площади имени Ленина, предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях [3; 4; 5].

Выступая на митинге горняков шахты имени Октябрьской революции, машинист врубовой установки Костровский заявил: «Фашистская дрянь напала на советскую землю. Мы не сомневаемся, что наша доблестная Красная армия сделает для неё могилой нашу территорию.

Пусть знают наши доблестные воины, что шахтёры всегда поддерживали и теперь поддержат их своим упорным трудом. Мы будем не только выполнять, но и значительно перевыполнять план добычи угля» [6, с. 1].

Высокий патриотический дух шахтинцев выразило состоявшееся 23 июня в драмтеатре собрание городского партийного актива, на котором присутствовали около 700 человек [6, с. 2].

В течение нескольких дней ушли на фронт более двух тысяч человек. По их примеру сотни и тысячи шахтинцев, мужчины и женщины разного возраста и профессий, после объявления мобилизации направились в Шахтинский горвоенкомат с просьбой отправить их на фронт добровольцами [7].

«Прошу принять меня добровольцем в РККА. Я сам шофёр и танкист», — Серафим Шатин. «Прошу принять меня добровольцем в ряды РККА в качестве дружинницы-санитарки», — И. Суровцева, городская центральная библиотека. «Прошу зачислить меня добровольцем в ряды РККА, так как я желаю до последней капли крови бороться с обнаглевшим врагом за торжество коммунизма», — член ВЛКСМ В. Медведев [8].

25 июня шахтинцы собрались на митинг, посвящённый отправке на фронт добровольцев и мобилизованных. Это был особый митинг един-

Виктория Юрьевна Мартыненко, заместитель директора по основной деятельности Центра хранения архивных документов в городе Шахты, кандидат исторических наук. Сообщение под названием: «Всё для фронта, всё для Победы! (на примере г. Шахты) по материалам Центра хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области»

ства фронта и тыла, единства воли советских людей. Уходя на фронт, обращаясь к своим землякам, горняки говорили: «Крепите тыл! Больше угля для наших фабрик и заводов. Помните, что от этого зависят наши успехи на фронте» [9].

И наказ этот был услышан: в лавах и забоях шахт отмечался подъём трудового энтузиазма. Чётко и самоотверженно работал каждый на своём месте.

Бригадир зарубщиков шахты «Нежданная» комбината Ростовуголь Володченко Ф. И. Июль 1943 г. (ЦХАД в г. Шахты. Ф. Р-1045. Оп. 8. Д. 128)

Цифры сверхплановых тонн угля стали расти с небывалой быстротой. Горняки успешно совмещали профессии, внедряли в производство скоростные методы выемки угля. Теперь они стремились к тому, чтобы с меньшим числом рабочих давать больше показателей угледобычи.

Машинист врубовой установки шахты имени Артёма Т. Любичев один работал за троих. Врубмашинист Зиновьев, совмещая работу слесаря, сам ремонтировал свою врубовку и на 200 – 250% выполнял норму.

Машинисты электровозов на шахте имени «10 лет за индустриализацию» значительно уплотнили свой рабочий день, что позволило им вдвое увеличить норму угледобычи. Высокую производительность труда показали и горняки шахты имени Октябрьской революции, уже в первые дни войны выполнявшие нормы выработки в пределах 170 – 270% [10].

В тяжёлых условиях начала войны трудящиеся города мужественно переносили горечь вынужденного отступления советских войск.

Старейшие горняки шахты имени Октябрьской революции обратились ко всем пенсионерам города с призывом помочь шахтам: «Мы зовём вас помочь Красной Армии, зовём вас на шахты, которым в эти дни нужны ваши умелые руки, ваш многолетний шахтёрский опыт».

Призыв был подхвачен. Заменяя сражавшихся на фронте, встали на боевую вахту тысячи старых шахтёров. «Прошу принять меня на работу. Желая своим посильным трудом помогать героической Красной армии громить озверелые банды гитлеровцев...» – писали они в своих заявлениях [11].

На шахту имени Красина пришли 60-летний крепильщик Антропов, 68-летний путевой мастер Федоренко; на шахту «20 лет РККА» вернулись старейшие шахтёры Сотников, Уланов и другие, а страна требовала всё больше и больше угля. Шахтёры совмещали профессии, заменяя ушедших на фронт, внедряли скоростные методы выемки угля. «В труде, как в бою!» – с такой мыслью спускались они в шахты и доводили выработку до 170 – 270%. Горняки шахты имени Октябрьской революции писали в местную газету: «Мы, горняки шахты, носящей великое и гордое имя Октябрьской революции, все свои силы, всю энергию обратим на дело дальнейшего повышения производительности труда, установление железной дисциплины. Дадим Отечеству столько угля, сколько его потребует» [12].

И слово своё держали крепко. Машинист врубовой установки четвёртого участка этой шахты Милютин при норме 51,6 метра подрубал до 123 метров, машинист врубовой установки Костровский при той же норме достигал подрубки в 126 метров. Выгрузчик лавы Копенко при норме 10,2 тонны давал 18 тонн [13; 14].

Достойными своих фронтовиков-мужей, братьев и детей были и женщины города. «Мы, домохозяйки, – говорила Беликова на митинге

Навалоотбойщица шахты «Комсомольская правда» комбината Ростовуголь Мария Фёдоровна Логвинова. 5 июля 1943 г. (ЦХАД в г. Шахты. Ф. Р-1045. Оп. 8. Д. 316)

трудящихся шахты «Ново-Азовская», — в ответ на наглое нападение фашистов, выйдем на работу, чтобы помочь шахтам перевыполнить план добычи угля». «Женщины! Пополним ряды шахтёров, самоотверженным трудом окажем помощь нашим отцам, мужьям и братьям, с оружием в руках защищаям Родину!» (из выступления жён горняков шахты имени 20 лет РККА [15; 16; 17; 18, 19].

Эти призывы нашли горячую поддержку. На следующий день сорок восемь домохозяйек пришли на работу в шахту.

На многих угольных предприятиях города в середине июля 1941 года для женщин были организованы курсы по изучению горняцких профессий: электрослесарей, машинистов лебедок, откатчиков. На шахте имени Октябрьской революции в эти дни работали сорок три женщины, на шахте имени газеты «Комсомольская правда» — пятьдесят. Женщины работали уборщиками породы, крепильщиками, мастерами по перестилке путей. Недодаева и Ряжанцева, плитовые шахты имени газеты «Комсомольская правда», в короткий срок овладели специальностью мастера по перестилке электровозных путей и ежесменно перевыполняли задание в 1,5 раза.

Женская бригада бутчиков шахты имени Красина в составе К. Д. Шилкиной, М. Н. Чумаковой, Н. М. Ткачёвой, Ф. Д. Фроловой и Е. Н. Костенко каждый день выполняли нормы на 120 — 130%. Таких примеров было немало [20; 21; 22].

В начале июля 1941 года сотрудницы городской детской библиотеки обратились к шахтинцам через газету «Красный шахтёр» с призывом заменить на трудовом посту товарищей, ушедших на фронт из колхозов и совхозов Октябрьского (сельского) района. «Хлеб — тоже оружие Родины, как винтовки и снаряды», — писали патриотки. Всё лето они убирали хлеб на полях. Вместе с ними дружно трудились на уборке урожая школьники, учащиеся горного техникума и фельдшерско-акушерской школы. Более пятисот юношей и девушек отправились в сёла и станицы Ростовской области, чтобы помочь колхозникам. Всего в эти дни на колхозных и совхозных полях работали 16 тысяч шахтинцев [23; 24; 25].

Школьники создавали тимуровские команды, собирали металлолом. Пионеры школы № 2 уже 2 июля сдали государству восемь тонн металлического лома [26; 27].

Нависшая над страной смертельная опасность высоко подняла политическую актив-

ность трудящихся города. Люди были готовы работать днём и ночью, лишь бы больше дать стране угля, помочь фронту.

О мужественном подвиге поездного вагонного мастера Каменоломненского резерва Петра Евтухова рассказывалось в сообщении Советского информбюро от 21 июля 1941 года. Евтухов сопровождал срочный военный груз. На ходу поезда он заметил, что начали нагреваться буксы. Для устранения нагрева требовалась остановка поезда, что нарушило бы график движения на всём участке. Мастер Евтухов не допустил этого. Ремнём и проволокой он привязал себя к борту платформы и с риском для жизни устранил сильное нагревание буксы. И затем всё в том же положении на всём пути до места назначения следил за неисправной буксой, делал усиленную смазку [28; 29].

И примеры такого героизма не были единичными. Они становились обыденным явлением, нормой жизни шахтинцев.

В сентябре 1941 года состоялся общегородской антифашистский митинг. Собравшиеся на митинг женщины обратились «ко всем женщинам ... шахтёрского города с призывом ещё упорнее укреплять оборону Родины, смелее овладевать мужскими профессиями, заменять на производстве мужчин, ушедших в действующую армию, воспитывать ... детей в духе непримиримой ненависти к фашизму, любви к своей Родине, помогать всем, чем можно, нашей Советской армии, пополнять ряды сандружинниц, изучать правила противовоздушной и противохимической обороны, готовить и собирать тёплую одежду, бельё и обувь для отважных защитников Родины» [30].

Близость фронта налагала на население особые обязанности и заботы. Ещё в первые месяцы войны горсовет совместно с райсоветами решили вопрос о местной противовоздушной обороне. Были разработаны мероприятия по превращению каждой шахты, каждого дома и города в целом в неприступную крепость.

Началась эвакуация вглубь страны крупных промышленных предприятий Ростовской области. В первых числах октября 1941 года враг оказался на Миусе, под Ростовом.

Городской партийный комитет возглавил в городе создание истребительных батальонов по борьбе с парашютистами и диверсантами, отряды народного ополчения. Сотни людей добровольно вступили в ряды ополченцев.

В партком шахты «Пролетарская диктатура» пришла 59-летняя Варвара Фёдоровна Мисник, мать шести бойцов Красной армии. Эта муже-

ственная женщина заявила, что возраст ей не помешает драться с фашистами, и попросила зачислить её в отряд народного ополчения. Просьба Варвары Фёдоровны была удовлетворена. В этот день в партком шахты поступило 300 заявлений горняков с просьбой направить их на фронт [31; 32].

Такая же картина наблюдалась и на других предприятиях и шахтах. Навалоотбойщик шахты имени «20 лет РККА» Бубнов писал в своём заявлении: «Мы не допустим, чтобы кровавые лапы фашистских стервятников топтали советскую землю. Считаю своим долгом вступить в ряды народного ополчения, клянусь, что буду стойко защищать нашу славную Родину» [33].

Народные ополченцы в свободное от работы время проходили военное обучение: учились владеть винтовкой, пулемётом, бросать гранаты, вести борьбу с танками, осваивали основы тактики современного боя. На курсах, созданных городским комитетом Осоавиахима, готовили шофёров, мотоциклистов, телефонистов, радистов, медсестёр, сандружинниц [34; 35].

В декабре 1941-го городской комитет партии и комитет обороны города приняли постановление о сооружении оборонительных укреплений вокруг города. Жители срочно приступили к созданию препятствий, затрудняющих продвижение врага и облегчающих задачу максимального уничтожения живой силы и боевой техники противника. Учитывая, что враг имел преимущество в танках, прежде всего строились противотанковые рвы и огневые точки. В городе было возведено более 60 баррикад.

На строительство противотанковых рвов, дзотов, баррикад выходили все, кто мог держать в руках лопату, носить тяжести.

Подлинное восхищение заслужили женщины города, которые составляли 95% всей трудовой силы, занятой на строительстве оборонных укреплений.

К весне 1942 года закончили полную маскировку огневых точек, рытьё эскарпов и контрэскарпов, строительство дзотов. К местам назначения были доставлены переносные препятствия и колья для их крепления.

Шахтинцы всё отдавали фронту: передали из своих трудовых сбережений на постройку боевой техники 2,5 миллиона рублей и облигаций государственных займов на сумму 2,3 миллиона рублей, несколько килограммов драгоценных изделий из золота, серебра и платины. На постройку танковой колонны «Ростовский шахтёр» было собрано 1,2 миллиона рублей. Молодёжь города внесла 50 тысяч рублей на

постройку эскадрильи. Активно проходил сбор тёплых вещей для бойцов Красной армии [36].

Глубокой осенью и зимой 1941 года Красная армия, опираясь на прочную поддержку тыла, остановила и разбила врага под Москвой, под Ростовом и Тихвином. Коммунисты Ростовской области и города Шахты, воодушевлённые первыми победами, писали в июне 1942 года в ЦК ВКП (б): «Мы ясно отдаём себе отчёт в том, что враг ещё не разбит, что кровавые руки фашистских варваров тянутся к богатствам нашей великой страны, к донецкому углю. Но Донбасс жив и будет жить!» [9; 37].

В начале 1942 года на собрании хозяйственного актива комбината Ростовуголь было единодушно принято решение в честь годовщины Красной армии добыть 23 февраля сверх плана эшелон угля и отправить его в подарок трудящимся Москвы. Слово своё шахтинцы сдержали. В день 24-й годовщины Красной армии на-гора дополнительно к заданию было выдано две тысячи тонн антрацита. В этот день на трудовой вахте особенно отличился коллектив шахты имени газеты «Комсомольская правда», в четыре раза перевыполнивший суточный план добычи топлива [38].

Стахановцы-крепильщики по коренному штреку шахты «Комсомольская правда» комбината Ростовуголь (слева направо): Мерцереев С. К., бригадир, Дуров И. В., Капитоненко Н. П. 5 июня 1943 г. (ЦХАД в г. Шахты. Ф. Р-1045. Оп. 8. Д. 305)

Отправка сверхпланового эшелона прошла в торжественной обстановке. На вагонах были наклеены лозунги и листовки: «Горячий шахтёрский привет героическим рабочим Москвы!», «Жив Донбасс! Живы донские шахтеры! Уголь есть и будет!», «Здравствуй, Москва! Принимай, родная столица, шахтёрский подарок!» [39].

Весной 1942 года шахтёры комбината Кузбассуголь обратились ко всем горнякам страны

с призывом начать соревнование под девизом «Каждый день — сверхплановый уголь». Коллективы предприятий треста Шахтантрацит откликнулись на этот призыв. Между шахтами, бригадами, участками были заключены договора. Решено было организовать стахановские пятидневки. Люди уходили домой только для того, чтобы немного отдохнуть, поспать. Навалоотбойщик шахты «Комсомольская правда» Минаков выработывал по три нормы в смену, а слесарь железнодорожной станции Король выполнил сменную норму на 682 процента.

Энтузиазм проявляли и энергетики города. Так, например, Пузанов и Хорунжий так организовали работу котельного и электроцехов, что перебоев в работе не было [40; 41]. Однажды на шахте имени газеты «Комсомольская правда» решили провести ремонтные работы. Для этого необходимо было приостановить на время добычу угля. Министерство угольной промышленности разрешило прекратить добычные работы только на сутки, но рабочие отремонтировали оборудование в течение восьми часов, не прекращая угледобычи [42].

«Наша страна ... организовалась в единый боевой лагерь, чтобы вместе с нашей армией и нашим флотом осуществить разгром немецких захватчиков», — говорил в своём выступлении И. В. Сталин. Воодушевлённые сталинским словом, шахтинцы решили: «Больше угля — значит больше снарядов выпустим мы по фашистским гадам». Горячо приветствовали жители закон о трудовой мобилизации городского населения, «который воодушевляет и призывает к организованному труду, к ещё большему натиску на немецких захватчиков, вторгнувшихся в пределы нашей земли» [43].

Своей самоотверженностью на трудовом фронте горняки помогали воинам-землякам. Фронтвики поддерживали постоянную переписку с коллективами родных шахт и радовались их успехам. Трудовое и ратное единство шахтинцев крепло под вдохновляющим девизом: «Пусть крепнет боевое содружество фронта и тыла, оно — основа нашей силы». В письме, направленном на имя начальника комбината Ростовуголь, шахтинцы лейтенанты П. Коляда, В. Сологубов и В. Шилиякин, бойцы С. Глушак, И. Никулин и другие писали: «Сегодня у нас большая радость: получили письмо от шахтёров. Выбрав несколько свободных минут, под свист пуль и разрывы снарядов читали ваше письмо... Мы узнали радостные вести о работе шахт и ещё стремительнее и мужественнее будем бить поганых фрицев. Надеемся, дорогие товарищи,

что вы будете ещё выше поднимать производительность труда и тем самым ещё больше поможете фронту» [44].

4 июня 1942 года в городе состоялось вручение наград лучшим шахтёрам за перевыполнение планов добычи угля и норм выработки. В числе награждённых были навалоотбойщики Г. Н. Земилов, Н. А. Андропов, машинист врубовой установки Г. С. Злобин, заведующий шахтой имени «Комсомольская правда» Б. Ф. Братченко — впоследствии министр угольной промышленности [45].

Отметив замечательную работу лучших шахтёров треста Шахтантрацит, награждённых за стахановскую работу в дни войны, заместитель Наркома угольной промышленности СССР Поченков заявил: «Очень возможно, что многие угольщики Донбасса, показавшие образцы самоотверженного труда в этом соревновании, будут не только награждены наркомовскими премиями, но и представлены к высшим правительственным наградам» [46].

В период с октября 1941 года по февраль 1943 года комбинат Ростовуголь не работал на территории города Шахты в связи с эвакуацией части сотрудников в Черногорск Красноярского края (Хакассия) и Ташкент.

Захватив город, оккупанты рассчитывали быстро восстановить угольную промышленность. Они насильно сгоняли на работу оставшихся в городах и посёлках шахтёров, угрожая им смертью. Но их расчёты провалились: шахтёры делали всё, чтобы сорвать планы фашистов.

За семь месяцев оккупации удалось пустить в эксплуатацию только несколько мелких шахт, которые давали всего лишь около 200 тонн ежесуточной добычи угля. Но даже из того мизерного количества оккупантам доставалось не всё. Добытый уголь горел, поезда с ним шли под откос.

Страшную картину представляли город и посёлки после освобождения. Были приведены в негодность подъёмные сооружения на шахтах, разрушены железнодорожные станции и путевое хозяйство. Сумма разрушений и повреждённых шахт комбината Ростовуголь только по городу Шахты составила 97337,3 млн. руб. Сумма разрушений предприятий других отраслей промышленности — 68655,1 млн. руб. [47, л. 21, 22, 230].

Из общей протяжённости в 350 километров горных выработок было завалено и затоплено 220. Шахтные подъездные пути были полностью разрушены на протяжении 200 километров. Но фронту и стране нужен был уголь,

много угля. И горняки шахты «Красненькая» с приходом Красной армии первыми взялись за восстановление разрушенной шахты. Не зная усталости, работали люди днём и ночью, в лютые морозы и сильную метель. Это было огромное напряжение, вобравшее в себя тепло весны и волнение творчества. Вчерашние рекорды перекрывались сегодня. Шахта была восстановлена досрочно. Уголь пошёл на-гора. Это было торжество победы [48]. Капиталовложения в восстановление угольной промышленности города Шахты составили 103056,7 млн. руб. [47, л. 229].

Среди первых включились в социалистическое соревнование за быстрее восстановление своего предприятия горняки шахты имени Октябрьской революции. Активное участие в них приняли и женщины-домохозяйки.

На действующих шахтах комбината Ростовуголь по плану должно было работать 35 тысяч человек. Фактически же трудилось около 18 тысяч. Но добыча росла с каждым днём [47, л. 143].

В феврале 1943 года возобновил свою деятельность комбинат Ростовуголь. Первый эшелон угля дала восстановленная шахта имени Петровского треста Шахтантрацит. Горняки комбината Ростовуголь отправили в подарок трудящимся Москвы сорок три вагона угля, добытого сверх плана.

20 мая 1943 года комбинату Ростовуголь присуждено переходящее Красное Знамя Государственного комитета обороны со словами: «Пусть кипит созидательная работа на возрождённых угольных шахтах!» [49].

Приказом Народного комиссариата угольной промышленности от 17 декабря 1943 года наиболее отличившиеся на восстановлении шахт трудящиеся, достигшие высоких показателей в работе, были награждены значком «Отличник соцсоревнования Наркомугля СССР».

К концу 1945 года комбинат Ростовуголь превысил довоенную суточную добычу угля на 4,6%.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Работа трестов «Шахтантрацит» и «Несветайантрацит» на 5 июня 1941 г. // Красный шахтёр. 1941. 7 июня. С. 1.

2. Передовики соревнования // Красный шахтёр. 1941. 13 июня. С. 1.

3. *Третьяков Н.* Митинг трудящихся г. Шахты // Красный шахтёр. 1941. 24 июня. С. 1.

4. *Третьяков Н.* Все, как один, встанем на защиту Родины // Красный шахтёр. 1941. 24 июня. С. 1.

5. *Третьяков Н.* Готовы сражаться и победить врага // Красный шахтёр. 1941. 24 июня. С. 1.

6. Собрание городского партийного актива // Красный шахтёр. 1941. 25 июня. С. 1–2.

7. *Евгеньев Б.* Шахтёры идут на фронт // Красный шахтёр. 1941. 26 июня. С. 2.

8. За Родину, за Сталина! // Красный шахтёр. 1941. 24 июня. С. 2.

9. *Левага А.* За родной Донбасс! // Красный шахтёр. 1942. 30 янв. С. 3.

10. *Решетняк Н.* Славная победа артемовцев // Красный шахтёр. 1941. 29 июня. С. 1.

11. *Шевченко Т.* 70 старейших горняков возвратились на шахту // Красный шахтёр. 1942. 20 февр. С. 3.

12. *Петров А.* В шахту, в забой! // Красный шахтёр. 1942. 20 февр. С. 3.

13. Героический труд // Красный шахтёр. 1941. 26 июня. С. 3.

14. *Волков К.* Слово шахтёра — крепкое слово // Красный шахтёр. 1942. 18 марта. С. 3.

15. *Борисов И.* Патриотизм шахтёров // Красный шахтёр. 1941. 8 июля. С. 3.

16. Заменяем мужчин, ушедших на фронт! // Красный шахтёр. 1942. 23 мая. С. 3.

17. *Лошак М.* Женщины — на шахты! // Красный шахтёр. 1942. 20 февр. С. 1.

18. *Половых И.* Женщины! Пополним ряды шахтёров! // Красный шахтёр. 1942. 18 февраля. С. 3.

19. Женщины! Изучайте производство! : плакат / Худож. О. Эйгес. [Репродукция с плаката изд-ва «Искусство»] // Красный шахтёр. 1941. 26 июля. С. 3.

20. Заменяем мужчин, ушедших на фронт! // Красный шахтёр. 1941. 27 июля. С. 3.

21. Патриотки идут на производство // Красный шахтёр. 1941. 25 июня. С. 3.

22. *Решетняк Н.* Женщины! Идите работать на шахту! // Красный шахтёр. 1941. 25 июня. С. 3.

23. Женщины! На производство! // Красный шахтёр. 1941. 1 июля. С. 3.

24. Женщины! На производство! // Красный шахтёр. 1941. 3 июля. С. 3.

25. Поможем совхозам убрать обильный урожай // Красный шахтёр. 1941. 6 июля. С. 2.

26. *Левицкий А.* Наш вклад в фонд обороны // Красный шахтёр. 1941. 11 сент. С. 4.

27. *Данилова Л.* Заменяем товарищей, ушедших на фронт! // Красный шахтёр. 1941. 6 июля. С. 2.

28. Зорин Н. Большевистские дела железнодорожников // Красный шахтёр. 1941. 23 июля. С. 3.

29. Зорин Н. Передовые железнодорожники занесены в Книгу почёта // Красный шахтёр. 1941. 7 авг. С. 3.

30. У нас нет большего врага, чем Гитлер // Красный шахтёр. 1941. 14 сент. С. 2.

31. Все — в ряды народного ополчения! Письмо-обращение // Красный шахтёр. 1941. 12 сент. С. 3.

32. Народное ополчение — великая и грозная сила // Красный шахтёр. 1941. 16 июля. С. 1.

33. Народные мстители // Красный шахтёр. 1941. 7 сент. С. 1.

34. Буримов Ф. Тысячи шахтёров идут в ряды народного ополчения // Красный шахтёр. 1941. 16 июля. С. 3.

35. Белов А. В фонд обороны // Красный шахтёр. 1942. 7 февр. С. 3.

36. Лошак М. На танковую колонну имени комсомола // Красный шахтёр. 1942. 18 февр. С. 2.

37. Лучшие люди наших шахт // Красный шахтёр. 1942. 6 июля. С. 1.

37. Ченковский А. Дадим в подарок родной Москве эшелон угля сверх плана! // Красный шахтёр. 1942. 20 февр. С. 3.

39. Обязательства инициаторов соревнования // Красный шахтёр. 1942. 23 мая. С. 3.

40. Веселов Г. Ширятся ряды стахановцев угля // Красный шахтёр. 1942. 12 февр. С. 3.

41. В ответ на призыв шахтёров Кузбасса // Красный шахтёр. 1942. 3 июля. С. 1.

42. Черников М. На 8 дней раньше срока // Красный шахтёр. 1942. 3 апр. С. 3.

43. Сталин И. В. «Наша страна...» // Красный шахтёр. 1942. 1 февр. С. 1.

44. Крамских В. Шахтёры отвечают фронтовикам // Красный шахтёр. 1942. 12 мая. С. 3.

45. Наркомовские награды — передовым шахтёрам // Красный шахтёр. 1942. 6 июня. С. 3.

46. Обязательства награждённых // Красный шахтёр. 1942. 7 июня. С. 3.

47. ЦХАД, Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 69.

48. Яровой В. Дадим больше угля — приблизим победу над врагом! // Красный шахтёр. 1941. 26 июля. С. 2.

49. Комбинату Ростовуголь присуждено переходящее Красное Знамя // Красный шахтёр. 1943. 20 мая. С. 1.

Е. М. МОСКОВКИНА, Е. П. РЕУЦКОВА

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

Гапкинская средняя общеобразовательная школа — одна из старейших в Константиновском районе. Свою историю она ведёт с 1889 года.

В советский период школа имела несколько филиалов — начальных школ, расположенных в соседних хуторах Лисичкине, Новая Жизнь, Савельеве и посёлке Холмистом. Но в 90-годы эти начальные школы были закрыты, а детей стали возить на занятия в Гапкинскую школу.

Многие учителя школы прошли нелёгкий фронтовой путь. В их числе Дмитрий Иванович Саратов (1903 — 1967), учитель географии; Василий Павлович Ефимкин (1914 — 1996), учитель труда и военного дела; Зинаида Кузьминична Орлова (1915 — 2001), учитель немецкого языка; Иван Григорьевич Сергуц (1921 — 1978), учитель русского языка и литературы; Вениамин Афанасьевич Кожанов (1925 — 1987), учитель военного

дела; учителя начальных классов Михаил Тимофеевич Орлов (1914 — 2000), Василий Дмитриевич Корольков (1921 — 1944), Надежда Васильевна Репникова (Ермакова) (1924 — 1996).

Неудивительно, что тема Великой Отечественной войны стала одной из главных в поисковой работе и патриотическом воспитании юных гапкинцев.

Особую роль в развитии этого направления воспитательной работы школьников сыграл учитель-фронтовик Михаил Григорьевич Якушов (1913 — 2006), директор Гапкинской средней школы (1966 — 1973). Собранный им и его питомцами богатейший материал по истории школы лёг в основу школьного музея Боевой славы.

Сегодня в школе работают два музея — Боевой славы (руководитель Е. М. Московкина) и Казачьего быта (руководитель Е. М. Реуцкова)¹. Оба музея прошли областную экспертизу и по-

Елена Михайловна Московкина, учитель русского языка и литературы, Елена Павловна Реуцкова, учитель географии Гапкинской средней общеобразовательной школы, хутор Гапкин Константиновского района

¹ В статье публикуются фотографии из школьных музеев, предоставленные авторами. — *Ред.*

лучили свидетельства. На их базе ведётся большая поисковая работа.

Первым значимым результатом поисковой работы школьников стал выпуск «Книги памяти Гапкинское сельское поселение» [1]. Книга о солдатах, освободителях хутора, земляках, участниках Великой Отечественной войны, детях войны и тружениках тыла вышла тиражом 200 экземпляров в издательстве «Принт 22» города Барнаула.

75-летию Великой Победы был посвящён проект «Учитель-фронтовик». На протяжении нескольких лет на базе школьного музея создаётся серия книг «Живая память поколений».

В первой книге «Судьба сельской учительницы» (2018) рассказывалось о Марии Капитоновне Папаримовой (1922–2007), урождённой Ажогиной [2].

С 1945 года более 50 лет она работала учителем и директором Лисичанской начальной

*М. К. Папаримова со своими учениками.
Хутор Лисичкин, 1967 г.*

школы. Школа была на хорошем счету. За свою работу Мария Капитоновна была награждена медалями «За доблестный труд», «Ветеран труда», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», почётными грамотами.

Кроме того, в школе она занималась военно-патриотическим воспитанием учащихся. Красные следопыты под её руководством собирали материал о защитниках своей малой родины, искали родных тех, кто навсегда остался лежать в донской земле, сотрудничали с военкоматом, редакцией газеты «Красная Звезда», с военным архивом Министерства обороны. Ребята разыскивали живых участников боёв за хутор Лисичкин: старшего лейтенанта И. И. Маленко из Кировоградской области, капитана П. М. Гомоюка из Кривого Рога, подполковника запаса из Москвы П. Г. Бабко.

Встреч с родственниками и оставшимися в живых ветеранами было много. К ним готовился весь небольшой, но дружный и гостеприимный хутор. Это были очень волнующие мероприятия: со слезами и смехом, воспоминаниями и песнями до утра. Первая встреча родных была запечатлена на плёнку Виктором Яценко, сыном погибшего здесь Владимира Егоровича Яценко. Но, к сожалению, эту запись впоследствии кто-то похитил из школьного музея.

Были в музее и сувениры от родственников погибших, благодарственные письма из воинских частей.

Дети всегда с большим интересом принимали участие в организации встреч с ветеранами, родственниками погибших воинов-освободителей. Организовывала Лисичанская школа и огоньки, концерты для гостей. Гости, в свою очередь, были очень благодарны всем жителям хутора и ученикам школы за память, внимание, гостеприимство.

Мария Капитоновна наладила связь с ветеранами 33-й гвардейской стрелковой дивизии, которые ежегодно приезжали на памятные встречи, организованные учителем.

Весь собранный материал Мария Капитоновна вместе с детьми оформляла на стендах и в альбомах. Но школьное помещение было маленьким, поэтому многое приходилось хранить дома, в том числе и свои юношеские воспоминания — свидетельства времени, публикуемые ниже.

Вторая книга из серии «Живая память поколений» посвящена Михаилу Тимофеевичу Орлову (1914–2000), первому в Константиновском районе Заслуженному учителю школы РСФСР [3].

М. Т. Орлов

Учитель от Бога, как говорят, Михаил Тимофеевич оставил добрую память в душах своих учеников. Об этом человеке в наших краях знал каждый. С уважением говорили о нём взрослые, с любовью — дети. В школьном музее сохранились их тёплые воспоминания.

«... Михаил Тимофеевич пользовался непрекаемым авторитетом среди жителей хутора, был партгрупоргом, корреспондентом районной газеты. Я была счастлива, когда ему было присвоено звание Заслуженный учитель. С его дочерью Аллой мы дружим с детства и до настоящего времени. Я стала учителем, больше 40 лет отдала школе, Отличник народного просвещения России, много лет работала завучем Манычской средней школы.

Лукиных (Власова) Юлия Васильевна, ученица Ново-Жизненской начальной школы 1944 — 1948 гг.» [3, с. 39].

«Как учитель он очень был внимателен к ученикам. Всегда ... терпеливым, спокойным. Он сам играл на баяне и проводил весёлые праздники: Новый год, 8 марта, праздник осени и другие. Мы рассказывали стихи, пели песни, танцевали. Михаил Тимофеевич часто ходил с нами на экскурсии в лес, на луг, много рассказывал интересного о растениях и животных. В классе на стене висел стенд успеваемости. Напротив каждой фамилии ученика была прикреплена фигурка лошадки. Кто получал «5» или «4», лошадка была впереди, кто «2» или «3», тощая лошадка стояла сзади. <...> Михаил Тимофеевич был не только хорошим учителем, но и хорошим

человеком. В памяти всех учеников нашей школы Михаил Тимофеевич останется яркой звёздочкой.

Сизова (Назарьева) Антонина Ивановна, ученица Ново-Жизненской начальной школы 1973 — 76 уч. годы» [3, с. 37].

М. Т. Орлов — учитель-новатор. Познакомиться с его опытом работы не однажды приезжали коллеги из Ростовской области, и сам он охотно делился своими педагогическими находками на страницах профессиональной печати¹ [4].

18 августа 1941 года Михаил Тимофеевич был призван на фронт. В звании сержанта воевал сапёром в 30-й стрелковой дивизии 35-го стрелкового полка. В мае 1942 года был ранен и проходил лечение в окружном госпитале в Ростове-на-Дону. Вернулся из госпиталя в свою часть. 25 июля 1942 года в боях на Миус-фронте в районе хутора Водино часть 30-й стрелковой дивизии попала в окружение. В донесениях о потерях М. Т. Орлов числился погибшим и похороненным в селе Кулешовка Ростовской области в братской могиле. Числится погибшим он и в «Книге Памяти Ростовской области».

Но Михаил Тимофеевич не погиб, после выхода из окружения он был направлен в 258 стрелковую дивизию. Воевал на Юго-Западном фронте, принимал участие в освобождении нашей области, Украины, Польши, Прибалтики, Чехословакии и дошёл до Берлина. Войну закончил командиром отделения 111-го Отдельного гвардейского сапёрного ордена Богдана Хмельницкого батальона 96-й гвардейской стрелковой Иловайской ордена Ленина Краснознамённой дивизии.

Примечательно, что всё пережитое Орловым в военные годы почти не нашло отражения в его воспоминаниях, предоставленных для публикации дочерью А. М. Дерезко: по-видимому, сказала природная скромность автора и его любовь к мирной жизни на родной земле.

Воспоминания Марии Капитоновны Папаримовой и Михаила Тимофеевича Орлова перенесут читателя альманаха в далёкие 30 — 40-е годы, а статья М. Т. Орлова из опыта работы в школе начала 60-х годов, возможно, заинтересует молодого учителя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Московкина Е. М., Реуцкова Е. П., Крапивина Е. В.* Книга памяти Гапкинського сельского поселения Константиновского района Ростовской области. Барнаул : ПРИНТ22, 2019. 370 с. :ил.

¹ Ниже публикуем статью М. Т. Орлова, сохранившуюся в школьном музее. — Е. М.

2. Судьба сельской учительницы / Авт.-сост.: Реуцкова Е. П., Московкина Е. М., Хохлачёва Т. В., Крапивина Е. В. Лисичкин, 2018. (Живая память поколений).

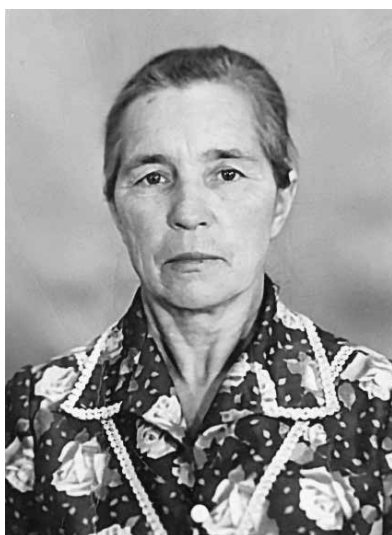
3. Учитель-фронтовик Орлов Михаил Тимофеевич / МБОУ «Гапкинская СОШ»; Изд. шк. музея; авт. проекта: Костромина Д., Репринце-

ва В., Фирсов А., Филимонов Н. под рук. Московкиной Е. М., Реуцковой Е. П. Гапкин, 2020. (Живая память поколений).

4. Орлов М. Т. В малокомплектных школах : [хутор «Новая жизнь» Рост. обл.] // Начальная школа. 1961. № 4.

М. К. ПАПАРИМОВА

ГОДЫ 1930–1940-е

М. К. Папаримова

Родилась я в голодном 1922 году 27 декабря в станице Нижне-Кундрюченской Раздорского района Ростовской области в бедной крестьянской семье. Отец мой Ажогин Капитон Кондратьевич (1900 – 1970), как и мама Беляева Любовь Никитична (1898 – 1964) были выходцами из бедных крестьян. На их долю выпали сложные трагические годы: голод 1922 года, коллективизация 1929 года, «искусственный» голод по всей стране в 1933 году, грозный страшный 1937 год. За любое слово против власти, не говоря уже о мелких проступках, могли уничтожить. Это был год страшных репрессий.

В 1937 году я окончила Нижне-Кундрюченскую семилетку и поступила в Константиновское педагогическое училище. Хотя жизнь и учёба были тяжёлыми, но эти годы в моей жизни были радостными и счастливыми. Члены коллектива педучилища были для нас не только педагогами, но и воспитателями, всегда старались поддержать нас в трудную минуту и морально,

и материально. В 1940 году я окончила педучилище и по распределению попала в Мартыновский район Ростовской области (Комаровский сельсовет, хутор Миронов). Работала там учителем начальных классов до оккупации немцами нашей области. Когда началась война, были каникулы, я была у родителей в станице Нижне-Кундрюченской. До сих пор в памяти стоят дни, когда наши земляки уходили на фронт. Каким тяжёлым было расставание с близкими! Море слёз! Ведь многие осознавали, что не придётся вернуться к родным. А дома оставались большие семьи: дети, старики.

Как сейчас помню проводы на фронт тех, кто был «списан» с военной службы, в том числе и моего отца. Как провожали его всей многодетной семьёй (у нас было в это время шестеро детей: я – старшая, Елена, Пётр, Зоя и ещё две девочки – Лиза и Женя). Кроме детей у мамы остались на иждивении старенькая 80-летняя мама Елена Петровна и отец Никита Иванович, да ещё и мамина сестра Акулина – инвалид с детства. Вот такой большой «коллектив» ей достался. Тяжело было выживать в военное лихолетье после того, как отца проводили на фронт. Стали мамиными главными помощниками я, брат Петя и сестра Елена, которая долго была на работах по строительству оборонительных рубежей под Ростовом. Рыли окопы, противотанковые рвы, за что получила благодарственное письмо. Такая тяжёлая настала жизнь после ухода наших мужчин на фронт, что, кажется, до последнего дыхания никогда не сгладятся эти события из памяти. Приходилось питаться травой, которая была пригодна для пищи. Многие станичники ездили на Украину зарабатывать хлеб (в основном кукурузу и ячмень). Кто покупал за деньги, кто менял на домашнюю утварь, а кто нанимался на работу к хозяину. В последнюю категорию попала и я. Денег не было, что лишнее было, раньше продали, променяли на

еду. Вот я и поехала в третий раз на Украину с одной землячкой Закотновой Марией тоже зарабатывать хлеб. Это был май 1944 года.

Заработали мы с ней по 10 мешков суржи (смесь ячменя и кукурузы) и поехали домой. Добирались в товарных вагонах, гружённых углём, горючим. Долго ехали, часто вагоны загоняли в тупик. Да и в дороге было опасно, обворовывали. И вот эта самая последняя поездка запомнилась особенно, как будто сейчас всё произошло. На станции Чаплино я встретила на другом военном составе своего отца-фронтовика, раненого в левую руку, без пальцев! Какая это была встреча! Её просто невозможно забыть! Она длилась всего несколько минут. Папа не мог поверить, что это я, его дочь, а я тоже не верила своим глазам. Его ужасал мой вид — я, молоденькая девушка, ехала на товарной платформе и везла столько хлеба. Слёз и у него, и у меня было много, мы даже не смогли толком поговорить. Солдаты из его вагона несли мне кто паёк хлеба, кто сахара, а кто кусочки хозяйственного

мыла. Попросила папу дать фотографию, если есть, чтобы дома мне поверили — я встретила с папой! Он дал мне маленькую фотокарточку для военного билета, на ней он был с усами. И вот со всем этим богатством я отправилась дальше, домой. А папину часть, после взятия Крыма, перебросили на Западный фронт. Несмотря на ранение, отца не комиссовали, а оставили, как грамотного, служить на вещевом складе, где он выдавал раненым солдатам нижнее бельё. Я до сих пор не могу забыть эту встречу, да к тому же такую редкую в жизни! Так я спасла свою семью от голода.

В 1944 году папу демобилизовали. Вернулся он инвалидом. Стал получать пенсию 22 рубля. Так и жили они с мамой, помогая всем, кто в них нуждался.

Осенью 1944 года от ОБЛОНО учителей направляли по районам на работу в школы. Я попала в Николаевский район, где и осталась жить и работать.

Публикация Е. П. Реуцковой

М. Т. ОРЛОВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Мои корни

Мой прадед Семён Григорьевич Орлов, отец Тимофей Фёдорович Орлов были потомственные хлеборобы, донские казаки. Жили, трудились не покладая рук, хозяйство в основном было середняцкое. Мои дедушка, бабушка, да и прадед жили в хуторе Нижне-Яблочный станицы Верхне-Курмоярской Области войска Донского. С 1951 года это место находится на дне Цимлянского моря.

В 1912 году дядя Ефрем, младший брат моего отца, и отец со своей семьёй переехали в город Котельниково, где родились я и мои братья Коля, Володя, Веня.

В семье у моего дедушки было пять сыновей и две дочери. Когда началась Гражданская война, отец мой и его младший брат Ефрем были на стороне красных, а старшие братья на стороне белых. Иногда собирались за одним столом у родителей, драки не было, но спорили всегда. Один из братьев был тяжело болен и вскоре умер. Старшие братья, которые воевали за белых, вместе с семьями были сосланы в Сибирь, где вскоре и погибли.

До революции отец мой Орлов Тимофей Фёдорович служил в казачьих частях в Петербурге. В семье старшего брата Николая сохранился старинный сундук. На дужке сделана красивая гравировка: *«Лейб гвардии Казачьего Его Императорского Величества полка 3-й сотни. Урядник Тимофей Фёдоров Орлов. 1906 г. 21 сентября. г. Петербург. Ст. Верхне-Курмоярская».*

В казачью гвардию брали не всех, а только лучших казаков. Традиционно на службу в эту старейшую часть отбирались брюнеты и, конечно, хорошие наездники.

Детские годы

В школу в те времена принимали с 9 лет. Жили мы тогда в хуторе Нижне-Яблочном. Школа была начальной, но учеников было много — около ста человек. Был закон об обязательном начальном образовании. Дальше — по желанию. Было 4 класса.

Первых своих учителей помню очень хорошо и сейчас. Заведующим школой был Крылов Алексей Михайлович, он же мой учитель. В школе работала и его жена Крылова Нина Ми-

хайловна. Учителя были добрыми, вежливыми, трудолюбивыми. Память о них осталась самая приятная. Учиться в школе было интересно. Учили стихотворение о коммуне.

*Из отсталой тёмной рваненькой
Деревеньки вечно пьяненькой
Вышла трезвая тесовая,
Как зелёный бор, здоровая,
Весёлая жилая коммуна трудовая.
Дети чистеньки да умытеньки,
Да причёсаны волосики.
Вёдра, полные угоя,
Девки к погребу тащат
Во семью, во семью.
Все за нами, все за нами
В нашу красную семью.*

Хутор Новая Жизнь был коммуной до коллективизации и хутор Сталина рядом с Богоявленской.

...В 1928 году случилось большое событие. Отец купил гармонь, все четыре брата «играли», кто первый проснётся. Дело доходило до слёз, но потом гармонь братьям стала надоедать, а мне понравилась, и я научился хорошо играть.

В 1929 году началась коллективизация. Так как отец в гражданскую войну воевал против белых и всё, что было в хозяйстве (корова, лошадь, верблюд, повозка) добровольно отдал, в Сибирь не попал, хотя был середняком. В этот же период стали создавать коммуны, не разрешали иметь домашнее хозяйство, вокруг домов не было заборов, питались только в столовой, в доме даже не было ложек, вилок. Но из этого ничего не получилось.

Первые шаги в профессии

В 1933 году в Константиновском педучилище открылись годовичные курсы, проверили знания и сказали, что мы принимаем на годовичные курсы учителей, будете жить в общежитии, питаться в столовой. Радости моей не было предела.

С первого сентября начались занятия. С огромным интересом и большим желанием я приступил к учёбе. Мы постоянно были голодными, но учились охотно. Прошёл год учёбы, на педагогических курсах мы занимались по сокращённой программе. В июне я сдал экзамены и получил направление учителем в Белянскую начальную школу. В этом же году поступил в педучилище на заочное отделение. Мне в ту пору шёл двадцатый год.

Работа в школе меня увлекла. Каждый день шёл в школу проводить занятия с детьми, как на

праздник. Когда я уже работал и учился заочно, мои братья Володя с Веней учились ещё на третьем курсе педучилища.

Хутор Белянский находится в 18 километрах от Богоявленской. Расположен среди степей и полей. Его разделяет речка Белая. Как и все остальные, хутор после коллективизации имел печальный вид. Школу нашёл быстро. В центре хутора стояли два крестьянских дома. Это и была Белянская начальная школа. В одном из них в маленькой комнате жила заведующая школой, она же была там единственным учителем, Ажогина Клавдия Алексеевна, ей было сорок лет, одинокая.

Когда я представился, она очень обрадовалась, сказала: «Хорошо, что ты приехал. Я тут измучилась одна работать в четырёх классах с пятьюдесятью детьми. Весь год просила приехать учителя».

М. Т. Орлов с учениками Белянской школы. 1935 г.

В первый год моей учительской работы вёл занятия в первом и третьем классе одновременно. В двух классах было 36 учеников. Было нелегко, но мне нравилось.

Мне пригодилось умение играть на гармошке. Дети ждали с нетерпением уроки пения. После уроков мы с детьми готовились к праздничным концертам. Дети пели, танцевали, сначала выступали в школе, а потом на сцене хуторского клуба. В те годы радио появлялось только в городах. А у хуторян наши концерты были единственным развлечением.

Шёл 1936 год. Семилетнюю школу по приказу РОНО перевели из хутора Калинин в хутор Белянский. Я вёл ещё в старших классах занятия по пению, физкультуре. Вечером учителя проводили занятия со взрослыми до 50 лет по ликвидации безграмотности — ликбез. Учили писать и читать.

Любовь

В августе 1937 года по приказу РОНО меня из Белянской школы переводят заведующим Калининской начальной школы. В эту пору нужен был ещё один учитель, которого обещали прислать в скором времени. Прочитал я приказ и сразу принял решение. Сел на велосипед и помчался в станицу Богоявленскую.

С Марией Ильиничной Александрinou мы познакомились в станице Богоявленской, когда приходил в гости к родителям. Мария работала учительницей.

Тогда мы влюблялись на улице, там же открывались таланты. Она играла на гитаре и пела. Я играл на гармошке и тоже пел. Так мы влюблялись друг в друга. Примчался я к Марии на велосипеде и сразу сделал предложение руки и сердца.

В октябре 1938 года у нас родилась доченька Аллочка. В 1940 году мы с Марусей переехали в хутор Новая Жизнь на работу в начальную школу, где и проработали всю жизнь. Природа в этом хуторе очень хороша. Мы жили много лет в школе, была одна комната. Потом построили дом на берегу реки, где я с удовольствием посиживал на берегу с удочкой.

Война

Я воевал в отдельном сапёрном батальоне. Часто командир дивизии приказывал нашему командиру батальона прислать двух лучших сапёров для сопровождения дивизионной разведки. В обязанность сапёров входило, двигаясь впереди разведки к передовой, подготовить проходы в минных полях и проволочных заграждениях. Мне приходилось сопровождать разведку. Однажды встретился с тремя разведчиками, своими учениками из Калининской школы. Это Сергей Буланов, Василий Заруднев и Константин Щепелев. После этой встречи ещё несколько раз ходили на задания. Окончилась война. Сергей Буланов и я с победой вернулись домой. Но Зарудневу и Щепелеву не пришлось дожить до радостного дня победы над врагом, они погибли. Я снова стал учителем в Новожиженской школе, а Сергей — колхозным кузнецом в хуторе Гапкин. Часто мы и теперь с ним встречаемся в летнюю пору на утренней зорьке у реки с удочками. Есть о чём поговорить, вспомнить пережитое.

хутор Новая Жизнь, 1984 год

М. Т. ОРЛОВ

В МАЛОКОМПЛЕКТНОЙ ШКОЛЕ

(Из опыта работы)

Осуществляя требования Закона об укреплении связи школы с жизнью, мы в нашей одноклассной школе проводим много практических работ, позволяющих нам связывать обучение с трудом, с практикой ком-

мунистического строительства. Об этих работах я хочу кратко рассказать в своей статье. Известно, что в малокомплектных школах, где один учитель занимается с несколькими классами, большую роль играют самостоятельные работы.

Чтобы иметь конкретный материал для самостоятельных работ по арифметике, мы создали сборник справочных таблиц. В этом сборнике записаны таблицы цен на продукты, таблицы скорости движения, кормовых норм для животных, нормы высева зерновых на гектар и др. Чем больше справочных таблиц, тем легче организовать самостоятельную работу учащихся по составлению и решению практических задач.

Много задач составляют наши учащиеся на местном материале. Чтобы ещё больше заинтересовать детей этой работой, было решено во

Школа в хуторе Новая Жизнь. 1962 г.

М. Т. Орлов с учениками. Хутор Новая Жизнь. 1955 г.

втором полугодии создать сборник задач, составленных учащимися всех классов.

Измерение — спутник человека в его трудовой деятельности. Поэтому школа должна вооружить ученика твёрдыми знаниями мер и измерительными навыками.

Пользуясь готовыми пособиями, я в то же время широко практикую применение самодельных наглядных пособий, к изготовлению которых привлекаю самих учащихся. Так, например, на уроках ручного труда, в общественно полезном труде и в кружке «Умелые руки» дети изготовили: бумажный метр с делениями на дециметры, мерную верёвку, квадратный метр, кубические метр, дециметр, сантиметр и многие другие пособия.

Изготавливая учебно-наглядные пособия, учащиеся лучше усваивают тот материал, который им сообщают на уроке, овладевают трудовыми навыками и умениями.

В 1 классе учащиеся, знакомясь с метром и выполняя измерение при помощи метра, редко встречаются с длинами, равными целому числу метров. Поэтому им приходится определять, к какому значению ближе всего измеряемый отрезок. Они должны научиться придавать слову «около» вполне конкретное значения. Желая измерить некоторый отрезок, ученик сначала прикидывает на глаз исследуемую длину, высказывает предположение, которое затем проверяется измерениями. При этом важно каждый раз выяснять размеры допущенной ошибки. Такая работа проводилась повседневно на уроке, в школьном дворе, на школьном участке, на экскурсии не только с учащимися 1 класса, но и со всеми учениками школы. В 1 классе учащиеся должны уметь узнавать фигуры: квадрат, прямоугольник, круг. Для лучшего закрепления этих знаний и навыков на уроках ручного труда дети по трафарету вырезают такие фигуры

из бумаги, а на уроках рисования рисуют узоры, составленные из кругов, квадратов, прямоугольников и треугольников, и раскрашивают их. Работая на школьном учебно-опытном участке, дети упражнялись в узнавании этих геометрических фигур среди грядок, дорожек и цветочных клумб.

Во 2 классе я упражняю детей в измерении отрезков с точностью до 1 см и проведении от руки и на глаз отрезков, равных 1 — 2 см; на уроках ручного труда практикую работы по вырезыванию полосок бумаги, прямоугольников и квадратов по данным мной размерам.

В 3 — 4 классах при изучении мер длины учащиеся упражняются в измерении миллиметром, сантиметром, дециметром, метром; кроме того, обязательно проводятся измерения расстояний в 100 м, 300 м, 500 м и 1 км. Все измерения на местности выполняются мерной верёвкой и метром.

Учащиеся 4 класса повторяют таблицу мер длины и продолжают упражнения в глазомерном определении длины. Новым материалом в 4 классе является, как известно, измерение площадей и объёмов. Чтобы учащиеся лучше запомнили и размеры, и форму кубического метра, квадратного метра, в школьном дворе у нас построена арифметическая площадка, на которой установлены из деревянных реек эти геометрические фигуры.

Повседневно наблюдая форму и размеры этих геометрических фигур и тел, ученики сознательно и прочно запоминают их.

Много практических работ провожу по измерению площадей и объёмов — даю задания: отмерить грядку площадью в 6 кв. м в 1 а, в 15 а, 30 а или 30 соток, 100 а или гектар. Какие надо взять размеры, чтобы вырыть яму в 12 куб. м, в 10 куб. м, в 45 куб. м?

М. Т. Орлов со своим учеником Васей Пушкарским. Хутор Новая Жизнь. 1970-е гг.

Изучая меры веса, учу детей практически пользоваться этими мерами. С этой целью в кружке «умелые руки» школьники изготовили с моей помощью весы, а гирями в них были использованы монеты в 1, 2, 3 и 5 коп. На протяжении всего учебного года все учащиеся упражнялись во взвешивании хлеба, крупы, картофеля и других предметов.

На уроках ручного труда и дома ученики 4 класса сшили мешочки, в которые потом насыпали песок весом в 1, 2, 3, 5 и 10 кг, и наклеили на эти мешочки этикетки и с обозначением веса. Все эти мешочки мы выставили на видном месте, чтобы дети могли их чаще брать в руки, поднимать, определять вес.

Большой интерес у школьников вызывает игра в «магазин». Для этой игры дети на уроках ручного труда и дома изготовили картонные монеты достоинством 1, 2, 3, 5, 10, 15 и 20 коп. Кроме того, сделали книжечки, коробочки и многие другие предметы.

При изучении мер времени учащиеся на уроках ручного труда изготовили вечный календарь, по которому все школьники определяют год, число, месяц и дни недели. Чтобы все учащиеся точно, по часам, определяли время, в классе около часов повесили расписание звонков.

Каждому ученику приходится дежурить по школе, он же даёт и звонки по расписанию.

Продежуривав несколько раз в течение учебного года, ученик получает прочные навыки по определению времени на часах. Чтобы облегчить детям усвоение правописания слов с непроверяемыми безударными гласными, было решено с помощью школьников изготовить из картона карточки размером 12 см. * 8 см. С одной стороны склеили их цветной бумагой, а с другой — обойной. Затем чёрной тушью и печатными буквами я написал по 10 слов с непроверяемыми безударными гласными, взятыми из программы.

Такие карточки выдаются всем ученикам. Дома эти слова они читают, стараются запомнить их написание, составляют предложения с двумя или тремя словами. Потом на второй или третий день (для этого всегда указываются сроки) в классе на уроке грамматики или чтения производится проверка.

Беру у ученика карточку, читаю и произношу слова разговорной речью, а ученик повторяет это слово по слогам. Если ученик допустит ошибку, что редко бывает, то ему предлагается записать это слово в свой словарик и запомнить. Чтобы запоминание было сознательным, часто предлагают ученику объяснить смысловое выражение того или иного слова.

Такой метод обучения правописания слов с непроверяемыми безударными гласными позволяет экономить много времени и даёт хорошие результаты.

При работе учителя одновременно с несколькими классами особенно приходится дорожить каждой минутой на уроке, стараться за эти минуты как можно больше дать знаний и навыков. В этом большую помощь нам, учителям малокомплектных школ, оказывают различные билеты и карточки.

Часто приходится встречать такое явление, когда ученик знает правило правописания, а на практике им не пользуется и поэтому делает ошибки. Чтобы преодолеть такой недостаток, я провёл с детьми беседу о людях разных профессий (шофёрах, трактористах, лётчиках и др.), которым обязательно нужно соблюдать правила — то правила движения, то правила полёта, то какие-либо иные правила. Таким образом, убедил их в том, что и им (детям) нельзя учиться, не соблюдая правил. Кто из учеников не соблюдает правила, не пользуется ими во время письма, тот обязательно будет плохо писать. А чтобы научиться быстро во время письма применять необходимые правила, мы на уроках часто будем в этом упражняться.

После такой беседы у детей появился интерес к правилам. Они по-другому стали смотреть на правила и не считали их, как ранее, тяжёлым и ненужным бременем.

Диктуется, например, при объяснительном диктанте слово «глаза».

Прежде чем дети начали записывать это слово, я поставил перед ними вопрос.

— Какое правило надо вспомнить при письме этого слова? (Правописание безударных гласных. Надо изменить это слово и сказать «глаз». Слышится буква а, и поэтому надо писать «глаза».)

Другой пример. Дается слово в предложении — шубка. Дети отвечают, что надо вспомнить правило правописания звонких и глухих согласных в середине слова.

Или дается предложение «На площадке играли дети». Ставлю вопрос: «Какие правила нужно вспомнить при написании этого предложения?»

(«На» — это предлог, он пишется отдельно, а при письме слово «площадка» надо вспомнить несколько правил: правописание безударных гласных, слова с сочетанием ча, ща, правописание звонких и глухих согласных в середине слова и правописание надёжных окончаний существительных первого склонения.)

Часто проводились мной упражнения в виде игры. Например, получает ученик какого-ни-

будь класса карточки с предложениями, насыщенными словами на соответствующие правила и, изображая, например, шофёра, отправляется в путь.

Если кто-либо из учащихся не применил необходимых правил или же применил не те, какие следует, то считают, что произошла авария. Победителями выходят те, кто прибыл на место без аварий. Эта игра детям очень понравилась, и они часто проводят её не только в школе, но и дома.

Такие тренировочные упражнения помогли нашим учащимся выполнять работы без ошибок.

При изучении природоведения мы также проводили практические работы, закрепляющие полученные знания. Так, при изучении плана и карты учащиеся начертили план школьного двора, школьного участка, план хутора и его окрестностей, контурную карту района и области. После таких практических работ дети с большим интересом, желанием и пониманием приступили к изучению карты СССР. При изучении темы «Вода в природе» мы ставили опыты, проводили наблюдения, предусмотренные программой, изготовили действующую модель водяного колеса, изготовили коллекции и гербарии.

Члены кружка «Умелые ручки» сделали макет «Формы земной поверхности нашей местности», устроили географическую площадку, на которой были установлены флюгер и солнечные часы, регулярно вели календарь природы.

Чтобы вызвать у учащихся большой интерес к изучению природы своего родного края, природы других краев и областей СССР, была налажена переписка с учащимися начальных школ различных областей и республик. Учени-

ки г. Инты Коми АССР прислали нам гербарий растений Севера. Школьники нашей школы послали им гербарий растений своего края.

Такая же дружба налажена с учащимися Московской области, Краснодарского края, Алтайского края. Крепкая дружба в этом году завязалась между нашими школьниками и Каменно-Тузловской начальной школой Куйбышевского района Ростовской области. Налаживается переписка со школьниками Казахстана, Урала и Сибири. В своих письмах учащиеся пишут не только о своих школьных делах, но и описывают природу своего родного края, гордятся всем тем, что их окружает. Такая переписка помогает детям лучше знать свой родной край, больше любить свою Родину.

Чтобы сделать доступным пониманию детей исторический материал и создавать правильное представление об изучаемых исторических событиях, в школе создан исторический уголок, пополняемый на протяжении нескольких лет разными экспонатами, рисунками, книгами, схемами. Сейчас в историческом уголке имеется коллекция древних монет, альбомы с рисунками на исторические темы, различные книги с историческим содержанием.

Практические работы, выполняемые детьми при изучении программного материала, способствуют активизации учащихся.

Соединяя труд и ученье, начальная школа перестраивает всю учебно-воспитательную работу в том направлении, какое указано Законом об укреплении связи школы с жизнью.

(«Начальная школа». 1961. № 4)

Публикация Е. М. Московкиной

А. В. ШАПОРЕНКО

МЁРТВЫЙ ГИТЛЕРОВЕЦ, СОВЕТСКИЙ ПОЛЯРНИК И ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА

«24 января 1943 года большие потери понесла 5-я мех[анизированная] бригада. В боях за хутор Арпачин погиб Герой Советского Союза отважный разведчик старшина И. И. Гетман [1].

С этой информации и начались мои поиски Героя. Особую роль сыграла газетная статья из Мурманска, в которой краевед Михаил Оре-

шета рассказал журналисту о находках смоленских поисковиков: в августе 2016 года они наткнулись на останки погибшего в войну немецкого офицера [2]. При офицере вермахта был найден целый клад! Трофейными сокровищами оказались ордена страны Советов и самая значительная медаль той поры — «Золотая Звезда». Награда имела № 239 и принадлежала Ивану Ивановичу Гетману.

Александр Васильевич Шапоренко, краевед, учитель истории Багаевской средней школы №3, станицы Багаевской. Сообщение под названием: «В боях за хутор Арпачин (В поисках Героя Советского Союза И. И. Гетмана)»

И. И. Гетман. Фото с сайта «Герои страны»

Иван Иванович Гетман родился 23 мая 1913 года (по новому стилю 5 июня; это не две разные даты, как отмечено в статье [2]. — А. Ш.) в семье рабочего в старинном украинском городе Нежине [3]. Замечу также, что в справочнике «Герои Советского Союза» указан только год рождения нашего героя [4]. В 1930 году Иван Гетман окончил школу-семилетку [3], по другим данным — 10 классов [4]. В том же году уехал в Москву: учился в ФЗУ, работая в институте химической обороны. Но душа просила романтики, и юноша отправился в Заполярье. До службы в армии (1934 — 1936) успел поработать грузчиком на предприятиях архипелага Шпицберген. В 1937-м уехал в Мурманск: трудился ловцом на судах «Мурманрыба», матросом на корабле «Персей», помощником судового кока на ледоколе «Ермак». Ледокол участвовал в спасении парохода «Георгий Седов» [3].

За экспедицией «Седова» следил весь мир. После безуспешной попытки вызволить судно, затёртое льдами в Арктике, 30 августа 1938 года на палубу парохода спускаются шестеро «ермаковцев», среди них Иван Гетман вместе с другом и шефом по «Ермаку» поваром Павлом Мегер [5]. Далее следует легендарный дрейф во льдах, мировые рекорды, исследования и триумфальное спасение полярников в январе 1940 года.

Записки капитана К. С. Бадигина о знаменитом 27-месячном дрейфе ледокольного парохода «Георгий Седов» в Северном Ледовитом океане содержат 67 эпизодов с участием Ивана Гетмана: живой портрет героя. Капитан говорит о кочегаре как об отважном, упорном человеке, балагуре и знатоке огромного количества историй [5].

Москва восторженно встречала героев. 3 февраля 1940 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «за проведение героического дрейфа, выполнение обширной программы исследований в трудных условиях Арктики и проявленное при этом мужество и настойчивость» все пятнадцать седовцев, включая и шестерых ермаковцев награждены орденами Ленина и медалями «Золотая Звезда». Героев отметили денежной наградой в двадцать пять тысяч рублей. А фотография Ивана Гетмана в шлеме-будённовке попадает на почтовую марку СССР (под №1 в верхнем углу знака).

Неудивителен тот факт, что И. И. Гетман в 1940 году становится депутатом Мурманского городского Совета [2].

*Почтовая марка СССР с изображением дрейфа.
Слева первый в верхнем углу И. И. Гетман*

Войну герой Иван Гетман встречает на Тихоокеанском флоте [3]. Однако 10 ноября 1942 года он поступает в только что сформированную пятую механизированную бригаду второго механизированного корпуса. В составе этого подразделения беспартийный гвардии старшина Иван Иванович Гетман, будучи заместителем командира разведывательной роты, успешно воюет в декабре 1942 — январе 1943 года, наступая вдоль реки Дон. 4-я, 5-я и 6-я гвардейские механизированные бригады крушат противника, несмотря на сильнейшие авиационные удары немцев. Согласно журналу боевых действий соединения довольно быстро преодолевают расстояние в 330 километров по прямой от хутора Шестаков Волгоградской области (26.12.42 г.) до станции Багаевской (7.01.43 г.) [7, л. 11 — 19].

Над Третьим рейхом нависает угроза полного разгрома, попади кавказская группировка гитлеровцев под Ростовом в окружение. Исследователи полагают: случись это, война окончилась бы уже в 1943 году. В сжатые сроки немецкое командование перебрасывает элитные подразделения к Маньчжскому плацдарму. Их

цель — контратаками остановить РККА, ответи угрозу от Ростова и дать кавказской группировке выскользнуть из ловушки.

В этих условиях все три бригады Красной Армии на участке Красный — Самодуровка (Первомайский) — Манычская — Арпачин — Алитуб попадают в сложнейшую ситуацию, грозящую окружением и полным уничтожением на Манычском плацдарме [7, л. 19 — 20].

22 января 1943 года Гетман получил тяжёлое ранение в ногу. Спустя два дня ему выделили машину и охрану для того, чтобы отправить в госпиталь станицы Багаевской. Василий Петрович Семизоров, старожил и ветеран войны 1923 года рождения, рассказывал мне, что госпиталя в станице не было, но в школах размещались санитарные части.

Публикуемый ниже документ освещает последние известные события из жизни Ивана Гетмана.

«Управлению по учёту погибшего и пропавшего без вести сержантского и рядового состава города Москва.

На Ваш № 3392105 от 21.05.45 г. сообщая, что Гетман Иван Иванович — Герой Советского Союза проходил службу в нашей части [полевая почта №61492. — А. Ш.] с 10.11.42 г. по 23.01.43 г. в должности зам. командира разведывательной роты. В боях с немецкими захватчиками при овладении нашими войсками 22.01.43 г. селом Арпочин [правильно: хутор Арпачин. — А. Ш.] и Манычской станицы Гетман И. И. был ранен в ногу и 24.01.43 г. следовал в госпиталь на специально выделенной машине вместе с личным составом части, которая имела в тот момент задачу выйти из с. Арпочин в станицу Багаевская [правильно: Багаевская. — А. Ш.] так как противник с численным превосходством сил занял станицу — Маныч [правильно: Манычская. — А. Ш.] и угрожал отрезать по реке Дон нашу часть в селе Арпочин.

При подходе к Багаевской автомашина, на которой следовал тов. Гетман вместе с охраной, в связи с бездорожьем /снежные заносы / заболоченные места и пр./ в пути отстала, которую в течение последующих 5 дней при систематических розысках в районе станицы нигде обнаружить не могли.

Позднее при очищении станиц Маныч и села Арпочин от противника, вновь принятыми мерами розыска в районах станиц и побережью Дона также автомашину не нашли и не обнаружили никаких следов исчезновения тов. Гетмана и его охраны.

Есть предположение, что в период временно занятой территории района станицы Багаевской, противником автомашина была им уведена, а тов. Гетман и его охрана пропали без вести, а возможно, и попали в руки врагу.

Начальник штаба гвардии майор Андреев [6, л. 147].

Нашего Героя искали родственники: мать, Александра Ивановна Гетман [8] и жена, Сетти Михайловна Гончарова [9].

Из донесения, связанного с потерями от 04.08.1945 № 46681:

«Начальнику 5 отдела учетно-статистического управления ГУК НКО СССР.

Ко мне обратилась с заявлением гр-ка Гетман Александра Ивановна, прож. Москва, Садово-Кудринская ул., дом № 14/16, кв. 3 — мать Героя Советского Союза Гетман Ивана Ивановича, которая за него получала по денежному аттестату, как лейтенанта 700 р. в м-ц до 1 мая 1943 года в Сталинском райвоенкомате г. Красноярск и с февраля м-ца 1943 года не имела от него писем.

На запрос начальника 4 отдела УСУ ГУК НКО В. Ч. п/п № 41605 отношением от 29 марта 1944 г. копии матери сообщила, что Гетман Иван Иванович — Герой Советского Союза состоял на службе в этой части в звании гвардии старшина в должности — зам. ком. развед. роты с ноября 1942 г. по 27 января 1943 года и в бою за хутор Арпочин Старочеркасского района Ростовской области был тяжело ранен и о дальнейшей его судьбе ничего не известно.

Прошу проверить и сообщить, если у вас имеются какие либо данные о судьбе Героя Советского Союза Гетмана Ивана Ивановича.

Военный комиссар Советского р-на гор. Москвы — полковник Туманов
Начальник 3 части майор А/С Дедушкин [8].

Выдержки из другого публикуемого документа кроме достоверной информации содержат и ошибки [выделено курсивом. — А. Ш.].

«Начальнику 10 отдела Финансового управления Красной Армии На № 104/4432
Выписка из Приказа ГУК НКО № 0262-46 г.

Главстаршина Гетман Иван Иванович — зам. командира роты 5-го гвардейского механизированного полка 2-й гвардейской механизированной дивизии, исключается из списков Красной Армии как пропавший без вести 27.01.43 г. в р-не

ст. Маньчской, 1913 г. рождения, беспарт., – жена Гончарова Сетти Михайловна проживает: г. Новосибирск, ул. Трудовая д. 25 кв. 11. В донесении командира *5 гвардейского механизированного полка* не указано о том, что Гетман является Героем Советского Союза, но в 1-м отделе УСУ ГУК Гетман учтён как Герой Советского Союза.

Начальник 5 отдела полковник Кудинов [9].

Вместо «главстаршина» следует читать «гвардии старшина» [6, л. 296]; вместо «*5 гвардейского механизированного полка*» – 5-я гвардейская механизированная бригада 2-го механизированного корпуса [10].

Несколько замечаний в плане разночтений у меня и к другим источникам. В частности, к справочнику «Герои Советского Союза» [4]. Ссылка на монографию К. В. Цкитишвили и Т. Г. Чинчилакашвили «Герои Советского Союза из Грузии» (Тбилиси, 1981) под № 839/69-71 не поможет нам в определении судьбы Ивана Гетмана. Вместо неё следует смотреть соседнюю: 838/69-71, чтобы получить правильную ссылку на источник сведений о Гетмане [11].

Моя переписка с мурманскими, смоленскими и новосибирскими поисковиками не принесла никакой ясности. Некоторое время я полагал, что гитлеровские соединения, участвовавшие в штурме маньчского плацдарма, могут иметь отношение к военным действиям под Смоленском, где и найдена Золотая Звезда № 239. Но все известные мне части немцев, воевавшие в пределах Ростова, либо оказывали сопротивление РККА на Миус-фронте, либо на Украине, а большинством своим выведены во Францию, то есть, прямой связи со смоленскими боями не имели. И если это так, то награды Ивана Ивановича Гетмана, отнятые у героя, были, либо перепроданы, либо переданы в третьи руки. С

большой долей вероятности можно сказать, что останки «смоленского» немца не имеют прямого отношения к гибели или пленению нашего Героя. Есть лишь грустная ясность того, что группа бойцов и Иван Гетман в распоряжение советских частей так и не попали.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Юкина Н. А. Эстафета священной памяти : Ист. очерки о Великой Отечеств. войне. Багаевская, 2005. С. 109.

2. Киришко А. Герои возвращаются : Под Смоленском обнаружены боевые награды пропавшего без вести мурманчанина // Вечер. Мурманск. 2016. 11 нояб. URL: <https://murmansk.bezformata.com/listnews/geroi-vozvrashayutsya/52171387/> (Дата обращения: 26.02.2020).

3. Гетман Иван Иванович // Герои страны : [сайт]. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=5135 (Дата обращения: 26.02.2020).

4. Герои Советского Союза : крат. биограф. слов. Т. 1. М. : Воен. изд-во, 1987. С. 322.

5. Багигин К. С. Три зимовки во льдах Арктики. М., 1950. С. 41.

6. ЦАМО. Ф 33. Оп. 563783. Д. 2.

7. Там же. Ф. 3318. Оп. 1. Д. 1.

8. Там же. Ф 33. Оп. 11458. Д. 886. Л. 832.

9. Там же. Оп. 11459. Д. 372. Л. 649.

10. Ошибки в названии воинского подразделения, в котором служил И. И. Гетман, определены по номерам полевых почт. – А. Ш. См. «Справочник войсковых частей – полевых почт РККА в 1943–1945 годах». URL: http://www.soldat.ru/pp_v_ch.html (Дата обращения 5.11.2020).

11. Церковный М. Ф., Шиганов А. Д., Юрьев Б. Ф. Героев подвиги бессмертны. 2-е изд. Киев, 1982. С. 69–71.

И. А. ШМЫГАЛЬ

ЛАГЕРЬ СМЕРТИ В РОСТОВЕ

(Об увековечении памяти погибших военнопленных)

В 1937 году в Ростове-на-Дону было создано 1-е Ростовское артиллерийское училище (РАУ). Выпускники училища покрыли себя неувядаемой славой на полях сражений Великой Отечественной войны.

Во время второй оккупации Ростова (июль 1942-го – 14 февраля 1943) на Каменке, тогда окраине города, на территории артиллерийского парка и конюшен Ростовского артиллерийского училища действовал устроенный немцами

Игорь Анатольевич Шмыгаль, ветеран военной службы, редактор проекта Поискового движения России «Книга памяти Ростовской области»

сборно-пересыльный лагерь для военнопленных – «дулаг 192» (dulag 192). А на основной территории училища, в сборно-щитовых казармах курсантов (ныне район квартала на пересечении проспектов Ленина и Нагибина), они организовали «филиал дулага» – резлазрет (res-laz 192), куда для уничтожения отправляли военнопленных: больных, раненых, истощённых, непригодных для дальнейшей отправки в Германию.

«Сюда стогнались больные военнопленные из концентрационных лагерей Ростова, Батайска, Сальска, Миллерово, Цимлянской и других городов и станиц Ростовской области.<...> Их пригоняли ... как скот, группами по 150–200 человек, зверски избивая по дороге, беспощадно пристреливая тех, кто падал от слабости и не мог уже без помощи своих товарищей подняться на ноги. Лагерь смерти – так прозвали это страшное место те, за которыми захлопывались ворота застенка. Тысячи измождённых, обесилённых голодом и невероятными страданиями людей были заточены в грязные бараки, обнесённые двумя рядами колючей проволоки и высокой кирпичной стеной. Усиленные отряды специальных частей штурмовиков, конные патрули гитлеровцев, своры выдрессированных сторожевых псов круглые сутки бдительно охраняли лазарет. По тем, кто осмеливался подойти на расстояние ближе, чем 150 метров, часовые немедленно открывали огонь из автоматов» [1, с. 4–5].

Заместитель председателя Ростовского городского совета депутатов трудящихся Бурменский, посетивший бывший лагерь в первые дни вступления наших войск в Ростов, рассказывал:

«...под снегом лежали десятки трупов. Во рву длиной около 200 метров, были наспех зарыты сотни несчастных жертв... неподалёку от рва, прямо на земле, валялись ещё 380 замученных и расстрелянных советских граждан. Трупам были наполнены и все щели – бомбоубежища.<...> Когда мы посетили одну из палат так называемого хирургического корпуса, там лежало около 20–25 неубранных трупов, а в «перевозочной» на столе мы увидели уже успевший разложиться труп неизвестного красноармейца. К моменту прихода Красной армии в Ростов в лагере оставалось в живых всего лишь несколько сот человек. Остальные погибли.<...> Специальная комиссия зафиксировала неслыханные злодеяния германских фашистов над советскими военнопленными» [1, с. 20].

Комиссии удалось установить, что число пленных, находившихся в резлазрете № 192, к концу 1942 года достигало 7–8 тысяч человек; к моменту бегства немцев из Ростова в лагере оставалось 5400 раненых и больных, в том числе более 400 инфицированных, сыпнотифозных [2].

Больших могил было две. Располагались они сразу за территорией училища. Ров, в который немцы сбрасывали тела умерших и расстрелянных, был вырыт у самого забора. Рядом с проломом в стене находилась вторая могила. В ней были похоронены около 400 погибших военнопленных, тела которых собрали после освобождения Ростова по всей территории лагеря. Об этом свидетельствуют документы Государственного архива Ростовской области и воспоминания очевидцев [3].

Братские могилы военнопленных в Ростове. 16 февраля 1943 года. Фото автора с выставки «Забывшие жертвы оккупации». Ростов, 2018 г.

Первый памятник сооружён 1 мая 1949 года над «квадратной» могилой коллективом завода № 168 и представлял собой небольшую пирамиду. Мемориальная доска с надписью гласила: «Здесь похоронено свыше 4-х тысяч красноармейцев и офицеров Красной Армии, замученных и расстрелянных немецко-фашистскими извергами»¹.

Братская могила советских воинов была обустроена и должным образом зарегистрирована с оформлением паспорта как объекта культурного наследия [4].

Впоследствии этот памятник заменили на типовой, большего размера – «два солдата со знаменем».

Ростовчане свято чтят память о погибших: к братской могиле на месте гибели наших соотечественников возлагали цветы, курсанты

¹ В паспорте на захоронение «волевым решением» указана цифра – 4370 человек (4000 захороненных во рву и 370, собранных по территории). – И. Ш.

Памятник на территории РАУ военнопленным красноармейцам, замученным и расстрелянным в резазарете 192. Фото из личного архива А. П. Стасюка, заместителя председателя Ростовского клуба «Патриот»

училища принимали присягу, ветераны рассказывали молодёжи о подвиге советских солдат и офицеров.

Но всё изменилось в 1975 году, когда территорию, где располагалось захоронение, передали военному училищу. Памятник демонтировали. На месте бывшего мемориала уложили бетонные плиты, построили спецобъект и поставили технику. Небольшую часть останков только из одной братской могилы в феврале 1977 года с отдаванием воинских почестей «перезахоронили» на Братское кладбище (всего четыре небольших урны с прахом) [5]. В настоящее время место перезахоронения неизвестно, нигде и никак не обозначено и нигде не зарегистрировано. Вновь приобретённую территорию училище стало использовать в своих интересах, оградив её завесой секретности.

На протяжении десятков лет в СМИ многократно появляются статьи о неупокоенных останках советских военнопленных. На страни-

Курсанты Ростовского артиллерийского училища у памятника погибшим военнопленным. Фото из личного архива А. П. Стасюка

цах газет и журналов, в телевизионных репортажах, в обращениях ветеранов Вооружённых Сил, краеведов, да и просто неравнодушных граждан обсуждается тема воинского захоронения на территории бывшего Ростовского артиллерийского училища [6].

После расформирования училища появилась надежда на воссоздание мемориала. 16 октября 2013 года на совместном заседании Совета ветеранов училища, Совета регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, поисковиков приняли решение о необходимости восстановления ранее разрушенного мемориала. За поддержкой общественники обратились к губернатору Ростовской области В. Ю. Голубеву.

Василий Юрьевич в телеинтервью на канале «Дон-ТР» 9 апреля 2015 года поддержал действия общественников по восстановлению мемориала. Но никакой помощи администрацией области не было оказано. Без ответа осталось и обращение в Ростовское отделение Общероссийского народного фронта и другие инстанции. Все обращения переадресовывались на Министерство обороны, а оттуда приходил неизменный ответ: «Вопрос находится на рассмотрении заместителя министра обороны генерала армии Булгакова».

Перезахоронение части останков погибших в феврале 1977 года. Фото из личного архива А. П. Стасюка

26 февраля 2018 года по инициативе ростовского отделения «Поисковое движение России» и при поддержке военного комиссара Ростовской области полковника А. П. Трушина в военном комиссариате Ростовской области состоялось расширенное совещание с участием представителей военно-мемориальной службы Южного военного округа, Южного научного центра РАН, администрации Ростова-на-Дону, командования 183-го учебного центра, общественных организаций и ветеранов РАУ. В ходе

дискуссии на основании архивных документов, свидетельств очевидцев событий 1977 года было ещё раз подтверждено, что перезахоронение погибших носило формальный характер (всего 4 урны с останками).

Основная часть останков продолжает находиться в земле, на месте рва длиной около 120 метров, куда гитлеровцы сбрасывали тысячи тел советских военнопленных, расстрелянных, умерших от ран, болезней и голода.

В мае 2018 года захоронение было принято на централизованный учёт Министерства обороны, тем самым официально подтвердив факт нахождения останков на месте, где сейчас ничто не напоминает о погибших защитниках Отечества. На останках погибших воинов стоит техника 183-го авиационного учебного центра Воздушно-космических сил Министерства обороны России.

Командование учебного центра категорически отвергает даже сам факт наличия здесь воинского захоронения.

После обращения депутата Государственной думы Н. В. Коломейцева в Главную военную прокуратуру, в военной прокуратуре Южного военного округа были проведены надзорные мероприятия по вопросу восстановления воинского мемориала на месте захоронения погибших военнопленных. По результатам проверки 9 сентября 2019 года военным прокурором Ростовского гарнизона в Ворошиловский районный суд города Ростова-на-Дону было подано исковое заявление о возложении обязанностей на Министерство обороны РФ в срок до 9 мая 2020 года увековечить память погибших воинов путём установки мемориального сооружения на месте захоронения.

Для ознакомления с ситуацией на месте приехал помощник заместителя Министра обороны РФ, генерал-майор в отставке А. В. Кирилин. Он был изначально негативно настроен по отношению к представителям Поискового движения России и осмотр места захоронения производился лишь с участием представителей 183-го учебного авиационного центра. В этот же день в областном военном комиссариате была проведена встреча группы Кирилина с военным комиссаром Ростовской области, военным прокурором гарнизона Ростова-на-Дону, представителями 183-го центра, администрации Ворошиловского района города, регионального отделения Поискового движения России. Кирилин, приехавший в Ростов с уже готовым решением об отказе в восстановлении ранее разрушенного Министерством обороны мемориала

был вынужден выслушать озвученное военным прокурором решение Ворошиловского суда «о понуждении [Министерства обороны РФ] увековечить память погибших при защите Отечества» [7].

В культуре нашего народа принято ставить памятники погибшим над местом их упокоения, воздавая им дань памяти.

Несмотря на уже вступившее в силу решение суда о воссоздании мемориала на месте захоронения (ныне – территория войсковой части 41767), памятник по непонятным причинам установили далеко в стороне от места захоронения, у КПП-2 учебного центра.

Работы велись втайне от общественности и СМИ. Датой готовности нового памятного знака обозначено 30 апреля 2020 года. Но ни областной военкомат, ни поисковики, ни СМИ не были даже оповещены о дате его открытия.

Памятник у КПП-2 учебного авиационного центра № 183. г. Ростов, 30 апреля 2020 г. Фото автора

Все наши действия направлены на восстановление мемориала на месте погребения погибших воинов; на его полнообъёмную государственную регистрацию как объекта культурного наследия. Важным для нас является и свободный доступ к мемориалу в знаменательные дни: освобождения Ростова 14 – февраля, Победы – 9 мая, Памяти и скорби – 22 июня, чтобы каждый желающий мог возложить цветы к памятнику и почтить память погибших за Отечество.

Мы переживаем за факты русофобства и пересмотра статуса наших воинов-освободителей, своими жизнями, заплатившими за нашу Победу, с горечью воспринимаем сведения о разорении могил наших павших в бою воинов в Польше и Прибалтике. А у себя дома, в России, никак не можем увековечить память более пяти тысяч погибших воинов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ватин В.* Лагерь смерти : Правда о немецком лазарете для совет. военнопленных. Ростов н/Д. : Молот, 1943.

2. *Жамгоцев Г. Г.* Лазарет-убийца : Из воспоминаний врача-ординатора эвакогоспиталя // Дон временник. Год 2010-й. Вып. 18. Ростов н/Д., 2009. С. 88 – 89.

3. ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 7. Л. 7, 10, 11.

4. Паспорт исторического памятника «Братская могила офицеров и бойцов Советской армии» [г. Ростов н/Д., Октябрьский р-н, ул. Врубская, 6. На территории автосборочного з-да № 168] / Ком. по делам культ.-просвет. учреждений при Совете Министров РСФСР, Упр. охраны ист. и археол. памятников. 5 июля 1949 г.

5. О перезахоронении останков праха из братской могилы, находящейся на территории высшего военного командного училища им. Неделина, на городское мемориальное кладбище / Ростов. гор. совет депутатов трудящихся, Исполнительный ком. : Решение № 21 от 07.01.1976 г. // ГАРО. Ф. 1817. Оп. 4. Д. 1711. Л. 122; И память будет вечна // Веч. Ростов. 1977. 12 февр. С. 1.

6. *Оленев А.* Ликвидация памяти // Веч. Ростов. 2013. 14 нояб. С. 1; *Сазонова О.* Ветераны просят сохранить память // Моск. комсомолец на Дону. 2014. 19 – 26 марта. С. 12; *Чевеля Я.* РАУ: время собирать камни // Ростов офиц. 2014. 11 июня. С. 6; *Стасюк А.* Никто не забыт? // Неделя Дона. 2015. 9 апр. С. 2; *Кравченко Л.* Кто защитит мёртвых? // Веч. Ростов. 2015. 6 мая. С. 5; *Харченко А.* Эхо войны: память о погибших советских военнопленных в Ростове-на-Дону // Блокнот. Ростов-на-Дону. 2018. 26.06. URL: <https://bloknot-rostov.ru/news/ekho-voynu-pamyat-o-pogibshikh-sovetskikh-voennopl-988215> (Дата обращения 06.05.2020); Рез лазарет 192 : [Обращение ветерана училища, ветерана Великой Отечественной войны, гв. полковника в отставке Карпенко А. З., свидетельство ветерана уч-ща Шевкунова Н. Ф., обращение к губернатору от общественников Стасюка А. П., фрагменты арх. док.] URL: https://www.youtube.com/watch?v=w70pJlkzo_M (Дата обращения 5.11.2020).

7. *Сипетин В.* Суд решил: надо вспомнить! // Наше время. 2019. 3 дек. С. 1–2.

В. А. АГЕЕВА, А. Ю. ГОЛОБОРОДЬКО

ДИАЛОГ ПАМЯТИ – ПУТЬ К МИРУ

г. Таганрог – г. Люденшайд

Ревизия и новая интерпретация событий Великой Отечественной, Второй мировой войн, когда СССР ставится на одну чашу весов с нацистским рейхом, занимает важное место в процессе современного формирования европейской идентичности. Следует отметить, что проводимая в Европе «политика памяти» льёт воду на мельницу амбициозных притязаний националистических, ультраправых сил, которые угрожают миру возрождением фашизма.

Именно поэтому в формировании коллективной памяти гражданского общества важна роль народной дипломатии. Одним из уникальных инструментов народной дипломатии и сохранения исторической памяти о Второй мировой войне является институт городов-побратимов. Он вмещает в себя всё многообразие взаимодействия

гражданских обществ различных стран, в том числе России и Германии: исследовательскую, коммерциальную, гуманитарную и пр.

Города Люденшайд (Германия) и Таганрог в 1991 году заключили соглашение о партнёрских отношениях. В появлении интереса общественности этих двух городов к установлению побратимских связей значительную роль сыграла память о трагических событиях войны. Напомним, что немецко-фашистский оккупационный режим на территории Таганрога был установлен в 1941-м и длился до августа 1943 года. Результатом нацистского террора и вывоза таганрожцев на принудительные работы в Германию стало сокращение в половину населения города. Более 27000 таганрожцев использовались Третьим рейхом в качестве рабской рабочей силы, мно-

Валентина Анатольевна Агеева, декан факультета истории и филологии Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ), кандидат исторических наук, доцент; Андрей Юрьевич Голобородько, директор Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ), доктор политических наук, кандидат филологических наук, доцент. Сообщение под названием: «"Диалог памяти – путь к миру (г. Таганрог – г. Люденшайд)": объективное историческое знание как фактор противодействующий распространению неонацизма и неонацизма и условие продвижения ценности миролюбия в молодёжной среде»

гие из них попали на территорию Люденшайда. Следует подчеркнуть, что таганрожцы не только стойко и мужественно переносили тяготы оккупации, но при этом оказывали героическое сопротивление нацистскому «новому порядку». Таганрогское подполье являлось одним из мощных и дееспособных в Ростовской области.

Об этом свидетельствуют результаты совместного научно-исследовательского и просветительского проекта, осуществляемого Таганрогским институтом имени А. П. Чехова (филиалом) РГЭУ (РИНХ) и общественной организацией «Группа за мир» Люденшайда.

Следует отметить, что вуз и муниципальная школа Люденшайда имени А. Райхвана, педагога, участника антифашистского сопротивления, принадлежащая к европейскому молодёжному движению «Школа без расизма», с 2001 года ежегодно обмениваются делегациями.

В сентябре 2017 года состоялась первая встреча делегации института во главе с директором А. Ю. Голобородько с Маттиасом Вагнером, председателем общественной организации «Группа за мир» города Люденшайда. Она стала отправной точкой в реализации проекта «Диалог памяти — путь к миру». За три года была проделана разноплановая работа: поиск информации о судьбах таганрожцев, жертвах фашизма, в архивах Ростова, Таганрога, Люденшайда, Мюнстера, Альтена; вовлечение молодёжи в мероприятия, организованные в формате противодействия неонацизму и неофашизму с опорой на историческую память.

Одним из промежуточных результатов проекта является научно-просветительская международная двуязычная мобильная выставка. В авторский коллектив разработчиков экспозиции вошли директор Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) РГЭУ РИНХ, депутат

Подписание «Соглашения о намерениях сотрудничества». Сидят: А. Ю. Голобородько (слева), директор Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ) и Маттиас Вагнер, председатель общественной организации «Группа за мир» г. Люденшайда. 2018 г.

Городской думы г. Таганрога VII созыва, доктор политических наук, кандидат филологических наук, доцент А. Ю. Голобородько; заместитель директора по научной работе, кандидат исторических наук, доцент А. А. Волвенко; декан факультета истории и филологии, кандидат исторических наук, доцент В. А. Агеева; доцент кафедры немецкого и французского языков, кандидат филологических наук В. П. Куликов; преподаватель кафедры истории А. И. Митрофанова; магистранты программы «Историческое образование» А. А. Печерский и М. С. Степанов; студентки 4 курса факультета иностранных языков Д. Д. Иванова и О. А. Мутулова.

Научный консультант выставки — заместитель председателя Южного научного центра РАН по научной работе, доктор исторических наук Е. Ф. Кринко.

Заинтересованное содействие при реализации проекта Таганрогскому институту имени А. П. Чехова оказали архивисты под руководством директора Государственного архива Ростовской области, кандидата исторических наук, доцента Н. А. Трапша.

С немецкой стороны автором исторического контента выступил председатель организации г-н Маттиас Вагнер, который со своими единомышленниками (Бернд Беншайдт, Дитер Хохауз, Мартин Зандерс и др.) осуществили многоаспектную исследовательско-просветительскую работу во имя сохранения памяти о жертвах нацизма и продвижения идеи миролюбия.

Уникальность выставки заключается в аргументированном доказательстве сущности фашизма как беспрецедентного абсолютного зла мирового масштаба. К этой мысли подводят нас как материалы, подготовленные историком М. Вагнером, так и комплекс источников, обобщённых авторским коллективом Таганрогского института имени А. П. Чехова, среди которых архивные документы, фотографии, фрагменты личных дневников военного времени, воспоминания жителей Таганрога, повествующие о преступлениях нацистов в Люденшайде и Таганроге: террор против мирных жителей, преследование и массовое уничтожение евреев — Холокост, принудительный, фактически рабский труд «восточных рабочих» и военнопленных в Третьем рейхе, преступления против детства и другие.

Особая уникальность и перспективность проекта для сохранения и изучения трагедии мирного населения в годы Великой Отечественной войны заключалась в том, что до 60% представленных документов были переведены на

русский язык и впервые введены в научный оборот.

Информативным для раскрытия практически всех смысловых блоков выставки, посвящённым установлению и действию оккупационного «нового порядка» на территории Таганрога, является фонд 619 — Ортскомендатура Таганрогского филиала Государственного архива Ростовской области.

Как известно, в первый же день захвата города создаётся ортскомендатура во главе с комендантом Хельмутом Альберти.

В 619-м фонде сосредоточены документы, регулирующие как идеологические, политические и экономические преобразования в городе, так и политику террора в отношении местного населения. Основная часть документов, включающих переписку немецко-фашистских властных и военных структур всех уровней, составлена на немецком языке и требовала перевода для дальнейшего научно-исследовательского осмысления. Исключения составляют приказы и объявления ортскоменданта для горожан, текст которых напечатан как на русском, так и на немецком языках [1].

Ценность информации, содержащейся в данных документах, заключается прежде всего в том, что они позволяют раскрыть истинные цели нацистских властей на оккупированной территории.

Оккупанты с первых дней стремились максимально взять под контроль материальные и людские ресурсы Таганрога. Жителей ставили на учёт. Имущество городских предприятий и учреждений, произведения искусства из фондов музеев вывозились в Германию.

Регулярно проводились обыски и изъятие личного имущества. Таганрожцы повсеместно выселялись из своих домов и квартир, в которых расквартировывались военные. Выход из города за продуктами в ближайшие сёла строго регламентировался выдачей специальных

пропусков. Лица, нарушившие комендантский час или отлучавшиеся без разрешения властей из города, считались партизанами и подлежали расстрелу.

Как отмечено на стендах и Люденшайда, и Таганрога антисемитизм стал основой идеологии нацистов в Третьем рейхе. С 1933-го по 1945 год они проводили планомерную политику по преследованию и массовому уничтожению евреев. После нападения Германии на Советский Союз Холокост приобрёл колоссальные масштабы с огромным количеством жертв. На территории РСФСР первой массовой акцией Холокоста стало уничтожение евреев в оккупированном Таганроге. Точное число уничтоженных евреев и членов их семей в Таганроге не установлено. Большинство исследователей называют цифру 6000 — 6500 человек, в том числе 1500 детей [2]. Вместе с тем в фондах архива авторам выставки удалось найти лишь один документ об этой трагедии — «Выдержка из совещания с отделом 10а» на немецком языке, включающий среди прочих пункт № 3: «О военной акции против евреев» [3]. Подробная информация о реализации этой акции отсутствует.

Благодаря профессиональной работе переводчиков, входящих в состав коллектива, удалось открыть новые факты о положении военнопленных. В Таганроге пленные красноармейцы использовались оккупационными властями на строительстве дорог, на работах на промышленных предприятиях города, которые в основном вошли в АО «Юнкерс». Часть военнопленных размещали тут же, при заводах; других — в пересыльно-сортировочных лагерях для военнопленных. Отсюда они вывозились в более крупные лагеря. С лета 1942 года режим содержания военнопленных в городе ужесточается. Питание в лагерях было скудное, зимой к голоду добавился ещё постоянный холод: тёплой одежды у узников не было. Военнослужащие Красной армии пытались сопротивляться своему положению и совершали побеги. Содействие в этом им оказывали подпольщики и другие горожане.

Особый интерес для установления личностей военнопленных, умерших в период оккупации Таганрога, представляют документы 1-й, 2-й, 3-й и 4-й городских больниц. На каждого поступившего в них в годы оккупации делалась запись в журнале регистрации больных с указанием фамилии, имени, отчества, возраста, социального статуса, места жительства, места рождения, заводилась история болезни. Если больной умирал, то отделом ЗАГС при бургомистрстве города заполнялась справка о смер-

ти со штампом о месте захоронения. У многих больных в колонке «социальный статус» было указано: военнопленный. На сегодняшний день, руководствуясь этими записями, работники таганрогского архива составили список военнопленных, умерших от болезней, полученных в ходе тяжкого труда, голода и холода, включающий более 600 солдат [4].

На выставке размещена одна из таких историй болезней Андрея Григорьевича Асиянова, 1902 года рождения, уроженца села Плодовитое Калмыцкой АССР [5]. Как рассказали архивистам впоследствии родственники, уходил он на фронт кавалеристом, на своём коне. Дома остались жена Елена Владимировна и шестеро детей. В конце 1941 года у солдата родился ещё один сын — Ванечка, но он умер от голода.

Для управления местным населением было организовано бургомистерство, состоявшее из отделов. Архивные материалы свидетельствуют, что самостоятельно принимать решения не имели права ни бургомистр, ни начальники отделов. Каждый свой шаг они согласовывали с оккупационными властями. Символично, что часы таганрожцев в годы оккупации были переведены на час назад и сверялись по Берлинскому времени, о чём свидетельствует Распоряжение бургомистра от 17 декабря 1941 года [6].

Выкачивание ресурсов из оккупированных территорий означало в том числе и угон миллионов людей в рейх на принудительные работы. Именно эта трагическая тема стала идейной крепой выставки Таганрог — Люденшайд.

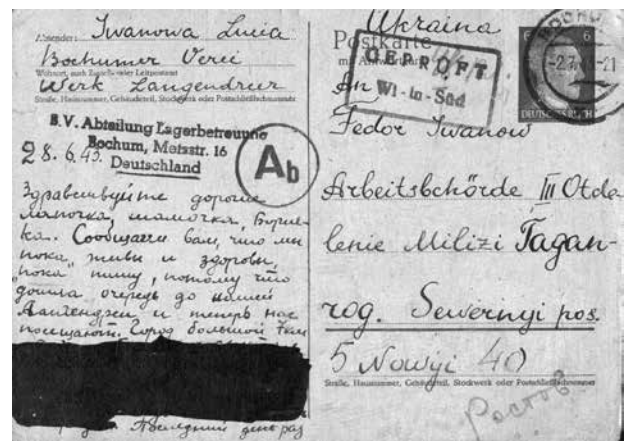
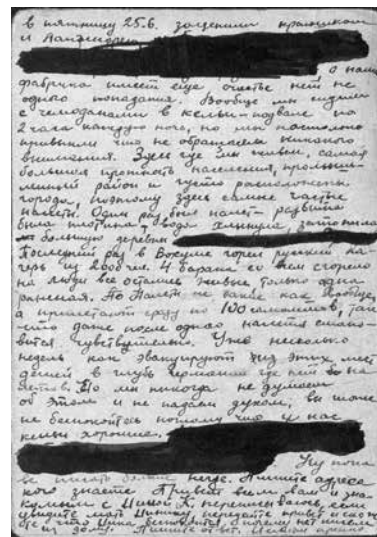
После провала блицкрига нехватка рабочей силы в Германии становилась всё ощутимее. С 1942 года начинается активная фаза вывоза советских граждан на принудительные работы. В структуре бургомистрата Таганрога отдел труда (с 1942 года — биржа труда) занимал особое место. Он подчинялся немецким властям и выполнял распоряжение «О трудовой повинности». Сотрудники биржи проводили регистрацию трудоспособного населения города от 14 до 65 лет. В зависимости от возраста, состояния здоровья, семейного положения люди направлялись на работу в Германию, в тыловые районы восточной Европы, на предприятия города.

Местная полиция-коллаборанты и немецкие военнослужащие ежедневно охотились на горожан. Если при проверке документов отсутствовала справка о трудовой занятости на военно-значимых объектах города, таганрожец тут же получал «билет» в Германию. Первые партии оstarбайтеров («восточных рабочих») из Таганрога стали отправляться с апреля 1942 года. Вме-

сте с родителями в Германию выезжали и дети разного возраста. С весны 1943-го на каторжные работы стали активно вывозиться подростки. Чтобы доставить в рейх как можно больше рабочей силы, оккупационные власти использовали любые средства: от вербовки с помощью лживой пропаганды и обещаний до принудительной мобилизации и облав.

В этой связи большой интерес представляют агитационные материалы из фондов таганрогского филиала ГАРО. В них звучали призывы к населению принять участие в «строительстве новой Европы и обеспечении скорейшего окончания войны», а также посулы «высокой заработной платы и сытной благоустроенной жизни» [7].

Использование этих материалов позволило на контрасте обещаний с ярких плакатов и воспоминаний оstarбайтеров и документов из архивов Германии показать, что в реальности жизнь «остовца» не стоила ничего. Тысячи и тысячи таганрожцев подорвали здоровье или

ТФ ГАРО Ф.Р. 513. Оп. 1. Д. 23. Л. 3, 3 об.

умерли от непосильного труда на производстве, голода и болезней в трудовых лагерях, погибли при авианалётах. Многие оказались в штрафных лагерях, тюрьмах и лагерях уничтожения в Бухенвальде, Освенциме, Маутхаузене, Заксенхаузене, Равенсбрюке, Дахау и других.

Определённую функцию агитации в пользу добровольной вербовки на работу в Германию, по мнению нацистов, должны были выполнять письма, отправляемые остовцами родным, хотя и представлены они были в основном небольшими посланиями на почтовых карточках [8].

Содержание карточек во многом стандартно: таганрожцы писали о том, что живы, здоровы и мечтают скорее вернуться на родину, передавали приветствия друзьям, родным и близким. Однако цензурные ограничения наложили серьёзный отпечаток на данный вид источников. Зачастую чернилами вымарывались все негативные переживания и отрицательные оценки рабского положения адресата. Тем не менее, по содержанию писем можно составить общее представление о состоянии здоровья, условиях содержания, обращении со стороны работодателей, администрации трудовых лагерей, моральном настрое, чувствах, переживаниях, стратегиях выживания и сохранения этнической и социальной самоидентификации.

Особое внимание следует уделить Акту № 1 «Об установлении и расследовании злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в г. Таганроге» от 1 сентября 1943 года, составленному специальной комиссией. В нём содержатся сведения о материальном ущербе, нанесённом предприятиям и учреждениям го-

Виктор Грахольский.
(ТФ ГАРО. Ф. Р-619. Оп. 1. Д. 56. Л. 239)

Симон (Семён) Золотов
(ТФ ГАРО. Ф. Р-619. Оп. 1. Д. 56. Л. 240)

Николай Морозов.
(ТФ ГАРО. Ф. Р-619. Оп. 1. Д. 56. Л. 238)

рода, материалы о массовых расстрелах мирных жителей в Петрушинской балке, которую оккупанты превратили в общую могилу, в первую очередь для евреев, коммунистов, душевнобольных, подпольщиков. Отдельным блоком в Акте идёт информация о массовым угоне таганрожцев, в том числе и подростков, на принудительные работы в Германию [9].

Специфическими источниками являются фотодокументы (к сожалению, их не так много в фондах архивов). Среди них следует выделить фотографии красноармейцев Николая Морозова, Виктора Грахольского, Симона (Семёна) Золотова, Виктора Елешева, бежавших из плена в феврале 1943 года, которые впервые демонстрируются в материалах выставки [10].

Виктор Елешев
(ТФ ГАРО. Ф. Р-619. Оп. 1. Д. 56. Л. 241)

Уникальны фотоматериалы из архивов Германии. Например, из городского архива Люденшайда: фото Вермекер Грунд — распределительного лагеря, барак для принудительных рабочих за скотобойней на улице Шлахтхофштрассе и исправительно-трудового лагеря Хунсвинкель. Фотографии, приложенные к письму таганроженки Зинаиды Бобылёвой, рассказывающие о её трудной судьбе оловца, хранятся в архиве района Меркиш города Альтена.

Таким образом, трагическое наследие Второй мировой войны стало важным фактором в

установлении побратимских связей Люденшайда и Таганрога. Это сотрудничество представляет позитивный опыт народной дипломатии в формате противодействия неонацизму и неофашизму с опорой на историческую память и позволяет воспитывать подрастающее поколение России и Германии в духе взаимного уважения и миролюбия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ТФ ГАРО. Ф. Р-619. Оп. 1. Д. 10.

Волошин В., Ратник В. Вчера была война. Таганрог в годы немецко-фашистской оккупации (октябрь 1941 — август 1943 гг.) : ист.-краевед. эссе. Таганрог, 2008. С. 195.

2. ТФ ГАРО. Ф. Р-619. Оп. 1. Д. 16. Л. 13.

3. *Омельянюк И. О.* Проблемы установления сведений о советских военнослужащих, захороненных в братских могилах и находившихся в плену в годы Великой Отечественной войны // Значение сражений 1941—1943 гг. на юге России в победе в Великой Отечественной войне: материалы всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 3—6 июня 2015 г.) Ростов н/Д., 2015. С. 480.

4. ТФ ГАРО. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 28. Л. 77.

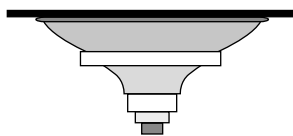
5. Там же. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

6. Там же. Ф. Р-604. Оп. 1. Д. 37. Л. 12—14.

7. Там же. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 23. Л. 3, 3 об.

8. Там же. Ф. Р-165. Оп. 5. Д. 4. Л. 6—13.

9. Там же. Ф. Р-619. Оп. 1. Д. 56. Л. 245—248.

ПРОЩАНИЕ

3 октября 2020 года ушёл из жизни Минас Георгиевич Багдыков, известный врач и краевед. Он был большим другом Донской публичной библиотеки, частым гостем на наших мероприятиях. О Багдыкове рассказывал «Донской временник» [1]. Выражая соболезнование семье Минаса Георгиевича, редакция предоставляет слово кандидату исторических наук, профессору Герману Ароновичу Матвееву.

Г. А. МАТВЕЕВ

ПАМЯТИ ДРУГА

М. Г. Багдыков (справа) и А. А. Сурмалян, председатель Нахичеванской-на-Дону армянской общины, на открытии выставки «Сохраняя традиции» в Музее русско-армянской дружбы. Ростов, 18 декабря 2018 г. Фото из отдела РОМК «Музей русско-армянской дружбы»

Я познакомился с Минасом Георгиевичем Багдыковым и его семьёй в 60-е годы прошлого века. Мои родители построили дом на 23-й линии, 24 на месте разрушенного в годы войны, и мы оказались соседями Багдыковых, которые жили на улице через дом.

Мне сразу понравился новый для меня район города, где предстояло жить. В 1960–70-е годы эта часть Пролетарского района Ростова (в прошлом — центр армянского города Нахичевань-на-Дону) сохраняла архитектурный облик и другие характерные черты старого города: удобную планировку кварталов (линии), преимущественно одноэтажные добротные дома — зачастую с лепниной на фасадах, обилие зелени, доброжелательное армянское население.

Моё знакомство с Минасом началось после того, как я узнал у соседей, что на нашей ули-

це живёт хороший врач-хирург, работающий в центральной городской больнице № 1. Мой отец, ветеран Великой Отечественной войны, часто болел, и я решил обратиться с просьбой о профессиональной помощи к Минасу. Меня приветливо встретил круглолицый коренастый молодой человек с очень живыми глазами. Он немедленно согласился проконсультировать отца: обстоятельно расспросил о признаках недуга, проверил пульс, измерил давление, внимательно осмотрел и прослушал его, после чего дал чёткие рекомендации, пообещав проследить за ходом лечения.

Мой отец после этого визита сказал, что его никто из докторов так детально не осматривал, не расспрашивал, и что он почувствовал доверие к Минасу как к специалисту и человеку.

Я учился тогда в аспирантуре, затем стал преподавать историю в Ростовском государственном университете, защитил кандидатскую диссертацию. Общаясь с Минасом, обратил внимание на то, что он не только великолепный врач, но и человек с разносторонними интересами в области истории, краеведения, литературы, музыки. Общие интересы сблизили. У Минаса и у меня были большие домашние библиотеки, мы стали обмениваться книжными новинками.

У Минаса и его супруги Галины Нагапетовны к началу нашего знакомства уже рос старший сын Тигран; через несколько лет родился младший — Георгий. У меня с моей женой Лидой сначала родилась Маша, а затем Алексей. Маша с Георгием были сверстниками, они подружались, вместе играли в просторном дворе Багдыковых с большими ореховыми и другими плодовыми деревьями.

Моя жена Лида, закончив учёбу на филологическом отделении Ростовского государственного университета, стала учителем русского языка и литературы в школе № 14 на 30-й линии. У неё

учились сыновья Минаса Тигран и Георгий. Это тоже способствовало нашему сближению с Миной и Галиной, которое с годами переросло в дружбу.

Я с женой часто бывал в доме Багдыковых. Мы познакомились с Георгием Миновичем и Сусанной Леонтьевной, родителями Минаса, с его тётёй, сестрой отца Софьей Миной Карташовой-Багдыковой, младшим братом Константином и его женой Ниной. К великому сожалению, вскоре после нашего знакомства отец семейства, Георгий Минович, интеллигентный обаятельный человек, музыкант, великолепно игравший на многих музыкальных инструментах, прививший Минасу любовь к музыке, скончался после тяжёлой болезни, что стало для Минаса ударом (он очень любил отца).

Сусанна Леонтьевна, мудрая, любящая женщина, сделала всё, чтобы продлить жизнь мужа, у которого был порок сердца. Она безмерно любила сыновей и приложила все силы, чтобы они смогли получить высшее образование; радовалась их успеху на профессиональном поприще, приняла в дом жену Минаса как свою дочь, обожала и пестовала внуков. Сусанна Леонтьевна была доброй и хлебосольной: встречая уставшую после рабочего дня в школе мою жену, часто зазывала её пообедать. Я до сих пор помню замечательные пирожки с лебедой и варёными яйцами, которые она обязательно пекла весной.

Тётя Минаса, Софья Миновна, по его словам, сыграла важную роль в его жизни. До войны и в послевоенные годы она работала акушером-гинекологом в роддоме и женской консультации Пролетарского района. Во время оккупации города, подвергая свою жизнь опасности, уходила ночью помогать больным и беременным женщинам, оказывала медицинскую помощь раненым красноармейцам, которых местные жители прятали в своих домах. Минас не раз говорил о том, что его представления о врачебном долге с детства формировались на примере жизни Софьи Миновны. Именно она настояла на его поступлении в мединститут, помогала советами во время учёбы в вузе и в начальный период деятельности. Кстати, появление на свет Минаса не обошлось без тётки: опытный акушер-гинеколог, она принимала в роддоме самого Минаса, а через несколько десятилетий и его детей, Тиграна и Георгия.

Прежде всего я должен сказать о своём восприятии достоинств Минаса Георгиевича как врача, опираясь на свой многолетний опыт общения с ним, наблюдения за практикой его врачевания членов моей семьи, а также свиде-

тельств его пациентов. Мне представляется, что обязательным профессиональным качеством любого врача, особенно хирурга, является его способность расположить к себе пациента, успокоить его, снять напряжение, стресс, неизбежные при возникновении недуга, особенно серьёзного, вызвать доверие к себе как специалисту. Неслучайно, медицину называют не только областью науки и искусства, но и человековедением.

Минас обладал в самой высокой степени этими способностями. Я многократно был свидетелем, как во время его общения с больными, взрослыми и детьми происходила эта магия рождения доверия. Во время беседы с пациентом Минас Георгиевич излучал доброжелательность, уверенность в возможности победить болезнь, убеждал в необходимости сдать анализы, принять лекарства, назначая для детей наименее неприятные по вкусу.

Меня удивляла универсальность Минаса-врача, его способность успешно лечить различные недуги как у взрослых, так и у детей. Как-то я задал ему вопрос: как он обрёл эрудицию в разных областях врачевания? Он рассказал, что его учителями были доктора, которые приобрели такой опыт в годы Великой Отечественной войны: П. М. Шорлуян, П. П. Коваленко, А. Р. Ханамиров, хирурги В. В. Лесковский, Н. Т. Назаров и другие. В военное время им приходилось лечить не только ранения, но и другие болезни красноармейцев. В своих воспоминаниях Багдыков писал, как, получив после окончания мединститута направление на работу хирургом в городскую больницу Новочеркаска, зав. хирургическим отделением Н. Т. Назаров, прошедший две войны, поместил его жить в своём рабочем кабинете, и Минас в течение шести месяцев практически каждую ночь участвовал в операциях пациентов, привозимых машинами скорой помощи, которые проводили травматологи, гинекологи, лор-специалисты [2, с. 119–121]. Этот бесценный опыт ему впоследствии очень пригодился.

Минас также вспоминал, что ему приходилось как дежурному врачу в хирургическом отделении ЦГБ участвовать в проведении операции на сердце и других внутренних органах, оперировать гнойные раны [2, с. 135–140]. Не раз Минас Георгиевич огорчённо сетовал, что в последнее время нарастает тенденция узкой специализации врачей, в том числе хирургов, и это ведёт к снижению квалификации.

У Минаса-врача было ещё одно ценное качество: если он сомневался в определении диагно-

за обратившегося к нему больного, он не только направлял его на дополнительные анализы, но и зачастую рекомендовал опытного специалиста, которому доверял, лично или по телефону просил проконсультировать пациента. И таким он оставался до последних дней жизни. Вот почему к доктору Багдыкову шла вся округа жителей за врачебной помощью в любое время дня и ночи. И он никому не отказывал.

М. Г. Багдыков не только лечил. Кандидат медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации, доцент Ростовского мединститута, он учил студентов, участвовал в подготовке и повышении квалификации нескольких поколений врачей.

Я бесконечно благодарен Минасу как врачу, поскольку был спокоен, имея возможность всегда обратиться к нему за помощью, когда бо-

*М. Г. Багдыков на гаче в Чалтыре.
Фото из семейного архива Багдыковых*

лели мои родители, дети, жена и я сам.

Приоритетом в семье Багдыковых, в соответствии с армянскими этнокультурными традициями, были семейные ценности. В доме № 18 на 23-й линии много десятилетий жили три поколения семьи, включавшие дедушку с бабушками, двух сыновей с женами, внуков. Минас очень любил этот дом, в котором он вместе с родителями, женой и детьми прожил большую часть жизни, где проходили важные события семьи, бывали дорогие друзья, интересные люди. Неслучайно в армянской традиции для обозначения семьи используются два понятия: дом и очаг. После кончины Софьи Минасовны выяснилось, что у этого дома несколько наследников, которые стали настаивать на его продаже.

Минас долго сопротивлялся, пытался сохранить дом для семьи. Когда же это не удалось, он, переселившись с женой и сыновьями в квартиру на 13-й линии, построил дом-дачу в Чалтыре, перенёс туда дорогие семейные реликвии: фотоальбомы, книги, картины, самовар, чугунные утюги, медные ступки, сахароколку...

Ещё одна характерная этнокультурная традиция, которой следовали Минас и его семья, — не только уважительное, но и благоговейное отношение к старшим, прежде всего к бабушке Розалии Георгиевне, к родителям Георгию Минасовичу и Сусанне Леонтьевне, матери Галины Надежде Григорьевне Крестостурян, тёте Минаса Софье Минасовне. Они всегда занимали почётные места на семейных торжествах и застольях, были окружены заботой и вниманием до последнего часа земной жизни. В духе безусловного уважения к старшим воспитывались дети Минаса. Его младший сын Георгий был назван по армянской традиции в честь своего деда, а Тигран, старший, — в честь одного из самых почитаемых деятелей армянской истории.

Супруга Минаса Галина также следовала традиционным национальным нормам общения в семейном кругу. Я не могу вспомнить, чтобы она прилюдно возразила мужу, критиковала его. Галина неуклонно воспитывала уважительное отношение детей к отцу, формировала в них сознание, что Минас — старший в доме, его надо беречь.

*Минас Георгиевич и Галина Наганетовна Багдыковы.
Фото из семейного архива Багдыковых*

Минас считал, что до 10–12 лет основную роль в воспитании детей должна играть супруга, а затем, когда они стали подростками, уделял им много внимания, гулял с ними, постоянно беседовал, стремясь формировать в них необходимые мужские качества, интерес к профессии врача. Когда сыновья стали старше, брал их с

собой на работу, в больницу. Особое внимание уделял учёбе детей.

Супруга Минаса Галина — красивая женщина, наделённая природной мудростью. Воспитанница Саратовской консерватории по классу скрипки, она многие годы преподавала в музыкальной школе имени М. Ф. Гнесина, работала заведующей струнным отделением школы, воспитала десятки одарённых скрипачей. Вместе с тем успешно сочетала напряжённую творческую педагогическую деятельность с повседневной заботой о детях, домашнем тепле и уюте.

Минаса отличала душевная щедрость. Дом на 23-й Линии, 18 был одним из самых хлебосольных не только в Пролетарском районе, но и в городе. Минас любил встречать друзей, а супруга Галина, талантливая кулинарка, накрывала красивые столы, угощала гостей изысканными блюдами армянской и русской кухни: долма, гата, мусаха, курник, запечённая рыба, мягкие сыры с зеленью и прочие деликатесы обычно готовились к семейным торжествам и дружеским встречам. Я никогда не едал таких вкусных слоёных пирожков с мясом, подававшихся горячими, и чудесного курабье, приготовленного по семейным рецептам.

В доме у Минаса бывали замечательные люди: Герой Социалистического Труда генеральный директор Ростсельмаша Ю. А. Песков, профессор Ростовской консерватории, руководитель струнного отделения С. Б. Куцовский со своей супругой — мастером художественного слова Лилией Лилиной, блестящий хирург, литератор, остроумный человек, профессор А. В. Шапошников, организатор «Шагиняновских чтений»

В кругу семьи и гостей. Слева направо: Карина, Тигран, Галина Нагапетовна Багдыковы, гость из США Михаил, друг семьи Левон Михайлович Симонян, Минас Георгиевич Багдыков; сидит: Надежда Григорьевна (Арекназан Крикоровна) Крикостурян, тёща Минаса Георгиевича. Фото из семейного архива Багдыковых

профессор Н. С. Авдулов, философ, профессор И. А. Негодаев и другие. На этих встречах обсуждались новости, события политической, социальной, культурной жизни страны и города. Как правило, сам Минас блистательно, эмоционально вёл все семейные торжества и дружеские встречи, вовлекая в беседу гостей.

Встречи часто сопровождалась музыкальными импровизациями Минаса на скрипке или пианино. Нередко играла, вызывая восторг слушателей, друг семьи, пианистка, профессор консерватории С. Б. Арабкерцева, выступали и ученики Галины — юные скрипачи. Дети, пока были маленькие, не приглашались к праздничным застольям взрослых, но неизменно были среди гостей, внимали их разговорам, слушали музыкальные экспромты и импровизации.

Минас хорошо знал историю и культуру Армении, у него была большая подборка книг, посвящённых этой проблематике, сочинения классиков армянской литературы Хачатура Абовяна, Рафаэла Патканяна, Ованеса Туманяна, Наапета Кучака и других. Он стремился передать сыновьям знания по истории и культуре Армении. Минас организовал крещение старшего сына Тиграна в Армянской апостольской церкви в Эчмиадзине, что в советский период было рискованно; затем, когда пришло время Тиграну жениться, там же прошло венчание молодых. В Армении крестили и младшего — Георгия.

В детстве и юности Минас любил слушать воспоминания старожилых Нахичевани-на-Дону, рассказы старших родственников, родителей, знакомых, у которых сквозила ностальгия по этому городу, звучали восхищение и гордость предками, крымскими армянами, переселившимися в донской край и построившими такой замечательный город.

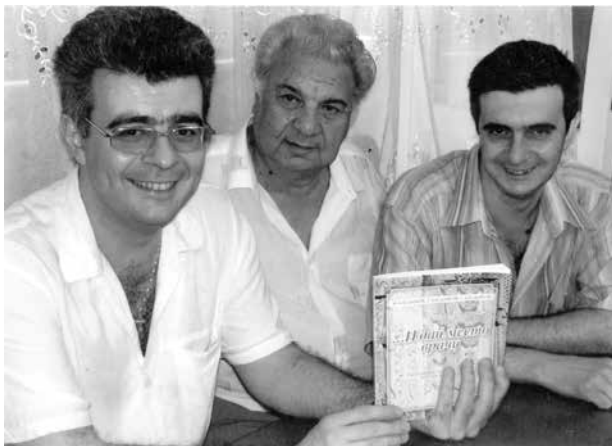
Минас считал, что в советский период история, культура и, главное, люди Нахичевани-на-Дону были преданы забвению. Поэтому в конце 1980-х годов решил написать книгу о Нахичевани-на-Дону, опираясь на дооктябрьские источники, воспоминания старожилых, собственное общение в молодости с ветеранами города. Так родились «Нахичеванские портреты» [3]. Свою первую краеведческую книгу Минас посвятил светлой памяти своих родителей.

В конце 90-х появились и другие его книги по истории и культуре родной Нахичевани: «Лики прошлого» [4], «Нахичеванские находки» [5]. Две из них Минас Георгиевич посвятил жизни и деятельности архиепископа Иосифа Аргутинского, предводителя армян России, ко-

торый принимал самое активное участие в основании и развитии Нахичевани-на-Дону [6], одну – учителю-наставнику П. М. Шорлуяну [7].

Несколько книг вышли в соавторстве с сыновьями: по истории нахичеванской медицины [8], по истории старого города [9] и о взаимодействии Армянской апостольской и Русской православной церквей [10].

Последней публикацией Минаса Георгиевича Багдыкова стала замечательная книга воспоминаний о пережитом, начиная с периода Великой Отечественной войны, написанная по просьбе сыновей [2].

Слева направо: Георгий, Минас и Тигран Багдыковы. 2007 г.
Фото из семейного архива Багдыковых

В период перестройки в СССР, на волне демократических перемен по инициативе общественности города в 1988 году возникло культурно-просветительное общество «Нор-Нахичеван» (ныне Ростовская региональная общественная организация «Нахичеванская-на-Дону армянская община»). Его задачей стало возрождение и сохранение самобытной многовековой культуры донских армян. Минас Георгиевич был одним из создателей Общества, входил в состав правления. В качестве делегата участвовал в почётной миссии избрания католикоса всех армян Гарегина II в Армении [11]. До последних дней жизни был активным членом Нахичеванской армянской общины. Вклад его в культуру донских армян ещё предстоит оценить.

Минас гордился своими далёкими предками. На почётном месте в его доме висит картина с восстановленным им генеалогическим деревом рода.

Сохраняя верность многим традициям армянского народа, символам национальной идентичности, Минас как потомок анийских армян,

проживающих более двухсот сорока лет на Дону, обрёл субэтнические черты, фактически обладая как армянской, так и русской идентичностью.

Размышляя о своём друге, о его светлой личности, вспоминаю слова из его первой книги: «Образовавшийся сплав, генетически закреплённый, дал удивительный нахичеванский тип людей» [2, с. 3]. К такому типу прежде всего относился сам Минас Георгиевич Багдыков.

Он был счастливым человеком, потому что в полной мере реализовал себя в любимой профессии, в краеведении, в семье.

Минас занимал и занимает большое место в моей жизни. Мне не хватает его душевной щедрости, светлой доброй ауры. Я благодарен судьбе, что много десятилетий мог общаться и дружить с этим замечательным человеком.

IV Шагиняновские чтения. Ростов, 5 апреля 2017 г.
Слева направо: профессор Н. С. Авгулов, председатель оргкомитета Чтений, М. Ю. Соколова, зав. отделом РОМК «Музей русско-армянской дружбы», М. Г. Багдыков. Фото из отдела РОМК «Музей русско-армянской дружбы»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Барсуков Э. Г. Нахичеванский летописец // Дон. временник. Год 2014-й. Вып. 22. Ростов н/Д., 2013. С. 194 – 195; Пчельников С. С. Есть такой город! // Дон. временник. Год 2017-й. Вып. 25. Ростов н/Д., 2016. С. 82 – 83.
2. Багдыков М. Г. Мои воспоминания. Мысли о прожитом. Таганрог : Веда, 2019.
3. Его же. Нахичеванские портреты. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1991.
4. Его же. Лики прошлого : (из зап. врача-хирурга). Ростов н/Д. : Молот, 1995. 205 с.

5. *Его же*. Нахичеванские находки. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1999. 207 с., [2] л. ил. : ил.

6. *Его же*. Архиепископ Иосиф, князь Аргутинский-Долгорукий, предводитель армян России : штрихи к портр. Ростов н/Д. : Книга, 2002. 108, [2] с. : ил. ; *Его же*. Загадки портретов архиепископа Иосифа, князя Аргутинского Долгорукого : (эпоха, события, годы). Ростов н/Д. : Новая книга, 2005. 37, [1] с. : ил.

7. *Его же*. П. М. Шорлуян : (штрихи к портр. учителя, учёного, гражданина). Ростов н/Д. : Книга, 2003. 111 с., [8] л. ил. : ил.

8. *Багдыков М. Г., Багдыков Т. М., Багдыков Г. М.* ....И дай место врачу : из истории На-

хичеванской-на-Дону медицины. Ростов н/Д. : Ковчег, 2007. 183 с., [1] л. ил. : ил., портр.;

9. *Их же*. Арутюн Халибян. Ростов н/Д. : Ковчег, 2011. 67 с. : ил.; *Багдыков М., Багдыков Г.* Как строилась Нахичевань. Таганрог : Веда, 2017. 191 с. : ил.; *Их же*. Наш Сурб Хач. Таганрог : Веда, 2019. 135 с. : ил.

10. *Багдыков М. Г., Багдыков Т. М., Багдыков Г. М.* Наша вера. «Святой Григорий Армянский, моли Бога о нас». Ростов н/Д. : Ковчег, 2016. 128 с.

11. *Багдыков М. Г.* От всесветлых корней : (из зап. делегата на выборах католикоса всех армян). Ростов н/Д. : Книга, 2000. 139 с. : ил.

С. С. КАЗАРОВ

КСЕНИЯ МИХАЙЛОВНА АНТИЧ

(11.06.1932, Таганрог – 23.09.2020, Мюнхен)

В конце сентября 2020 года из Мюнхена (Германия) пришла печальная весть: 23 сентября в возрасте 88 лет ушла из жизни краевед и общественный деятель, представительница известного на Дону рода Миллеров Ксения Михайловна Антич. Дочь известного археолога Михаила Александровича Миллера (1883–1968) маленькой девочкой в 1943 году оказалась на чужбине, но в течение всей своей жизни поддерживала тесные связи с родным краем.

Ксения Михайловна много раз приезжала на Дон. Её знали и радушно встречали в Миллерово, Таганроге, Новочеркасске. Своим любимым городом называла Таганрог, в котором родилась. Она передавала в архивы и музеи нашей страны различные документы своего отца, памятью которого дорожила.

Накануне своего 80-летия Ксения Михайловна рассказала о себе и своих предках на страницах «Донского временника» [1].

Моё знакомство с Ксенией Михайловной началось не совсем обычно. Моя супруга и коллега, доктор исторических наук, профессор Нина Акоповна Казарова к очередному юбилею Ростовского педагогического института собирала материалы об историческом факультете. По довоенному периоду архивных материалов не сохранилось (все документы сгорели во время оккупации), и тогда пришлось обратиться к выпускникам довоенного истфака.

Наталья Васильевна Бакулина (1916–2010), кандидат исторических наук, доцент, преподавала нам историю средних веков. Рассказывая о преподавателях довоенного истфака пединститута, она упомянула и тех, кто добровольно пошёл на службу к немцам, а затем ушёл вместе с ними при отступлении из города: археолога, доцента М. А. Миллера и заведующего кафедрой всеобщей истории профессора А. И. Иванова [2].

Слева направо: К. М. Антич (Миллер), Н. А. Казарова, С. С. Казаров. Мюнхен, 16 августа 2011 г.

А вскоре в местной печати появились статьи К. М. Антич, в которых, рассказывая о своих корнях, об отце, она предложила назвать именем историка и краеведа Михаила Миллера одну из улиц Ростова [3].

Саркис Суменович Казаров, профессор кафедры археологии и истории древнего мира Южного федерального университета, доктор исторических наук

Такое предложение меня искренне возмутило: свой протест я выразил в газете; завязалась дискуссия [4].

И всё же у меня оставались вопросы к истории ухода с немцами М. А. Миллера и А. И. Иванова. После долгого раздумья я решил написать Ксении Михайловне, чтобы извиниться за некоторую резкость и объяснить свою позицию. Понять её было можно: дочь пытается защитить честь и достоинство своего отца. Я не был уверен, что получу ответ, но через неделю он пришёл!

Уже первая её фраза: «Вы же для себя всё решили, зачем Вам мой ответ?» казалось бы, должна была прервать наше общение на корню. Но истину надо искать совместно, и любому человеку свойственно в чём-то ошибаться, о чём я откровенно и написал ей в ответ. И вот тогда завязалась наша длительная переписка, которая в итоге превратила нас из противников в настоящих друзей. Это удивительно ещё и потому, что каждый из нас в принципе остался на своих позициях. Но самое важное то, что мы смогли не только услышать, но и понять друг друга!

Самым ярким и запоминающимся событием стала личная встреча с К. М. Антич в её доме в Мюнхене, во время нашего путешествия, которое мы совершили с моей супругой Ниной Акоповной в августе 2011 года.

Ксения Михайловна заранее знала о нашем приезде (его дату, название отеля) и с нетерпением нас ожидала. Понять её было можно: весточка с родной земли! Мы созвонились; в назначенный день она заехала за нами в отель и мы поехали к ней в гости. Наша беседа 16 августа 2011 года в её уютном доме на Линденштрассе продлилась до позднего вечера. Ксения Михайловна была приятным собеседником, и отведённое нам время пролетело как одно мгновение. Сколько вопросов мы тогда обсудили! Любопытство заставивший нас документ здесь же, на месте, ксерокопировался и передавался нам. Жаль, что эта встреча была первой и последней...

Ксения Михайловна мечтала издать книгу об отце: искала авторов, охотно делилась с ними

своими материалами, но с авторами ей откровенно не везло! Их было несколько, но лишь последний из них, почти завершив работу, всё же не дописал одну из глав и не подготовил примечания к книге. По этой причине она до сих пор не издана.

Тогда, прощаясь в Мюнхене с Ксенией Михайловной, я дал ей слово, что непременно напишу книгу о друге и коллеге М. А. Миллера, заведующем кафедрой всеобщей истории Ростовского педагогического института Алексее Ивановиче Иванове (1890 – 1976). И я могу гордиться тем, что обещание, данное Ксении Михайловне, выполнил: она получила эту книгу и с большим, по её словам, интересом прочитала, о чём поспешила сообщить мне по телефону [5].

Спасибо, что Вы были, дорогая Ксения Михайловна...

ПРИМЕЧАНИЯ

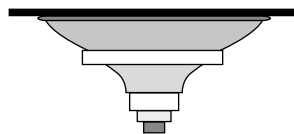
1. *Антич К. М.* Миллеры // Дон. временник. Год 2012-й. Вып. 20. Ростов н/Д., 2011. С. 176 – 177.

2. *Бакулина Н. В.* Пасмурные дни (1933 – 1953) /Предисл. и примеч. Н. А. Казаровой // Дон. временник. Год 2006-й. Ростов н/Д., 2005. С. 73, 77, 79, 81, 87, 88.

3. *Антич К. М.* Донская казачка немецкого происхождения : [интервью с прямым потомком рода Миллеров] // Приаз. край. 2009. 21 мая. С. 6; *Её же.* «Стало окончательно ясно, что жить при советской власти невозможно» // Вечерний Ростов. 2009. 16 июля. С. 2.

4. *Казаров С.* Профессор Миллер осознанно пошёл на службу к фашистам! // Вечерний Ростов. 2009. 24 июля. С. 4; *Его же.* Улица Миллеровская в Ростове в честь заслуг семьи Миллеров // Там же. 16 окт. С. 4.

5. *Его же.* Профессор Ростовского педагогического института Алексей Иванович Иванов : жизнь и творчество. Ростов н/Д. ; Таганрог : Изд-во Юж. федер. ун-та, 2019. 96 с.

ЕДИНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Авидий Иньков (? – 1937), протоиерей 41 – 42
Агеева Валентина Анатольевна, историк 104, 169 – 174
Адрианополь, с. (Перевальский р-н Луганской обл.) 16 – 17, 26 – 27, 32
Азовское море 73 – 75
Андрианополь, с. Донецкого уезда см. **Адрианополь**
Антич Ксения Михайловна (урожд. Миллер; 1932 – 2020), журналист 180 – 181

Аракчеев Алексей Андреевич (1769 – 1834), российский военачальник и государственный деятель 22 – 25, 26
Асеев Николай Пудович (1871 – 1952), металлург, хранитель архива Ф. Д. Крюкова до 1952 г. 120
Асеева Мария Акимовна (? – 1990), хранительница архива Ф. Д. Крюкова (1952 – 1990) 120 – 122
Атаров Юрий Тигранович (1921 – 2003), актёр 90 – 92
Афанасенко Владимир Иванович, историк 104, 138 – 141

Б

Багдыков Георгий Минасович (1971), врач, краевед 177, 179, 180
Багдыков Минас Георгиевич (1936 – 1920), врач, краевед 175 – 180
Багдыков Тигран Минасович (1963), врач, краевед 177, 179, 180
Байгушева Вера Северьяновна (1930), старший научный сотрудник Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника с 1997 года 39, 41, 42

Барабанщиков Фёдор Фёдорович (1818 – 1892), отставной майор Атаманского полка 81 – 83
Барабанщиковы, род 81 – 83
Белозёров Семён Ефимович (1904 – 1987), математик, директор Ростовского государственного университета в 1938 – 1954 гг. 137, 138
Будённый Семён Михайлович (1883 – 1973), военачальник, Маршал Советского Союза 66

В

Вагнер Маттиас, председатель общественной организации «Группа за мир» (г. Люденшайд, Германия) 170
Валуйскова Ольга Владимировна, архивист 103, 143 – 147
Вельмин Владимир Петрович (1885 – 1974), профессор математики, председатель Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов 65
Венков Андрей Вадимович, историк 107, 112 – 115
Виткевич Антонина Васильевна (1897 – ?), сотрудник партийного архива Ростовского обкома ВКП (б) в 1940-е гг. 146

Войско Донское – история 56 – 61
Волошинова Любовь Феоктистовна, архитектор, краевед 84 – 87
Вольный Дон, газета (Новочеркасск, 1917 – 1918) 46, 119
Воронин Константин Владимирович, историк 103 – 105
Высоцкая Елена Петровна, генеалог 14 – 33
Вянка (Вьянка), немецкая колония (1928 – 1929; Тарасовский р-н) 71 – 72
Вянка, хутор *ист.* (Тарасовский р-н) 71 – 72

Г

Гетман Иван Иванович (1913 – ?), Герой Советского Союза 162 – 165
Гельц Макс (1889 – 1933), немецкий революционер 69 – 70
Гельца Макса имени, колхоз (1928 – 1929; Тарасовский р-н) 69 – 70
Голобородько Андрей Юрьевич, политолог 104, 169 – 174
Горшенина Валерия Валерьевна, архивист 103, 143 – 147

Государственный архив Ростовской области – документы 141 – 142
– Таганрогский филиал 169 – 174
Градобоев Вячеслав Александрович (1958), краевед 105
Граховский Виктор, красноармеец, бежавший из плена в феврале 1943 г. (Фото) 173
Гриненко Валентина Спиридоновна, машинистка Комитета по управлению архивным делом Ростовской области (1980-е гг.) 104, 141 – 142
Группа за мир, общественная организация (г. Люденшайд, Германия) 104, 170

Д — Е

До́да Леони́д Николаевич, исследователь творчества Ф. Д. Крюкова 107, 119 — 124
 Донские ведомости, газета (Новочеркасск, 1918 — 1919) 46
 Донские областные ведомости, газета (Новочеркасск, 1914 — 1917) 44 — 46

Дон-ТР, государственная телевизионная и радиовещательная компания (Ростов-на-Дону) 87 — 93
 Единоверческая община, г. Новочеркасск 38 — 43
 Елешев Виктор, красноармеец, бежавший из плена в феврале 1943 г. (Фото) 174

З — И

Заяц Александр Андреевич, литературовед 106, 107, 121, 124
 Золотов Симон (Семён), красноармеец, бежавший из плена в феврале 1943 г. (Фото) 173
 Зыков Пётр Иванович (1907 — ?), научный сотрудник партийного архива Ростовского обкома ВКП (б) 146

Зятев Ваня (? — 1942), ученик школы № 35, г. Ростов-на-Дону 138 — 141
 Игнатий (1807 — 1867), епископ (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов) 30 — 31
 Изумрудный, пос. (Тарасовский р-н) 72
 Иловайская Ольга Ивановна (в замужестве Григорьева) 90 — 93

К

Казаров Саркис Суренович, историк 180 — 181
 Казарова Нина Акоповна, историк 62 — 67, 104
 Кампенгаузен Балтазар Балтазарович (1772 — 1823), государственный деятель, градоначальник Таганрога (1805 — 1809), барон, камергер, сенатор 14, 20 — 26
 Кампенгаузен Прасковья Петровна (1780 — 1869), баронесса, жена Б. Б. Кампенгаузена 14 — 33
 Катенин Павел Александрович (1792 — 1853), переводчик, литератор, режиссёр 27 — 28
 Катенин Пётр Александрович (1787 — 1841), статский советник 27 — 30
 Качалов Пётр Фёдорович (1780 — 1860), адмирал 19
 Кизим Коля (? — 1942), ученик школы № 35, г. Ростов-на-Дону 138 — 141
 Ковалёв Виктор Семёнович (1883 — 1919), председатель ЦИК Донской советской республики 113, 114
 Козлов Владимир Фотиевич, историк 94 — 102

Корчин Михаил Николаевич (1887 — 1962), заведующий партийным архивом Ростовского обкома ВКП (б) (1933 — 1957) 143 — 147
 Коршиковские чтения см. **Краеведческие чтения**
 Котов Андрей Фёдорович, раскольник поморского толка из хутора Свинарёв 40
 Краеведческие чтения
 — всероссийские 97 — 99
 — региональные
 — — Коршиковские, 6-е (*Ростов-на-Дону — Таганрог, 17 — 18 сентября 2020 г.*) 103 — 105, 131 — 174
 — — Крюковские (*Ростов-на-Дону, 28 февраля 1990 г.; 13 марта 2020 г.*) 106 — 130
 Кринко Евгений Фёдорович, историк 103 — 105, 170
 Крюков Фёдор Дмитриевич (1870 — 1920), писатель 106 — 130
 Крюковские чтения см. **Краеведческие чтения**
 Кумов Роман Петрович (1883 — 1919), писатель 112, 113

Л

Ладыженский Александр Михайлович (1891 — 1972), историк права, юрист, заместитель председателя Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии (1925 — 1926), председатель СКОАЭИ (1926 — 1930) 62 — 67

Лебедев Иван Афанасьевич, раскольник поморского толка из хутора Свинарёв 40
 Ленин, хутор Белокалитвинского р-на 40
 Ленин Фельд, колхоз (1928 — 1929; Тарасовский р-н) 71 — 72
 Люденшайд, г. (Германия) 169 — 174

М

Макаров Андрей Глебович (1949), издатель и редактор серии книг по проблеме авторства «Тихого Дона» 122, 124
 Малоюкова Людмила Николаевна, литературный критик 107 — 112
 Мариновка, немецкая колония (1928 — 1929; Тарасовский р-н) 69
 Маргушин Пётр Степанович, автор воспоминаний о Ф. Д. Крюкове 119 — 120
 Мартыненко Виктория Юрьевна, архивист 147 — 153
 Масалова Мария Львовна, научный сотрудник партийного архива Ростовского обкома ВКП (б) в 1940-е гг. 143 — 144
 Матвеев Герман Аронович, историк 175 — 180

Матвеевка, немецкая колония (1928 — 1929; Тарасовский р-н) 69
 Медведева-Томашевская Ирина Николаевна (1903 — 1973), литературовед 121, 123 — 124
 Миллер Михаил Александрович (1883 — 1968), археолог, краевед 180 — 181
 Милосавлевич Елена Владимировна, архивист 104, 141 — 142
 Мининков Николай Александрович, историк 56 — 61
 Миноранский Виктор Аркадьевич, зоолог, эколог 104, 131 — 138
 Миронов Филипп Кузьмич (1872 — 1921), командарм 2-й Конной армии 113, 114
 Миропольский, хутор *ист.* (Тарасовский р-н) 69

Морозов Николай, красноармеец, бежавший из плена в феврале 1943 г. (Фото) 173
 Московкина Елена Михайловна, учитель русского языка и литературы, краевед 104, 153 – 162

Мурашкин Игорь Александрович, вице-президент Волгоградского благотворительного фонда «Сохранение творческого наследия писателя Ф. Д. Крюкова» (Глазуновская, ст-ца) 107, 128 – 130

Н – О

Нахичеванская-на-Дону армянская община, ростовская региональная общественная организация (Ростов-на-Дону) 179
 Нейгоф Игорь (? – 1942), ученик школы № 35, г. Ростов-на-Дону 138 – 141
 Немецкие колонии *ист.* (Тарасовский р-н) 68 – 72

Новак Лидия Андреевна (1924 – 2014), историк, краевед 120 – 122
 Новоалексеевка, хутор (Тарасовский р-н) 71
 НЭП (1920-е гг., Ростов-на-Дону) 62 – 67
 Орлов Михаил Тимофеевич (1914 – 2000), Заслуженный учитель школы РСФСР (Константиновский р-н) 154 – 162

П

Памятники
 – жертвам политических репрессий (Пролетарск) 79 – 80
 Папаримова Мария Капитоновна (1922 – 2007), учитель Лисичанской начальной школы (Константиновский р-н) 154 – 157
 Патолычев Николай Семёнович (1908 – 1989), государственный и партийный деятель 136
 Пашиныйн Карп Григорьевич, фотохудожник 5 – 13
 Пелипец Андрей Владимирович, специалист по суперкомпьютерам 73 – 75
 Первый съезд русских деятелей по фотографическому делу (*Москва, март 1896 г.*) 6
 Перич Дмитрий Петрович (1768 – ?), титулярный советник 17
 Перичи, род 14 – 18
 Платон (в миру Николай Иванович Городецкий; 1803 – 1891), архиепископ Донской и Новочеркасский (1867 – 1877) 35 – 36, 39

Погореловка, немецкая колония (1928 – 1929; Тарасовский р-н) 68, 70
 Погореловка, урочище (Тарасовский р-н) 68, 70
 Попов Александр Максимович, президент Фонда писателя Ф. Д. Крюкова (Глазуновская, ст-ца Волгоградской обл.) 128, 129, 130
 Попов Илия Викторович (1871 – 1937), протоиерей 76 – 80
 Поповы, донская казачья церковно-священническая династия ст-цы Нижне-Кундрюченской (XVIII в. – 1937) 76 – 80
 Пронштейн Александр Павлович (1919 – 1998), историк 56
 Проценко Витя (? – 1942), ученик школы № 35, г. Ростов-на-Дону 138 – 141
 Пудавовы, братья (Михаил и Пётр Григорьевичи), владельцы лесной биржи на берегу реки Аксай (1891) 40

Р

Разин Степан Тимофеевич (1630 – 1671), предводитель восстания (1670 – 1671) 56, 59 – 61
 Реуцкова Елена Павловна, учитель географии 104, 153 – 157
 Ростов-на-Дону, г. 62 – 67, 131 – 141
 Ростовуголь, комбинат (1941 – 1943), г. Шахты 147 – 153

Росошь, хутор (Тарасовский р-н) 68 – 69
 Ростовский государственный университет (1920-е гг.) 65 – 66
 Роте Фане, колхоз (1928 – 1929; Тарасовский р-н) 68
 Рыновка, немецкая колония (1928 – 1929; Тарасовский р-н) 69 – 72
 Рыновка, хутор (Тарасовский р-н) 69 – 72

С

Савельев Евграф Петрович (1860 – 1927), историк, журналист 56
 Сватиков Сергей Григорьевич (1880 – 1942), историк 56, 57, 61
 Свинарёв, хутор *см. Ленин*
 Святополк-Мирский Николай Иванович (1833 – 1898), донской войсковой атаман (1881 – 1898) 38
 Севастьянов Вячеслав Петрович (1898 – 1990), донской казак, почётный дворянин станицы Есауловской 34, 47 – 49
 Севастьянов Иван Петрович (1901 – 1989), сын редактора газеты «Донские областные ведомости» 34 – 35, 50 – 54
 Севастьянов Иоанн (1836 – 1912; Савостьянов Иван Иванович), иерей 33 – 43

Севастьянов Пётр Иванович (ок. 1862 – 1920), редактор газеты «Донские областные ведомости» (1914 – 1917) 43 – 46
 Севский Виктор (1891 – 1920), журналист 114
 Сегединец Пера Йованович (1655 – 1736), герой сербского народа 14
 Сербьы 14 – 16
 Серебренникова Евгения Ильинична (1892 – ?), главный хранитель фондов партийного архива Ростовского обкома ВКП (б) (1944 – 1950) 146
 Сидоренко Коля (? – 1942), ученик школы № 35, г. Ростов-на-Дону 138 – 141
 Сидоров Владимир Сергеевич (1936 – 2006), историк, писатель, поэт 87
 Сидоро-Ивановка, немецкая колония (1928 – 1929; Тарасовский р-н) 68 – 70

Сидоро-Ивановка, урочище (Тарасовский р-н) 68 – 70
 Скорик Александр Павлович, историк 68 – 72
 Скориков Дмитрий Дмитриевич, краевед 81 – 83
 Славяносербия, *ист.* (ныне Донбасс) 14 – 16
 Смирнова Александра Геннадьевна, историк 94 – 102
 Солженицын Александр Исаевич (1918 – 2008), писатель 120 – 121
 Союз краеведов России, общественная организация 94 – 102

Старообрядцы 35 – 41
 Степанов Леонид Иванович (1875 – 1915), есаул, Георгиевский кавалер 125 – 127
 Суркова Любовь Александровна, журналист 87 – 93
 Сухарев Алексей Григорьевич, основатель и президент Фонда имени священника Илии Попова 76 – 80
 Сухоруков Василий Дмитриевич (1794 – 1841), историк 56

Т – У

Таганрог, г. 169 – 174
 Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) РГЭУ РИНХ 169 – 174
 Телевидение см. *Дон-ТР*
 Тимирязев Климент Аркадьевич (1843 – 1920), ботаник и физиолог 5, 67

Токаренко Сергей Фёдорович (1957), археолог, краевед 105
 Толстой Лев Николаевич (1828 – 1910), писатель 9 – 10, 13
 Ураганы (1997; 2014) 73 – 75

Ф

Филимонов С., автор воспоминаний о Ф. Д. Крюкове 115 – 119
 Флёров Александр Фёдорович (1872 – 1960), ботаник-флорист и геоботаник 5 – 13
 Флёров Борис Александрович (1908 – 1980), конструктор 12
 Флёров Владимир Александрович (1901 – после 1987), ботаник 56, 12
 Флёров Константин Фёдорович (1865 – 1928), врач-инфекционист 9

Флёров Фёдор Григорьевич (1838 – 1910), врач 9 – 10
 Флёрова Вера Александровна (1913 – 1936), геолог 11, 12
 Флёрова Надежда Александровна (1903 – 1942), художник 8, 11, 12
 Флёровы, род 89
 Фонд имени священника Илии Попова 78 – 80
 Фонд писателя Ф. Д. Крюкова (Глазуновская, ст-ца Волгоградской обл.) 128 – 130

Х – Ц – Ч

Халдаев Евгений Васильевич, журналист, краевед 34 – 55
 Харциево (Харсиево), немецкая колония (1928-1929; Тарасовский р-н) 71, 72
 Храмы
 – Новочеркасск, г. 38 – 42

– Пролетарск, г. 79
 – Ростов-на-Дону, г. 78 – 79
 – Тихая Журавка, с. (Чертковский р-н) 81 – 83
 Центр документации новейшей истории Ростовской области 143 – 147
 Чибисова Светлана Павловна, историк 125 – 127

Ш

Шапоренко Александр Васильевич, учитель истории 104, 162 – 165
 Шахты, г. 147 – 153
 Шевичи, военные переселенцы из Австро-Венгрии 14 – 16
 Школы
 – общеобразовательные
 – – Гапкин, хутор (Константиновский р-н) 153 – 162

Шмидт Сигурд Оттович (1922 – 2013), историк, председатель Союза краеведов России (1990 – 2007) 94 – 97
 Шмыгаль Игорь Анатольевич, ветеран военной службы 165 – 169
 Штавакер Лариса Александровна, библиограф 97, 100, 104, 106 – 107
 Штеричи, военные переселенцы из Австро-Венгрии 16 – 17

Щ – Ю – Я

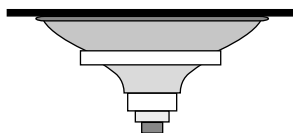
Щербово-Нефёдовский, хутор см. *Свинарёв*
 Ютково (Юдковка), немецкая колония (1928 – 1929; Тарасовский р-н) 71, 72
 Ютково, урочище (Тарасовский р-н) 71, 72

Якунин Владимир Иванович, городской архитектор Ростова-на-Дону (1870 – 1880-е гг.) 84 – 87
 Ясная Поляна, немецкая колония (1928 – 1929; Тарасовский р-н) 69

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАКО – Государственный архив Костромской области, г. Кострома
ГАРО – Государственный архив Ростовской области, г. Ростов-на-Дону
ГМИИ имени А. С. Пушкина – Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, г. Москва
НМИДК – Новочеркасский музей истории донского казачества, г. Новочеркасск
НТБ ЮРГПУ (НПИ) – Научно-техническая библиотека Южно-российского государственного политехнического университета имени М. И. Платова, г. Новочеркасск
РГАВМФ Российский государственный архив Военно-Морского Флота, г. Санкт-Петербург
РГАДА – Российский государственный архив древних актов, г. Москва
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, г. Москва
РГБ – Российская государственная библиотека, г. Москва
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив, г. Москва
РГИА – Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург
ТФ ГАРО – Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области
ЦГИА СПб. – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, г. Санкт-Петербург
ЦГИАК Украины (ЦДАК України) – Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев
ЦДНИРО – Центр документации новейшей истории Ростовской области, г. Ростов-на-Дону

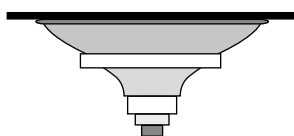

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В краеведческом альманахе «Донской временник» печатаются не публиковавшиеся ранее материалы. Приветствуются оригинальные статьи, содержащие результаты научных исследований.
2. Подписанная *Автором(ами)* рукопись представляется на электронном носителе. Текст должен быть в формате Microsoft Word, с расширением *.doc. (гарнитура Times New Roman, кегль 12, интервал – одинарный). Страницы не нумеруются. Фотографии должны быть выполнены в форматах tif или jpg (отдельным файлом) с разрешением не менее 300 dpi.
3. Объём статьи не должен превышать 1 а. л., включая список литературы, таблицы и подписочные подписи, 5–6 рисунков или фотографий.
4. Материал следует присылать по электронной почте на адрес: donvrem@yandex.ru
5. При оформлении статьи *Автор(ы)* должны учитывать, что
  - название статьи, фамилия и инициалы автора/авторов должны быть набраны заглавными буквами, используя при этом ту же гарнитуру, что и основной текст (Times New Roman) и кегль 12;
  - не допускается размещение фрагментов текста, позаимствованных из Интернета;
  - ссылки помещаются в конце статьи в виде Примечания и имеют сквозную нумерацию. Отсылки в тексте документа заключают в квадратные скобки. При необходимости отсылки могут содержать определённые идентифицирующие сведения: имя автора (авторов), название документа, год издания, обозначение и номер тома, указание страниц.
  - Библиографическое описание должно соответствовать ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления»; Библиографические ссылки должны быть выполнены в соответствии с ГОСТ Р. 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
6. К рукописи статьи *Автор(ы)* прилагает сведения о себе.
7. Рукописи не рецензируются и не возвращаются авторам.
8. Редакция оставляет за собой право на сокращение объёма материала и его литературную правку.

ДОНСКОЙ ВРЕМЕННОК

Год 2021-й

Выпуск 29

Учредитель ГБУК РО «Донская государственная публичная библиотека»
Ответственный редактор Штавакер Л. А.

Вып. 29. Сдано в набор 01.10.20. Подписано в печать 15.12.20.
Дата выхода в свет — 2020 год. Тираж 250 Заказ №

Адрес редакции и издателя: 344006 г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 175 А.
Донская государственная публичная библиотека. Тел.: 264-35-68, e-mail: donvrem@yandex.ru

Отпечатано в типографии ООО «Донской издательский дом»
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 170.
Тел./факс: (863)280-88-78, 8-928-214-22-88, 8-928-111-84-08, e-mail: donidom@mail.ru

ВСПОМИНАЯ ПЕРВЫЕ КРЮКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ НА ДОНУ

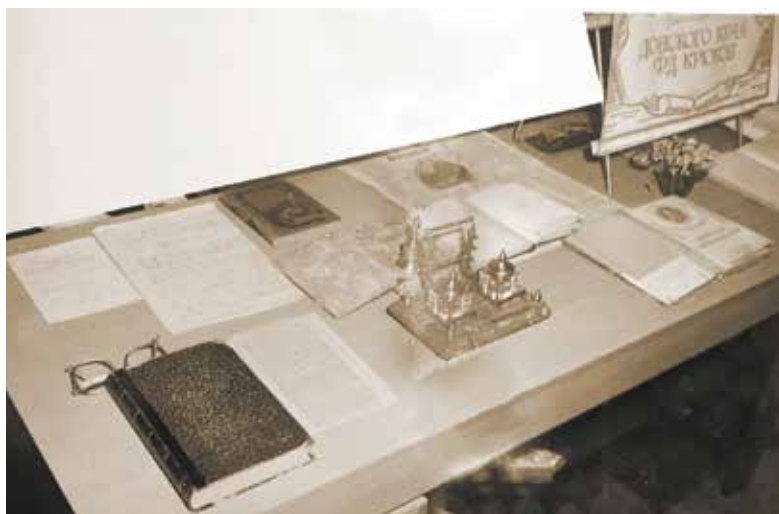
Ростов-на-Дону, 28 февраля 1990 г.

У книжной выставки редких изданий Ф. Д. Крюкова. Слева направо: сотрудники базовой профсоюзной библиотеки завода Ростсельмаш Э. Е. Куйдина, зав. методическим отделом, З. Д. Давыдова, директор и РГНБ имени К. Маркса Н. К. Аистова, зав. отделом редкой книги, Л.А. Пономаренко, старший редактор краеведческого отдела

Минутой молчания участники Первых Крюковских чтений на Дону почтили память М. А. Асеевой, последней хранительницы архива Ф. Д. Крюкова

Мемориальные вещи Ф. Д. Крюкова из Новочеркасского музея истории донского казачества

С. А. Сегинко, заместитель директора Новочеркасского музея истории донского казачества, представляет мемориальные вещи из музейного Фонда писателя Ф. Д. Крюкова

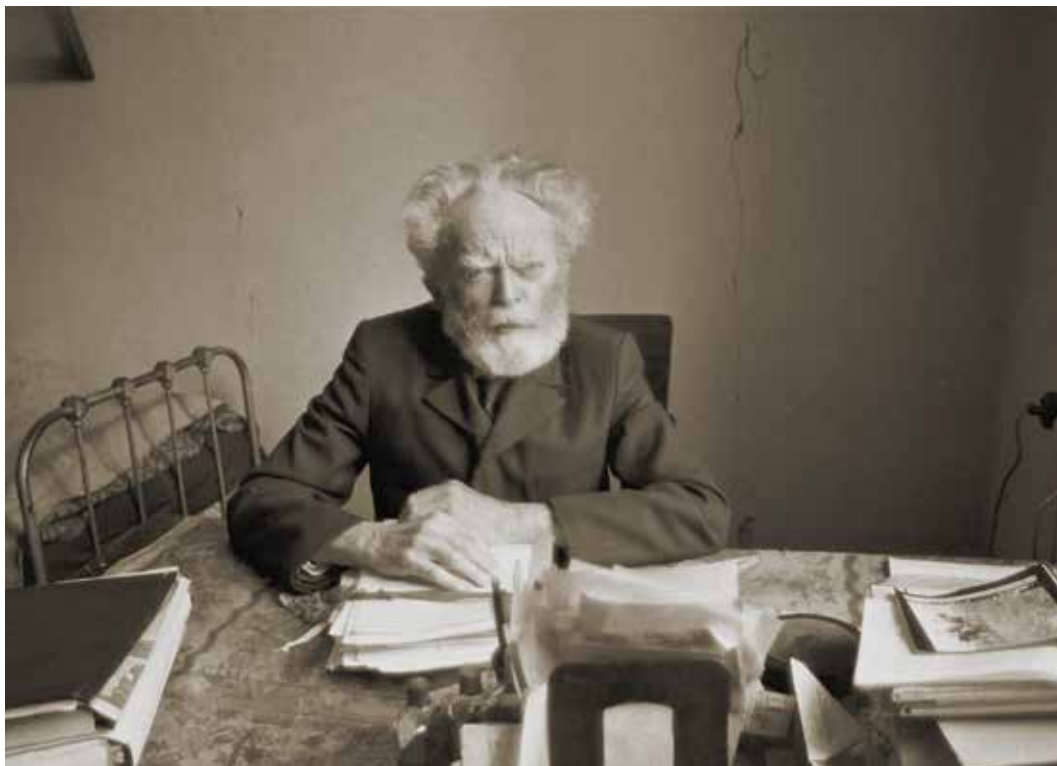
Участница Первых Крюковских чтений дарит книгу рассказов Ф. Д. Крюкова Музею истории донского казачества. Слева направо: Н. Г. Фрадкина, историк и краевед, М. Т. Мезенцев, доцент Ростовского государственного университета, С. А. Сегинко.

Фольклорный ансамбль Дома работников просвещения (руководитель Т. Л. Аракелян) исполняет любимые песни Ф. Д. Крюкова

КОРНИ И КРОНА. ФЛЁРОВЫ

Фотографии публикуются впервые

Владимир Александрович Флёров в своей квартире на ул. Бакунина. Новочеркасск, 16 февраля 1987 г. Фото К. Г. Пашиньяна

Семья Флёровых на лесной прогулке. Слева направо: Надежда, старшая гость, Елизавета Вениаминовна, мать семейства, Ольга Вениаминовна, её сестра. Стоит Александр Фёдорович Флёров, впереди младшая гость Вера, будущий известный геолог. 1920 г. Фото В. А. и Б. А. Флёровых

Город Александров, Великая слобода Александрова. По воле Ивана Грозного с 1564 по 1581 год была некоронованной столицей России, центр опричнины. Фото А. Ф. Флёрова, около 1900 г.

Лоцмейстерский пост на острове Перебойном с первой в России гражданской радиостанцией, установленной под руководством А. С. Попова для оповещения судов об уровне воды в донских гирлах. Фото А. Ф. и В. А. Флёровых, около 1913 г.